

Лукман Закиров
Вершина Айсберга

Повести

Рассказы

КАЗАНЬ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

2008

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)-44

3-18

Закиров Л.Ф.

Вершина айсберга: повести, рассказы / Лукман Закиров; авт. предисл. Р.И.Валеев. — Казань: Татар. кн.изд-во, 2008. — 303 с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-298-01695-7

В новую книгу Лукмана Закира вошли повести и рассказы, основанные на жизненном материале. Автор избегает художественного вымысла, пишет лишь о том, что пережил сам. Книга знакомит читателя с темными сторонами «застойного» времени, которых было слишком много, но автор смог охватить только частичку, только «вершину айсберга».

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-298-01695-7

© Татарское книжное издательство, 2008

© Закиров Л.Ф., 2008

ВРЕМЕНА ЛУКМАНА ЗАКИРОВА

Он родился 19.02.1928 г. в д.Нижняя Ошма, Мамадышского района ТАССР в семье потомственного кузнеца Фатыха Закирова. Пять поколений кузнечных мастеров Закировых знали в этих местах не только по прозвищу «кузнец» (тимерче), но и по семейному клейму. Из-за нехватки еды Лукман рос слабым мальчиком и никто не ожидал, что он станет известным человеком. Частенько его обижали соседские мальчишки и однажды, изобретя самодельный кастет, он изрядно побил своих обидчиков. Об этом был сочинен интересный рассказ под названием «Я тоже был террористом».

Когда человек плывет по течению и у него нет никаких шансов уйти в сторону, он, покоряясь судьбе, не делает резких движений и останавливается там, куда вынесет волна.

Из-за того, что Лукман рос слабым ребенком, он не мог помогать отцу в кузнице и поступил после деревенской семилетки в единственное учебное заведение района — Мамадышское педучилище.

Лукман окончил педучилище в конце войны. Так называемый выпускной вечер состоялся весной 1945 года. Об угощениях и выпивке даже думать не приходилось. Чай без сахара с тонким куском черного хлеба был для них лакомством.

С 1945 по 1948 г. Лукман Фатыхович учительствовал в сельской школе. Там он тоже не имел особых успехов за исключением того, что на августовской учительской конференции его похвалил инспектор роно за то, что он на открытом уроке биологии логически провел параллель между трубкой Сталина и изучаемой темой, выполняя Постановление ЦК о партийности преподавания. После такой похвалы его назначили директором школы, но работать не пришлось — призвали в армию.

В армии, как и в тюрьме, шаг вправо — шаг влево равносителен побегу и поэтому выбора почти что нет — остается только плыть по течению или ждать случая везения. Уход Сталина дал возможность освоить летную профессию, окончить авиационный институт, чтобы как говорится, жизнь стала лучше и веселее: особое бесплатное питание, обмундирование, отпуск 45 суток, не считая дороги, выслуга — год за два, отдельная плата за ночные полеты, за полеты в сложных метеоусловиях и еще много летных привилегий. Кто бы мог подумать, что бывший дистрофик Закиров пройдет довольно строгую ВЛК (врачебно-летная комиссия). Оказывается, на гражданке он был хилым лишь из-за скудного питания. Армейское возмужание — это понятие включает в себя рациональное питание, физические нагрузки, дисциплину.

Став пенсионером Минобороны СССР в 39 лет, Закиров устроился на чиновничью работу в Казанском Кремле и вот тут-то возникла у него мысль сочинять сатирические статьи на разные темы. Поскольку

критические мысли в застойные времена не одобрялись, он их начал писать, как говорится, в стол. Лишь в период горбачевской перестройки черновые заготовки Закирова пошли в ход потоком. В Москве и Казани выходили в различных газетах и журналах ежегодно несколько публикаций. Некоторые из них перепечатывались за границей. «Голос Америки», «Би-би-си», «Немецкая волна», радио «Свобода» частенько передавали на разных языках публикации Лукмана Закирова. К этому времени начали выходить книги. Книги «Летная книжка», «Вынужденная посадка», «Абитуриенты» расходились с помощью уличных торговцев иногда по 300–400 экземпляров в день. К тому же книга «Мустафа» неожиданно получила Диплом I степени в конкурсе «Книга года» за 1997 год. Лукман Закиров стал узнаваемым человеком. Фактически этот, казалось бы, незаметный Диплом победителя конкурса оказался выше других премий, так как определяет его не начальство, а рядовой библиотечный читатель через определенный коэффициент, где основным показателем является количество читателей прочитавших книгу, — пиарить тут невозможно. Вот о чем пишет литературный критик Рафаэль Мустафин по этому поводу в «Казанских ведомостях» от 02.08.1997 года: «На первое место среди книг, изданных на русском языке, неожиданно вышла книга мало кому известного автора Лукмана Закирова «Мустафа». Ее обращаемость — 14,1 — рекордная не только для книг, изданных на русском языке, но и для всех художественных изданий 1995 года. Автор этой книги не являлся членом Союза писателей. Молодым его тоже не назовешь. — Л.Закирову за шестьдесят. Всю жизнь он писал повести, рассказы, эссе, юмористические зарисовки. Обивал пороги различных издательств и редакций. И почти всюду получал вежливый (а иногда и не очень!) отказ.

И вот когда все барьеры (кроме финансовых) на пути к изданию книг рухнули, Лукман Закиров продал свою машину и на вырученные деньги выпустил в издательстве «Таһ» свою книгу — сравнительно небольшим тиражом, всего в 500 экземпляров. Конечно, нельзя сказать, чтобы на следующее утро он проснулся знаменитым. Но книга, что называется, пошла. Ее быстро раскупили, а в библиотеках, можно сказать, рвали из рук.

Вряд ли этот успех можно отнести на счет художественных достоинств книги. Скорее, на счет жизненного материала. Автор тщательно избегает художественного вымысла, пишет лишь о том, что пережил сам или наблюдал своими глазами. И читатель это чувствует, ценит».

Только узнав о том, что неожиданно возникший писатель Лукман Закиров, печатающийся часто в Казани и Москве, оказался их земляком, Мамадышская районная газета «Вятка» назвала свою передовицу «Зажглась новая звезда».

К концу XX века Лукман Закиров выпустил весьма объемистую книгу «Гнездо кукушки» в мягкой обложке. Однако Президент Татарстана, определив историко-политическую ценность книги, предложил выпустить ее большим тиражом и в твердом переплете. На обложке этой книги есть карта русских земель 1525 года, купленная Россией на лондонском аукционе Сотби за большие деньги. До 1994 года эта карта была сверхсекретной.

Философское толкование названия книги «Гнездо кукушки» требует много времени и поэтому эту возможность предоставим читателям. По мнению знатоков, Лукман Закиров вошел в литературу как мастер короткого жанра со своим особым стилем, потому что на писателя его никто не учил.

Разиль Валеев,
писатель, лауреат Государственной премии
Республики Татарстан им.Г.Тукая

ЛЕТНАЯ КНИЖКА

(повесть)

Летчик-инструктор

Инструктор Василий Проценко квартировал вместе с женой Галей в небольшом рабочем поселке, расположенном недалеко от центрального аэродрома старинного летного училища. Детей и других сложных семейных хлопот у них пока что не было, и поэтому Проценко не очень-то рвался получить благоустроенную жилплощадь в военном городке.

Шел Василий с аэродрома, как правило, напрямик по тропинке, пересекая привокзальные рельсы и проселочные дороги, и ему нравилась подобная получасовая пешая прогулка на свежем воздухе, особенно после множества изнурительных «кругов» и «зон», отработанных с курсантами.

Одно дело — полеты «на себя» и совсем другое — с курсантами: малейшая ошибка курсанта могла привести к катастрофе, если инструктор вовремя не успел ее исправить. Бывало, уже сбросив парашют,

стоишь на земле, а кажется, что она качается под ногами, как будто все еще болтаешься в воздухе. К тому же с этого года, в связи с повышенными требованиями к молодым летчикам, вводились ночные полеты, которых не было раньше в программе обучения курсантов.

С женой Василий жил дружно, но иногда возникали ссоры без всякого повода, из-за ее чрезмерной ревности. Частенько она даже наказывала своей соседке Кате присмотреть за мужем во время своего отсутствия.

И на этот раз Галя, накануне отъезда в декретный отпуск к родителям, просидела с ней весь вечер.

Проводив жену в отпуск, Проценко полностью отдал себя подготовке курсантов к ночным полетам. И так уже насыщенная летная программа уплотнялась еще по вине погоды: то лил сутками проливной дождь, то дул сильный боковой ветер, то со всех сторон окружали аэродром грозовые облака. Почти половина дня уходила на наземную подготовку, а ночью — полеты до зари. Свободного времени хватало как раз только на предполетный отдых. Ночные полеты с курсантами особенно напряженные: кроме всего дневного, ночью плохо просматриваются приборы, трудно определяется расстояние до земли и до других необходимых ориентиров. Если большинство курсантов легко «выравнивали» самолет при посадке днем, то ночью этот элемент полета выполнялся ими с большим трудом. В период ночных полетов редко кого из летчиков можно было увидеть в кино или других общественных местах, потому что все были загружены подготовкой к полетам, никому не хотелось летных происшествий, не говоря уже об авариях и катастрофах. Особенно туго приходилось Василию: в его группе было больше курсантов, чем в других, но на это никто не делал скидок.

Соседка присматривала за Васей на совесть, выполняя наказ подруги. «Значит, он не любит Галю, выходит, только и ждал ее отъезда», — подозревала она каждый раз, увидев Васю, возвращающегося в пять часов утра.

Катя была не только соседкой, но и как бы семейным другом Проценко. Родители Кати держали корову, имели свой небольшой фруктовый сад. Галя никогда не ходила на рынок, все необходимые продукты брала у них. Особенно упрочилась дружба после того, как Вася достал ей постоянный пропуск в военный городок и обещал ее познакомить с одним летчиком. Но знакомство не состоялось, так как того летчика вскоре перевели на другой аэродром.

«Сегодня я тебя прощупаю, наконец», — думала Катя, подходя к дому Проценко, чтобы пригласить его в два часа дня на день рождения. Дотронувшись до запертой двери, она подошла к окну, через которое было хорошо видно крепко, с храпом, спящего Васю. «Значит, ночь провел сладко, — позавидовала она ему. — Но ничего, на сей раз на ночь не уйдешь, я тебя никуда не отпущу, сколько ждала этого случая! Специально приготовила твою любимую закуску и выпивку».

— Вася! Василек! — будила она его, стуча в окно. Он, наконец, проснулся и, ничего пока не соображая, в одних трусах, как пьяный, пошел открывать дверь. Катя много раз видела Васю обнаженным на речке, мужик, как говорится, хоть куда, но сейчас, глядя через окно на его загорелое атлетическое тело, он ей понравился еще больше, и она в это мгновение безумно захотела оказаться с ним рядом под одним одеялом. Глаза ее загорелись, она с томлением ждала, как с минуты на минуту, именно здесь, сбудется ее давнишняя, никак не сбывающаяся до сих пор, мечта.

— Заходи, милая, заходи! — ласково пригласил ее Вася, открывая дверь. — Ты меня напугала! Я уж думал, что опоздал на полеты и стучит ко мне посыльный. Садись, Катя, садись! Гостем будешь, а если с бутылкой пришла, то — хозяином, — банально пошутил Василий.

Катя присела на диван как можно ближе к Василию и сразу же стала приглашать его, не отрывая от него влюбленного взгляда.

— У меня ведь сегодня день рождения, — заговорила она несколько взволнованным голосом. — Заходи часам к двум, если можешь. Так ты придешь? — спросила она после небольшой паузы.

— Поздравляю тебя, Катенька, поздравляю! — восторженно нагнулся к ней Вася и дважды от души поцеловал ее в румяную щечку, слегка обнимая за плечи. — Извини меня, пожалуйста, я уж совсем закрутился, ведь у меня эта дата где-то записана, — говорил он виновато и, сидя рядом с ней, начал листать записную книжку.

Катя сидела, затаив дыхание, и была весьма довольна своим визитом, ибо она никогда раньше не находилась наедине с ним в отдельной комнате. Для совершения, как говорится, греха здесь были все условия. «В случае чего Галя всегда устроит себе жизнь, у нее есть высшее образование и специальность», — подумала она, оправдывая свои грешные мысли.

— С удовольствием бы, Катя, зашел, но ведь я занят ночью. — Может быть, если...

Не успел Вася сказать «если будет дождь или сильный боковой ветер», Катя встала с дивана, как бы прощаясь с заклятым врагом, посмотрела на Васю и вышла из дома. Шла она расстроенная, ей было обидно за свои недавние мысли, стыдно перед Галей, хотя о ее чувствах никто не знал, кроме нее самой.

День рождения

Стол накрыли к двум часам, но собрались гости около трех. С самого начала гулянья Катя не спускала глаз с дома Проценко. Может быть, остальные гости этого не замечали, но местный учитель Виталий Иванович, ухаживавший за Катей, заметил это сразу же.

Учителю математики Виталию Ивановичу было уже тридцать пять лет, и в прошлом году он сделал Кате предложение выйти за него замуж. Почему она не захотела стать его женой, остается для него до сих пор головоломкой. Виталий сегодня был рад, что Катя сидит рядом и позволяет ему ухаживать за собой. Он подавал ей закуску, наполнял рюмки и даже, предлагая тост, поцеловал ее в щечку, как бы от имени и по поручению всех сидящих за столом гостей. Глядя на них, никто из гостей не мог подумать, что Катя когда-то отказала ему, и, чувствуя это, учитель не против был повторить свое почти забытое предложение.

«Наверное, ломается для приличия, — подумал он, наполняя ей очередную рюмку. — Сколько таких случаев, когда женщина, желая «поломаться», навсегда теряет хорошего человека. Это старая, довольно-таки плохая традиция!» Виталий Иванович умел решать сложнейшие дифференциальные уравнения, читать публичные лекции на различные темы, но понять душу женщины он не умел, хотя все еще надеялся на свой успех.

Чем больше хмелела Катя, тем больше ненавидела летчиков и капитанов дальнего плавания и начала уже «подпускать» к себе учителя. Однако ненависть к летчикам и морякам переплеталась с самолюбием и за секунду могла бы превратиться в любовь, если бы рядом оказался кто-нибудь из тех, кого она сейчас ненавидела.

Как раз, когда за столом гости разговаривали о бабниках, Катя заметила Васю. «Вот он, типичный экземпляр! — заговорила она вслух, показывая пальцем на Васю, выходящего из калитки. — Ну и плут же, весь день спал с храпом и пошел гулять на всю ночь. А ведь жена лежит в роддоме! Все они такие, без исключения!»

Гости слушали ее внимательно и с глубоким презрением провожали Васю взглядом до самого поворота. «Да», — кто-то поддержал ее, — все они изменяют, особенно когда жены в роддоме. — Мой сосед в прошлом году женился, пока жена рожала...»

При этом Катя от душевной обиды и оскорбленного самолюбия вся дрожала и покраснела, сжав губы, оттого на мгновение стала заметно красивее, чем когда-либо. Потом машинально, чтобы успокоить нервы, поправила свои длинные распущенные каштановые волосы и посмотрела на часы, как бы на совесть исполняя наказ подруги, с которой постоянно переписывалась.

Действительно, когда Катя сердилась, становилась намного красивее, чем когда улыбалась. Но она любила улыбаться: во-первых, была убеждена в том, что улыбка всегда украшает человека. Во-вторых, много раз она слышала о превосходстве духовной красоты человека над внешней. Когда она смеялась, ее нижняя губа уходила каким-то образом в сторону, а речь становилась несколько шипящей, будто говорила беззубая старуха. Возможно, это было основной причиной, что она не смогла выйти замуж, хотя с успехом в течение пяти лет ходила на танцы в военный городок авиационного училища.

Ей стало грустно, оскорбленное самолюбие не отступало даже под напором крепкого первача, и она всеми способами, чересчур, старалась веселить гостей. «Давайте, выпьем за любовь!» — предложила она тост и, по-русски «опрокинув» рюмку, сама под шумок выбежала на крыльцо.

В эти минуты она не хотела ни с кем разговаривать, ей было противно смотреть на улыбающихся гостей. Немного освежившись прохладным воздухом, она тихо, через другую дверь, вошла в спальню и легла вниз лицом на не разобранный кровать. Здесь ей вспомнились школьные годы, когда они всем классом, как живущие рядом с военным аэродромом, дали слово выйти замуж только за летчика или, в крайнем случае, за капитана дальнего плавания. И в свою очередь, стараясь нравиться девочкам своего класса, все мальчики после окончания школы подались в летчики и в капитаны дальнего плавания, но все они, к сожалению, женились на «чужих». За Катей тогда бегал худой, бледнолицый Митя Коршунов, которого считали малокровным. «Кто бы мог подумать, что такой хилый Митя будет летать! — вдруг проговорила она вслух, как бы разглашая секреты молодости. — Тогда мы бы его любили всем классом! Если бы он знал свою судьбу, то вряд ли стал бы бегать за мной! Лучше бы он ухаживал за Наташей Березкиной, которая считалась красавицей всей школы и в которую были влюблены даже учителя. Кто бы знал! А я, тупица, не сообразила. Судьба — это неизвестность, никто не может предсказать, что с

человеком может случиться даже за одну секунду, не говоря уже про час, день, месяц, тем более год! Судьба не подчиняется никаким человеческим планам. Не зря покойная бабушка перед каждым выражением добавляла «если поможет Бог». Это, очевидно, означало «если все будет нормально, если твое задуманное дело не противоречит твоей судьбе».

Кате сегодня исполнилось уже двадцать семь, и она не мечтала о курсантах, ибо все курсанты, даже самые старые, были моложе ее. Теперь она мечтала завлечь какого-нибудь летчика, пусть даже женатого и некрасивого, или даже намного старшего, хотя любой курсант влюбился бы в нее с первого взгляда, если бы он увидел ее именно сейчас, лежащую на кровати и готовую любить. Ее правильно сложенная прекрасная фигура вписывалась в белоснежную мягкую постель, многократно возвеличивая красоту ее лица. Она лежала сердитая, и это украшало ее еще больше. «Неужели я хуже Гали? Почему меня не любит Вася, где-то блудит всю ночь, а ко мне не зашел даже на день рождения? Ведь я на фото лучше, чем Галя. В чем же дело?» — думала она со слезами.

То, что ее портила улыбка, знали многие, но никому не хотелось говорить ей о неприятном. А сама она не знала этого, так как и в зеркало, и в объектив фотоаппарата смотрела, как правило, без улыбки. Она вспомнила выражение, которое употреблялось здешними женщинами, чтобы задеть кого-нибудь за живое. Крылатое выражение «Тебя не полюбит даже пьяный летчик» ей было известно еще со школьной скамьи. «Почему летчик, а не шофер или, скажем, строитель? — задумалась она, впервые обратив внимание на философскую тонкость сказанного. — В чем тут секрет? Может быть, напоить кого-нибудь до состояния любви? Вот хотела напоить сегодня Васю, а он ушел к другой! Несправедливо как-то, несправедливо», — окончательно обиделась она на Васю и повернулась на бок, чуть согнув в коленях обнаженные длинные ноги.

Но долго побыть одной не пришлось. К ней, тихо, чуть дыша, зашел математик. Она лежала лицом к стене, глубоко задумавшись, даже забыв о гостях, сидящих за столом, и поэтому не заметила его. Он никогда не видел ее, лежащую в постели, да еще в такой очаровательной позе. Через обтягивающее тонкое платье как бы просматривалось ее тело, особенно выделялась узкая талия и широкие бедра. «Какая красота, как ее не любить, вот это мадонна!» — восхитился учитель. Ему хотелось запереть на ключ дверь, лечь рядом и крепко обнять ее. «Хотя бы прикоснуться», — помечтал он, стоя у кровати. Повинуясь соблазну, он подошел к ней вплотную, и сердце его заколотилось так часто, будто он рисковал жизнью. Потом, все-таки не исключая возможности получить пощечину, осторожно, дрожащими пальцами слегка дотронулся до ее платья. Если бы она заметила его, то непременно встала бы, или, в крайнем случае, присела бы, а может быть, вообще рассердившись, ушла бы к гостям. Учитель знал это твердо и поэтому отошел от нее на полшага, чтобы молча наблюдать за ее дивной красотой и дыханием. Чем дольше он стоял, тем больше мечтал о ней, и ему казалось, что он никогда больше не встретит ее такую красивую и в такой соблазнительной обстановке. «Какое богатое тело, сколько в нем энергии! Могла бы осчастливить дюжину мужчин», — ревниво любовался учитель, мысленно и сам сливаясь с очертанием ее тела.

Заметив отсутствие Кати, гости начали искать ее по комнатам. «Катенька, Катя! Именинница, где ты!» — кричали они. Услышав их, Катя встала и привела себя в порядок. Но к этому времени учитель уже успел уйти, и она не заметила его. Катя вышла к гостям и заняла свое прежнее место рядом с математиком. Гулянье продолжалось до поздней ночи...

Предательница

Ночь для полетов была трудная. Дул порывистый боковой ветер, высота нижней кромки облаков временами доходила до минимума. Один из курсантов Проценко чуть не «нажил» предпосылку на посадке, пришлось вмешаться самому инструктору и уйти на второй круг. Хоть и не считалось это предпосылкой, но инструктор уже знал, что ему придется стоять завтра навывтяжку и краснеть на разборе полетов. И не без причины он шел утром с аэродрома, повесив голову, детально разбирая причину высокого выравнивания. «Надо же, отколоть такое в самом конце полетов! Наверное, переутомление», — оправдывал он своего курсанта. Василий шел медленно, почтительно здороваясь с соседями, которые уже выгоняли скот. Стараясь забыть обо всем, заснуть быстрее, он принял холодный душ во дворе и лег спать.

Катя проснулась после большой гулянки около десяти часов утра и сразу же вспомнила о вчерашней Галкиной телеграмме, которую почтальон передал ей из-за отсутствия Василия. «Вы еще меня узнаете!» — грозилась она вечером и, со злости скомкав телеграмму, выбросила ее в мусорное ведро. «Вдруг мусор сожгли в печке!» — испугавшись, подумала она спросонок и, выйдя в чулан, заглянула в ведро.

Отыскав среди окурков и прочего мусора помятую, но еще не изорванную телеграмму, которая оканчивалась «целую, Галя», Катя осторожно разгладила ее и положила в карман. «Передать или выбросить? — колебалась она снова. — Будет скандал, ведь я за нее расписалась!» — решила отнести, наконец, с чувством непойманного вора. Приведя себя в порядок, она пошла к Васе, который еще спал крепким сном и храпел на весь дом.

Долго Катя стучала в окно, глядя на Васю и завидуя ему. «Ну и дает! — удивилась она. — Вот это гуляка! Жена родила ему сына и шлет телеграмму с поцелуем, а он бегаёт куда-то на всю ночь. Если бы Галя узнала! А все-таки мы, женщины, любим таких бабников».

— Пляши! — крикнула она подошедшему к окну Васе, махая телеграммой. — Пляши, давай, пляши! Иначе не получишь, — дразнила она его через открытое окно, скрывая предательскую радость.

Василий для удовлетворения соседки немного потоптал ногами и, получив телеграмму, дважды поблагодарил Катю.

— Поздравляю! С тебя причитается, — улыбнулась она, отходя от окна. — Ну, погоди, заяц, — добавила чуть позже.

— Спасибо, Катя, большое спасибо! — крикнул Вася вдогонку, прочитав телеграмму. — С меня причитается!

Потом Вася закрыл окно, как бы желая, чтобы радость его оставалась в стенах его дома. «Родился сын! Первый ребенок, да еще мальчик, словно по заказу!» — обрадовался он. Перечитывая телеграмму несколько раз, он прохаживался по комнате, не зная по неопытности, что делать в таких случаях, и осторожно положил ее на стол, будто в самом деле обращался с ребенком. «Теперь есть ради кого стараться и, главное, есть кому передать небо. Эх, поехать бы туда и подарить ей цветы. Как она их любит! Все остальное сделаю после, а сейчас нужно срочно ее поздравить», — сказал он себе и побежал на почту, одеваясь на ходу.

Служба есть служба. Особенно в воздухе забываются все земные дела, полностью отдаешься выполнению задания. Одним из важных элементов подготовки к полетам считалось соблюдение режима предполетного отдыха. Приходилось отдыхать два раза в день, а между ними — наземная подготовка. Просыпаясь по будильнику, Вася иногда забывал, то ли это утро, то ли вечер. Но как бы то ни было, будильник всегда звал на службу. Так шли дни. Провожая Васю на ночь и встречая рано утром, одни соседи ему завидовали, а другие презирали, как гуляку.

«Вот уже две недели нет писем от Гали. — Может, что случилось? — насторожился он. — Если так, то должны были сообщить, ведь она там не одна, с родителями», — гадал он. Уточняя причину молчания, он отбил телеграмму и вдобавок написал письмо... Прошла еще неделя: ни писем, ни телеграмм! Попытка Вася съездить к ней сам, но его не отпускали, так как курсантская программа выполнялась с большим опозданием из-за плохой погоды и ряда непредвиденных причин.

Ревнивая жена

Однажды Проценко возвращался утром, радуясь успешно выполненным полетам. Легко дышалось свежим утренним воздухом. «Странно, почему открыта калитка? — удивился он. — И старухи почему-то глазают туда же».

Проходя во двор, Вася заметил отсутствие замка на двери. «Наконец-то приехала!» — обрадовался он, догадываясь. Хотелось быстрее обнять жену, посмотреть на сына. На ходу снимая вспотевшую фуражку, Вася бросился в дом.

Галя сидела, нахмурившись, за столом, рядом с детской коляской. «Нечего притворяться, значит информация не фальшивая, — оттолкнула она его. — Опозорил меня на весь мир, иди гуляй! Видеть тебя больше не желаю, разведемся, и я уеду!» «Я же летал ночью с курсантами», — начал говорить Василий, догадавшись о причине начавшегося скандала.

Он говорил логично и терпеливо, но она никак не хотела понять его и не подпускала ни к себе, ни к коляске. После многочасовых упорных доказательств, чувствуя усталость, Василий разделся и прилег на диван, пытаясь заснуть.

Несколько минут они молчали. Но ему было не до сна, и он снова попытался убедить ее... А время шло, и уже нужно было идти на службу.

После ухода Василия Галя тоже не спала и поехала в суд подавать заявление о разводе с намерением проучить мужа. К заявлению приложила записку Кати: «Вася ночью гуляет, а днем спит». Несколько раз Галя подходила к зданию суда, но каждый раз она уходила от него как можно дальше, все глубже и

глубже обдумывая свой поступок. «Вдруг на самом деле разведут!» — испугалась она и, изорвав заявление с запиской на мелкие кусочки, решительно пошла на остановку автобуса.

Вася, придя домой после наземной подготовки, снова взялся выяснять отношения.

— Галочка! Ты же умница, пойми меня. Я же был на ночных полетах, любой курсант тебе это подтвердит. Если уж на то пошло, сходи в штаб и спроси у командира.

— Я не такая, чтобы плакаться перед твоим начальством! Не они нас женили, обойдусь и без них! — вспыхнула Галя. — Теперь мне ясно, почему у нас не было детей!

— Зря это ты злишься, Галя, зря. Так голословно и я могу упрекнуть тебя. Твой муж как раз из тех, кто отказывается от любовниц. Я даже не пошел без тебя на день рождения Кати. Спроси у нее, я не вру.

— Лучше бы ты пошел на день рождения, чем гулять по ночам. Из-за тебя и Катя к нам теперь не заходит. Обидел соседку. Извинился бы, бабник несчастный...

— Ты, милая, как будто не жена летчика. Как же я мог пойти на пьянку перед полетами? Тем более, перед ночными?

— Хватит, Вася, заливать, курсанты ночью не летают! Не хуже тебя я это знаю, — возразила она, немного смягчившись.

В душе Галя уже хотела улыбнуться Васе, порадоваться вместе с ним, но не показывала вида. А Вася, толком даже не посмотрев на сына, отправился на аэродром.

Ночные полеты

Этой ночью, как никогда, было много нарушений наставления по производству полетов (НПП). Курсант, «срезавший круг» и чуть не столкнувшийся с другим самолетом над «дальним приводом», после первого же круга был отстранен от полетов и назначен дневальным по казарме. Такое наказание называлось сочетанием полезного с приятным: курсант, будучи дневальным, обычно готовился к сдаче зачета по НПП. Не прошло и часа, другой курсант сбил на посадке четыре фонаря, из-за чего руководитель полетов был вынужден остановить на 30 минут полеты и построил курсантов для дачи дополнительных указаний.

Четыре курсанта инструктора Проценко на этот раз отлетали без всяких нарушений. Ночь подходила к концу. Возвращаясь с зоны с пятым курсантом, Василий на несколько минут отвлекся от контроля за техникой пилотирования. «Гала со временем поймет меня и успокоится, — вспомнил он первый раз за ночь свою жену. — Я теперь мужчина полноценный, у меня есть сын...»

— Под нами самолет, не теряй высоту, — четко передал он курсанту по самолетному переговорному устройству. «Завтра последняя ночь с курсантами, тогда я докажу ей свою правоту», — рассуждал молча. «Переключись на первый канал и запроси снижение, — подсказывал он курсанту. — Делай все сам, на посадке вмешиваться не буду. Ветер справа, запомни! Правый крен, левая нога, так иди до самого выравнивания. Резких движений не делай, ныряй под луч прожекторов». «Вас понял!» — ответил курсант и запросил снижение... «Командир, скорость, скорость!» — кричал курсант через несколько минут, нажимая по ошибке на кнопку внешней связи. Кругом стало тихо, стрелки приборов приняли необычное для нормального полета положение. Курсанту показалось, будто отошла ручка управления двигателем, и он передвинул рычаг вперед. Но двигатель не реагировал на это.

— Что с вами? — вмешался руководитель полетов с земли, услышав случайно просочившийся в эфир тревожный голос курсанта. — Самовыключение двигателя, я 545-й, — ответил Проценко, невольно переводя самолет на снижение. — Попытайся запустить, — передал после короткой паузы.

Самовыключение двигателя иногда случалось на этом типе самолета. Это происходило чаще всего от забивания топливного фильтра кристаллами льда или от других, не предусмотренных инструкцией, причин.

Проценко на память знал инструкцию для особых случаев полета, но сейчас, вовсе не зная причину самовыключения, на всякий случай пытался запустить двигатель, нажимая на кнопку «Запуск в воздухе».

— Приготовиться к катапультированию! — подал команду Проценко курсанту, убедившись в безуспешности запуска двигателя.

— Есть приготовиться! — ответил курсант, опять по растерянности нажимая на кнопку командной радиостанции.

Курсант уже имел три прыжка с парашютом и два — наземного катапультирования. Но катапультироваться ночью с летящего самолета было ему как-то страшновато, хотя о том страхе ни один летчик вслух не скажет, а курсант — тем более.

Курсант восстановил в памяти порядок катапультирования — очередность нажатия на кнопки и рычаги. Сняв ноги с педалей управления самолетом, он поставил их на педали катапультиного сиденья,

плотно прижался позвоночником к спине и головой к подголовнику. Сняв предохранитель с рычага катапульты, ждал команду инструктора... За эти считанные секунды мысли бежали так быстро, что вся его короткая, двадцатилетняя жизнь промелькнула перед ним несколько раз. Он ждал команду «пошел». «Кто знает, может быть, это окажется последним, прощальным словом командира. Моя судьба теперь зависит от того, как сработает пиропатрон, как отделится от меня катапультное сиденье, как раскроется парашют и, наконец, как и куда приземлюсь. В этом районе есть болото, овраги и речка. Эх, неплохо бы приземлиться на пашню! До утра бы пролежал там на парашюте! А судьба инструктора тоже зависит не только от него самого, а и от случайного порыва ветра, который может ему помочь поддержать высоту или может погубить его, уводя самолет в штопор» — рассуждал курсант молча.

В это время прозвучала команда, мгновенный прилив крови при двенадцатикратной перегрузке перебил мысли и он очнулся только после раскрытия парашюта.

Зазвенело в ушах, свежим холодным ветром обдувало лицо. Внизу не было никаких ориентиров и огней. Район полетов он знал на память и много раз рисовал его на экзаменах. «Есть ориентир! — обрадовался он, глядя на крошечный свет двигающейся по шоссе машины. — Слева должно быть болото, а справа высоковольтная линия». Определив направление ветра, он обеими руками подтянул стропы, чтобы уйти от болота. Судя по двигающейся машине, дорога уже осталась в стороне, высоковольтная линия тоже. По времени спуска вот-вот должна быть земля.

Упав вместо желаемой мягкой пашни на какой-то твердый предмет, он ощутил невыносимую боль и, как слабо набитый мешок, свалился на землю. «Конец», — буркнул курсант глухо, и на этом голос его оборвался...

Хотя руководитель полетов рекомендовал покинуть самолет, но Проценко воспользовался правом, которое дано ему при подобных случаях: принять самостоятельное решение.

С целью отработки особых случаев полета были предусмотрены инструкцией различные упражнения, но среди них не было «посадки с выключенным двигателем». Это упражнение изучалось только теоретически или, в лучшем случае, на тренажерах, а практически приходилось выполнять его только при отказе двигателя. Поэтому сейчас Василий мгновенно прикинул расстояние до аэродрома, высоту полета и направление ветра. Эти данные теоретически вполне были подходящими. Выпускать шасси решил он только после прохода оврага. Самолет летел над спящим городом. Но Василий все еще колебался: то ли сейчас покинуть самолет, то ли, рискуя жизнью, идти на посадку. «Бросив самолет на город, тоже можно попасть в немилость, — подумал он. — Вот если бы заклинило замки фонаря кабины или не сработал пиропатрон катапультного сиденья, то уж оставалось бы одно: идти на посадку, как это было недавно с одним летчиком дальней авиации. Теперь он посмертно Герой Советского Союза. А у меня есть еще возможность покинуть машину, остаться живым. Но внизу жилые дома! Да и машина новая, только что пригнали с завода. Дотяну до запасной грунтовой полосы, — решил он твердо. — Обязательно дотяну, пока иду по расчету...»

Зная решение инструктора, земля готовилась к приему аварийного самолета. Включили прожектора, пожарные и санитарные машины стояли наготове, получив тревожную команду. Руководитель полетов, отправив находящиеся в это время над аэродромом самолеты по разным зонам, держал связь только с Василием и передавал ему дельные указания. «Прошел дальний, иду на грунт, шасси убрано», — по привычке передал Проценко, хотя при аварийной обстановке можно было садиться и без связи. «Лишь бы проскочить овраг, а там площадка ровная. Если успею вовремя выпустить шасси после оврага, то, может быть, не будет даже поломки. Держись, милая, держись! Осталось немного», — вслух уговаривал он машину. Но земля приближалась быстро. «Эх, еще бы метров двадцать», — боролся Вася, обливаясь потом, за каждый метр высоты. За счет потери драгоценных метров он поддерживал необходимую скорость, не давая самолету уйти в штопор. Порывистый боковой ветер мешал управлять самолетом, который временами едва не сваливался на крыло. Красные огни, ведущие на взлетно-посадочную полосу, мелькали сейчас как бы намного быстрее, чем когда-либо, и покидать самолет было уже поздно. Теперь судьба инструктора зависела от оврага, над которым он пролетал много раз и знал, где какие лежат камни, где какие растут цветы. Но овраг в этот раз, будто сводя с ним давние счеты, задержал его: на самом краю оврага самолет задел крылом землю, оставив крыло, отскочил в сторону и взорвался, нарушив ночной покой притаившихся в кустах птиц и зверей...

Летная книжка

Через несколько дней после похорон мужа Галя, перебирая оставшиеся документы и бумаги, обнаружила среди них летную книжку капитана Проценко. На титульном листе — маленькая пожелтевшая

фотокарточка, год рождения, образование... Далее перечислены полеты, проверка техники пилотирования: год, число, месяц, номер упражнения, оценка выполнения, и все скреплено гербовой печатью. Галя раньше никогда не сталкивалась с летной книжкой мужа, даже не знала о ее существовании. А теперь она видела в ней настоящий семейный дневник. Каждый его полет напоминал Гале о мельчайших подробностях их короткой совместной жизни. «Как хотел Вася ребенка, особенно сына!» – вспомнились ей первые годы, когда они жили еще на Украине. Временами, закрывая глаза, она полностью уходила в прошлое и, не желая возвращаться в сегодняшний день, старалась не открывать их. От сладких воспоминаний о прошлом и от усталости, она, сидя за столом, задремала на несколько минут, почти забывая о настоящем. Как только просыпалась, перед ней снова всплывали недавно прошедшие события: кладбище, пустой гроб с фотографией, прощальные речи и слезы... Стремясь забыть все неприятное, она продолжала листать летную книжку. Вот они переехали в Брянск: Вася там отличился на учениях и был награжден именными часами, а она только что вернулась из Москвы, окончив курсы усовершенствования. «Да, и у нас когда-то были хорошие времена!» – глубоко вздохнула она. Дальше Галя начала листать быстрее, чтобы убедиться в последних ночных полетах. Сжалось сердце, будто решалась именно сейчас ее судьба, будто вовсе это не относилось к невозвратимому прошлому. Страницы переворачивались все быстрее и быстрее, а с ними уходили дни, месяцы, годы, проскочили города и аэродромы... Вот они, ночные! Она не верила своим глазам. Июнь этого года, ночь, ночь... одиннадцатое, двенадцатое!

«Что я наделала, какая я дура! Глупее меня нет никого на свете. Я бы тебя простила, Вася, если бы ты даже изменял! Я тебя погубила, я. Ты узнаешь, Вася, Бог меня накажет обязательно!» – рыдала она взахлеб. А ее крупные слезы, упавшие на страницу летной книжки, сделали записи более жирными, навсегда запечатлев в памяти. Ей хотелось тут же оповестить весь мир и оправдать Васю хотя бы посмертно, но захлебнулась и не могла вымолвить ни слова. Да и некому было ее слушать, кроме лежавшего рядом Василька, названного в честь своего отца. Он лежал на спине, уставившись в потолок и шевеля своими крохотными пальчиками, ничего еще не зная ни о радостях, ни об огорчениях.

В эти тяжелые минуты она, сознавая безвозвратность прошлого, хотела видеть сына взрослым, чтобы рассказать ему об интимных делах «крылатых» мужчин и, непременно, о радостях и слезах капризных женщин.

Проклятая вдова и пианист Миша

Через неделю Галя с сыном поселилась в военном городке. Ее частенько стали навещать сослуживцы Василия, среди которых были и холостяки. Один из них любил Галю еще при жизни Васи, но, несмотря на это, теперь ни он, никто другой не пытались жениться на ней. Причиной тому была вдова, живущая в военном городке и имеющая на своем счету троих разбившихся летчиков. Двое из них сгорели в самолете, а последний, третий, муж, разбился три года назад на собственном автомобиле. Двое из них были похоронены на местном кладбище летчиков, и она частенько ходила туда ухаживать за могилами. Хотя вдова была еще не старая и имела оставшуюся от мужа личную машину, но вот уже в течение трех лет никто не предлагал ей выйти замуж. Трагическая смерть троих мужей так и не позволила ей найти здесь четвертого, какой бы она ни была красивой и как бы ни умела нравиться мужчинам. Она носила модную красивую одежду, умело пользовалась разными украшениями и, очевидно, потому выглядела намного моложе своих лет. Возглавляя самодетельный женский хор в гарнизонном Доме офицеров, она всегда была на виду у общества.

Вдову звали просто Лорой, и многие автомобильные или авиационные происшествия за последнее время, хотя и не официально, «приписывались» ей. Еще не так давно курсант из группы старого холостяка инструктора Кременчука «разложил» самолет на взлете. Самолет не подлежал ремонту, а курсант и инструктор отделались только ушибами. После этого случая ходили слухи, будто накануне аварии видели вечером Кременчука у подъезда Лоры. Но инструктор не признавался в этом, и вдова тоже отрицала, что он был у нее.

Рядом с военным городком находилась авиаремонтная база, куда приезжали летчики для перегона отремонтированных самолетов. Хотя в городке имелась благоустроенная гостиница для перелетчиков и бесплатная летная столовая, но прикомандированные предпочитали жить в городской гостинице «Хопер» и проводить вечера в маленьком ресторане, расположенном на первом этаже гостиницы.

В нелетную погоду охотно посещали этот ресторан и местные летчики. В этом ресторане музыка не предусматривалась по штату, но за старинным роялем, стоящим в самом дальнем углу зала, всегда сидел любитель-пианист Миша, который за угощение от посетителей играл весь вечер. Он играл не хуже

профессионала, а перед закрытием ресторана обычно запевал арестантскую песню «Бродяга». Говорят, будто он когда-то был летчиком и за какие-то грехи много лет добывал золото под столицей Колымского края. Играя почти без передышки, он прерывался только тогда, когда кто-нибудь подносил ему рюмку. Ценить добрых людей он научился на Колыме и теперь, постоянно проводя вечера в провинциальном ресторанчике, не отказывался даже от полстакана пива. Боясь обидеть кого-либо, он больше играл, чем разговаривал, хотя в свое время считался заядлым анекдотчиком.

Пианист любил летчиков не только потому, что они щедро угощали его спиртом, но и потому, что, глядя на них, он вспоминал свою молодость и, особенно в сильном опьянении, мысленно возвращался в свое прошлое. В основном он и пил для того, чтобы забыть настоящее и вернуться к прошлому. Миша невольно превратился во внештатного музыканта ресторана и бесплатно играл на рояле: его угощали водкой, вином, пивом, и он пил без разбора, лишь бы успеть опьянеть до закрытия ресторана. Пианист жил один рядом с рестораном в ветхом деревянном доме. Как правило, после ресторана гардеробщик приводил его домой в невменяемом состоянии, и он спокойно засыпал, забывая обо всем. Были у него и неудачные вечера, когда в ресторане оказывались чрезмерно жадные посетители, способные угощать только пивом. После таких скучных для него вечеров добрая буфетчица Клава, жалев пианиста, наливала ему полный стакан сэкономленной за вечер водки.

Из своей прошлой жизни Миша исключал только Колыму. Когда снился ему этот край, он со страхом соскакивал со своей ржавой старой койки и, самозабвенно ругаясь, выходил на улицу, чтобы разогнать дурной сон. Миша терпеть не мог людей с золотыми зубами, потому что, работая много лет на приисках, хорошо знал цену этому «желтому дьяволу».

Единственным украшением его помятого, с потертыми рукавами пиджака был значок парашютиста, историю которого он никому не рассказывал. Поэтому Мишу многие люди считали «чокнутым», ибо незаконные значки и медали издавна носили на Руси только такие.

Григорий из Моздока

Однажды, как и в любую нелетную погоду, в ресторане было много летчиков, и пианист Миша, проходя в туалет, услышал, что за одним столом спорят из-за какой-то дамы.

— Она ни в чем не виновата, просто это закон подлости! — защищал ее коренастый летчик по имени Гриша.

— Давно пора ее загнать в Сибирь, на каторгу, она настоящая колдунья и отправит на тот свет любого, кто с ней побудет хоть часок, — утверждали местные летчики, приписывая ей все катастрофы и аварии.

— Все это мистика! Я не верю ни в черта, ни в бога, — разошелся Григорий, вставая со стула. — Бьюсь об заклад, она здесь ни при чем!

— Я тоже не верю ни в черта, ни в Бога, но случившиеся катастрофы и разбившиеся летчики говорят сами за себя и заставляют нас остерегаться этой стервы. Ты еще мало каши ел, дорогой, поживешь — узнаешь! — успокоил Гришу седоватый майор, который чаще других угощал музыканта, заказывая ему старинные романсы.

— Постой, Миша, выпей с нами! Мы тут поспорили насчет одной дамы, и ты будешь судьей нашего спора! — остановили они пианиста и поднесли ему рюмку, когда он шел обратно из туалета.

Держа рюмку морщинистыми костлявыми пальцами, Миша внимательно выслушал условия спора, а потом, охотно согласившись быть судьей, проглотил водку и направился к роялю...

По условиям спора Гриша должен был пойти после ресторана к вдове и провести с ней ночь. Если в течение следующего дня с Гришей ничего не случится, то Лора будет реабилитирована навсегда, и тогда сторонники Гриши выиграют пять бутылок коньяка.

После ресторана представители местных и прикомандированных летчиков проводили Гришу на такси прямо к Ларисе, в окне которой все еще горел свет.

— Григорий Сидоренко, из Моздока! — представился он сразу же, смело переступив порог.

— Лариса Ивановна! — несколько удивленно ответила вдова и подала ему руку.

Несмотря на поздний час, она была в коротком цветастом платье из натурального шелка, капроновых чулках и черных лакированных модных туфлях. Приставные длинные косы лежали на ее обтянутой платьем высокой груди, придавая ей женственность, а губы были покрашены ярко-красной помадой, приобретенной по знакомству, якобы с гарантией на сорок поцелуев. Ресницы и брови были также подкрашены, и она в ресторане, да еще в такое позднее время, сошла бы за первый сорт.

— Проходите, пожалуйста, в комнату! — пригласила она Гришу и, будто поправляя коврик, нарочно нагнулась.

Лора хорошо знала, на что «клюют» пьяные мужчины, и старалась при удобном случае выставить всю скрытую красоту своего тела. Улыбка ей очень шла и красиво улыбаться она научилась перед зеркалом, долго отработывая каждое движение губ и бровей. «Еще не было случая, чтобы от меня так просто уходил летун», — размышляла она про себя, крутясь возле него.

Гриша не ожидал такой радушной встречи и даже был доволен своей затеей. Он, не долго думая, снял свой промокший плащ, фуражку и, переобувшись в домашние туфли, предназначенные для гостей, прошел в комнату, где по сравнению с рестораном было прохладно, чисто и уютно. И магнитофон был заряжен самыми современными песнями зарубежных и советских композиторов.

Ночной гость больше слушал, чем говорил, и поэтому ей хотелось расшевелить его побыстрее, чтобы узнать цель его прихода.

«Вдруг предложит замуж! — подумала она. — Не зря мой покойный муж Ваня говорил «недопои хуже перепоя». Истинный русский человек был, вот уж любил напиться! Зря я тогда с ним не поехала, хоть бы погибла человеком! Кто я теперь такая? Старая вдова, которую считают колдуньей! Как будто я нарочно, ради своего интереса похоронила трех мужей! Людям не понять, как я старела после каждой катастрофы. Все как будто атеисты, никто в бога не верит и в церковь не ходит, а вот притащился же ко мне этот военный дознаватель на второй же день, как Кременчук с курсантом «разложили» самолет на взлете. Не стыдно ли было ему допрашивать меня насчет Кременчука? Ни одна женщина не призналась бы в этом. Я тогда была вынуждена с треском выставить из дома этого высокопоставленного субъекта и напроорочить ему смерть, если он в эти дни будет летать. После этого тот настолько струсил, что пропустил три летных дня и даже в эти дни не ездил на своей личной машине. А потом совсем перешел на наземную работу! Карьерист он и настоящий суеверный человек, который боится церкви лишь из-за своей шкуры», — вспомнила она, молча накрывая на стол.

Пока Гриша перелистывал журналы и слушал музыку, она поставила на стол бутылку армянского коньяка, две рюмки, лимон с сахаром и коробку шоколадных конфет. Закурила свои дамские сигареты. Глядя на дефицитный армянский коньяк, Грише стало стыдно за свою принесенную бутылку водки, которая, к счастью, осталась в кармане плаща, висящего в прихожей.

— Я ведь тоже, Гриша, жила когда-то в Моздоке, — заговорила она после первой рюмки. — Может быть, помните случай с летающей крепостью ТУ-4? Как раз мой муж погиб в этой катастрофе. Никто не смог спастись, лишь успели передать на землю по радио, что загорелись два правых мотора, не выпускается передняя нога... из-за этой чертовой ноги, через которую покидают самолет при аварии, никто не смог выпрыгнуть с парашютом! Он похоронен там, у вас, и на его могиле кто-то поставил пропеллер, от вращения которого загорается лампочка. Красивая штучка, особенно ночью! Удивительно, как до сих пор не утащили ее мальчишки? Видимо, из-за уважения к вам, летчикам... Я ездила туда, Гриша, летом прошлого года, — продолжала она, показывая его фото, снятое на каком-то аэродроме с группой летчиков.

— Теперь таких самолетов там уже нет. Но об этой катастрофе многие еще помнят, — включился в разговор Гриша, внимательно рассматривая снимки. — Вот этого я, пожалуй, знаю. Это Иван Катков! — показывал он пальцем на одного из них.

Об остальных мужьях Лариса специально умолчала и, чтобы перейти ближе к делу, она рассказала несколько свежих анекдотов из серии «армянское радио». Он тоже не остался в долгу.

Сначала Григорий вел себя робко, как бы побаивался Ларисы, а потом, то ли под действием дефицитного коньяка, то ли под влиянием сидящей рядом умной красивой дамы, стал веселым и чувствовал себя как дома. Сидя за столом в эти прекрасные минуты он верил, что именно Григорий из Моздока, а не кто-либо другой, реабилитирует незаконно обиженную вдову и еще, вдобавок, выиграет пять бутылок коньяка. «Это сенсация на всю авиацию! — сделал резюме Гриша, поправляя свои влажные густые волосы. — Послезавтра я приду сюда снова и расскажу ей о своем, заранее известном всему гарнизону сегодняшнем визите. Вот она обрадуется такому сюрпризу!» — подумал он, разговаривая с ней.

Ради приличия Лариса уложила Гришу спать на диван, который стоял возле двуспальной софы, а сама, не торопясь, нарочно разделась при свете, чтобы соблазнить Гришу окончательно. Потом обильно надушилась дорогими французскими духами, выключила свет и, убавив громкость магнитофона, легла в постель. «Посмотрим, как ты пилотируешь ночью в сложных метеоусловиях» — подумала «проклятая» вдова на авиационном языке, укрываясь одеялом.

«Не ради себя же она вылила на себя полфлакона духов», — догадался возбужденный Гриша и через несколько минут смело перелег с дивана на софу.

Сперва она для скромности притворилась спящей и будто не заметила его. А потом, повернувшись к нему лицом, как бы нечаянно положила свою руку на его плечо. Вскоре они молча стали целовать друг друга, словно влюбленные, встретившиеся после долгой разлуки.

Участники ресторанный спора, накурившись до чертиков, долго стояли в противоположном подъезде, пристально наблюдая за единственным освещенным окном, за которым находился будто посланный ими на верную смерть Гриша, и разошлись по домам только тогда, когда в окне погас свет. Все они были поражены дерзостью Гриши, а прикомандированные, защищающие вдову, открыто гордились им и молча завидовали.

Утром Григорий гордо, как настоящий герой, медленно, желая показаться всем, выходил из «проклятого» подъезда, который обходили даже гарнизонные донжуаны.

Он остановился у подъезда и закурил, а потом оглянулся вокруг, как бы желая крикнуть во весь голос: «Вот я, Григорий из Моздока, спал сегодня в обнимку с Ларисой! Кого вы боитесь, трусы суеверные! Посмотрите на меня и запомните, ничего со мной не случится! Судьбу свою человек должен делать сам. Верить в судьбу — это пережиток прошлого».

С такими мыслями Гриша подходил к рембазе и, пройдя КПП, зашел сразу же к начальнику летно-испытательной станции, чтобы выяснить вопрос о готовности своего самолета к облету. Облет планировался на завтра и поэтому Гриша вовсе не думал сегодня о какой-либо катастрофе и аварии.

Чтобы выиграть пять бутылок коньяка и оправдать вдову, Григорию нужно было выдержать только сегодня. «Споткнусь где-нибудь и вывихну ногу! Вот и все, беги за коньяком!» — рассуждал он и осторожно проходил по сборочному цеху, обходя самолеты, висевшие на подъемниках.

Весь день просидел он в канцелярии рембазы, проверяя правильность оформления паспортов и формуляров. Рабочий день подходил к концу и, уходя домой, Гриша решил взглянуть на свой самолет, который уже должен быть готов к завтрашнему облету.

Самолет его все еще висел на подъемниках и возле него крутились «работяги», которые с удовольствием доложили ему, как, произведя прогонку шасси, они обнаружили опасный дефект, часто приводящий к катастрофам и авариям, за что Гриша обещал им налить фляжку спирта. Устранение неисправности уже подходило к концу, но Гриша все-таки, желая убедиться в этом лично, полез рукой в гондолу, а в это время находившийся в кабине механик нечаянно перевел кран шасси на уборку. Григорий успел крикнуть, но кисть правой руки была уже полностью раздроблена. Тут «работягам» не повезло, ведь они уже принесли холодную воду, чтобы разбавить спирт, обещанный Григорием.

Ночью Гриша тяжело стонал в местном лазарете, и возле него по указанию начмеда постоянно дежурила медсестра. Летная карьера Григория из Моздока была уже закончена, и, в основном, он переживал поэтому. «Это она, стерва, во всем виновата, давно вешать надо ее, давно! Почему же так? Ведь она всю ночь твердила, что меня любит. Неужели существует какая-то нечистая сила, которая могучее нас и мстит всем, кто целуется с Ларисой?» — протяжно спрашивал он, переворачиваясь с боку на бок.

— Это вы, Гриша, спрашиваете насчет «проклятой» вдовы? — включилась в разговор сидящая рядом медсестра. — Говорят, будто она когда-то, будучи еще девчонкой, убежала со свадьбы с любовником, опозорив верного ей жениха. Опозоренный жених вскоре повесился, а мать его, религиозная женщина, каждый день молила Бога, чтобы Лариса всю жизнь провела вдовой...

Гриша внимательно выслушал медсестру и, как бы для обдумывания сказанного, попросил попить. Выпив полный стакан воды, он снова заговорил.

— Неужели есть Бог, сестра? Я никогда не верил в Бога. Может быть, под Богом понимается какая-то невидимая, может быть, крохотная, но всемогущая сила? Я ведь еще вчера был летчиком, а сегодня уже никто! Все связано с Ларисой, как бы то ни было. Я же поспорил со здешними летунами на пять бутылок коньяка из-за нее! Будто бы я шел на доброе дело, хотел реабилитировать несчастную вдову и за это был крепко наказан. Кто эта невидимая сила, кто? Если он Бог, то почему поступает так несправедливо? За одного опозоренного жениха столько невинно убитых и искалеченных мужчин! Я уже пятый, а может быть, восьмой... десятый... Где ты, Бог? Отдай мне руку, отдай! Если мне вернешь руку, то я буду верно служить тебе, ходить в церковь и молиться. Если она убила жениха, то ты, Бог, накажи ее: убей, отними руки, ноги, выколи глаза... Зачем наказываешь невинного? Значит, и Бог преступник, если, борясь со злом, он уничтожает добро... Где правосудие?! Верни мне руку, верни!

Он валялся на койке, как пьяный, и рассуждал как шизофреник, хотя в его словах была железная логика. Время от времени медсестра вытирала полотенцем вспотевшее мокрое лицо больного, измеряла температуру, которая держалась около сорока градусов.

— Вернется ваша рука, Гриша, обязательно вернется, вы еще будете летать! — утешала его медсестра, твердо зная о том, что ему никогда уже не летать. — Вот завтра повезут вас на самолете в госпиталь, а там хирург-профессор. Он вернет вам руку. Потерпите до завтра, он — Светило!

Гриша, перебивая сестру, попросил еще воды, которую пил жадно, большими глотками, будто не поили его несколько дней. «Почему такая высокая температура? Может быть, у него заражение крови, а может, он уже сумасшедший? Неужели Лариса в самом деле колдунья? Ведь она на вид добрая и прекрасно выступает на сцене. Даже не верится! Чего только не бывает на свете. После этого действительно начнешь верить в нечистую силу!» — размышляла медсестра, делая ему очередной жаропонижающий укол.

Гриша продолжал стонать, ибо стон успокаивал его нервы, частично снимая боль и как бы передавая ее другим, рядом сидящим или кажущимся рядом сочувствующим.

— Где эта нечистая сила, и почему она не предупреждает людей? Я бы тогда обходил эту стерву за сто километров! Надо же мне было сунуться не в свое дело. Зачем я полез в гондолу!

После введения морфия Гриша заснул, но бред его не прекращался. Пользуясь этим, сестра тоже задремала на стуле, положив голову на подушку.

Под утро разыгрался в гарнизоне никогда не бывалый в здешних местах ураган. Гнулись деревья, валились телеграфные столбы, катилась по городку металлическая и деревянная тара из продовольственного склада, разнесенного разбушевавшимся ураганом.

«Вот тебе госпиталь завтра, даже синоптики не могли предугадать. С природой нельзя шутить, она всегда сильнее человека!» — рассуждала медсестра, закрывая на крючок двери и окна. От замыкания проводов в лазарете погас свет. Сестра зажгла керосиновую лампу, предусмотренную для аварийного освещения, и проверила температуру больного, который все еще был в бреду.

Вдруг палата закачалась, как лодка на морской волне, погасла керосиновая лампа, падая на пол, и в темноте с грохотом обрушился потолок, посыпались кирпичи и доски с чердака старого барака, завалив ругающего бога Гришу и также медсестру, озабоченно стоявшую возле тумбочки.

Гриша сразу же перестал бредить и уже не просил Бога, чтобы он вернул ему руку. Рука уже ему была не нужна, ибо тяжелая балка, упавшая с потолка, раздавила ему голову.

Медсестра, заваленная кирпичами, досками и землей, лежала у самой стены и тяжело дышала. «Что же это? Выходит, нечистая сила наказывает не только самого грешника, но и того, кто сочувствует грешнику. Ведь Гриша осчастливил проклятую вдову только на одну ночь, и нечистая сила за это отняла ему руку. А когда Гриша, проявляя недовольство, требовал отнятую руку, она лишила его жизни. Выходит, нечистая сила не терпит недовольных! — плача, рассуждала медсестра. — А меня-то за что, значит, за сочувствие! Но я-то ведь «медсестра, приняла клятву Гиппократ!» — пыталась она крикнуть. Но ее никто не мог услышать, с этими мыслями она уже отходила на вечный покой.

Случай с Гришей моментально распространился по всему военному городку, а через перелетчиков — на всю авиацию. О «проклятой» вдове теперь знали почти на всех военных аэродромах.

Во избежание новых трагедий «проклятой» вдове предложили куда-нибудь уехать, хотя никто из предлагавших не мог предъявить ей законное обвинение. Она упорно доказывала свою невиновность, но никто ей не верил, потому что она не могла убедить их и дать полную гарантию, что ее проживание в городке не приведет к очередной трагедии. Не сумев оправдать себя, она срочно продала машину и уехала.

Приехав в незнакомый город шахтеров, Лариса Ивановна устроилась заведующей Домом культуры и сразу же развернула там интенсивную культмассовую работу. Через три месяца ее портрет уже висел на Доске почета. О своих погибших мужьях она не рассказывала никому и даже подальше спрятала их фотокарточки. Летчики здесь встречались редко, и Лариса старалась забыть их, хотя память о них она хранила в самом теплом уголке своего сердца. Находясь постоянно в обществе, она имела среди мужчин успех и вскоре удачно вышла замуж за недавно овдовевшего директора передовой шахты.

Проездом, в отпуск, она каждый раз нарочно заезжала с ним в тот город, где жила раньше, чтобы похвалиться перед знакомыми своим красивым мужем. Но, к сожалению, однажды Лариса вернулась из отпуска без него, так как он утонул в Черном море всего лишь в двух шагах от берега.

После этого она не столько страдала от потери четвертого мужа, сколько от появления некролога о нем в центральной газете. «Дура же я, дурочка. Какого черта познакомила его с ними! — переживала она, с сожалением глядя на портрет Героя Социалистического Труда с некрологом. — Вот прославилась! Неужели это божье наказание?»

Не прошло и года, она уже хоронила еще одного передового шахтера... Через несколько дней после похорон, не выдержав сплетней и анонимных писем, Лариса попала в психиатрическую больницу, где

вскоре отравилась какими-то сильнодействующими таблетками. О ее последнем муже никто из летчиков не знал, но история о «проклятой» вдове переходила в авиации из поколения в поколение как легенда.

Галя Проценко схоронила только первого мужа, но в военном городке на нее уже смотрели как на «проклятую» вдову. Чувствуя это, она вскоре уехала в другой город, который находился недалеко от тех мест, где жили ее родители, и, находясь там, стала переписываться с одним бывшим курсантом из летной группы покойного мужа.

Стихи пианиста

Проводив Григория из Моздока на вечный покой, друзья его, проигравшие, пригласили в ресторан тех, с кем был затеян спор. Как раз удался подходящий вечер для выпивки: весь день лил проливной дождь, и синоптики не обещали улучшения погоды на ближайшие дни.

Сидя за столом, местные и прикомандированные летчики несколько минут обменивались новостями. Оказалось, что во время урагана, сорвавшись с колодок и подъемников, поломалось много самолетов, в том числе и самолет покойного Григория. Он опять подлежал капитальному ремонту.

Заказав пять обещанных бутылок коньяка, они пригласили к столу главного арбитра — пианиста Мишу. Он не имел привычки подходить к столу, где сидела компания, но на этот раз сел за стол, несколько не стесняясь. «Я же главный арбитр, — как бы шутя оправдывался он. — Да, жалко парня, жалко. Всего двадцать восемь лет! Никто не знает часа своей смерти!» — утешал Миша, поднимая рюмку за упокой души.

Никогда пианист не обижался на то, что его зовут просто Мишей и обращаются на «ты», но сегодня, сидя за столом, он почему-то почувствовал некоторое унижение, хотя именно сегодня, случайно оказавшись на высоте своего прежнего положения, впервые за многие годы своей ресторанной жизни он выпивал свой заработанный коньяк вместе с летчиками.

«Я вам покажу, салажатам, как пьют летчики. И докажу, кто есть кто, докажу! Я тоже когда-то был человеком!» — молча, не выдавая себя, гордился Миша и, сбегав домой, на несколько минут, принес случайно уцелевшую и уже пожелтевшую летнюю книжку. «Познакомьтесь, ребята, иначе мне сидеть с вами за одним столом неловко», — сказал он, задыхаясь, и положил летнюю книжку на стол. Потом, стоя у стола, дрожащей рукой опрокинув рюмку, Миша тут же оставил занятую книжкой компанию и снова сел за рояль.

Играя старинный вальс, он в такт проговорил вслух: «Читайте, ребята, читайте! У меня тоже когда-то были крылья. Такие, как вы, меня приветствовали, прикладывая руку к головному убору, считали за великую честь сидеть со мной за одним столом!» Увлечшись вальсом и приятными воспоминаниями, он даже не заметил подошедшего к нему со стаканом парня.

— На, пей, Миша! Когда у тебя недопои, ты играешь только вальсы. Правильно я говорю? На, держи, и сыграй что-нибудь веселое! — небрежно поднес ему полстакана вермута юноша в клетчатой рубашке и с сигаретой во рту.

— Благодарю вас, я не хочу пить сегодня, — отказался пианист, чуть повернув к нему гордо поднятую голову.

Юноша растерянно постоял несколько минут возле него и, удивленно качая головой и повертев пальцем у виска, удалился к своим. Этот парень раньше много раз угощал пианиста и был крайне поражен сегодняшним его отказом, «Мишка сегодня играет за так», — доложил парень своим и, садясь на свое место, выпил вермут, предназначенный для пианиста, который, чувствуя сегодня равенство, стыдился брать подачку.

«Больше этого не будет, все, на этом точка! — бормотал он, играя танго. — Сегодня я пью честно заработанный коньяк со своими коллегами. К черту пиво, к черту! Вермут тоже, тем более полстакана!..»

Он играл с особым вдохновением, и в эти минуты, будто сквозь музыку, произвольно сложились ритмичные самодельные строки:

Окрыленный счастьем безразмерным,
Взлетел я выше всяких гор.

«Погоди, погоди! Это что же такое, откуда строки? Ведь я никогда не пытался писать стихи! Мало того, я их никогда не любил и поэтому никогда не читал их», — проговорил он. Закрыв глаза и ложась грудью на рояль, сочинял дальше:

Израженной душой за неверье
Опустился, как пойманный вор.

«Стихи пишут в молодости! А я? Мне умирать пора! Что это, не с ума ли схожу?» — потрянул он головой.

Летчики, ознакомившись с летной книжкой бывшего пилота и заслуженного мастера по парашютному спорту Курбатова Михаила Ивановича, позвали его за стол.

— Садись, Михаил Иванович, садись! — приглашал его к себе белокурый капитан. — Вы, кажется, летали с моим отцом. Помните инспектора Серова? Вот он здесь проверял вас ночью в сложных метеоусловиях, — провел он пальцем по строчкам, открыв заложенную ресторанный бумажной салфеткой страницу летной книжки.

— Как же мне-то не помнить его! Неужели он ваш отец? Вообще-то вы очень похожи на него, очень! Да-а, выручая меня, он чуть не погорел сам! — с трепетом говорил пианист, смахивая ладонью слезы. — Передайте от меня ему большой привет.., только не говорите ему, что я играю здесь за выпивку. Давайте, ребята, выпьем за моего командира! — предложил он тост, чтобы поскорее, пока не забыл, зафиксировать на бумаге пришедшие в голову строки.

Все выпили до дна и дружно, как по команде, закусили. А пианист тем временем открыл чистую страницу летной книжки и, попросив авторучку у белокурого, записал строфу, только что сочиненную за роялем. Строки эти понравились ему самому, и он, запинаясь, повторил их несколько раз в уме, продолжая играть популярные мелодии. После нескольких мелодий он смело подошел к столу и добавил еще строфу:

Не называй друга словом гадким,
Ты не бойся меня, я не вор!
И сон порой бывает несладким,
Не бывает дороги без гор.

Без всяких эмоций опрокинув первую попавшуюся наполненную рюмку, он снова сел за рояль. Сегодня, как никогда, часто подносили ему пиво, вино, водку, но, встретив его отказ и обидевшись на него, все уносили стаканы обратно.

«Баста! Покончено с этим, покончено!» — невнятно бормотал он, презрительно поворачиваясь к подачкам. Он никого не видел, ничего не слышал и лишь чувствовал, как перед закрытыми глазами ложились строки:

Не пропитан насквозь я махоркой,
Нет жаргонных слов на подбор.
Может, плохо, я не покрыт коркой,
Может, плохо, что я не вор.

— Вот это здорово! — удивились летчики, целиком прочитав стихи. На несколько секунд за столом наступило глубокое молчание, и каждый, затаив дыхание, смотрел на загадочного для них пианиста.

— За что же вы, Михаил Иванович, добывали золото? — спросил белокурый капитан, несколько смущаясь за свое вторжение в тайну старого пилота.

— А ведь эту историю хорошо знает твой отец, — с лукавой улыбкой показал он дрожащим пальцем на белокурого. — Но я расскажу вам, ребята, расскажу. Был я тогда временно начальником парашютно-десантной службы и подготовил группу спортсменов для показательных прыжков в день воздушного флота. Мы тренировались целый месяц, отрабатывая каждую деталь предстоящих прыжков. И вот наступил долгожданный праздник. Как сейчас помню, стояла на редкость хорошая погода, и поэтому народу было как никогда много. Руководил полетами как раз твой отец. Самолет, на борту которого находилась группа парашютистов, набрав нужную высоту, лег на курс. Лежа у открытой двери самолета, я определил точку покидания и пошел первым, а все остальные — за мной по очередности. Отсчитав положенные секунды, я выдернул кольцо, а парашют не раскрылся... Выдернул кольцо запасного парашюта... Никакого понятия! Земля приближалась страшно быстро. Сами понимаете, какая она страшная в этот момент. В обычных условиях мы любим землю, называя ее кормилицей, родной... И даже целуем! А в такие минуты превращается в ядовитую змею, пулю, бомбу, отраву, словом, в смерть, столкнувшись с которой, человек делается отбивной. Пришлось повозиться с запасным, и все-таки я заставил его раскрыться! Но раскрылся он на малой высоте, и я сломал ногу. Праздник был испорчен, и меня увезли в госпиталь.

После выхода из госпиталя меня сразу забрали как ответственное лицо за подготовку парашютистов и за укладку парашютов, хотя парашюты были уложены специальными укладчиками с вечера и хранились в опломбированных шкафах.

Расследованием было установлено, что многие парашюты, к моему удивлению, оказались неправильно уложенными и, естественно, не могли раскрыться без смекалки и хладнокровия спортсменов. «Почему многие не могли раскрыть парашюты, а ты смог? — задавали мне во время следствия много раз один и тот же вопрос, предъявляя обвинения. — Значит, ты знал обо всем!» —

сделали, наконец, вывод... Вот я и добывал золото за это, хотя моей вины нет здесь ни капельки, — закончил он свой короткий рассказ.

В медвытрезвителе

Было уже поздно, официантки убирали столы и выгоняли из ресторана засидевшихся посетителей. Допив последнюю бутылку, летчики попрощались с пианистом, который, несмотря на сильное опьянение, ушел без сопровождающего.

Шел он прямо, гордо шагая по лужам, с летной книжкой в руке, считая себя человеком, равным со всеми. «Не букашка я, а человек! — громко твердил он, жестикулируя рукой. — Меня в столице знают больше, чем здесь. Человек я! Всех пошлю к черту, всех. Конец подачкам!»

Хотя синоптики не обещали улучшения погоды, но дождя уже не было, и на небе показались яркие звезды и даже серебристая полная луна. Миша, не заходя домой, направился на вокзал, где ресторан работал круглосуточно. «Преступник я или нет?» — пытался он остановить прохожих. А они обходили его, не желая связываться с «дураком». Но Миша в эти минуты вполне был уверен, что прохожие дают ему дорогу из-за уважения к бывалому летчику и отважному парашютисту. «Вот так-то, наконец-то вы меня поняли!» — повторял он много раз, убеждая себя и прохожих.

Как Миша ни пытался, но изрядно пьяный он не мог противостоять швейцару, который не пропустил пианиста в привокзальный ресторан, и он, чувствуя усталость, вышел на перрон и лег на свободную скамейку, подложив летную книжку под голову. Немного поговорив сам с собой, он заснул крепким сном, и никто к нему не подходил, боясь «подхватить» какую-нибудь заразу. Но долго храпеть ему не пришлось, и его вскоре увезли в городской медвытрезвитель.

Миша спокойно ехал на спецмашине и не интересовался, куда его везут. Два милиционера, сидящие рядом, вооруженные пистолетами и снаряженные портативными, постоянно шипящими рациями, строго следили за ним, хотя пианист вовсе и не думал сопротивляться, ибо хорошо знал, что малейшее неподчинение могло оказаться роковым для его слабого организма.

«Букашка я и никто больше! Всего лишь...!» — согласился он, молча прохаживаясь по камере медвытрезвителя. Спать ему оказалось негде, так как сегодня был день полочки и, естественно, все места были давно уже заняты другими. В камере стояла духота, в дальнем углу, на месте тюремной параша, воняло переполненное мочой и блевотиной ведро. На пятнадцати нарах на разных тонах храпели пьяные.

В соседней умирительной камере медвытрезвителя стонал связанный: «Выпустите меня, пожалуйста, через двадцать минут отходит мой поезд! Еще надо успеть забрать чемодан из камеры хранения. У меня же сегодня день рождения! Взгляните в паспорт, там все указано. Отпустите меня, ехать мне надо, надо ехать! Я ведь никого не трогал и не оскорблял никого, а просто отметил день рождения в ресторане. Да, все это получилось из-за этой наглой официантки, она нахально обсчитала меня на пять рублей! Надо же, я попросил книгу жалоб и потребовал вернуть мне пятерку, а она, нахалка, позвала торчащего в ресторане мильтона и нажаловалась, будто я ее оскорбил и даже толкнул рукой. Надо же так издеваться над человеком! Обязательно должен я уехать сегодня, обязательно! Теперь поезд в нашу сторону будет только через двое суток, а у меня вышел срок командировки, и уже кончились деньги. Если бы были деньги, я не стал бы просить книгу жалоб из-за этой пятерки. Подохла бы она, нахалка! Отпустите меня, ехать мне надо, ехать!» — уговаривал он протяжным плачущим голосом дежурного по медвытрезвителю. Но никто ему не отвечал. Дежурный в это время разговаривал по телефону с любовницей Ниночкой, без стеснения, громко договариваясь с ней насчет завтрашней пьянки.

Не дождавшись ответа и чувствуя, что его поезд уже ушел, связанный крикнул во весь голос: «Гады! Нет в вас ни капли человеческого! Я выпил сегодня, и за это ты меня упек в тюрьму, а завтра сам будешь пьянствовать с чужой женой, и у тебя будет все в ажуре», — добавил потом вполголоса и, разрядив душу, зарыдал по-детски.

— Кто у вас там ругается? — спросила Нина, услышав голос по телефону.

— Алкаши, — ответил дежурный. — У меня их сегодня полно. Валяются прямо на полу, не хватает топчанов. Сама знаешь, день полочки же. Подожди минуточку, Ниночка, я его мигом усмирю.

Дежурный, положив телефонную трубку на стол, вбежал к связанному и, до предела подтягивая ему веревку, выпалил: «Это чтобы ты не думал ни о поездах, ни о своей последней пятерке, ни о просроченной командировке. Вот теперь-то, я надеюсь, не будешь так думать! Завтра же отправлю тебя на пятнадцать суток, а если будешь орать — оформлю на всю катушку. Там остригут тебя под овечку, будешь пятнадцать дней вкалывать и кормить клопов. Они там, как крысы, загрызут», — строго предупредил дежурный, выходя из камеры.

Надежно закрыв железную дверь одиночной камеры, он побежал к своему столу и снова взял трубку.

— Я знаю, милая, психику связанного человека. Когда веревки слабые, он герой и ругается, как попало. Веревка, Ниночка, это грозная сила, она усмиряет любого, если ей пользоваться умело, так

сказать, с пониманием дела. Не просто нужно связывать человека, чтобы он только не мог двигаться и махать руками! Нет, милая, надо связывать его так, чтобы у него отекали конечности, трещали кости, растянулись жилки, и он, чувствуя невыносимую боль во всем теле, признал себя побежденным. Это самое главное! Если потом чуточку расслабишь ему веревку, то он от души благодарит того же, кто его недавно связывал. Вот, Ниночка, какое дело-то! Не каждый поймет соль этой науки, под названием «Эффект веревки». Уверен, что через 15–20 минут этот именинник, который только что обзывал меня гадом, будет целовать мне руку, когда я ему немного расслаблю веревку! Жаль, что ты сейчас находишься далеко от меня. Давай приезжай, pošлю машину... Говоришь, видела в кино — это не то, нет! Ничего, Ниночка, как-нибудь я тебе покажу нашу Академию. У нас и женщины есть, всякие — даже ученые, есть даже малолетние девочки. Мы их перевоспитываем с помощью веревки. А тебе, как доценту пединститута, здесь есть чему поучиться...

— Ну и профессор же ты у меня, — ответила Нина по телефону, улыбаясь.

— Профессор не профессор, но доцент-то уж наверняка, — шутил он гордо, следя одним глазом за коридорным.

Услышав приятный телефонный разговор, пианист тоже начал проситься домой.

— Зачем же меня-то привезли сюда? А что я сделал плохого? Я прошу вас, отпустите меня домой, я живу совсем недалеко отсюда! Тем более для меня здесь нет нар, — умолял он коридорного, стуча в запертую снаружи железную дверь.

— Чего шумишь, старый! Разве не видишь отдыхающих людей? Дожив до старости, порядков не знаешь. Ложись на пол калачиком и шпи до утра шпокойно. Никто тебя не обкрадет, под машину не попадешь. Вше здесь для тебя: тепло, шветло, и охрана имеется, — отчитал его завсегда тай вытрезвителя, проснувшись от стука в дверь. — Пошумишь, и нам попадет из-за тебя. Перештань штучать! Мозги, что ли, зашохли? Здесь один — за вшех, вше — за одного. Вот ты один бешпокоишь вшех и дежурному не даешь покоя. Тебе же будет хуже! И потому мы вше бешпокоимся за тебя, за одного. Швяжут тебя, дурака, и запрут в ушмирительную! — Шлышишь, как там орут? А ты должен бешпокоиться за наш. Уважать шпящих. Я тебя, безмозглого болвана, учу порядку, а ты даже не шлушаешь! Не компанийшки ты человек, ты общештва не лубишь. Шкажу я тебе прямо: не выйдет из тебя наштоящего человека!

— Чего вам от меня-то надо? У вас есть нары и спите, а я хочу домой, — ответил пианист, упрямо продолжая стучать.

— Ах ты, дурак старый, я тебе желаю добра, а ты не понимаешь по-хорошему! На, получай! Еще раз, на! — ударил его пьяный верзила и несколько раз пнул ногой, будто сводя с ним старые счеты, хотя они встречались впервые.

Пианист грохнулся на пол, сильно ударившись затылком.

Коридорный, сержант, давно с удовольствием наблюдал через маленькое окошечко железной двери за инцидентом, происходящим внутри камеры, и с охотой похвалил бы верзила за справедливость, но, опасаясь смерти старика, лежащего на полу без движения, позвал дежурного по медвытрезвителю.

— В чем дело, кто шумит? — строго спросил дежурный, открывая камеру.

— Вот тут штарик буюнит, надобь его в ушмирительную! — решительно ответил верзила.

Соскочившие с нар обитатели медвытрезвителя пытались оживить старика, особенно среди них выделялся верзила, который не только обхаживал старика, но и давал дежурному дельные советы.

Так и не приведя в чувство, пианиста увезли в больницу, а верзила, не спеша докурив папиросу, полученную от дежурного в награду, поудобнее лег спать и тут же захрапел снова.

Оставшаяся на вокзале летная книжка бывшего пилота и заслуженного мастера спорта по парашютному спорту Михаила Курбатова всю ночь валялась на перроне. Лишь утром уборщики выбросили ее в урну, где она долго тлела вместе с окурками и прочим вокзальным мусором, а его ответственные полеты и смелые парашютные прыжки, совершенные когда-то, уносились ветром в виде дыма, невольнo заставляя прослезиться сидящих на скамейке пассажиров.

Инвалид и студентка

Пролежав около двух лет в старинном окружном военном госпитале, бывший курсант из летной группы Василия Проценко, Николай, выписался осенью инвалидом первой группы. Вдоль высокого госпитального забора из красного кирпича, обгоняя хромого курсанта, шли люди, из которых мало кто бывал внутри. Забор замыкался последним отделением госпиталя — моргом, недалеко от которого у тротуара находилась пивная, где распивали водку, запивая пивом, курили, ругались, иногда дрались и потом, как правило, подходили к наружной стене морга для отправления своих естественных нужд. И никто не предполагал, что от того света их отделяют всего лишь сантиметры, что там, за кирпичной

стенкой, лежат люди, которые не так давно тоже пили пиво, курили, смеялись и делали то же самое, вовсе не думая о собственной смерти.

Шел мелкий осенний дождь, легкий ветер срывал с деревьев державшиеся до сих пор желтые листья, и они, прилипая к мокрому тротуару, превратили его в разноцветную ковровую дорожку.

Многих инвалидов провожали здешние вековые деревья. И не только инвалидов! Они ежедневно наблюдали за вскрытием трупов и, молча слушая громохание массивных железных ворот, частенько провожали покойников. «Я еще иду своим ходом, а других отсюда вывозят, — успокоил себя курсант. — Каждому свое. Может быть, и я когда-нибудь шагал бы по настоящей ковровой дорожке, как шагают теперь космонавты. Черт, подвел меня этот проклятый случай! Днем бы я, конечно, приземлился нормально».

За время пребывания в госпитале бывший курсант Николай привык ходить на костылях, а здесь, на улице, почему-то стеснялся людей, будто курсант с костылями унижал всю авиацию. Поэтому он остановился у дороги, чтобы поймать такси, и заодно закурил.

«Пойдемте, товарищ курсант! Пойдемте, я помогу вам перейти дорогу», — услышал он приятный женский голос за спиной. Николай, бросив на асфальт недокуренную сигарету, повернулся назад и, стремясь вытянуться по-курсантски, чуть не упал. Девушка небольшого роста с модным дипломатом в руке стояла рядом и, уловив в его глазах согласие, сразу же взяла его под руку. «Спасибо», — сказал Николай и улыбнулся, стремясь показаться жизнерадостным. «Какой я тебе курсант, я уже отлетал и теперь инвалид первой группы», — подумал он грустно, сохраняя улыбку.

— Вы, случайно, не из Бэпска? — спросила она. — Я сама оттуда, живу рядом с военным городком и хожу к вам на танцы во время каникул, — продолжала говорить, не дожидаясь ответа.

— Вы угадали, девушка, я учился там летать и тоже любил в свое время танцевать.

— Почему «любил»? Разве сейчас не любите?

— Сейчас не до танцев, ноги...

— Пустяки, ноги скоро поправятся, — уверенно сказала она, ведя с собой курсанта на ту сторону дороги.

Николаю было безразлично куда идти, и он шел с удовольствием. Иногда он совсем забывал о своей инвалидности и в эти минуты, глядя в упор на симпатичную девушку своими кроткими синими глазами и с искренней улыбкой, доставлял ей истинное удовольствие. Авиаторы здесь появлялись редко, и поэтому девушка считала эту встречу удачей.

— Меня зовут Наташей, — поспешила познакомиться она и протянула ему руку. Состоялось официальное знакомство, при котором соскучившееся по женской ласке молодое тело Николая словно обожгло от прикосновения ее горячей руки, и они долго и жадно глядели друг на друга, застыв на одном месте...

Дальше они пошли по центральной улице, потом завернули в переулок и никто из них не интересовался ни временем, ни местом. На них удивленно смотрели прохожие, а они не замечали никого и, глядя со стороны, можно было подумать, что идут по улице близкие старые знакомые. В этой обстановке Николай чувствовал себя настоящим курсантом, а не инвалидом и рассказывал Наташе о летном мастерстве своего инструктора, о его последнем полете. Она тоже чувствовала себя счастливой и, с увлечением слушая его, уже была готова признаться в любви.

«Курсант четвертого курса, летун, да еще симпатяга, — подумала она, не отрывая от него глаз. — Познакомить бы его с родителями. Как они хотели видеть меня с курсантом! Что у нас в институте, нет ни одного стоящего парня, в которого можно было влюбиться.. Собрались хромые да косые. Курсантов танкистов я не люблю. Воображалы, ставят себя выше студента. За что? Никто понять не может. Чем он лучше студента? Разве что носит защитную гимнастерку. Подумаешь — танк! Обыкновенный бронированный трактор, только с пушкой».

Они шли по улице, которая заканчивалась привокзальной площадью. Паровозные гудки, запах вокзала, беспорядочно двигающаяся незнакомая толпа, пробуждая память, уводила Николая в прошлое, когда его провожали в летное училище. «Эх, были хорошие времена! Вернуть бы их теперь, я начал бы жизнь по-другому, — подумал Николай. — То ли это судьба, то ли наказание. Надо же, у самой земли повредить позвоночник! А я, дурак, проливая пот, скользил на парашюте, чтобы не упасть в болото. Значит, я летел навстречу беде», — грустно посмотрел он на небо.

— О чем ты думаешь сейчас, Коля? Соскучился по небу? — спросила Наташа и ласково прижалась к нему, стараясь поймать каждое его слово.

Николай не хотел говорить о своем несчастье, но какая-то мгновенная душевная слабость заставила его признаться.

— Я инвалид первой группы и летать мне больше не суждено, — ответил он тихо, опустив голову.

— Довольно, Коленька, шутить, — засмеялась Наташа.

— Кроме шуток, — сказал он и, стараясь доказать это, вынул из кармана справку из госпиталя.

Наташа, не желая верить его словам, отвернулась.

— Все равно не верю! Ты шутишь, не верю, не может быть этого, — отрицала она, по-детски топая подкованными шпильками импортных сапожек. Ей стало плохо и она, теряя равновесие, ухватилась за костыль еле стоящего на ногах Николая.

— Не надо огорчаться, Наташа, не надо! Это моя судьба, от которой мне никуда не уйти. Подумай только, среди огромного поля торчит одинокий ствол старого засохшего дерева, и я ночью на парашюте угодил прямо на него! Это ведь то же самое, что иголка в стоге сена. Видимо, судьба человека закладывается в материнской утробе, как программа электронно-вычислительной машины. Будучи в госпитале, мне говорил об этом наш замполит полка летчик первого класса Беспалов... Человек редкого таланта, добрый, грамотный, эрудированный, летать с ним одно удовольствие. Смотрела фильм «Знакомьтесь, Балуюв!» Как раз Беспалов — типичный Балуюв, который никогда никому не делает зла, а делает только добро. Так его и прозвали Балуювым. Я, Наташа, оказался в очень трудном положении, и мне оставалось или сойти с ума от невыносимой душевной и физической боли, или поверить в судьбу и успокоиться. Пришлось согласиться с последним. В противном случае я в настоящее время находился бы в дурдоме, — утешал он себя и ее.

— Как же это так, Коля, — сомневалась она, всхлипывая и вытирая слезы. — Вчера только наш профессор говорил на лекции, что каждый человек сам должен делать свою судьбу! Я должна сегодня как раз выступить на семинаре по этому вопросу. Как же, Коля, кому верить теперь: профессору или тебе? — прижалась она к нему, все еще не веря в его инвалидность.

— Говори так, как говорил тебе профессор, ведь у него тоже есть программа, спущенная сверху.

— Неужели ты, Николай, не можешь лгать, хвастаться, как другие парни? Мужчины ради одного поцелуя наговорят черт знает что. А чтобы получить чуть больше, они идут на любой обман, лишь бы достигнуть цели. А ты не мог воспользоваться моей любовью! Ведь не всякая правда правильна. Если бы ты меня обманул, то я была бы счастливой хотя бы временно, в конце концов, человек на белом свете тоже живет временно. Спасибо за приятную прогулку, мне пора на лекцию, — высказала она свою правильную правду и неохотно удалилась, на ходу посматривая на часы.

Пройдя несколько метров, она чуть оглянулась назад и снова увидела курсанта, который все еще стоял на одном месте и, опираясь на костыли, провожал ее взглядом. И какая-то неожиданно пробудившаяся духовная сила заставила ее остановиться. «Если хочешь — пиши!» — повернувшись к нему лицом, крикнула она. Потом, еще раз взглянув на часы, подошла все-таки к Николаю и, не обращая никакого внимания на прохожих, крепко поцеловала его... За считанные секунды дойдя до состояния сладкой истомы, Наташа пыталась оторваться от жадных сочных губ Николая и, с трудом вырвавшись из его объятий, сразу же, без оглядки, побежала мелкими шажками вдоль широкого, словно бесконечного, проспекта.

А Коля все еще стоял, не двигаясь с места, и только сейчас он заметил ее красивую маленькую фигуру, изумительную походку, особенно мини-юбку, которая при каждом ритмичном шаге, обнажая до предела ее упругие бронзовые ноги, бередила все его существо, и подсказывала ему единственную таинственную причину безумного размножения всего живого на земле. «Ты права, Наташа! Ради такой феноменальной красоты стоило бы врать», — проговорил он вслух и, твердо усвоив суть «правильной правды», с глубоким чувством огорчения поплелся к железнодорожному вокзалу.

Инвалид и вдова

Поезд уже стоял на посадке и до отправления оставалось всего двадцать минут, когда Николай вынул из кармана последнее письмо Гали и прочитал еще раз то место, где она приглашала его приехать к ней после выздоровления. «Ехать или нет? Я ведь еще не совсем здоров, да и смогу ли быть здоровым?» — сомневался он, идя на почту отправить телеграмму. «Встречай десятого, поезд 18, вагон 6, целую, Николай», — написал он на бланке. «Целую! — это ни к чему, ведь я ее поцеловал всего один раз и то как-то случайно. Причем это было еще при жизни Василия, как раз в роковом году. Не будет ли теперешний бумажный поцелуй оскорблением покойного? Эх, как я подло поступил тогда!» С такими словами Николай разорвал на мелкие клочки заполненный бланк телеграммы и сочинил другой текст, без всякого поцелуя.

В вагоне было много веселых подвыпивших пассажиров, но Николаю не хотелось ни с кем разговаривать. Даже отвернулся от девушки, которая сидела около окна в проходе и с соблазнительной

улыбкой посматривала на него: у Коли не было настроения, и он не знал, как поднять его. «Может, пойти в ресторан и как следует напиться?» — подумал он, но так и не решился на это.

Постелив шинель на свободной нижней полке, он прилег рядом со своими костылями. Мысли уходили все глубже и даже забывались костыли. Вспоминал он только что проводившую его красивую, влюбившуюся в него Наташу; на редкость доброго замполита полка, уважаемого инструктора и, наконец, его жену Галю. «Есть все-таки хорошие люди на свете, правда, их очень мало по сравнению с самодурами, — размышлял Николай, лежа вниз лицом. — Если бы не инструктор, то я бы давно сгнил. Если бы не замполит, то я наверняка бы выбросился с пятого этажа. А как я был счастлив с Наташкой! Глядя на ее неповторимую походку и ощущая сладость ее сочных губ, мне на мгновение захотелось жить бесконечно. Ее «правильная правда» останется в моем сердце зияющей раной. С Галей у меня получилось совсем неожиданно: какое оказал мне доверие инструктор, посылая в шесть часов утра к своей жене за планшетом! Оказывается, жену нельзя доверять даже преданному другу. Она была порядочной женщиной и никогда бы не изменила своему мужу, если бы не подходящий случай. А тут почему-то она решилась на такое! Почему? Одному Богу известно. Случилось это без всяких ласковых слов и предварительной подготовки. Открывая дверь, она, видимо, спросонок приняла меня сначала за Васю. Столкнувшись в темном чулане с ее обнаженным горячим телом, я, голодный курсант, уж не растерялся. И, как на грех, упали мы с ней на большой кожаный диван, стоящий у самой двери... Не пойму, как все это случилось. Разве устоишь при такой ситуации? Зря он послал меня в тот день домой, полеты все равно отменили, и мы летали только во вторую смену. Дает себя знать летная, пятая, норма! При таком высококалорийном питании невозможно устоять перед женщиной, тем более если она голая, да еще согласна. Что в этом мой грех, он пустяковый по сравнению с другими. Вон в позапрошлом году курсант второго курса изнасиловал прямо на улице глухонемую женщину, годящуюся ему в матери, и чуть не получил за это пять лет заключения строгого режима. Заставили его жениться на ней. Вот это настоящий грех и позор для всего личного состава», — успокоил он себя и, повернувшись набок, сладко заснул.

За два часа до своей станции Николай уже не спал, а просто лежал на нижней полке, чтобы не мешать людям, которые собирали чемоданы, умывались, брились, приводя себя в надлежащий порядок. «Встретит или нет? — гадал Николай. — Если нет, то поеду дальше, к родителям. Что мне здесь делать? В этом городе у меня нет никаких знакомых, кроме нее. Вот тебе и судьба, никогда не думал остаться в двадцать четыре года инвалидом! Согласится ли она стать женой инвалида? Она красивая, с высшим образованием, а старше меня всего на пять лет».

Поезд остановился. Николай с помощью двух пассажиров вышел из вагона. С трудом удерживаясь на костылях, оглянулся вокруг и быстро нашел среди людей Галю, которая с ребенком на руках шла ему навстречу. «Здравствуйте!» — сказал Николай, слегка улыбаясь. «Здравствуй, Коленька!» — подала она влажную от волнения руку.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, после чего Галя заплакала. То ли она пожалела стоящего рядом молодого инвалида, то ли вспомнила покойного мужа. Но со стороны эта сцена выглядела, будто солдатка с ребенком встретила на вокзале фронтовика-инвалида. Старуха, сидящая на набитых чем-то мешках у высокой вокзальной стены, долго смотрела на них и, вытирая слезы кончиком своего засаленного платка, о чем-то шептала про себя: «Не горюй, девушка, всё это судьба, от которой могут уйти только мертвые», — словно говорила она.

Чтобы не раскиснуть самому, Николай невольно взял на себя роль наставника. «Разве Вася хотел умереть? Разве легко мне оставаться в таком возрасте инвалидом? А ты? Ты же никогда не променяла бы Васю на меня! Никто из нас не мог предотвратить этого», — убеждал он, опираясь на костыли, себя и ее. Он вспомнил при этом Наташиного профессора, который проповедовал делать самому свою судьбу, не забывая в то же время слова своего замполита: «Каждый солдат мечтает стать генералом, но не каждый становится им. Если бы можно было делать судьбу, то каждый солдат мог бы стать генералом», — повторил он ей слова замполита Беспалова. Галя успокоилась, вытерла слезы маленьким носовым платком, пропитанным духами и, в знак согласия с Колиной философией, наконец-то улыбнулась...

Законный сын инструктора Проценко, будто стараясь разобраться в происходящем, ощупывал своей маленькой ручонкой помятые курсантские погоны, интересовался дюралевыми костылями Николая, поглядывая на маму, и, словно спрашивая разрешения вмешаться в дела взрослых, начал говорить, захлебываясь, на никому не понятном языке. Наконец, он замолчал, еще раз посмотрел на маму, будто принимая всю вину на себя, и потом надолго усталился своими большими синими глазами на Колю.

...На диване, расположенном вдоль стены чисто убранной и уютной комнаты, сидели двое, а около них, как бы внимательно слушая разговор взрослых, в коляске с открытым верхом лежал Василек. На неубранном столе торчала только что опустошенная бутылка из-под «Столичной», стояли открытые

консервные банки и еще одна недопитая бутылка шампанского. Сбоку на стене, как бы стесняясь сидящих за столом, висел застекленный портрет инструктора Проценко, а рядом с ним на тонкой капроновой нитке покачивался макет современного остроносого самолета. На дне старого маленького чемоданчика Николая, открыто лежащего на диване, валялась среди всяких бумаг и фотокарточек тонкая, похожая на маленькую брошюрку, курсантская летная книжка. Галя взяла ее и осторожно, не пропуская ни одной строчки, начала листать: после каждого летного дня подробные замечания инструктора Проценко, общая оценка за каждое упражнение...

«10 сентября... начало полетов в 14.00, облачность 2–3 балла, высота нижней кромки облаков 600 метров, ветер у земли 260 градусов, 4–5 метров в секунду...»

— Помнишь? — спросила Галя сидящего рядом Николая. — Раннее утро, кожаный диван у двери...? — Да, Галочка, я отлично помню! — ответил он задумчиво.

Вспоминая прошлое, они молча целовались и поглядывали прищуренными глазами на боковую стену, как бы спрашивая у портрета Василия разрешения на поцелуй. Чем дольше они целовались, тем больше ими ощущалось возмущение портрета и поэтому, оставив летную книжку на захламленном столе, они ушли в темную спальню...

Тоненький запыленный шнурок, на котором портрет висел на стене, натянулся настолько, будто Василий пытался сорваться с гвоздя и взглянуть в спальню. Но не сумев сорваться, он как бы строго, уже с законным презрением, устремил свой взгляд на невинного ребенка, спокойно спящего на диване. Потом, ненавидя себя самого, как бы анализировал свои давнишние записи, сделанные им после полетов в тот проклятый день, на странице летной книжки курсанта: «10 сентября... руление — отлично, взлет — хорошо (отрыв на малой скорости при боковом ветре), набор высоты — отлично, связь — хорошо... общая оценка — отлично...» И будто сейчас, будучи портретом, Василий понял свою роковую ошибку, допущенную тогда ранним дождливым сентябрьским утром.

То ли от вибрации стены, то ли от непрочности шнура, портрет Василия упал среди ночи на пол. Услышав грохот, Галя прямо в ночной рубашке вышла из спальни и зажгла свет. Она несколько минут, как бы боясь дотронуться, постояла у разбитого портрета. Потом, сидя на корточках, начала вытаскивать из рамки кусочки разбитого стекла и при этом нечаянно проткнула ему глаза. Ей казалось, будто она убила Васю вторично и поэтому пыталась восстановить портрет, как бы стремясь оживить покойного. «Что же, двум смертям не бывать», — решила Галя и дрожащими руками, со слезами на глазах, вынесла портрет в мусорный ящик...

КАРТОШКА

(рассказ)

Старший конюх Семен Марухин никогда раньше не жаловался на бессонницу, а сегодня никак не мог заснуть, хотя уже перевалило за полночь. Спал он всегда крепко, и ему не мешали ни клопы, без которых Семен никогда не жил, ни толстая жена, лежащая рядом и храпящая, как мужчина. Сейчас ворочался он с боку на бок, невольно заставляя скрипеть старую деревянную кровать, доставшуюся по наследству от деда.

Наконец Семен осторожно слез с кровати, на цыпочках прошел до порога и осторожно, чтобы не разбудить спящих, закурил. Сидеть на пороге было ему намного удобнее, чем лежать и ворочаться.

На деревянном полу, слегка освещенном луной, крепко спали дети, укрывшиеся старыми шубами и телогрейками. Рядом с ними, свернувшись калачиком, пристроились на соломе несколько ягнят и пушистый сибирский кот. Бросив незатушенную самокрутку в ведро, переполненное помоями, Семен лег снова и снова попытался заснуть, ибо рано утром ему предстояла дальняя дорога.

Петухи пропели уже второй раз, а Семен все еще не спал. Его беспокоили не дальняя зимняя дорога и не ранний подъем, ко всему этому он привык с малых лет. В основном Семен был тронут вчерашней добротой председателя колхоза, который без малейшего колебания дал ему лошадь и отпустил его на воскресенье в город. Никогда председатель не был к нему так добр! «А как же иначе, — рассуждал Семен. — Как-никак боевой орден! Пусть даже много лет прошло после войны». Не веря своим мыслям, он пощупал шершавыми пальцами газету, которая лежала под подушкой жены. «Шутка ли! — продолжал он размышлять. — За проявленный героизм при штурме рейхстага гвардии рядовой Марухин Семен Иванович награжден орденом...!»

Мало кто знал его фамилию в деревне, а отчество — подавно. Прозвище «Кривой», которое «прилипло» к нему сразу же после возвращения с фронта, вмещало всю его биографию: старший конюх Марухин, инвалид Великой Отечественной войны, родился в деревне Дудинке, имеет жену Машу и шестерых детей... Кроме других положенных записей, на его личных документах, хранящихся в

Правлении колхоза, сверху карандашом было помечено «Кривой». Прозвище намного сокращало фразу, делало ее компактной, а иногда использовалось оно и для ориентировки на местности, так как в селе не было ни названий улиц, ни нумерации домов: деревенское начальство частенько пользовалось этим удобством. Как-то председатель колхоза указал бригадиру: «Около Кривого упал телеграфный столб, надо будет завтра поставить новый». Бригадир понял задачу с полуслова и не задавал никаких вопросов.

В первые послевоенные годы Семен реагировал болезненно на свое прозвище и всячески пытался избавиться от него. Было много скандалов по этому поводу и однажды, разозлившись, он чуть не убил своего соседа Ивана Черного, за что и получил статью. В основном инцидент произошел из-за березы, посаженной еще дедом Кривого и служившей много лет как бы пограничным столбом между огородами. Но Иван нагло, при людях обозвал Семена Кривым. «Надо же гаду ползучему без всякой надобности срубить дедовскую березу, да еще обозвать меня, героя, трусом!» — проклинал он соседа, вспоминая прошлое, и был готов избить его снова. Эта психологическая несовместимость между ними началась сразу же после войны, и Семен без всякого раздумья уехал бы куда угодно, но удерживали его большая семья и домашнее хозяйство, без которого невозможно было ее содержать.

При случайной встрече с Черным Семен сначала с удовольствием замечал глубокий шрам на его лице, а потом, как правило, с горечью вспоминал колонию, где отбывал несколько послевоенных лет.

Если толком разобраться, то Черный тоже мог бы оказаться на скамье подсудимых за злую шутку о том, что якобы Семен еще в самом начале войны где-то в пересыльном пункте умышленно разрубил себе сухожилие, чтобы не попасть на фронт. Семен глубоко обиделся на клеветника, но долгое время не знал, как рассчитаться с ним, и как-то в день праздника, будто бы без причины, сорвал свое зло. С этого момента Семен потерял моральное право бороться за справедливость. Слух о сухожилии еще подкреплялся тем, что Семен никогда не носил медалей, хотя у него их было намного больше, чем у Черного.

«Прочитав газету, все поймут, кто есть кто! — разговаривал он сам с собой. — Куда же я мог деть свои медали? Неужели детишки растащили! Больно уж много их у Черного, может, он носит мои! Ребятишки перетаскали, видать. Бумаги-то на них лежат в сундуке, а вот медалей там осталось мало. Приду с базара, поищу под полами. Дела, дела! Ну и гад же! Хотя я не трус, но никогда не обвиню другого в трусости. Это равносильно тому, что дразнить слепого. Сколько ни дразни слепого, от этого он все равно зрячим не станет. Вот, к примеру, заяц, он по натуре трусливый и его никогда не сделаешь храбрым. Никому не хочется быть трусом! Каждый бы желал стать храбрым, в том числе и заяц. Как заяц завидует волку, так и трусливый человек завидует храброму».

— Чего ты там бормочешь, во сне, что ли? — спросила жена, проснувшись, и попыталась разбудить его, тряся за плечо.

— Да нет, не во сне, — ответил Семен. — Ты не знаешь, Маша, куда подевались мои медали?

— Спи, тебе же рано вставать! Посмотрим завтра в сундуке, кажется, там валяется несколько штук. Скоро уже вставать, спи!

После нескольких минут молчания жена снова захрапела, и под монотонный храп жены Семен тоже задремал.

Ему приснилось, будто он сидит в зале нарсуда за деревянным барьером, под стражей. Судья, зачитав материалы обвинения, перешел к разбору уголовного дела.

— Потерпевший, товарищ Цыбин! Расскажите суду подробно, при каких обстоятельствах нанес вам удар топором подсудимый, кладовщик Семен Марухин? — задал судья вопрос звонким властным голосом.

Иван Цыбин, по прозвищу Черный, в чистом выглаженном костюме и при медалях, вышел на середину зала. В зале установилась идеальная тишина. Черный сначала посмотрел на Кривого, как бы улавливая его настроение, а потом, повернувшись к столу, доложил суду:

— Тогда был праздник и у меня гостил свояк с сыном. За столом я как-то пожаловался на плохой урожай картошки возле старой березы. Они посоветовали срубить ее, и мы тут же втроем вышли в огород да свалили березу... Тут откуда-то выскочил Кривой... то есть, значит Марухин, сосед, и, ничего не говоря, сорвал с моего пинжака все медали, бросил их на землю и растоптал... Естественно, я схватил его за руку, а он в это время взял мой топор, лежащий у сваленной березы, и размахнулся. Я успел отскочить, но топор задел меня за щеку. И упал я без сознания...

Допросив свидетелей, судья задал вопрос Кривому, который внимательно выслушал Черного и был уже готов к ответу.

— Подсудимый Марухин! Зачем вы ударили топором — суду ясно.

А вот почему вы сорвали правительственные награды и растоптали их в грязи — нам непонятно.

Я хватил Черного... тьфу, черт! Цыбина я взял за грудь, чтобы положить его рядом со старой поваленной березой, а он дернулся, и медали его рассыпались на землю. Топтать-то я их вовсе не топтал... Нет, нет! Боже упаси, разве это можно! Я этого не делал. Видимо, нечаянно наступил лаптями на них. Честно говоря, я давно хотел поколотить Черного... Значит, Ивана. Он же, как баба, пустил про меня утку, якобы я увильнул с фронта, разрубив себе сухожилие! Разве такое допустимо? Это измена! За это на войне расстреливали на месте!

— Гражданин Цыбин! Вы когда и кому говорили о том, что Марухин с целью симуляции повредил себе сухожилие? — спросил судья Черного.

— Врет он, товарищ судья, врет нагло! Я не говорил никому, не докажет он этого, нет у него свидетелей! — быстро, боясь как бы не перебил кто-нибудь, отвечал Черный на вопрос судьи.

— Подсудимый Марухин! Как вы можете это доказать? — спросил защитник, попросив предварительно разрешение у судьи.

— Вы спросите у Кольки, у младшего сына Черного. Он всему классу рассказал о сухожилье и прозвал моего Митьку трусом. Это все знают, и из-за этого они подрались до крови. Как раз после этого мой Митя совсем бросил школу... Спросите у директора школы, он приходил к нам домой, разобраться в этом деле, — старался доказать Семен, вытягивая шею в сторону судьи. — Про вас бы если такое сказали...

Семен пытался сказать еще что-то, но, реагируя на поднятую руку судьи, замолчал.

— Успокойтесь, подсудимый Марухин! Этот случайный детский разговор нельзя принимать всерьез, — остановил его судья раздраженным голосом. — Если вас кто-либо оскорбил или оклеветал, то вы имеете право подать в суд. Спорные вопросы не решаются у нас с помощью топора. Для этого есть правосудие! Наконец-то вы поняли свою вину, подсудимый Марухин?

— Зря не срубил я ему голову, гаду ползучему! — крикнул Семен и пытался вырваться из оgrades...

И на этом критическом месте своего дурного сна Семен проснулся. Вытерев вспотевший лоб засаленным рукавом, он лег на спину и был рад, что это дело давно прошедших лет, а теперь всего лишь сон. Потом осторожно вытащил газету из-под подушки и медленно, как слепой, провел рукой по строчкам газетной страницы, будто ощущая пальцами каждую букву о своем героизме. «Теперь меня снова могут поставить кладовщиком, — мечтал он с закрытыми глазами, все еще держа в руках газету. — Там работа почетнее и трудодней наберешь побольше за год. Во всяком случае сыт будешь при любом урожае. А детям-то какая радость! Все-таки не сыновья конюха, а сыновья кладовщика. А жена, она-то обрадуется как! Обязательно куплю ей новое платье и телогрейку, а то телогрейка-то уж блеснит, стала как кожаная... Тогда уж я Семен Иванович, а то и товарищ Марухин. А кто ты, Ваня Черный? Всего лишь чумазый тракторист! Таких много в колхозе, а кладовщик только один, у кладовщика даже есть свой стол в Правлении колхоза и целый шкаф толстых амбарных книг, от которых всегда пахнет зерном. Да-а, оказывается, справедливость иногда может восторжествовать, но не всегда у человека выдерживают нервы. Борясь за справедливость, многие люди становятся психически больными, теряя смысл жизни. Все-таки я дождался!.. Повесилась же недавно бедняжка, шестнадцатилетняя приемная дочь школьного завхоза. О чем только ни болтали злые языки. Подозревали учителей и даже еле живого чахоточного директора! Лишь после смерти узнали правду. Тоже мне районный гинеколог! Языком может трепать, а девушку от женщины не может отличить. А что до прозвища, так это мелочь. Мне еще повезло и в этом. Захара рябого прозвали Клеймом из-за круглого, как печать, красного пятна на щеке. А Клима одноглазого — Носорогом из-за искалеченного носа. Матвея-сапожника прозвали Дураком и никто не знает, за что! Вот Кузьму-бригадира почему-то зовут Красавцем, хотя он вовсе не из красивых».

После третьих петухов Семен прикинул время и встал окончательно. Влезая с головой в русскую печку, занимающую полдома, вытащил оттуда валенки. Пять мешков отборной картошки для продажи было приготовлено еще с вечера. Прислонившись к мешкам, он надел теплые, вымазанные золой, валенки и закурил. С самокруткой во рту вышел во двор. Всюду было тихо, лишь далеко, где-то в другом конце села, усердно лаяла собака, почуяв приближение волка. На небе мерцали звезды, и лунный диск казался сегодня больше, чем когда-либо. «Хороша погодка! — приговаривал Семен, потирая ладони. — Через два часа я уже буду на базаре, если не испортится погода. Не дай бог!» Потревожив кур, сидящих на многоэтажных жердях, пристроенных у стен утепленного сарая, проверил Семен корову, которая вот-вот уже должна отелиться. «До февральских метелей обязательно надо съездить в город, обязательно надо, иначе останемся без денег», — торопился он в конюшню, делая сложные движения своей короткой негибаемой ногой. При этом верхняя половина его туловища моталась из стороны в сторону, наклоняясь почти на девяносто градусов.

Выбрав самую лучшую кобылу по кличке Лохматая, он запряг ее по всем требованиям дальней зимней дороги. Проверил сбрую, ощупал руками каждую деталь и застелил сани ровным слоем соломы, оставив

место только для мешков. Затем Семен разбудил своего единственного помощника, молодого, глухонемого от роду парня, который распарившись, спал в домике, предназначенном для подогрева воды и корма для лошадей. Глухонемой никогда не запирает дверь на крючок, так как голосом невозможно было разбудить его. Помощник уже знал о поездке старшего конюха в город и поэтому, чувствуя ответственность, внимательно «выслушал» своего непосредственного начальника.

К возвращению Семена из конюшни жена подтопила печку, подогрела щи. Отрезала кусок мерзлого сала, полкаравая ржаного хлеба и, завернув их в газету, положила в дедовский дорожный мешок, сшитый из грубого самотканого полотна. Потом принесла из кладовки бутылку самогона и, проверив надежность газетной пробки, поставила ее между салом и хлебом. «Не забыла ли чего?» — задумалась Маша и подошла к печке, несколько минут постояла, обогреваясь теплым воздухом, выходящим из печи. При этом вспомнила трешку, давно уже припасенную на «черный день». «Бери, бери! Пригодится в дороге», — говорила она, насильно всовывая трешку в его карман. Семен согласился и взял ее, но перед самым уходом незаметно вынул из кармана и сунул под скатерть.

Хотя было еще рано и темно, в доме уже никто не спал. Старший сын, одетый налегке, открыл ворота и придерживал их, пока отец не выехал со двора. Он стоял, приплясывая от холода, и ему хотелось быстрее вернуться под старый полушубок. Мать надежно привязала к саням мешок с едой и прикрыла его соломой. Проснувшиеся дети провожали отца, стоя у обледеневшего окна, а ягнята беспокойно крутились около них, вытягивая свои тонкие шеи. Старый сибирский кот, пользуясь моментом, перелег с соломы на ватник, лениво поглядывая на бегающих маленьких кудрявых барашков.

Проводив отца в город, дети снова легли спать. Кот, неохотно уступив теплый ватник, обиженно полез на печку. Маша несколько минут постояла на улице, внимательно прислушиваясь к утренней тишине, к скрипу все дальше и дальше отъезжающих саней и фырканию лошади.

Холодный, слегка пропитанный запахом табака утренний воздух, напомнил ей зиму сорок второго, когда она ранним январским утром провожала Семена на войну. «Может, вернется, — думала она тогда. — И на войне не все погибают».

По отлично накатанной дороге полозья скользили, как по рельсам, и кобыла шла рысью, словно торопилась вернуться из города, пока стояла хорошая погода. Вот уже пройдена четверть пути, и при лунном свете отчетливо показалась старая церковь в селе Покровка, используемая с двадцатых годов как колхозное зернохранилище.

Семен понимал лошадиную участь и жалел кобылу. В гору он шел пешком, подталкивая сани, потом все же ложился в сани и мечтал, отдыхая. Лежа на брезенте, которым накрыта солома, предохраняющая картошку от мороза, он по нескольку раз подсчитывал предполагаемую выручку. «Если толкну ведро за два рубля, то получу шестьдесят рублей, а если за полтора, то — намного меньше», — прикинул он в уме.

В эти приятные минуты, когда он мысленно набрал наибольшую выручку, вдруг заржала кобыла и остановилась. «Черт, неужели развязалась подпруга! — подумал Семен и слез с саней. — Гады! Нашли место где отдыхать!» — выругался он, увидев причину. Впереди, в пятидесяти метрах от него, неподвижно сидели на дороге два волка, изредка лениво поворачивая головы.

Ехать напролом было рискованно, а повернуть назад — стыдно. Решил Семен все-таки переждать волков. На всякий случай приготовился к обороне, расстегнув пояс, скинул тулуп и вытащил нож из голенища... Много лет работая конюхом, он знал разные способы усмирения непослушных жеребцов. Усмирение разъяренных быков тоже поручали ему. Лет десять назад племенной бык сорвался с цепи и целый день бродил по селу, таская за собой бревно, к которому был прикован прочной цепью. Сначала он ходил мирно, а потом, глядя на окружающих его людей, вооруженных вилами и топорами, разозлился и начал кидаться на них. На глазах у всех он растоптал одного мужика насмерть и двоих зацепил рогами, а сам получил легкое ранение в ногу. Перепуганные люди разбежались по домам и попрятались как можно дальше, а бык свободно гулял по деревне и орал от скуки. Лишь к вечеру он прилег, упершись шеей о старый тополь, возле сарая Кривого. Семен долго наблюдал с крыши за удобно лежащим быком и, рискуя жизнью, прикрутил его толстым арканом к тополю... Потом целый месяц усмирал его: то громко материл его и бил кнутом до усталости, рассчитываясь с ним за пострадавших, то осторожно ласкал его, почесывая лоб. С тех пор бык стал послушным, но все равно люди боялись его и никто к нему не подходил, кроме Семена. Он же через несколько лет собственноручно сдал его на районную бойню, когда бык стал негодным.

Случай с быком поднял Семена на высоту, и им гордилась вся деревня. «Я сильный, как Кривой!» хвастались дети, играя в войну. А директор школы, рассказывая ученикам о героях, приводил в пример Семена. Сам директор родился слабым и всегда, с малых лет, завидовал сильным. Заканчивая свой

рассказ, он часто говорил: «Ребята! Будьте такими же храбрыми и мужественными, как наш односельчанин Кривой». Судя по теплым словам директора, можно было догадаться, что он не против бы перенять прозвище Семена. «Кривой — самый храбрый мужик», — говорили тогда сельчане.

Теперь Семен стоял с ножом в руке на полевой дороге и боялся двух, чуть крупнее собак, волков. «Если бы они сидели немного в стороне, то я бы проехал свободно, — утешал он себя. — Позор, если кто-нибудь об этом узнает в деревне!» — подумал Семен и хлестнул кнутом по брезенту, от которого получился такой хлопок в морозном воздухе, что волки взглянули друг на друга. «Ага, испугались!» — расхрабрился он и со всей силой ударил еще раз по брезенту, подкрепляя хлопок оглушающим тройным матом. Наконец волки поднялись медленно, делая вид, что они вовсе не боятся человека с кнутом, и пошли в сторону рощи, шагая след в след.

Глядя на уходящих волков, кобыла успокоилась и стала дергать сани из стороны в сторону, чтобы оторвать примерзшие полозья, и без напоминания хозяина двинулась в путь. Она виновато фыркала, как бы изгоняя дух недавней своей трусости. «Какие маленькие, а храбрые», — могла бы она сказать, если бы умела разговаривать. Лохматая бежала и бежала, наверстывая упущенное время, и старалась оправдать доверие конюха, сохранить свое доброе имя. Лежа животом на брезенте, Семен задумался о зверях: «Волк храбрый, а заяц трусливый! Почему Бог создал хищника сильным и храбрым, а безобидного зайца слабым и трусливым? А тигр, крокодил, змея?.. Все они сильные и храбрые! Если бы сделать зайца храбрым, то он наверняка стал бы хищником!»

С такими мыслями Семен въехал в областной город, который с самой окраины начинался с крупных девятиэтажных домов. «Как они не падают?» — удивился он, глядя на узкие высокие коробки. Ему казалось, будто они качаются.

В городе дорога разветвлялась, и Семен остановил лошадь, чтобы спросить у прохожих дорогу на колхозный базар. Скинув тулуп, закурил. «Почем товар?» — слышался голос сверху. Семен долго вертел головой, желая найти спросившего человека. «Два рубля ведро», — крикнул, однако, так и не найдя его.

Пока он развязывал веревку и стаскивал брезент, его уже окружили горожане, которые стекались к нему из всех домов.

— Повезло мужику, — сказала женщина с сеткой, показывая на образовавшуюся очередь.

— Нам тоже, — ответил ей старичок с ведром. — До базара далеко, а в магазине не картошка — одна земля.

Не прошло и получаса, а уже продано два мешка.

«Если так пойдет дело, то я к обеду вернусь домой, — обрадовался Семен. — Зря не захватил сына, с ним бы управились еще быстрее», — сожалел, глядя на окружающих.

Покупателям, выскочившим из теплых квартир налегке, было холодно и они, упрекая Семена за медлительность, поторапливали его.

— Он еще не проснулся, — шутил мужчина с усами, доставая папиросу из кармана халата.

— Наверняка забыл сегодня заняться физзарядкой, — поддержал усатого рядом стоящий толстяк.

— Безобразие! — возмутился третий. — Не мог заранее приготовить сдачу. Жди теперь, когда у него появится рубль!

Хотя возмущение покупателей раздражало Кривого, но он молчал, заставляя свои одеревеневшие руки работать еще быстрее. «Успею еще сходить в магазин, — прикинул он. — Себе куплю шапку, сыну — школьную форму, а жене — материал на платье. Неплохо бы сбегать в хозмаг, вдруг там есть гвозди!» Народ все еще подходил, но Семен уже развязал последний мешок. «Повезло», — радовался он, наполняя очередное ведро.

— Боже мой, два рубля ведро! Выходит двадцать копеек кило, почти в два раза дороже! Ничего не боятся эти спекулянты, — рассуждала стоящая рядом с Семеном женщина в каракулевой шапке.

Кривой молча продолжал наполнять ведра.

— А ведь в магазине двенадцать копеек! — ворчала она, пытаясь найти поддержку среди покупателей.

— Там один мусор, а здесь отборная крупная картошка без отходов, — возразил ей Семен. — Не нравится — покупай в магазине! — добавил после паузы.

— Слыхали? Еще охаивает советскую торговлю! Наверняка купил в магазине! — продолжала она обвинять Семена, чувствуя чью-то поддержку сзади.

Семен растерялся и промолчал. Ему захотелось посмотреть на нее. С этой целью он оглянулся и встал во весь рост. При этом плечом задел ее длинный нос, из которого вдруг пошла кровь.

— Он еще хулиганит! — расшумелась женщина на весь квартал и, поддерживая нос варежкой, побежала куда-то и скрылась между домами.

Между тем разговор продолжался и покупатели разделились в своих мнениях. Одни упрекали Семена за спекуляцию, за жадность и за хулиганство, а другие хвалили его за добротную картошку.

«Вовсе он не инвалид войны, а сломал ногу на работе», — утверждала дама, только что подошедшая с ведром. Семену хотелось заткнуть ей рот вчерашней газетой, но он молчал, довольствуясь тем, что его все-таки защищали другие. «Инвалид труда разве хуже, чем инвалид войны? — произнесла девушка в очках. — Он привез вам первосортную картошку прямо к дому и вы еще недовольны. Разве сравнишь ее с магазинной, совсем другой вид!»

После этих похвальных слов Кривой прослезился и, нагнувшись к ведру, незаметно вытер глаза засаленным рукавом ватника и закурил.

Третьи сначала молчали, а потом, чувствуя силу на стороне агрессивных, постепенно примкнули к ним.

Через несколько минут между домами показалась группа подростков с красными повязками на рукавах. Впереди них шла женщина в каракулевой шапке.

— Ваши документы? — строго спросил Семена один из них.

— С собой у меня ничего нет, ответил он спокойно. — Я колхозник, у нас там пачпартов нет.

— Почему продаете картошку не на базаре? — спросил второй. — Вы грубо нарушаете правила советской торговли!

— Я ехал было на базар, но меня женщины остановили тут и велели продать, — заявил Семен виновато, ожидая поддержки покупателей.

— Кто из вас остановил его? — задал юноша вопрос окружающим, сверля глазами каждого из них.

Все молчали, наступила тишина. Мальчики переглянулись и продолжали задавать Семену вопрос за вопросом.

За это время окружающие незаметно разошлись, боясь попасть в число свидетелей.

— Нельзя распускать руки! — твердил старший дружинник, глядя в упор на Семена и поправляя красную повязку на рукаве.

— Я нечаянно задел ее плечом, — оправдывался Семен, показывая, как это случилось.

По упорному настоянию пострадавшей ребята повели Семена в отделение милиции. Кривой сел в сани, а вокруг него расположились дружинники и женщина в каракулевой шапке. Управлял кобылой старший дружинник. Сначала они повернули направо, потом налево, проехали под мостом, еще налево и направо...

Семен уже заблудился и вряд ли смог бы выбраться отсюда, если бы даже отпустили его. Пытаясь исправить положение, Семен решил помириться с пострадавшей на ходу.

— Хочешь я дам тебе полмешка картошки бесплатно? — обратился он к ней, стараясь улыбнуться.

— Слышали, товарищи? — вспыхнула она, глядя на ребят. — Он предлагает мне взятку!

Дружинники не ответили ничего. Наступило молчание.

Семен знал, что такое взятка и поэтому его не радовали ни деньги, лежащие во внутреннем кармане, ни сэкономленное время.

Дежурный по отделению милиции занялся срочными делами и лишь после обеда дошла очередь до Семена. При допросе любой вопрос оборачивался против него и Семен никак не мог оправдаться. Совсем стало плохо, когда при обыске вытащили у него из голенища здоровенный нож.

— Это что?! Почему не сдали сразу? — спросил дежурный, Семен пытался что-то сказать, но дежурный перебил его.

— Знаете ли вы, гражданин, что носить с собой нож запрещено законом?

— Но ведь у нас там волки, — оправдывался Семен.

— Знаем мы, гражданин, против каких волков предназначен такой нож, — возражал дежурный. — Вот вчера недалеко отсюда зарезали одного! Кто может гарантировать, что это преступление совершено не этим ножом? Плюс к тому же волки у нас охраняются законом, пора бы знать, гражданин!

Глядя на кинжал, лежащий на столе, потерпевшая отошла в сторону и, не желая связываться с рецидивистом, пыталась уйти, пока не занесена ее фамилия в протокол допроса. Но дежурный задержал ее и аккуратно, не торопясь, записал показания женщины. То ли на нее повлиял нож, то ли еще что, но она не сказала ни слова в своем показании ни о спекуляции, ни об охаивании советской торговли.

Подписывая протокол, Кривой облегченно вздохнул и, повернув голову в сторону пострадавшей, шепотом поблагодарил ее. Она улыбнулась Кривому, но побледнела и упала на выходе, споткнувшись о гвоздь, торчащий на полу.

Деньги Семену вернули, а нож надежно заперли в сейф, предварительно зарегистрировав в специальном журнале.

Приближался вечер, шел снег, но Семена не могли отпустить до выяснения личности, хотя бы по телефону. Дежурный долго пытался связаться с деревней и, наконец, ему ответили, будто такой гражданин в деревне не проживает. После этого Семена закрыли в одиночку, сделав повторный обыск и отобрав деньги.

— Вы гражданин, вводите нас в заблуждение, — сухо сказал дежурный, закрывая камеру.

— У меня есть кличка! Кривой я, Кривой! Спросите конюха Кривого! — закричал Семен через запертую дверь.

— Наконец-то признался, у каждого рецидивиста имеется своя кличка! Вчера «Хромого» поймали, он уже сидит! — обрадовался дежурный.

Семен, стоя в камере, внимательно слушал его и, приняв сказанные дежурным слова за шутку, промолчал. В ожидании ответа, дежурный достал из стола протокол допроса и сверху написал жирными буквами КРИВОЙ.

Но через некоторое время дежурный, повторно связавшись с деревней, выяснил, что Кривой есть гражданин Марухин Семен Иванович и отпустил его.

На улице еще было светло, но «гнилой угол» уже потемнел, что бывало перед ухудшением погоды. Кое-как Семен выехал из города и нашел свою, идущую в сторону Покровки дорогу. Чувствуя усталость и голод, он вспомнил о мешке с едой. Сделав несколько больших глотков самогона прямо из горлышка, он понюхал кусок хлеба и закусил салом. Крепкий первак мгновенно пробежал по всему телу и ударил в голову. Куда-то сразу исчезли только что пережитые неприятности. Стало ему тепло и он, нащупав деньги, застегнул пуговицы тулупа, лег на солому, покрытую брезентом. Ветер усиливался и местами на дороге образовались сугробы. Семен немного задремал...

«Наверное, проехали Покровку», — подумал он, просыпаясь, и, отпив еще несколько глотков самогона, снова прилег.

Лежа на соломе, укрывшись тулупом, Кривой чувствовал тяжелое дыхание лошади. Она тащила сани рывками, временами останавливалась для отдыха и снова, без всякой подсказки хозяина, двигалась вперед. Много раз она меняла направление движения и ей казалось, будто где-то впереди лают собаки, дымят трубы и вот-вот покажется деревня, хотя бы и чужая.

Кривой с трудом встал, желая сориентироваться и поискать дорогу, но порыв ураганного ветра со снегом сбил его с ног. Кобыла стояла по брюхо в снегу, тяжело дыша, и, чувствуя безвыходность положения, ждала помощи от своего хозяина. Держась за оглоблю, Семен подошел к лошади и подбадривал ее, похлопывая по морде. Она, чувствуя около себя человека, с надеждой фыркала и подмаргивала своими обледеневшими бровями, будто пыталась сказать ему: «Довезу я тебя до дома, только покажи дорогу и управляй вожжами!» Конюх понимал кобылу, но был так же беспомощен, как и она, и ему самому хотелось попасть под чье-нибудь управление.

Он развязал брезент и пытался накрыть им кобылу, подсовывая его под шлею, но порыв ветра подхватил брезент с такой силой, что чуть не сбил с ног кобылу и не потащил вместе с санями. Чем дольше они стояли, тем сильнее обледенялась лошадь и поэтому Кривой погнал кобылу вперед, а сам, укрывшись тулупом, лег в сани. «Судьбу не перепрыгнешь!» — подумал он и успокоился, а лошадь шла и шла в неизвестном направлении, с трудом перетаскивая сани через сугробы. Под тулупом Семен заснул.

Проснулся он тогда, когда, кувыркаясь, летел вниз. При этом он несколько раз оказался под санями, а потом, ударившись головой о твердый предмет, потерял сознание.

Придя в себя, он с трудом установил, что находится на дне неизвестного ему оврага. Не было шапки и рукавиц. Неподалеку от него в снегу валялся тулуп, обнаружив который, Семен перекрестился. Оторвав один рукав от тулупа, он надел его на голову и начал искать кобылу. «Может быть, она наверху», — подумал он и, стараясь быстрее выбраться, карабкался вверх, ощущая с каждым шагом беспомощность человека перед могуществом природы. На круче над самой головой навис сугроб, и Семен решил пробить его с ходу. Но массивный сугроб обрушился на него и потащил с собой до самого дна.

Пуржило и на дне оврага. Стоя по пояс в снегу, Семен отдохнул немного и начал искать подходящее место для подъема. Чтобы не повторить прежнюю ошибку, он теперь решил выбраться с другой стороны. Проходя по оврагу, Кривой наткнулся на свою шапку, но не стал ее надевать, так как рукав от тулупа грел намного лучше, чем засаленная ушанка. «Вдруг рядом какая-нибудь деревня, а я сижу в овраге», — подумал он и заторопился наверх, передвигаясь на четвереньках мелкими шагами по глубокому рыхлому снегу.

Он знал, что в здешних оврагах имеются незамерзаемые колодцы, покрытые снегом. Часто они служили могилой для волков и других зверей. Поэтому идти вдоль оврага Семен не решился.

После каждой неудачной попытки выхода, он, сидя на дне оврага в относительной тишине, обдумывал свое положение: «Все люди смертны. Но умирают только безбожники, а верующие не умирают, они лишь уходят на тот свет. Верующему легче жить, он смерти не боится», — рассуждал он вслух после очередной неудачи. С каждой попыткой он обессилевал все больше и больше, но не хотел сдаваться.

В этот раз Кривой взял направление на мотавшуюся наверху ветку, около которой висел сугроб. Семен решил обойти его и держался немного левее, чтобы ухватиться за ветку правой рукой. «Выйду все равно!» — шептал он, хватаясь за нее. Но ветка вырвалась с корнем и подхваченные ветром куски мерзлой земли ударили его по лицу. Пытаясь отвернуться, он задел за сугроб и снова покатился вместе с потоком снега.

Во время короткого отдыха Семен с удовольствием нащупал деньги, подумал о семье, забеспокоился о корове и, вдохновленный планами на будущее, полез снова. С учетом предыдущих неудач он сейчас лез медленно и осторожно. «На этот раз меня не проведешь», — бормотал он, упрямо подставляя лицо вихрю. Кривой держал направление туда, где наверху не было ни сугроба, ни веток. К тому же ветер дул в спину. «Я уже на воле!» — приговаривал он, высовывая из оврага голову. Еле удерживаясь, он осмотрелся и глубоко вздохнул, будто здесь был другой воздух и пахло жизнью. Хотя и с трудом, но Семен узнал местность, ориентируясь по одинокому дереву, растущему у самого оврага. «Отсюда до деревни всего восемь километров!» — уверенно бормотал он.

Овраг этот был действительно глубоким и, по словам стариков, был издавна связан с разными легендами и сказаниями. Говорили, будто однажды ночью со дна этого оврага поднялся огненный столб до облаков, а другой раз днем дерево, вырванное с корнем, долго и без повреждения летало над полями.

Чувствуя спасение, Семен дотянулся бесчувственными руками до торчащего из-под снега большого камня. Используя силу ветра, он правым локтем уперся о камень, чтобы одной ногой встать на пенек. Камень, не выдержав нагрузки, вырвался из земли и покатился вместе с Семеном, который, столкнувшись с этим же камнем, опять потерял сознание. Пролежав несколько минут, Семен очнулся. Кружилась голова и тошнило. Он пытался встать, но не смог. Только в сидячем положении ему было немного легче, и не тошнило. Удобнее расположившись на снегу, Семен сидел теперь на дне оврага и мягкий снег плотно ложился вокруг него, защищая от холода. Постепенно согреваясь в тулупе, обнесенный снегом, он задремал и видел во сне отдельные эпизоды из своей прошлой жизни: фронт, ранение, победа. Потом пошли сны неприятные: девятиэтажный дом, картошка, женщина в каракулевой шапке...

Вздвогнув, Семен проснулся и ему показалось, будто лежит он в санях. «Ну, пошла, Лохматая!» — подгонял он кобылу, и, проверив деньги, задремал снова... Снова пошли сны и в бесконечном круговороте приятных и неприятных снов Семен заснул крепко. А снег шел и шел, засыпая сидящего конюха ровным слоем, ограждая его и от волков, и от всяких жизненных неприятностей.

...К утру погода успокоилась, не было ни ветра, ни снегопада, и облака уплыли куда-то, сделав свое дело. Все было покрыто ослепительно белым снегом, не оставалось никаких следов жизни, будто все живое уничтожено ночным ураганом. Земляки Кривого, вылезая утром через крыши, откапывали свои дома, прокладывая тропки. Поисковая группа, состоящая из трех человек, прошла на лыжах вдоль основательно занесенной снегом дороги, потом спустилась вниз по оврагу, который был наполнен плотным снегом на одну треть своей глубины. Группа, не зная, куда идти дальше, несколько минут постояла у таинственного оврага, где под снегом сидел переохлажденный Кривой и крепко спал, попавший впервые в жизни в абсолютную тишину. Его охватил нескончаемый сон, он легко плыл в облаках, огибая горы и высокие дома. Вот Кривой уже закружился над своей деревней. Тихий летний солнечный день, около правления колхоза много народу. Вокруг стола, покрытого красным бархатом, собралось начальство для встречи со старшим конюхом. Кривой сидит на почетном месте за столом и слушает выступающих. Каких только не было сказано теплых слов в его адрес! Выступающие называли его Семеном Ивановичем, поворачивая головы в сторону Кривого. Особенно горячо говорил директор школы, который вспомнил не только об укрощенных быках и жеребцах, но и о многом другом, чего Кривой вовсе и не помнил. После закрытия митинга многие пожимали Семену руку, а районный военком, вручая ему запоздавший орден, даже поцеловал его дважды. Семен в знак благодарности непрерывно улыбался и сиял от радости...

В течение зимы ходили разные слухи о пропавшем конюхе. Одни говорили, что его разодрали волки, а другие, что якобы Кривой, взяв самую лучшую кобылу, махнул за границу. Среди всех кривотолков более устойчиво держалось мнение о том, будто Кривого видели в городе с молодой красивой дамой. «Разве будет жить Герой в деревне! — рассуждали завистливые женщины. — Такому человеку и в столице найдется место».

Пришла весна, на полях сошел снег. Приближался весенний сев. Сельский агроном Петр Егорович Зайцев, объехав поля верхом на коне, возвращался домой вдоль оврага. Земля уже подсохла, но температура еще была низковатой для сева.

Кроме земледелия, агроном вел общественную работу: он был бессменным агитатором в селе, а иногда по плану райкома выезжал и в другие деревни. Несмотря на нехватку литературы и наглядных пособий, он преподносил материал доходчиво и интересно. Но в последнее время стало трудновато отвечать на вопросы слушателей, особенно на атеистические темы, и как-то раз он еле выкрутился, объясняя одному старику строение мира. «Легко сказать, что мир бесконечен, — задумался теперь он, сидя верхом на коне. — Скажем, имеется Солнечная система, за ней звезды. Сколько их, а что за ними? Этого никто не знает! Если так, то имеем ли мы право говорить конкретно о бесконечности мира?» — сомневался он всерьез, глядя на горизонт.

В пределах земли ему было все ясно, и понятие о бесконечности он понимал как в математике. Но, уходя своими мыслями в космос, он запутался окончательно. «Как же мир познаваем, если он бесконечен? Значит, познать мир в целом человеку никогда не удастся, ибо «познаваемость» и «бесконечность» мира — это две параллельные линии, которые по закону геометрии никогда не сойдутся. Если мир познаваем и бесконечен, то познаваемость мира переходит в бесконечность, теряя свою достоверность. Или мир познаваем и конечен, или бесконечен и непознаваем», — рассуждал агроном, увязая в этом все больше и больше.

Хотя он не говорил об этом вслух, но, опасаясь кого-то, на всякий случай оглянулся вокруг и заметил при этом сидящего человека на дне оврага. «Не Кривой ли!» — подумал он о давно забытом конюхе. Оставив коня наверху, агроном легко скользнул по крутому склону оврага и... узнал Кривого, который сидел в ледяном кресле, завернувшись в тулуп и слегка наклонившись вперед. Одетый на голову рукав тулупа висел на боку, и в целом Кривой был похож на шаха, сидящего на троне. «Покойник — самый мирный человек, он никого не обидит», — убедил себя агроном. А сам все-таки боялся подойти к нему и на мгновение по всему его телу пробежали мурашки. Ему вспомнились загадочные случаи, произошедшие в этом овраге. «Почему он не лежит, а сидит? — мелькнула мысль в голове. — Может быть, это не он, а привидение?»

Отвесные мокрые стены из красной глины, сырой, могильный запах и мертвая тишина вокруг сидящего трупа словно перенесли агронома в загробный мир, и он был готов закричать от страха. Чтобы прогнать чувство страха, Петр покашлял и громко выругался несколько раз. Стоя на дне холодного оврага наедине с мертвецом, он впервые подумал о своей смерти. «Как это страшно! — произнес он шепотом. — И рождается человек не по своей воле, и умирает тоже».

Закурив папиросу, он начал быстро подниматься по круче. В мягкой глине буксовали ноги, и он, поднявшись до половины, начал сползать вниз. Ему показалось, будто Кривой обиделся и возвращает его к себе. Агроном, чуть не столкнувшись с трупом, невольно посмотрел на него и заметил на этот раз живую улыбку на его лице. Чтобы не заговорить с ним, Петр молниеносно отвернулся от него и на четвереньках закарабкался вверх. Медленно удаляясь от Кривого, он услышал его голос: «Погоди, Егорыч, не бойся меня! Я давно ждал тебя, — говорил он ему хриплым голосом. — Открою я тебе тайну, о чем ты не мог рассказать на лекции. Мир не бесконечен! Есть конец мира, есть! Я нашел его здесь!»

«Я в этих вопросах собаку съел, меня на испуг не возьмешь!» — пробормотал агроном, стремясь заглушить голос мертвого.

Местами на круче лежал лед, покрытый сверху глиной, и агроном, не сумев преодолеть ледяную полосу, снова начал сползать вниз прямо к Кривому. Но случайно попавший пень остановил его сползание и, оглянувшись назад, он заметил оживающего конюха, приготовившегося подойти к нему на четвереньках. Агроному стало жарко, потемнело в глазах. Все кругом завертелось, и он словно полетел в пропасть. Потеряв равновесие, он упал и докатился бревном до полулежащего покойника, который, оттаивая, наклонялся к нему все ниже и ниже. Через некоторое время Кривой уже прикоснулся своим окоченевшим лбом к его теплому живому лицу...

Стоя на одном месте, колхозный конь долго ждал своего хозяина, агронома, и лишь к вечеру, будто обидевшись на него, пошел по тропинке вдоль оврага в свою деревню. В трехстах метрах от места гибели Кривого он увидел в овраге застрявшие в кустах сани, а еще чуть дальше — торчащие из-под почерневшего снега кобыльи ноги.

Хоронили Кривого через три дня со всеми почестями, как героя. Народу было много больше, чем он перед смертью видел во сне. Играл духовой оркестр, срочно заказали памятник. Были трогательные речи и слезы, но никто уже не целовал его и не жал ему руку. У всех были траурно-мрачные лица, среди которых почему-то улыбался только один Кривой. И никто не мог понять его радости.

А агронома не успели похоронить: он ожил тогда, когда его тело готовились уложить в гроб. Ученые и врачи, скрупулезно обследовавшие это уникальное явление, не обнаружили в его организме никаких патологических изменений.

Но примерно через месяц он круто изменился, стал совсем другим: говорил тихо и плавно, стал носить крестик на шее и молился молча, прячась от людей. На вопросы отвечал неохотно, летом собирал травы и сушил их на чердаке. При отсутствии людей громко разговаривал сам с собой, и его твердо считали в селе умалишенным.

Когда он шел по улице, за ним, как правило, тащились ребята и дразнили его по-всякому: даже самые маленькие дергали его за пальто, били палками и кидали камнями. А он их не трогал, хотя время от времени отпугивал своим взглядом, поворачиваясь к ним.

Шли годы, и к бывшему агроному начали обращаться больные, безнадежно прикованные к постели. Все началось с немого соседа, у которого таракан застрял в ухе и безуспешно пытался выскочить оттуда. От невыносимого треска немого невнятно орал на всю деревню, показывая пальцем на ухо. Агроном налил ему в ухо воды и, когда он перестал орать, дал выпить полстакана самодельного раствора.

Через несколько часов все были удивлены, глядя на немого, свободно разговаривающего с людьми, но жестикулирующего руками по старой привычке... Потом Агроном вылечил одного немого из соседней деревни и еще одного из районного города. Заик он вылечивал быстро, за два-три сеанса. Агроном успешно лечил язвы и даже некоторые раковые болезни.

Постепенно о новом знахаре начали говорить в соседних областях, и приезжали к нему на лечение даже солидные начальники.

Сын его после окончания мединститута был прикреплен к нему ассистентом.

Через двадцать лет после смерти Кривого знаменитый деревенский лекарь по прозвищу «Агроном» заснул снова и разбудить его на этот раз никому не удалось. Тело его, высохшее без всяких следов разложения, было захоронено только через шесть месяцев, после тщательного медицинского обследования.

Вскоре сын известного деревенского знахаря забросил отцовское ремесло и, успешно защитив диссертацию, стал кандидатом медицинских наук, а еще через несколько лет получил и звание доктора. Но, несмотря на это, он не был таким знаменитым, каким был его умалишенный отец.

ПОКЛЕП

(рассказ)

Как-то утром, когда я спешил на работу, краем уха услышал рекламу по местному радио о различных видах бытовых услуг, предлагаемых населению: где-то красят меха, где-то шьют шубы. «Чудесно!» — повторял я вслух целый день, пока что не совсем веря своим ушам.

А следующую передачу рекламы я уже встретил с карандашом в руке и аккуратно записывал адреса и телефоны приемных пунктов и ателье. «Это же находка, просто повезло!» — продолжал я радоваться, подбирая адреса, расположенные недалеко от моего дома.

Но чуть позже, когда я увидел собственными глазами целый список нужных мне приемных пунктов на страницах газет, у меня не оставалось никаких сомнений, и с этого дня при любом разговоре и с любым собеседником я начинал фанатично произносить благодарности в адрес сферы обслуживания. Плюс к тому же, изливая переполнявшую меня радость, написал хвалебные письма в местную газету и вскоре получил в качестве награды разукрашенную крупными фирменными знаками «СБ» и разноцветными букетами бытовых услуг рубашку точно моего размера.

Под соблазнительное очередное объявление диктора я, недолго думая, мигом распорол свою почти новую, но старомодную мутоновую шубу и с сияющим лицом, легкой походкой, мурлыкая про себя марш физкультурников, потащил ее на покраску в ближайший приемный пункт, чтобы заблаговременно, как это рекомендовалось в рекламах, сшить из нее современную шубу.

Но мое сияющее лицо тут же стало похоже на лицо глуповатого циркового клоуна, когда приемщица приемного пункта попыталась заставить меня расписаться в квитанции в том, что фирма не гарантирует качества покраски, дабы я потом не имел к ним претензий. Из приемного пункта я вышел мрачнее тучи и по дороге, стараясь оправдать свой угрюмый вид, невольно обманывал встречных знакомых, будто иду от стоматолога после удаления здорового зуба, по ошибке вырванного практикантом. Обидно же, в самом деле, услышать о запланированном браке в десятой пятилетке, официально названной КПСС «пятилетней качества».

На второй день, считая разговор с приемщицей случайным, я поволок свою распоротую шубу прямо в «Химчистку». «Принять-то примем, качества покраски не гарантируем, будут полоски и пятна», — однозначно ответил генеральный директор. «Я же не зебра, чтобы носить полосатую шубу, да еще с пятнами!» — возмущился я естественно. Вот здесь-то я напомнил генеральному директору о задачах десятой пятилетки! Ушел я от генерального директора производственного объединения намного мрачнее, чем от приемщицы приемного пункта, и поплелся домой, проклиная перед каждым встречным знакомым резиновую «кишку», якобы застрявшую в моем желудке при проверке кислотности желудочного сока.

Через пару дней я немного «отошел», а во время очередной радиорекламы у меня уже появилась идея сшить шубу без покраски. Закупив подходящий материал, приволок шубу в ателье. Здесь сначала всячески пытались не принимать заказ, ссылаясь на перегруженность ателье, но потом все-таки решили взять с условием, чтобы я, заказчик, не претендовал на качество пошива. Естественно, я отказался от «медвежьей» услуги ателье высшего разряда и забрал свои вещи обратно, ибо качество пошива для меня главное.

Шел я домой по закоулкам, избегая встречных знакомых и грустно вспоминая исчезнувшие теперь скромные мастерские «индпошива».

Как ни старайся избегать встречных знакомых, но подъездных старух никак не избежишь, человек пять сидит там постоянно. Их не обведешь, они видят твою душу по глазам. Не замеченным миновать подъезд практически невозможно, и поэтому моя окончательно «убитая», осунувшаяся физиономия заставила меня снова безбожно оклеветать медицину. Вообще-то все равно старухи не поверили бы, если бы я им рассказал затею с заказом, ведь они тоже регулярно слушают рекламу о бытовых услугах. «Иду с укола, — соврал я им, подавляя совесть, и начал растирать отекающую от тяжести тюка руку. — Сломалась игла», — добавил я еще, вытирая пот со своего искаженного лица. Этот сенсационный случай старухи подхватили молниеносно, и я, пользуясь моментом, прошмыгнул в подъезд. А они до поздней ночи «полоскали» медиков с такими сочными выражениями, что наверняка тогда икалось самому министру здравоохранения.

На следующий день о злосчастной игле говорили во всех подъездах нашего дома, а через неделю этот слух разошелся по всему кварталу, и я, пострадавший, будто уже беззаботно находился в раю.

Но я пока еще не в раю, и пусть уж медики простят меня, грешного, если услышат что-либо о себе: во всем виновата моя испорченная шуба, которая так и валяется по сей день, хотя реклама на бытовые услуги передается ныне не только по утрам, но и по вечерам.

ОДНОПОЛЧАНИН

(рассказ)

Бывший летчик морской авиации, мой однополчанин, попросил меня помочь ему устроиться на работу, поскольку он в нашем городе был новичком. Здесь не было подходящих предприятий, где он мог бы применить свои знания, но все-таки после преодоления некоторых трудностей мы с ним нашли вакантную должность инженера техотдела в одном городском тресте ресторанов.

Чтобы не упустить случай, мы сразу же обратились к заместителю управляющего трестом, который предложил, в свою очередь, обратиться по существу вопроса к начальнику отдела кадров.

На другой день рано утром, захватив с собой на всякий случай диплом и другие нужные и ненужные документы, мой однополчанин побежал в трест.

У кабинета отдела кадров уже стояла очередь из нескольких сильно накрашенных молодых девушек, которые намеревались стать официантками. Он тоже встал за молодыми будущими покорительницами ресторанов. Кадровик, модно одетая, в дорогом импортном парике женщина старше средних лет, по-видимому, недавно списанная по возрасту из официанток, вызывала девушек по своему выбору, и это действо было похоже на подбор каких-то особо важных ответственных работников.

Наконец, подошла очередь и списанного летчика. Волнуясь намного сильнее, чем стоящие за ним девушки, он осторожно приоткрыл дверь и попросил разрешения войти. В этот момент кадровик, как на грех, прятала под стол очередную взятку, полученную от очередной девушки, и тут мой невезучий однополчанин совсем усугубил свое и так незавидное положение. Вместо того чтобы разрешить войти, она, строго взглянув на него, указала жестом руки на дверь и велела подождать в коридоре, пока сама не вызовет.

В ожидании вызова ему долго пришлось стоять у двери, и лишь тогда, когда некоторые служащие треста начали уходить на обед, он осмелился войти к ней самовольно. В этот раз она все-таки приняла его, но с такой кислой физиономией, будто он пришел к ней просить взаймы крупную сумму денег.

Разговор между ними длился недолго и по своему содержанию был построен кадровиком с позиции отрицания.

— Кем работали раньше? — был задан ему основной типичный вопрос.

— Летал, — ответил он тихо.

— Нам нужен человек, — сказала она убедительно, — связанный с ресторанами.

— Я много раз бывал в ресторанах, одно время я даже был завсегдатаем, — начал было он, но она, перебивая его, искала повод для отказа.

— Сколько классов окончили? — продолжала она задавать вопросы, желая поймать его на образовании.

— Кавэвэа, — ответил он, гордо доставая из внутреннего кармана когда-то авторитетный диплом с отличием.

— Что за Кваква? Не слыхала я такого учебного заведения... Это какое ПТУ? С каким уклоном?

— Нет, это не профтехучилище, а Краснознаменная военно-воздушная академия, — расшифровал летчик.

Кадровик вдруг замолчала и, как бы занимаясь неотложными делами, начала медленно копаться в совершенно ненужных папках, чтобы за это время придумать убедительную и безобидную причину отказа.

Он, пытаясь доказать разницу между ПТУ и КВВА, вполголоса продолжал рассказывать про «кузницу» высших летных кадров. «Находится под Москвой, в Монино... Имени Юрия Гагарина, космонавта № 1», — добавил он ко всему сказанному, как бы сообщая ей о чем-то важном, могущем повлиять на свою теперешнюю земную судьбу. Но кадровик, не поднимая глаз, все еще рылась в папках, будто никак не могла найти весьма нужную для решения именно этого вопроса бумагу.

— Рядом со Звездным городком, оттуда всего две остановки на электричке! — подчеркнул он, наконец, восклицательно, не выдержав изнурительного молчания кадровика.

Она, отложив папку в сторону, посмотрела на него безо всяких эмоций и вернула ему диплом, не прочитав даже ни одной строчки, как бы веря ему на слово.

— Вот видите, я же сразу сказала вам, что у вас не тот уклон, — твердила она, радуясь тому, что для отказа в приеме на работу причина уже найдена. — В наших ресторанах применяются мясорубки, ящикопогрузчики, электрокары и тому подобные сложнейшие машины, без знания которых вы никак не можете работать в нашей системе, — закруглила она разговор, показывая ему нагроможденный сотнями стрелок и обозначений огромный чертеж мясорубки. Отказ был окончательным и, как говорится, обжалованию не подлежал.

Когда она старательно убеждала его в сложности ресторанной техники, он ее почти не слышал, а лишь грустно вспоминал нелегкую учебную программу КВВА. Действительно, в программе академии не было мясорубки.

Он в этот миг не только не слышал кадровика, но и не видел ее, ибо на фоне ее размалеванной физиономии перед его глазами вставал многомоторный тяжелый ракетносец, бороздящий стратосферу над акваторией Тихого океана, где с работой и управлением сложнейших приборов и механизмов он не так давно справлялся успешно. Но говорить ей о них не имело сейчас никакого смысла.

Рассказывая мне на следующий день о своем разговоре с начальником отдела кадров, мой однопольчанин местами заикался, чего раньше я у него никогда не замечал.

На этот раз я предложил ему менять курс без снижения, как он сам в былые времена, подсказывал при вывозных полетах, когда кто-либо из проверяемых летчиков начинал терять высоту на разворотах.

ЛЮБОВЬ

(рассказ)

В комнате, где они находились только вдвоем, было тихо, лишь из соседней квартиры негромко доносилась легкая эстрадная музыка в исполнении зарубежных артистов.

Она лежала на спине, и ее пышные распущенные волосы полностью закрывали его маленькую девичью подушку. Лицо ее горело, а сочные, будто и созданные только для счастья губы заставляли целовать их много и много раз. На старой скрипучей односпальной койке им обоим было хорошо и удобно. Он любил ее, и она была довольна.

Она всегда вела себя с ним свободно, а сегодня, в день своего восемнадцатилетия, особенно. В этот день она была в праздничном наряде и в приподнятом настроении, и выглядела как никогда красиво, так что не любить ее было просто невозможно. Легкий запах недавно выпитого шампанского, ощущаемый им при каждом поцелуе, накалял его темперамент, и он действовал в этот час решительно и смело.

— Люда, можно тебя любить? — спросил он ее несколько возбужденным голосом, хотя и знал, что отрицать она никогда не будет.

— Люби, если хочешь, — ответила она, — приятно улыбаясь, — разве мне плохо от любви твоей.

После ее открытого согласия на любовь он молча целовал ее, а она обнимала его маленькими, ручками за шею и не давала оторваться своим губам от его. Он прижался к ее девичьей груди и всем телом ощущал учащенное биение ее сердца. Их охватило чувство, которое невозможно выразить словами и нельзя сравнить ни с какими сладкими конфетами и красивыми букетами цветов. Полностью отдаваясь своим природным чувствам, в эти минуты они забывали обо всем, от бесконечных поцелуев и объятий ее маленькое упругое тело стало более гибким и послушным. Не только его слова, но и прикосновения были для нее ласковыми и приятными. Они горели одним общим желанием, остановить которое в данный момент могла бы только смерть или нечто подобное ей.

— Не надо, не ле-е-зь, — шепнула она лениво, чуть прерывая свой поцелуй и, будто стараясь повернуться на бок, невольно прижалась к его горячему телу еще плотнее. Но он ее почти не слышал, и они, несмотря на ее «сопротивление», обнимались крепче и крепче, целовались все чаще и чаще. Им стало жарко, а одеяло, словно стараясь поддерживать им необходимую температуру, давно уже лежало на полу.

— Мамочка! — взвизгнула она вдруг и, словно боясь кого-то, замолкла сразу же, но через мгновение, воспользовавшись удобным моментом, со всей силы укусила его, подавляя свою боль. А он не ощущал никакой боли, кроме сладости ее губ.

Он отпустил ее и глубоко вздохнул, вытер подушкой свой вспотевший лоб, облизнул свои опухшие губы, ощущая жжение, и, повернувшись на бок, достал сигареты с тумбочки. Закурил, расслабившись.

Кругом стало тихо, словно они находились под землей. Койка уже не скрипела, ибо они теперь не шевелились, стараясь не касаться друг друга, как будто только что поссорились. Накурившись досыта, он отвернулся от нее, чувствовалась приятная усталость, ему захотелось спать, и невольно закрывались глаза. Она все еще лежала на спине и спать вовсе не хотела, а ее трепещущее девичье сердце ждало от него много заманчивых обещаний и ласковых слов.

— Ты всегда будешь любить меня? — произнесла она вполголоса. Но он молчал, и в ответ на ее вопрос вдруг раздался угнетающий грубый мужской храп. В этот миг ей стало так обидно, что она без всякой жалости могла бы задушить его. И из ее прекрасных синих глаз полились горячие прозрачные капли, которые, падая на постель, исчезали бесследно.

Маленькая, слегка освещенная луной комната теперь показалась ей совсем неуютной, чем несколько минут назад, а лежащий рядом с ней человек, которого она только что обнимала и целовала, стал чужим и невыносимым. Зазвенело в ушах, ей стало холодно и страшно. От переполнявшей ее ненависти и усиливающегося страха ее трясло, наступил приступ душевной лихорадки. С трудом перегнувшись через него, она обессиленными руками подняла валявшееся на полу одеяло и накрылась им с головой, чтобы не видеть его лица и не слышать монотонного храпа.

Не то от тесноты, не то от ее всхлипываний он проснулся и, неохотно повернувшись к ней, приласкал ее сухим казенным поцелуем. Дотянулся до сигарет.

Прикуривая, он долго держал в руке зажженную спичку и смотрел на ее милое лицо, все больше и больше находя в нем сочетание неповторимой красоты и свежести. Она лежала молча, и ее большие заплаканные глаза придавали ей особую прелесть, отвернуться от которой было бы преступлением.

Потухла спичка, и сразу же темнота поглотила ее лицо, свежесть влажных алых губ, мерцающие глаза, и ему вдруг показалось, будто она исчезла навсегда. Тогда он, быстро погасив сигарету, начал гладить ее волосы, потрогал мокрое лицо, талию, грудь... и, плотно прижимая к себе, наградил ее глубоким жгучим поцелуем. Она пыталась оттолкнуть его, но почему-то не смогла и, с трудом преодолевая гордость, постепенно, как бы не желая, повернулась к нему.

Через некоторое время, проведенное в его объятиях, Люда уже широко улыбалась и от души целовалась, крепко обнимая его влажными нежными руками.

В скромной, без элементарных удобств, с голыми серыми стенами, похожей на одиночную тюремную камеру комнате, где находились только двое, было так же тихо и уютно, как и раньше. На тесной односпальной, с провисшими почти до пола рваными пружинами, койке им по-прежнему было тепло и

уютно. Куда-то пропали девичьи слезы, только несколько минут назад мокрые обиженные глаза теперь улыбались и блестели. В эти минуты она была счастлива и любила его. Ей казалось, будто она не смогла бы прожить без него ни минуты.

Одеяло уже валялось на полу, им было жарко. Лицо ее горело снова, и среди бесконечных поцелуев и соблазнительных слов снова закрипела старомодная, давно предназначенная для свалки, ржавая односпальная койка.

ОДНОКАШНИК

(рассказ)

Однажды на голубом экране телевизора я узнал давно забытого однокашника, который когда-то невыносимо мучительно заикался. Где только он ни лечился, куда только ни ездил, даже побывал у знахарки союзного значения бабки Груни. Все напрасно! Теперь же на экране он выступал не хуже артиста и его чистому голосу могли бы позавидовать и дикторы Центрального телевидения.

Без особого труда я его разыскал, и вскоре мы с ним встретились.

— У какого профессора ты лечился? В какой клинике? — любопытствовал я, обнимая его прямо на остановке троллейбуса. — Видать, побывал за границей! Может быть, йога? Какой ты счастливчик, поделись опытом!

— Никуда я не ездил, а вылечился тут, рядом, — улыбался он, показывая рукой на ателье мод, возле которого мы оказались случайно.

— При чем тут мода, ты шутишь?! — возмутился я. — Там ателье здоровья, что ли, вроде популярного нынче комбината здоровья? — добавил я после небольшой паузы, стараясь поддержать начатую им шутку.

— Ателье как ателье, ничем не отличается от других, шьют и порют. Дело не в самом ателье, а в его администрации! Шить да пороть ремесло древнее и нехитрое, этими делами занимаются рядовые портные, а вот администрация, не зная о том сама, излечивает заказчиков от различных недугов, перед которыми пока что даже у академиков опускаются руки.

Поскольку заказ моего однокашника был принят в ателье со скандалом, ссылками на перегруженность, да и назначенный администрацией трехмесячный срок исполнения тоже не устраивал его, он решил забрать свои вещи обратно, предварительно договорившись с частником, который обещал ему выполнить заказ точно по его желанию и в течение десяти дней. При этом произошел вот такой диалог между моим однокашником и администрацией ателье:

— Верните мне мои вещи, пожалуйста, — заикаясь произнес он, предъявляя квитанцию и, как положено, подал заявление на имя заведующего ателье.

— Ваши документы! — раздался строгий металлический голос.

— Я же вам сдавал вещи без документов и даже заплатил аванс! — возмутился он, заикаясь еще сильнее.

— Сдавали без документов, а получать будете по документам, как требуют «Правила бытового обслуживания!» — ответил ему тот же металлический голос.

— В правилах бытового обслуживания написано много хорошего, но они вами плохо выполняются. В них установлен самый максимальный срок исполнения самого сложного заказа — тридцать пять дней, а вы шьете элементарную вещь целых три месяца. У вас ателье первого разряда, а от выполнения простейших элементов заказа отказываетесь. По вашим словам, одежда — это мешок с рукавами, а все остальное — «усложняющие элементы», за которые надо платить отдельно, помимо стоимости пошива. Значит, вы скрупулезно выполняете в основном один пункт «Правила бытового обслуживания», который требует предъявления паспорта при возврате заказа?

— Возможно, остальные пункты выполняются не все, а этот пункт выполняем беспрекословно.

— Ведь вы готовую одежду выдаете заказчику без предъявления паспорта, несмотря на то, что готовая одежда стоит намного дороже, чем материал заказчика. Получается полнейший парадокс!

— Да, готовую одежду выдаем без предъявления паспорта, а неготовую по паспорту. Такой порядок установлен не нами.

— Я сдавал заказ недавно, и вы же меня знаете прекрасно. Меня знает закройщик, а также и приемщица, вы же вполне уверены, что это я и никто другой.

— Вполне уверены, и мы вас знаем. Но вашу физиономию пришивать к делу мы не можем. Нам нужен номер вашего паспорта.

— Вот квитанция, на ней указан 60-процентный износ моего товара. Ведь такую старую вещь люди обычно выбрасывают на свалку, а не несут в ателье. Недаром я спорил с вами насчет этого процента при

оформлении заказа, но вы слушать меня не хотели. Если даже моя квитанция попала бы в чужие руки, то вряд ли какой жулик, зная процент износа, тащился бы сюда за получением этого хлама, рискуя скомпрометировать свое «доброе имя». Как вы определяете процент износа?

— Процент износа мы определяем на глаз. Если заказчик не соглашается с нами, то мы отказываемся от такого заказа.

— Кстати, много ли у вас случаев, когда уносили чужие вещи? — как бы поддразнивал мой однокашник приемщицу своим судорожным заиканием.

— Не помню. Предъявите паспорт!

— Как же быть-то, у меня ведь паспорт на замене...

— Без паспорта вы ничего не получите, не мешайте нам работать!

Мой однокашник оказался в безвыходном положении и поэтому, ища помощи со стороны, пытался крикнуть «караул», но тут у него ничего не получилось, из его горла лишь вырвались какие-то невнятные прерывистые звуки, как это происходит у начинающего кукарекать петуха.

При второй попытке у него вдруг развязался язык и открылся дар речи! От избытка положительных эмоций он вскочил на стол, предназначенный для клиентов и, вместо неудавшегося «караул», заорал «Ур-р-а!»

После оглушительного троекратного «Ур-р-а!» мой однокашник, совсем позабыв о своем заказе, попытался обнять главного исцелителя и поцеловать так крепко, как это полагается в подобной ситуации, но когда «ассистенты» главного исцелителя, принимая только что исцеленного однокашника за кого-то, начали набирать по телефону «02», он, чуя недоброе, удрал. Гнаться за ним они, очевидно, не посмели.

Теперь мой однокашник посредничает с этим заведением. Недавно по его рекомендации один его сослуживец вылечился там от хронического радикулита, пытаясь отреставрировать старое пальто, а другой — полностью избавился от косоглазия. «И тебе советую заглянуть туда!» — гордо похлопал он меня по плечу на прощание, чувствуя передо мной свое законное превосходство.

«Что же, совет вполне дельный, я ведь тоже врожденный заика, может быть, и мне поможет ателье», — подумал я, проводив однокашника, и, придя домой, тут же оторвал рукав от своей новой импортной дубленки.

А моя жена, как только я рассказал ей про своего однокашника, не желая оказаться хуже меня, мигом разделала свою старую повседневную юбку. Но вряд ли у нее что получится! Слишком уж дешево оценила она красоту своего лица — она у меня рябая.

АБИТУРИЕНТЫ

(Повесть)

Медалистка

«Аш» равен «Же», умноженное на «Тэ» в квадрате, деленное на два, если начальная скорость тела равна нулю... «Жэ» «Тэ» в квадрате на два, «Жэ» «Тэ» в квадрате на два — непрерывно повторяла Оля формулу свободного падения, шагая по серым железобетонным ступенькам лестницы студенческого общежития медицинского института. — Неужели и в этом году «погорю» на «свободном падении»? — вслух задавала она себе вопрос, не обращая никакого внимания на встречных и попутных прохожих.

Девочки, с которыми она жила сейчас в комнате, были на два года моложе ее, а многие из тех, с кем она сдавала вступительные экзамены первый раз, уже перешли в этом году на третий курс.

Мечта детства быть врачом не оставляла Олю даже после двух неудачных попыток, и в этом году она любой ценой стремилась стать первокурсницей.

Абитуриенты, которые пытались поступить впервые, резко выделялись по своему настроению от тех, кто уже испытывал себя несколько лет подряд. Поведение этих веселых и жизнерадостных мальчиков и девочек напоминало Оле о своем недавнем прошлом, ибо она твердо представляла их участь, и, по ее мнению, через несколько лет многие из них станут такими же, как она.

«Каждый ребенок рождается на свет оптимистом, пессимистом его сделает своя же собственная жизнь, а не чужая, — мысленно рассуждала Оля. — Ведь только два года назад я была еще настоящей оптимисткой. Какая была я веселая — не могу теперь представить себе! Чего только мы не выделяли в 9 классе? А в восьмом, седьмом, шестом... Возраст и оптимизм связаны обратно пропорциональной зависимостью: меньше возраст — больше оптимизма. Все мы тогда витали в облаках: кто — врач, кто — летчик, кто — капитан дальнего плавания! Многие ребята даже в девятом классе, не говоря уже о младших классах, считали себя будущими космонавтами. Кто из них стал космонавтом? Никто... Митя вместо армии попал в тюрьму. Саня где-то слесарит — всегда возвращается домой в мазуте. Коля погнался за романтикой — завербовался на великую стройку в Сибирь, не окончив даже десятилетку. Там

он себе нашел место в вечной мерзлоте... Лишь Витька сумел проскочить в институт, и то по рекомендации райкома, отец устроил... Разве я думала когда-нибудь работать санитаркой! За 60 рублей в месяц убираешь такую грязь в больнице, прямо ужас. Каких только там нет микробов! Лучше чистить уборную, чем ишачить санитаркой. Сапожки стоят 120 рублей, за два года я не смогла накопить себе даже на одну пару сапог... Глупых нет, никто не желает возиться с плевательницами и «утками» за 60 рублей. А я, дура, отработала два года ради этого соблазнительного «стажа», могла бы устроиться в другом месте и на 70 рублей. Не знаю, как еще обернется, поможет ли мне этот «стаж». В прошлом году некоторые абитуриенты не могли проскочить и со стажем. К тому же эта «змея», зав. отделением, написала мне плохую служебную характеристику. Вот и благодарность за то, что я глотала микробы два года... Дура я, дура, зря старалась... М-м-м, опять выскочил из головы второй закон Ньютона! Так, так... Вспомнила, вспомнила! «Эф» равен массе, умноженной на ускорение, где «Эф» — сила, «Эм» — масса, «а» — ускорение... Первый закон Ньютона без формулы, закон инерции, его можно рассказать даже с примерами... Самое главное — это «направление» райкома и тогда законы физики можно знать не больше, чем на «тройку». «Направление» райкома гораздо сильнее, чем сила «эф» в законе Ньютона. Эх, иметь бы «направление»! Где взять... Ведь каждый райком имеет право выделить четыре-пять «направлений», районов в нашей области 40. Вот уже 200 мест льготных! Это одно. Потом у каждого преподавателя, принимающего вступительные экзамены, есть свой кандидат, кого он должен обязательно проташить. Часть проходит за деньги. Проходной балл 2000 рублей, сколько пишут об этом в газетах! Что толку-то. После этих блатных, знакомых и «рекомендованных» простым смертным остается немного мест для конкурса, выдержать который сможет только сверхталантливый ученик. А таланты идут через особые каналы, олимпиады... К черту все, эти мысли опять путаются у меня в голове! Лучше зубрить формулы. «Эм», умноженное на «Вэ» в квадрате, деленное на два — это кинетическая энергия, где «Эм» — масса, «Вэ» — скорость... Размерность массы — килограмм, умноженный на секунду в квадрате, деленный на метр... А единица измерения емкости! Черт, опять забыла! С ума можно сойти с этой зубрежкой! Профилирующий предмет! Кто только придумал эту физику, рядовому врачу она вовсе и не нужна... Вот она, вот! Фарада... Одна фарада — это емкость такого конденсатора, у которого при наличии заряда в один кулон разность потенциалов между обкладками равна одному вольту... Так, так. Один вольт, один вольт — это такая разность потенциалов между двумя точками, когда при перемещении между ними положительного заряда в один кулон совершается работа в один джоуль... Ну, ну. Потенциал... Разность потенциалов — это величина работы, произведенной электрическими силами при перемещении единичного положительного заряда между двумя точками... Или это называется напряжением... Все как будто бы в порядке, кажется, знаю-то неплохо, когда я одна. Здесь-то вспомнила, а вот на экзаменах ни черта не вспомнишь. Пока ты думаешь, уже «тройка» обеспечена, а получить «тройку» по физике на вступительных экзаменах равносильно школьному колу, даже хуже... А преподаватель блаженствует, если он тебя загнал в тупик! Получается эгоистично: человек погибает, а он радуется. Если бы этот преподаватель стоял на берегу бурлящей реки, где тонет человек, и стараясь спасти тонущего, подавал бы ему палку, и если бы каждая неудачная попытка тонущего ухватиться за палку приносила этому преподавателю огромное удовольствие, то его действие подлежало бы всеобщему осуждению, а в школьных сочинениях такого человека мы называли бы даже фашистом. На вступительных экзаменах происходит то же самое, но здесь преподаватель смело и безжалостно топчет тех, кто ему не нужен. Происходит все это под маской справедливого отбора «лучшего из лучших». Он не дурак и, утопив необходимое количество лучших абитуриентов, спасает своих худших, которые никогда не смогли бы выдержать конкурсные экзамены. А «свои» — это чистая выгода, то ли материальная, то ли эмоциональная... В прошлом году просочилась же статья в газете, какие они там зарабатывали крупные деньги на абитуриентах, в подарки шли даже автомобили!»

Оля на ходу разряжала душу, разговаривая сама с собой. Она шла в столовую, вход в которую был открыт почему-то со двора, через подвал, а основной вход был забит наискосок доской с жирной, ничем не смываемой надписью «санитарный день». Стремясь по пути заскочить в туалет, она невольно носилась по этажам, ибо на пятом этаже туалет постоянно не работал из-за отсутствия необходимого напора воды, на первом — вечное засорение, а на втором в это время оказалась уборка.

Побегав по этажам, Оля зашла в туалет четвертого этажа, где на подоконнике и на полу валялось множество различных, отслуживших кому-то учебников, конспектов и шпаргалок. Здесь физика и химия, Горький и Маяковский, Шолохов и Фадеев, портреты ученых и вождей, некоторые из них нагло подсматривали, как живые, смущая девушек. «Сколько иронии в его улыбке! — подумала Оля, уловив ехидный взгляд Ленина. — Он везде, даже здесь, в туалетном ведре, усмехается. Да-а, есть ему над чем и над кем смеяться!»

На отдельных помятых клочках бумаги виднелись разорванные формулы, и Оля мысленно доводила их до конца, напряженно тренируя свою память. Хотя здесь было не место для занятий, но для размышлений оно оказалось вполне подходящим. По сравнению с инфекционным отделением районной больницы без элементарных санитарных условий и норм, где Оля отработывала необходимый двухгодичный стаж для получения ничтожной льготы на вступительных экзаменах, в туалете было прекрасно, и она, не брезгуя нисколько, грызла семечки, копаясь одновременно в бумагах, лежащих на подоконнике.

«Вот это вещь! — обрадовалась Оля, листая находку. — «Справочник по элементарной физике» под общей редакцией Д.И.Сахарова. Даже есть адрес хозяина: В.Хмелева, Южноуральск. Она, видимо, уже навсегда отказалась участвовать в этой нечестной игре, так называемых конкурсных вступительных экзаменах или, может быть, окончила первый курс. Ей теперь физика не нужна», — завидовала она В.Хмелевой, выходя из туалета. Оля решила отнести найденный ценный справочник в комнату, боясь случайно оставить его в столовой.

«Мойте руки перед едой!» — гласила табличка, вывешенная возле умывальника при входе в студенческую столовую. Рядом же на ржавом гвоздике висело засаленное, похожее на давно не стиранную портянку, полотенце.

«Не смешно ли! Вымыть руки, а потом их запачкать этим грязным полотенцем, — возмущенно подумала Оля. — Ерунда все это! Вообще не нужно приучать людей к брезгливости. Чем больше брезгует человек, тем чаще болеет. Брезгливость есть источник болезни. Брезгливый заболевает не только от заражения микробами, но и от самой брезгливости, ибо когда человек брезгует, он непременно переживает, нервничает, боясь заразиться какими-либо микробами. Душа человека тесно связана с его телом, и поэтому он может действительно заболеть какой-нибудь болезнью, хотя микробы в этом совершенно неповинны. Сейчас есть люди, которые путем внушения повышают температуру человеческого тела. Многие болезни начинаются от нервов. Вокруг нас всегда микробы и бояться их так сильно, как мы сейчас боимся, не стоит, ибо весь живой мир состоит из всевозможных микроорганизмов, в том числе и человек. Скажем, дворняжка кормится на помойке и никогда не болеет, никогда в баню не ходит — и не чешется... С маленьким ребенком дело обстоит примерно так же, где только он не ползает, чего только не ест! Первобытный человек тоже не брезговал и в баню не ходил, зато он был намного сильнее и выносливее нас... Кто работает в инфекционном отделении, для того все окружающее чисто».

Оля вымыла руки и, взяв поднос, стала в очередь за двумя высокими загорелыми мальчиками, которые по ее мнению, были новичками. Она ненавидела здоровых, крепких ребят, поступающих в мединститут.

«Почему ребят принимают в мединститут с льготами, хотя ни в каких официальных правилах этого нет? Значит, существуют какие-то тайные указания. Мне это абсолютно непонятно! Казалось бы, должно быть наоборот, — возмущалась Оля мысленно, стоя за жизнерадостными веселыми ребятами. — Вот у нас в больнице есть терапевт Виктор Иванович Ляшко, целую смену сидит и выписывает старухам рецепты на пилюли. А ведь он настоящий бугай, ему только камни ворочать — он скучает от безделья. Его здоровенный организм так и просится на стройку, а на стройке ворочают камни хрупкие и малокровные женщины. Наверняка Виктор Иванович поступил в институт, вытесняя девушек, наверняка... Вот, тоже стоят передо мной два бугая, которых примут безусловно, им физику можно знать даже на «тройку». Где равновесие-то?»

Воспоминание

В столовой народу было много. Здесь питались студенты, оставленные ректоратом для выполнения общественных поручений во время каникул, в основном — абитуриенты, временно живущие в общежитии в период сдачи вступительных экзаменов. Если кто пройдет по конкурсу, то он сразу же должен искать себе частную квартиру, ибо лишь на втором или на третьем курсе студент имеет право претендовать на общежитие.

Хотя Оля в последнее время ненавидела мальчиков, особенно в период сдачи вступительных экзаменов, невольно пришлось ей сесть за стол с теми «бугаями», за которыми она стояла в очереди, ибо во всем зале не было ни одного свободного места. Оля считала всех абитуриентов потенциальными врагами, так как на одно вакантное место студента претендовало 4-5 абитуриентов, и, по правилам конкурса, успех одного непременно приводил к неудаче другого. К тому же «свои» получали высший балл независимо от знаний.

Очаровательная внешность Оли заставляла влюбляться в нее многих парней и лишь из-за своего «дикого» характера она не дружила с ребятами.

Еще в 9 классе Колю Перова сняли с петли в школьном дровяном складе. Никто бы не догадался о том, что Коля решил покончить с собой из-за Оли, если бы не нашли записку в его кармане. Оля тогда была еще оптимисткой и «отчаянную выходку» одноклассника она приняла за шутку. После той душевной травмы Коля бросил школу и завербовался на ударную стройку, где весной этого года был зверски убит.

Глядя на сидящих рядом парней, Оля сейчас вспомнила Колю, вернее, не столько самого Колю, сколько его мать, которая после похорон сына «проскочила», вопреки строжайшим запретам, в инфекционное отделение райбольницы.

«Где эта стерва, где! — кричала мать Коли на весь коридор, задыхаясь. — Из-за нее мой Колька бросил школу, только из-за нее! Ему бы жить да жить, ведь ему всего лишь 21, а он уже на том свете! Что за жизнь пош-ла-а, проклятье! В старину такого не было, люди умирали своей смертью. Уму непостижимо! Только в нашем маленьком городе за полтора месяца умерло четыре человека: одного убили жулики, второй — повесился сам, третьего — задавила машина, а четвертого — изнасиловали. Все молодые люди, самому старшему из них не было еще сорока. Позор-то какой, это же бешеная публика!»

Когда она искала Олю, шныряя по палатам, словно буйнопомешанная, ее остановил завсегдагай больничного коридора, «чахоточник», который считался городским дурачком, и которого каждый год весной по месяцу держали в изоляторе, хотя никаких внешних признаков туберкулеза у него не было.

— Кого тебе? Чего орешь-то! С цепи сорвалась, что ли? Говори толком, кого тебе надо, я тут всех подряд знаю.

— Мне Ольгу, стерву ту! Она здесь уборщицей работает...

— А-а, Олечку! Давно бы так сказала. Она не уборщица, а санитарка! Большая разница между ними, пущай оклады одинаковые. Санитарка — это, тетушка, младший медицинский персонал, а уборщица — всего лишь техничка. Оля здесь не работает, а отрабатывает медицинский стаж, ей осталось еще несколько месяцев и она уже уезжает учиться на доктора. А стаж уборщицы — это не тот стаж. Поняла теперь в чем дело-то? Поймешь скоро, поймешь! Ты ешо к ней придешь на прием, вот она тебе покажет стерву-то! Хе-хе! Ольга Ивановна назовёшь, до земли будешь кланяться, это уже точно. Без дохтора человеку худо, тетушка, лучше поговори с ней по-хорошему. Зачем приходит больной к дохтору? Думаешь, за пилюлей. Ошибаешься. Больному не пилюля нужна, а нужен бюллетень. А бюллетень может дать только дохтор. Чего она-то? Заняла у тебя деньги и никак не рассчитывается? А? Может, сплетню какую пустила про тебя? Хе-хе... Вот, как-то на днях, случайно, я здесь встретил в коридоре знакомую бабку, которая жила когда-то на нашей улице. И вот она шепчет мне на ухо про моего сына, Володю-то, якобы он вчера попал в вытрезвитель... «Ну-у, Марфа Семеновна, — говорю я ей, — ты меня обрадовала. Ежели бы ты говорила правду, то я бы тебе поставил бутылку первака!» — продолжаю я. «А што тут, хорошего-то! — возмущается бабка. — Вытрезвитель не церковь». «Но и не кладбище!» — говорю я. «Тах-то оно тах, но сосед наш, Тимофей, в позапрошлом году повесился после побывки в вытрезвителе», — отпирается она. «Володя-то ведь, Марфа Семеновна, уже как шесть месяцев на кладбище. Теперь он и в вытрезвитель не попадет, и вешаться не будет», — объясняю я ей... Вот они сплетни-то какие бывают, тетушка... Сейчас, сейчас! Я тебе ее найду, она только что была в нашей палате. Олечка у нас умница, не боится грязи, голыми руками моет наши слюни, не то что ее напарница, старуха: одевает резиновые перчатки и ходит, нос воротит. Тошно на нее смотреть! Когда дежурит эта старуха, больные сами начинают брезговать. Глотать собственную слюну не хочется, поневоле ходим, плюемся. Вот какая разница между людьми! Ты ёшшо ее оскорбляешь, обзываешь стервой. Попробуй-ка тут поработай, тетушка, пару месяцев, и ты узнаешь тогда, што такое стаж. В шахте работать проще, чем тут. Шахтер получает 600 рублей, а санитарка — 60... Во-он она! Во-он, идет с ведром, видишь? Ты ее не обижай только! Смотри, тетушка, отлуплю я тебя, ежели будешь орать на нее! Хе-хе-хе...

То ли «тетушку» насторожили угрозы «дурачка», то ли еще что-то повлияло на нее, но она, мирно подойдя к Оле, поздоровалась с ней по всем правилам этики и даже слегка улыбнулась. Она в душе была рада видеть ее и готова была разговаривать с ней целый день, если бы Оля согласилась на это, ибо рядом с ней она ощущала живого сына, будто он вовсе и не умирал.

— Я мать Николая... представилась она слегка трепещущим мягким голосом, несколько наклонив голову.

— Ну и как он там, не женился еще? Наверное, уже разбогател на великой стройке! — традиционно пошутила Оля, вспоминая веселые школьные годы. «Тетушка» зарыдала, прислонившись к стене.

— Присядьте на стульчик, присядьте! — пыталась успокоить ее Оля. — Опять натворил что-нибудь, он же у вас отчаянный...

— Не-е-т, доченька, ничего не натворил... Его уби-ли-и... Вот только что, на днях, ездила на похороны.

— Что?! Кто убил-то? Жулье, наверное! Вон их сколько болтается на улице. Длинноволосая шпана.

— Верно, доченька, верно — длинноволосые... Только не парни длинноволосые... женщины, доченька, женщины... «Условницы» сволочи, подонки эти...

— Кто они эти «условницы», тетя? Извините, я не знаю, как вас звать. Меня зовут Ольгой.

— Я сама, Оленька, не знала про них раньше, пока не убили Колю. «Условницы» — это те, которые осуждены к условному заключению, то есть вовсе не заключенные, а живут в благоустроенных общежитиях без всякой охраны. Просто они не имеют права уезжать досрочно с места работы. Работают они как обычные работяги и получают деньги. Среди них есть жулики, воры, бандиты, хулиганы и даже убийцы, но почему-то они считаются безвредными для общества. Скажем, убили человека умышленно и потом, стараясь сделать убийство случайным, имитировали автодорожное происшествие. Следователь и судья, тоже умышленно, не стали вникать в тонкости этого случая и присудили убийцу к условному заключению. Он стал «условником»... Или, скажем, подлое задуманное убийство сфабрикуют как «убийство при обороне», то есть, все наоборот. В этом случае убийца становится «обороняющимся», а обороняющийся — убийцей. Таким образом, настоящий убийца получает условное наказание... Смерть Николая сделала меня, Оленька, знатоком этих грязных дел, раньше я ничего этого не знала... Меня зовут тетей Верой, или, по-культурному, Верой Петровной, работаю я в сберкассе, недалеко отсюда... Раньше я не интересовалась тобой, а вот теперь, как узнала, что Коля любил тебя очень, а ты с ним не хотела разговаривать, зашла посмотреть на тебя, какая ты есть... Ты красивая, оказывается.

— Вы уж не обижайтесь, Вера Петровна, у меня очень плохой характер. Я могла бы любить его, но решила не связываться ни с кем, пока не окончу институт. Меня и в школе-то прозвали «недотрогой». Характер мой мне самой не нравится. Что поделаешь, видимо, судьба у меня такая неудачная. Вот уже два года подряд пыталась поступить в мединститут, но никак не прохожу по конкурсу, хотя назубок знаю программу средней школы... Я никак не пойму, Вера Петровна, за что же убили Колю эти женщины? Из-за ревности, что ли?

— Нет, Оленька, нет! Не из-за ревности. Ревновать могут только нормальные люди... Ревность — это продукт любви или самолюбия. Убили его не люди, а подонки, которые не могут ни любить, ни ревновать. Ты, я вижу, девушка толковая, не зря тебя мой сын полюбил... Они его напоили, изнасиловали и только потом, где-то около 4 часов утра, выбросили с пятого этажа... Вот такие бывают изверги, Оленька...

— Я никак не пойму, Вера Петровна... В газетах много пишут об изнасиловании, но обычно везде мужчины насилюют женщин, а не наоборот. Я никогда не слышала о таких вещах, это разве возможно... Действительно, изверги...

— Честно говоря, Оля, я сама не представляла этого, а ты уж тем более. Оказывается, возможно! У этих извергов есть свои методы, о которых мне даже неудобно тебе рассказывать... От них, Оленька, можно ожидать всего, напрасно их считают неопасными...

— Никак до меня не доходит, тетя Вера! В чем же суть условного наказания, если они живут в благоустроенных общежитиях без охраны и получают деньги, да еще бесятся с жиру?

— Условное наказание — это очень хитрая штука и здесь преследуется двойная задача: во-первых, наказание обвиняемого становится более гуманным, чем было до сих пор. Точнее, преступник, получая срок, одновременно получает и амнистию. Он получает эту амнистию сразу с момента совершения зла, если ему дадут положительную служебную характеристику. Во-вторых, дух социалистического реализма: преступность, общее число которой является тайной, с каждым днем растет, а количество тюрем и лагерей уменьшается! Уменьшение числа тюрем и лагерей рассматривается в официальных, не секретных отчетах как важный показатель роста сознательности нашего общества... И ты думаешь, за счет чего уменьшается это число? За счет того, что преступники живут не в тюрьмах и лагерях, а в общежитиях... «Условники» для властей не представляют никакой опасности. Они — дети самих властей, а сама власть — их мать. Поэтому условное наказание выносится только тому, кому власть напишет положительную служебную характеристику. Вот парадокс-то какой! С одной стороны, закон судит нарушителя, как бы наказывая, а с другой — прикрывает его хорошей служебной характеристикой, поощряя... Буква закона должна быть одинаковой для всех и только тогда может соблюдаться принцип правосудия. Почти у каждого «условника» имеется отличнейшая служебная характеристика, хоть сейчас можно дать ему «героя»... Я, Оленька, когда-то работала учительницей, но выгнали меня за то, что поставила «двойку» сыну первого секретаря райкома. Многому нас учили в институте, но забыли о главном — о роли подхалимажа в нашей работе. Конечно, Оленька, тебе этого не понять! Почему «двойка», полученная сыном, так сильно взволновала самого первого секретаря? Этого не понимают не только ученики, но даже и учителя. Многие думают, что учитель, поставив «двойку», желает утопить ученика и эта злополучная двойка будет влиять на его судьбу, а низкобалльный аттестат зрелости отрицательно скажется при поступлении в институт! Это далеко не верно. Тут дело не в сыне, а в отце. Именно полученная

мальчиком двойка глубоко оскорбила его отца — честь его мундира, то есть школьная «двойка» превратилась в политический инцидент... А как же, первый секретарь райкома держит в руках весь район, а тут маленькая, наподобие червяка, учительница покушается на его авторитет! Это нетерпимо, поэтому он развернул такую бурную кампанию, что впоследствии меня лишили работы не только в школе, а даже и в детском саду. На состоявшемся суде выступили против меня заранее подготовленные свидетели, в показаниях которых я будто оскорбляла учеников, таскала их за волосы, щипала до синяков и даже брала у них взятки в виде подарков. Но после, когда шли домой, некоторые свидетели извинялись передо мной и признались, что они были вынуждены говорить по указанию свыше, боясь за свою карьеру. Через год почему-то повесился директор школы, а я стала сердечницей и работаю теперь кассиршей...

«Дурачок» несколько раз проходил мимо Оли и Веры Петровны и никак не мог понять, почему эта буйная женщина, которая только что грозилась задушить Олю, теперь сидит с ней рядом, мирно разговаривая. В самом разгаре их беседы откуда-то появилась заведующая инфекционным отделением и выгнала Веру Петровну с такими оскорбительными словами, что та на миг потеряла дар речи и, растерявшись, долго блуждала по улицам родного города.

За то, что санитарка Оля пропустила в инфекционное отделение постороннюю женщину, да еще без халата, заведующая «отчитывала» Олю целый час на «пятиминутке», где грозилась дать ей «объективную» служебную характеристику для поступления в институт.

Хотя с этого дня Оля и Вера Петровна стали хорошими друзьями, Оля в этот день практически потеряла весь смысл своего отработанного двухгодичного стажа.

Теперь, обедая в студенческой столовой, Оля перестала вслух повторять формулы и законы и некоторое время вспоминала одноклассника Колю и разговор с его матерью, Верой Петровной. Ее смущали те загорелые парни, которые, находясь с ней рядом, не спускали с нее глаз. Оля не обращала на них особого внимания, но случайно узнала от них, что эти парни направлены из райкома и являются абитуриентами лечебного факультета.

Магическая бумага

На выходе из столовой один из этих парней не на шутку «привязался» к Оле, хотя она несколько раз останавливалась на лестнице, чтобы «отвязаться» от него. Но он все-таки дошел с ней до самой двери ее комнаты.

Оля без всякого труда могла бы «отшить» его, как получалось у нее с другими парнями, но сегодня почему-то не сделала этого. Она много раз встречала подобных навязчивых парней, но парня с «направлением» райкома видела впервые.

Оля еще в прошлые годы слышала о преимуществе этих «направлений» и о превосходстве тех абитуриентов, у которых имелись «направления», но никогда не приходилось ей взглянуть на эту всесильную бумагу и разговаривать с ее обладателем.

— Меня зовут Олегом, а как вас? — представился он, с улыбкой подавая руку и смело загоразивая ей вход в комнату.

— Оля! — ответила она, но подать руку все же отказалась. — Отпустите меня, я пойду! Мне надо зубрить формулы, сейчас это самое главное, от них зависит моя судьба.

— Зубрить, конечно, и мне надо. Но ведь, Олечка, всех формул не вызубришь. Для этого существуют справочники и шпаргалки... Вы на какой фак поступаете?

— Я сначала подавала заявление на лечфак, но там, говорят, очень большой конкурс и поэтому переписала на стоматологический. Боюсь я очень, вдруг не пройду. Стыдно возвращаться домой!

— Ничего, Оля, пройдет! Если не пройдет, это тоже не смертельно. Приедете на будущий год. Беда небольшая, окончите на год позже меня...

— Нет уж, товарищ, я не хочу оставаться на следующий год. Мне необходимо поступить только в этом году. Я ведь медалистка и сдавать мне только одну физику, причем требуется только на пятерку. А если получу четверку, то все! И тогда все экзамены сдавать на общих основаниях... Осталось мало времени. Я уже не успеваю подготовиться по остальным предметам! Дело в том, что медалистам сдавать вступительные экзамены намного сложнее, чем остальным абитуриентам, медалистам задают много дополнительных вопросов. На первый взгляд, кажется, это мелочь, а на самом деле — страшное дело! Преподаватель «гоняет» тебя по всему курсу. Словом, твоя судьба зависит в данном случае только от этого преподавателя. Если он захочет, то поставит пятерку, хотя ты ответил только на тройку. Если захочет, то сделает наоборот. Его оценка обжалованию не подлежит... Вот если бы ответы абитуриентов записывались на магнитофонную ленту, то еще можно было бы доказать правоту абитуриента. Хотите, я вас сейчас же «загоню» в тупик? Два-три вопроса и вы можете оказаться на лопатках! Ну как?

— Честно говоря, Оля, я физику не люблю с малых лет. Но я надеюсь все-таки попасть в этом году... Как говорят древние греки, мне поможет «палочка-выручалочка».

— А что за «палочка» у вас? Мне бы такую «палочку»! А нельзя ли мне воспользоваться вашей «палочкой»?

— В принципе, видимо, можно. У меня имеется одна резервная «палочка», но она оформлена на мое имя. На ваше имя я тоже могу достать ее, но только на будущий год, если вас это устраивает... Я через отца могу это сделать, он у меня все может, в горкоме «первым» работает. Это «направление» райкома, говоря по-научному.

— Спасибо. Но ведь мне надо на этот год! А где оно, ваше резервное «направление»? Можно мне взглянуть на него?

— Пожалуйста, Оленька, пожалуйста! Оно у меня где-то валяется в книгах. Пойдемте ко мне, я живу в 525-й комнате... Пошли, Олечка, пошли! В моем личном деле есть уже одно «направление», а это просто взял на всякий, как говорится, пожарный случай. В прошлом году дочь нашего второго секретаря потеряла «направление», и ей пришлось ехать обратно за новым. Запас никогда не мешает...

Он, взяв Олю за руку, повел ее по полутемному длинному коридору в сторону своей комнаты, находившейся на этом же этаже. Оля пропустила его вперед и шла, держась за его руку, лишь отстав от него на полшага, как бы без особого желания. Но она уже не думала о зубрежке формул и правил и ее охватило такое чувство радости, которого она не испытывала со времен окончания школы. Она хотела, чтобы этот «бесконечный» полутемный коридор как можно быстрее привел ее туда, где через несколько минут откроется возможность не только взглянуть на эту «палочку-выручалочку», но пощупать ее собственными руками.

Ее слабенькая предательская алчность, приобретенная за период трех коротких абитуриентских сезонов и сидевшая в душе как насильно пересаженное инородное тело, в этот момент оказалась намного сильнее наследственной, до сих пор еще ни разу не подводившей девичьей гордости.

— Входите, Оля, не стесняйтесь! Мы здесь живем вдвоем, он поехал после обеда к брату, на дачу, меня тоже звал, но я отказался. Давайте, Оля, поедem на дачу! Будем готовиться на свежем воздухе, — предложил он, открывая дверь.

— Нет, нет! Я не пойду в комнату! Неудобно это, постою лучше в коридоре. О поездке на дачу не может быть и речи, мне еще зубрить да зубрить...

— Идемте, Оля, идемте! Как раз и неудобно стоять в коридоре. Ну, иде-м-те?!

Они вошли в комнату, напоминавшую приемный пункт стеклопосуды, ибо все те места, где у студентов обычно лежат книги, были забиты здесь пустыми бутылками из-под разных вин.

— Садитесь, Оля, садитесь! Вот вам стул и вот физика... А я за это время поищу «направление»... Так вот же оно! Оказывается, оно меня ищет. Вот оно, вот. Во-о-т! Берите, смотрите. Даже можете оставить себе на память, если хотите... В честь нашего знакомства, пожалуйста! А вы мне тоже подарите что-нибудь, лучше, конечно, фотку с автографом... Для тех, кто имеет «направление», созданы подготовительные курсы. Наверное, видели, висит в вестибюле объявление. Мы тоже иногда посещали эти курсы...

Оля дрожащими влажными пальцами взяла «направление» райкома и долго-долго, пристально смотрела на него, как бы изучая формат, а потом несколько раз прочитала его содержание, обратив особое внимание на фамилию, имя, отчество. «Беляев Олег Иванович... Почти я! — обрадовалась она, все еще изучая документ недоумевающим, растерянным взглядом. — Белова Ольга Ивановна, звучит-то здорово! Может быть, судьба? Надо же, разница-то всего лишь в нескольких буквах, а до начала «вступительных» еще есть время... Это сон или настоящее счастье?» — смаковала она.

Олег в это время заряжал магнитофон и не заметил, как у Оли от радости и огорчения несколько раз менялся цвет лица.

Радостно было ей от того, что в руках она держала ту магическую бумагу, с помощью которой могла бы превратиться буквально через 10 дней из абитуриента в первокурсницу, и огорчилась потому, что эта бумага с всемогущей круглой гербовой печатью и неподдельной разборчивой подписью не ее, а чужая.

Он настроил магнитофон и подошел к Оле, а она, не зная, что делать, то смотрела на заманчивый чужой документ, то на стоящего перед собой беззаботно улыбающегося стройного молодого парня.

— Жаль, что мы с вами не были знакомы раньше, а то бы я достал вам точно такую же «бумажку».

После этих трогательных слов Оля несколько раз всхлипнула, стараясь удержаться от слез, а потом, расслабившись, заплакала навзрыд, положив голову на его плечо.

Точно так же она плакала в прошлом году на руках у своей матери, вернувшись домой после неудачных вступительных экзаменов. То же самое происходило и в позапрошлом году, после первой

попытки. Сейчас она плакала в три ручья и была настолько расслаблена, что не оказывала сопротивления, когда Олег, пользуясь удобным случаем, обнял ее и поцеловал в щеку.

Чтобы успокоить ее, он подал ей стакан вина, который она жадно выпила большими глотками, как сладкую газированную воду. Вино подействовало на нее словно успокоительная валериановая настойка, и Оля через несколько минут не только не рыдала, но и перестала всхлипывать. К ней снова вернулся давно исчезнувший прежний оптимизм.

Рок первый

— Олег! — сказала она почти что детским голосом, сидя у него на коленях и держа в руке «направление». — Твоя фамилия Беляев, а моя Белова — разница всего в трех буквах. Мое отчество Ивановна, а твое — Иванович. Здесь совсем просто! Твое имя Олег, а мое Ольга. Тут вообще ничего не нужно стирать: «е» исправить на мягкий знак, «а» — дописать. Улавливаешь или нет? У тебя, случайно, нет ребят знакомых, способных? Вот бы найти такого способного парня, а? Это было бы здорово! Я бы ему сделала, чего он захочет...

— Я понял тебя, Оленька! Хотя это дело тонкое, как говорится, ювелирное, но ради тебя я готов идти в огонь и воду. Только прикажи, Оленька, все будет сделано! Соображаешь ты, медалистка все-таки. Я бы никогда не додумался до этого... Примут меня в институт или нет, мне все равно как-то, я не рвач. Идея твоя мне нравится, как же нам быть-то? Надо использовать химию! Так-так-так, ладно, рискнем сами! Кто знает, может, и получится... Нам надо торопиться, «бумажку» нужно сдать в приемную комиссию не позже, чем послезавтра, иначе уже не примут. Ты, Оля, пока ищи лезвие на подоконнике, подходящую ручку, чернила, а я сбегая в химчистку, здесь за углом. Заодно захвачу еды... Возможно, нам придется работать долго. Если сумеем подделать, то тебе не стоит убиваться над формулами, отдохнешь несколько дней до начала экзаменов. Вообще-то ты и так уже знаешь достаточно, не то что я. Да еще медалистка! Ну, пока, я побежал...

Оля не успела подготовить рабочее место, он уже прибежал с доверху набитым портфелем, из которого вытащил какой-то порошок, лежащий на дне ржавой консервной банки, три пузатых бутылки коньяка, несколько плиток шоколада, колбасу и прочую закуску. Проверив, закрыты ли двери, он приступил к делу.

— Может, выпьем немного для смелости, Оля! — предложил он полрюмки, отламывая плитку шоколада. — Чтобы не стоять в очереди, достал в ресторане...

— Нет, нет, Олег! Сейчас нельзя ни в коем случае, мы все испортим. Если «Беляева» удачно исправим на «Белову», то выпьем по рюмке за успех. В противном случае я пойду к себе зубрить формулы, иначе я провалюсь. Боюсь я очень... А если превратим Олега в Ольгу, а Ивановича в Ивановну, то я одна выпью всю вот эту пузатую бутылку... Кстати, как она называется? А-а, «Плиски» с пятью звездами. Честное слово, тебе не оставлю ни грамма. Давай, милый, начнем, не испортить бы, а! Ты уж осторожно, работай потихоньку, ладно? Если сделаем, то я завтра же отнесу его в приемную комиссию...

— Ты, Оленька, ложись на койку и отдыхай спокойно, не сходи с ума с этими формулами. Лучше слушай музыку! Иди ложись и отдыхай, а я поработаю один...

С помощью порошка и лезвия через полчаса он переделал Беляева на Белову и на этом первая задача была успешно выполнена.

В способности Олега она убедилась воочию, и от переполненной радости робко поцеловала его, подавая ему обещанную полную рюмку. Ни до выпивки, ни после — она не могла заметить следов подделки. Еще через час была закончена вторая часть поставленной задачи: Олег был исправлен на Ольгу, а Иванович — на Ивановну. Для Оли это была огромная удача, и она, тщательно проверив все переделанные буквы, прыгала от счастья.

А для него она сама была не меньшей удачей, чем для нее — поддельное «направление». Знакомая с ней, Олег жаждал лишь поцеловать ее через день или позже, но такого успеха, который имел сейчас, он не ожидал. Но сам он не совсем еще осмыслил причину достигнутого успеха и увидел ее, в основном, в своей находчивости и эрудиции.

Оля без конца расхваливала его и готова была отнести «бумагу» в институт немедленно, если бы приемная комиссия работала круглосуточно.

— Ты ловкач, Олег, молодец! У тебя настоящий талант, ты можешь работать в монетном дворе! — расцеловала она его после выпитой рюмки, — феноменально!

После четвертой рюмки Оля стала настоящей оптимисткой и продолжала пить «Плиску», лежа на койке.

Опустошив шестую рюмку, он раздел ее полностью при ярком электрическом свете и узнал о том, что лифчик она носит просто так, без всякой надобности. Она лежала в полусознании, поэтому он не спешил обнять ее и моментально оказался в сладкой истоме, а долго разглядывал расслабленную, лежащую на спине очаровательную фигуру. Потом он положил Олю на живот и, не веря своим глазам, пощупал ее голое тело руками. Заклеив широкую замочную скважину плотной бумагой, он снова повернул ее навзничь, но на этот раз не мог удержаться и, не раздевшись, лег рядом.

«Пленительно красива! Я еще такую не видал, а сосед мой, лопух, подавно. А то художники рисуют голую женщину, похожую на крокодила и преклоняются перед ней несколько веков! Если бы классики изобразительного искусства рисовали Олю, лежащую в таком виде на моей койке, тогда бы их картины оценивались не в 50 тысяч долларов, а в 500, куда там этим всемирно известным «обнаженным» тягаться с Олей! Никакого сравнения... Вот какая ценность лежит у меня в комнате. Кто знает, что она здесь? Никто! Если бы знали о ней живущие за стеной парни, то они наверняка бы отняли ее у меня, хорошо, что здесь дверь и глухая стена!» — подумал он, молниеносно сдирая с себя одежду.

Через несколько минут случилось то, что должно было случиться с ней рано или поздно.

«Здесь можно жить! Вон сколько девок сами лезут в постель, продолжал он мыслить после короткого сладкого сна, закуривая сигарету. — В случае скандала я тут ни при чем. Я же ее не просил остаться ночевать у меня в комнате, про любовь тоже не говорил, не обещал ни жениться, ни дружить... Поцеловал-то я ее по-настоящему лишь после случившегося... Что же я буду делать с этой простыней! О, сколько на ней «краски»! Это не та, которая бывает ежемесячно у них, а настоящая, девичья. В старину такую простыню не стирали сразу, а вывешивали на видном месте для доказательства честности невесты. Все-таки я эту простыню не выброшу до приезда соседа, пусть убедится в моих способностях. Может быть, ему никогда не удастся встретить девушку честную... Да, да! С него коньяк, напрасно он доказывал, что в десятом классе нет уже «честных» девушек. Вот и опровержение! Кто знает, может быть, у них в классе так и было, бывают же исключения. Но в любом классе есть такие уроды, которых даром не возьмешь, они-то и остаются в девушках. Почему Оля держалась до сих пор, такая симпатичная, этого я не понимаю никак. Если бы она училась в нашем классе, то я бы ее не оставил в покое... куда же спрятать простыню? Можно вот сюда, за шифоньер... Пока постелю газету, а завтра найду чистую, иначе комендант хай поднимет, не зря его зовут самодуром».

Оля спала, несмотря на то, что горел свет в комнате, но временами негромко стонала, то ли от изменений в организме, то ли от алкогольного отравления.

Он погасил сигарету, выпил рюмку, потом, слегка приподняв Олю, подsunул под нее двойную, выпущенную в честь знаменитой даты «Комсомольскую правду», которая, будто не желая оказаться соучастницей грязного аморального дела, упрямо шуршала и, наконец, словно пожертвовав собой, назло порвалась в том месте, где она была больше всего необходима. Тогда Олег шепотом, оглянувшись на всякий случай назад, обругал непрочную «Комсомолку» трехэтажным сочным матом и на рваный участок газеты наложил в качестве заплатки раскрытый журнал «Огонек». Теперь на зеркально-блестящей обложке «Огонька» на фоне дряблой, насыщенной ничем не смываемыми грехами, самодовольной физиономии четырежды героя Брежнева, отражалось упругое, словно обтянутое тонкой эластичной пленкой, кристально-чистое девичье тело. Хотя Олег по природе своей стоял на высшем пьедестале среди других эгоистов, но ему, глядя на всю эту картину при ярком электроосвещении, стало не по себе: Леонид Ильич, прижатый ольгиным поруганным телом к грязному студенческому матрацу, выглядывал оттуда обиженными глазами и надутым лицом и, будто чмокая толстыми губами, предупреждал его о последствиях. Олег был не из трусливого племени, но здесь пристальный взгляд удрученного идейного старика перепугал его до смерти. В недоумении он вытянул «Огонек» из-под Оли и, перевернув лист, снова попытался подsunуть журнал в прежнее место, но на этот раз под Олей оказалась пламенная речь генсека. «Будь оно неладно, с ума можно спятить!» — выругался Олег и, вытащив журнал, начал листать дальше. Доклад, содоклады, отклики и единодушные одобрения. Лишь где-то на последних страницах журнала он нашел заокеанского дядю Сэма, сидящего верхом на водородной бомбе и спокойно курящего длинную ароматную сигару. Довольствуясь политическим рисунком лауреатов неоднократных ленинских и государственных премий Кукрыниксов, он снова подsunул «Огонек» под Олю и, как бы сводя с дядей Сэмом давние личные счеты, буркнул: «Вот там-то и твое место, достукался, мразь, так тебе и надо!» Теперь Оля своим голым задом накрывала сверхмощную термоядерную бомбу и невозмутимого дядю Сэма с толстой сигарой во рту. Но все-таки Олег сейчас был спокоен, и эта бомба не страшила его так, как чопорный взгляд вождя и его внушительная речь на очередном пленуме ЦК. Хотя Олег был спокоен, но, учитывая тот факт, что портрет вождя все-таки находился под Олей, он для успокоения души одним махом осушил стакан коньяка и юркнул под одеяло к покоренному, невинному голому телу, полностью

забыв об изумленном пристальном взгляде генсека и, тем более, о дядюшке Сэме, до зубов вооруженном грозным оружием массового поражения.

Сначала Олег лежал без движения, боясь шуршания подложенной вместо простыни тонкой «Комсомолки» и лощеного «Огонька», а через несколько минут уже набросился на Олю с затажными поцелуями, обхватив ее за шею. При каждом его движении она чувствовала острую боль и со стоном ворочалась в его объятиях.

Вдруг она сильными натруженными руками оттолкнула его и, немного успокоившись, попросила пить, не открывая глаза. Чтобы не вспугнуть ее, он осторожно встал и сразу же выключил свет, а потом, налив на ощупь дал ей полный стакан холодной воды. Оля жадно выпила ее, чуть приподнявшись и захлебываясь, и с небольшим облегчением внутри легла снова, укрывая свое голое тело колючим потертым студенческим одеялом.

— Где я нахожусь? Кто со мной? — спросила она через некоторое время, когда он снова начал целовать ее в губы.

— Что же ты, Олечка, память, что ли, потеряла! Это я, Олег, мы с тобой одни, в моей комнате и в полной безопасности. Хорошо, что не в вытрезвителе, сейчас туда полно попадает женщин... Ты знаешь, сколько девушек пропадает там этой ночью? Нет, конечно. Я знаю, очень много, Оленька, очень.

Утешая ее тем, что она все-таки находится в его комнате, а не в вытрезвителе, он продолжал жадно щупать ее измученное, нуждающееся в данный момент в обязательном отдыхе тело и прилип, как пиявка, к ее губам, осыпая безответными продолжительными поцелуями.

— Не лезь, Олег! Сказано — не лезь! У меня болит голова, все тело, ты меня избил, что ли?

— Не-е-т, Олечка, не избивал я тебя. Разве можно бить такую красавицу, у меня бы рука не поднялась. Ты просто пьяна. Ты же одна выпила полную бутылку «Плиски» до последней капли, сначала рюмками, а потом из горла... Неужели ты забыла, за что мы пили? Мы ведь с тобой вчера делали «бумажку».

— Вспомнила, вспомнила! А где она «бумажка»-то? У нас, кажется, получилось неплохо...

— Отлично получилось, Оленька, отлично! Вот она на столе, все в ажуре — комар носа не подточит. Хочешь, покажу?

— Хочу, давай! Включи свет, а то я ничего не вижу и не соображаю, где я.

Олег, включив свет, достал со стола «бумажку» и подал ее Оле.

— Чистая работа, ювелирная! Откуда у тебя такая способность, ты, видать, специалист по этой части? Дай-ка я тебя поцелую за это... Завтра нужно обязательно отнести ее, обязательно! Смогу ли я, у меня голова не поднимается, и все тело как избитое. А отнести нужно непременно...

Пока она разглядывала «бумажку», он наполнил две рюмки и подал ей одну из них вместе с кусочком шоколада. Стоя перед лежащей Олей, он провозгласил тост и, еле уговорив Олю выпить до дна, поставил пустые рюмки на стол, а потом выключил свет и лег рядом с ней.

— Сможешь, Оленька, сможешь! Отнесешь обязательно, я тоже пойду с тобой, если ты не возражаешь... Только ты утром выпей 50 граммов коньяка и у тебя все станет на свое место. Если ты этого не сделаешь, то будешь болеть сутки или, может, больше. Это называется «похмельный синдром». Мой отец всегда говорит в подобной ситуации: «Самая безопасная болезнь — это болезнь с похмелья. И в предсмертном состоянии ты твердо знаешь о том, что от 100 граммов водки будешь снова здоровым». Папа мой человек умный, первое лицо в районе... Я бы запросто мог достать тебе эту «бумажку», но в этом году уже поздно, хотя распределены не все «направления». Если хочешь, то на следующий год — пожалуйста. Дело в том, что отец недавно уехал отдыхать в Карловы Вары...

— Нет, Олежек, нет! Мне надо в этом году... И только в этом!

Он целовал ее губы, упругую, как резина, грудь, несколько раз то правую, то левую, а потом все остальное с ног до головы. В этот миг он не мог не любить ее. После выпитой рюмки она немножко ожила и не отталкивала его, хотя от физической и душевной боли все еще стонала.

Летняя короткая ночь была уже на исходе, а неиссякаемая энергия молодого организма не могла терпеть и поэтому он занавесил окна, содрал одеяла с двух свободных коек...

Около 10 часов утра кто-то постучал в дверь. Он, быстро соскочив с койки, моментально привел себя в порядок и снял одеяла с окон. Укрыв неспящую Олю с головой одеялом, он быстро заправил все остальные койки. За дверью послышались чьи-то шаги и голоса. Она тоже хотела встать и одеться, но стеснялась его, хотя ему сейчас было не до нее, ибо он, понимая всю сложность обстановки, не желал вместе с ней попасть в черный список беспощадного коменданта общежития.

«Только в бане я бывала в таком виде, — переживала Оля, ощупывая свое голое тело под одеялом. — Вот уж не везет, так не везет! Ценой своей чести раздобыла «направление» и теперь в один миг пропадет все, если поймают. Что я скажу маме? Вдруг еще забеременела! Вот же черт, надо было уходить утром.

Он во всем виноват — занавесил окна и спит беззаботно. Темно, и мне показалось, будто все еще ночь... Дурак, только о себе думает, все хочет успеть в одну ночь...»

— Дай мне одежду! — шепнула она ему. — Дай быстрее, оглох, что ли? Потом уберешь со стола! За бутылки тебе ничего не грозит, а вот если меня здесь найдут голую, то нам обоим не видать института, как собственных ушей... Чего уставился, как истукан, дай белье и отвернись сам!

Он без всяких слов подал ей одежду и на цыпочках подошел к двери, шагая по скрипучему деревянному полу. Прислушивался. Хотя по коридору проходили люди, разговаривая, но он все еще наблюдал в зеркале за красотой ее тела, будто в ней за это время не произошло никаких изменений, и будто он прошедшей ночью чего-то не успел сделать.

Оля оделась и причесала густые каштановые волосы, у нее сильно болела голова, едва двигались ноги, от тошноты потемнело в глазах. Присев на край металлической небрежно заправленной койки, она от первой до последней буквы прочитала свое «направление» и, осторожно завернув его бумагой, положила в надежный тайник своей сумки.

А он все еще наблюдал за ней в зеркале, стоя у двери, как бы подслушивая голоса в коридоре, и при этом все больше и больше находил в ней настоящую красавицу. После некоторого наблюдения он убедился, что она выглядела сегодня намного лучше, чем вчера.

— Давай, Оленька, опохмелимся! — предложил он ей шепотом, подходя к столу. — А то, я вижу, тебе плохо. И мне тоже. Надо обязательно выпить немного, иначе будешь болеть двое суток.

Оля отрицательно покачала головой. Глядя на бутылку, ее тошнило, и она невольно положила свою, по ее мнению, неудержимо тяжелую голову на подушку. Он осторожно приподнял ее, положил под голову вторую подушку, как бы ухаживая за больной, а она с удовольствием вытянула свои красивые длинные ноги, стараясь укрыть их мини-юбкой. В этом положении ей было намного удобнее думать о том, как выбраться из чужой комнаты и как сдать в институт чужое «направление», подделанное на свое имя.

— На, Оленька, выпей! Сразу поправишься, — подал он ей наполненную рюмку. — За наши успехи, Оленька, желаю удачи! Не нюхай, не нюхай — выпей залпом! Даже от самого хорошего коньяка пахнет клопами... Слушай старших, я наверняка старше тебя на несколько месяцев... Давай, давай, Оленька, так оно лучше... Пей до дна, пей до дна... Вот и молоток, через 2-3 минуты ты снова здоровая. Ха-ха! Кто не курит и не пьет — тот здоровеньким помрет! Верно, Оленька?

Она с трудом выпила рюмку и задумалась: «Да-а, ты еще сосунок против меня. Два года назад ты бы от меня ничего не получил! Тогда ко мне приставал доцент, обещая обеспечить пятеркой по физике, если бы я поехала к ним на дачу. Я даже на это не согласилась! Без всякого риска прошла бы по конкурсу и была бы уже сейчас на третьем курсе... А ведь с ним поехала на дачу Маша Кравченко! Ей, видать, терять было нечего и она давно ждала такого приглашения. Ходила на консультацию в декольте, а юбка-то какая короткая — одно название... Как бы то ни было, а Маша уже на третьем курсе! Говорят, этот доцент каждый год устраивает девушек в институт через дачу. А на даче ведь он не один, там целая компания «опекунов». Многие девушки поступают в институт таким способом, но ни одна об этом не рассказывает никому, даже перед смертью. Ведь секрет этого темного, но взаимовыгодного дела держится на прочном фундаменте простой человеческой гордости: никому не хочется разоблачать самого себя! Есть разные мужчины на свете: одни склонны к деньгам, а другие — к женщинам... Мы, девушки, расплачиваемся своим телом. Может быть, это хорошо, с одной стороны? Где мне достать столько денег, работая санитаркой? Кое-как свожу концы с концами, а одевает меня мать... С другой стороны, расплачиваться телом — это омерзительно. Хорошо, что мне подвернулся этот парень, он молодой и будто бы неплохой. Кто знает, с кем бы пришлось лечь в позапрошлом году на даче, возможно, с семидесятилетним дряхлым стариком? Доцент-то вроде бы нестарый, ему не больше пятидесяти, но ведь он подбирает девушек не только для себя. Может быть, он вовсе и не доцент, а негласный вербовщик девок...»

Оля постепенно пришла в себя и была очень рада, что опохмелилась. Ее теперь не тошнило, у нее даже появился аппетит и исчезли прежние душевные переживания, угнетавшие ее несколько минут назад. Она попросила кусочек колбасы и хлеба. Они выпили еще по полрюмки и с удовольствием, до последней крошки съели остатки вчерашней закуски, потом смело, не боясь чужих глаз, вышли из комнаты и направились в институт.

После того, как она без малейшего подозрения и задержки сдала «направление» в приемную комиссию, где по приемке документов работали так называемые студенты-общественники, они в приподнятом настроении вернулись в общежитие и там, на пятом этаже, поцеловались, как на перроне, не замечая прохожих.

Оля через некоторое время уехала домой обрадовать больную маму, считая себя уже студенткой, а он лег спать сразу же, закрывшись в комнате. Спал он до утра, ни разу не просыпаясь.

Сынки

Утром, пробыв на даче два дня, вернулся в общежитие настоящий Беляев Олег Иванович и кое-как разбудил беспробудно спящего друга, абитуриента Мишу, который вчера, будучи с Олей, как бы шутя, назвал себя Олегом и подделал его запасное «направление», валявшееся на подоконнике.

— Ни одной страницы не сумел повторить! Невозможно заниматься на природе! Видишь, как загорел за два дня! — похвалился Олег, показывая свое «бронзовое» тело все еще лежавшему в постели Мише.

— Ты думаешь, что я занимался! После твоего отъезда на дачу я всю ночь кутил здесь с той девкой. Ты ее знаешь, она с нами обедала за одним столом в день твоего отъезда. На удочку она мне попала! Правда, раскошелился я, за ночь пропили с ней на двоих сто рублей! Сегодня думаю отбить домой «молнию», иначе у меня мало осталось денег, — пожаловался Миша виноватым тоном.

— А-а, эту-то, в белой кофточке! Она на видок ни-че-го, я тебе завидую! Как же ты ее заманил в комнату, она ведь тогда молчала за столом, как глухонемая? Вот тебе и скромница, никогда не узнать нам, дружок, душу этих женщин. Значит, скромность у нее только внешняя! А что она, влюбилась с первого взгляда, что ли? — поинтересовался Олег, все еще сомневаясь.

— Как тебе сказать, Олег, влюбилась она или нет, но целовала меня сама, — пытался Миша найти удобный момент, чтобы помягче объяснить ему о подделке «направления». — Видишь ли Олег, она страшно хочет стать студенткой, хочет именно в этом году почему-то. Мне, например, все равно, поступлю я нынче или нет. Не пройду в этом году — пройду в следующем. Какая разница, на год позже окончу, всего лишь. Ее же устраивает только этот год и никакой другой... Между прочим, она сама медалистка и почему-то боится экзаменов, не то что я — ничего не знаю и никого не боюсь... Если бы нас повели на расстрел, то мы, пожалуй, боялись бы меньше, чем она боится этих вступительных экзаменов. Да, да, Олег, она болезненно воспринимает неудачу и страстно любит справочники, особенно по физике. Я ее пригласил просто слушать магнитофон и на вечер хотел взять с собой в ресторан. Но она как вошла сюда, кинулась сразу же листать справочники, даже не успели познакомиться толком! Пока я возился с магнитофоном, она чисто случайно нашла твое завалявшееся «направление» райкома и чуть не упала в обморок от радости. Ты, может быть, не веришь мне, но я ее еле успокоил вином, которое осталось у нас с тобой с обеда того дня. Выпила она полный стакан вина и заговорила, успокоившись: «Это ваше?» — спрашивает, показывая мне твое «направление». «Чье же еще, — отвечаю я, желая похвастаться, — конечно мое!» Она смотрит то на меня, то на твое «направление», а потом неожиданно бросается ко мне на шею. Я даже немного напугался от такого странного поведения. Я ей еще налил полстакана вина и тогда она присела на мои колени и говорит «Тебя зовут Олегом, а меня Ольгой, твоя фамилия Беляев, а моя — Белова, твое отчество Иванович, а мое — Ивановна!» Сначала я ничего не сообразил и смотрю на нее, как баран на новые ворота, а она переспрашивает: «Чего смотришь? Что, я тебе не нравлюсь? Это судьба — у нас с тобой все сходится! Чего, все еще никак не сообразишь? Вот, пока это «направление» твое, а после небольшой переделки оно станет моим. Ясно теперь? Найди специалиста, говорит, я за это отдам ему все, что он захочет. Ну как?» Вот я и задумался! Съездить бы к тебе за советом, но не знал точного места нахождения. А использовать твой документ без разрешения как-то совесть не позволяет... Тут была сложная ситуация, друг мой! Я хоть тебя очень уважаю, но в данном случае она была превыше всего... Не зря говорят: «Юбка правит миром». Так оно и вышло! Я рискнул. Ты уж, извини, Олег, пожалуйста! У меня не было другого выхода. Мне кажется, ты бы на моем месте поступил точно так же... К тому же я вспомнил, как ты выбросил свое «направление» на подоконник за ненадобностью. Словом, я виноват перед тобой, накажи меня, как тебе вздумается! Сам посуди, Олег! Она же несколько раз твердила: «Найди специалиста и я с ним договорюсь, все сделаю, чего он захочет». Ты представляешь, Олег, что это означает? Нельзя же такую редкую находку отдать кому-то. Скажем, я бы нашел специалиста, а она бы спала с ним! Соображаешь? Ты бы наверняка не допустил этого, я уверен в этом! Другого случая, может быть, не будет у меня никогда, кто знает. Если бы ты оказался здесь, то она бы досталась, конечно, тебе. Это без всякого сомнения! Я бы ушел к ребятам в другую комнату. Вот ведь судьба-то какая, и ты, как на грех, уехал в этот вечер... Ты бы сейчас назвал меня идиотом, если бы я ее отдал другому...

— Ну-у, Миша, пе-рес-тань извиняться! — остановил его Олег с улыбкой. — Ведешь себя, как раскаивающийся грешник. Никакого твоего греха здесь нет. Подумаешь, «направление»! Я его и с подоконника хотел выбросить, на что оно мне нужно. В моем личном деле имеется же одно

«направление» и ты знаешь об этом... А что вы с моим «направлением» делали-то? Где оно сейчас, можно взглянуть?

— Я сначала хотел отдать «эту работу» в самом деле какому-нибудь специалисту, за определенную плату, конечно. Но потом, несколько подумав, достал порошок, лезвие и за каких-то полтора часа переделал Беляева Олега Ивановича на Белову Ольгу Ивановну. Оказывается, это дело несложное, здорово получилось! Целовала она меня за каждую букву трижды. А потом выпила одна целую бутылку «Плиски» и, не спросив даже разрешения, завалилась в мою постель. Эх, не было у меня под руками фотоаппарата! Запечатлеть бы обнаженную красавицу, лежащую на койке! Это выше, чем сфотографировать редкую птицу в Африке или найти уникальную археологическую находку. Слеп бы, если бы ты ее увидел! Скажу тебе по секрету: оказалась она девушкой... А твое «направление» уже в ее личном деле, взяли его без всякого подозрения. Как она боялась, как она боялась сдать его в институт! Как только мы опохмелились, она сразу побежала без малейшего страха в приемную комиссию. Не зря мой папа говорит: «Водка-сила, спорт-могила».

— Ну и молодцы! Тем более что «операция» прошла удачно, — утешал Олег Мишу, хотя у самого в душе сгустилась какая-то скрытая обида, будто он потерял вчера драгоценность. — Так и быть, с тебя бутылка, — пошутил Олег, как обычно.

— Обязательно, дружище, обязательно! Завтра я получу перевод и мы втроем обмоем твою «бумажку», закатим большой кутеж на всю ночь! — обрадовался Миша. — Ты не возражаешь, если она временно будет звать меня Олегом, а тебя — Мишей? А то просто неудобно, если узнает... На мой взгляд, не будет ничего дурного... Когда-нибудь, будучи студентами, признаемся, а пока пусть так и будет: я — это ты, ты — это я... Как она приедет из дома, я тебя с ней познакомлю и погуляем за мой счет, прокутим еще сотню. Между прочим, она тебе понравится наверняка. Может быть, еще влюбишься...

— Пусть так и будет, с сегодняшнего дня я буду Мишей. Частенько девушки сами тоже обманывают парней. Я во время летних каникул в Артеке целый месяц дружил с одной, и она сказала мне свое настоящее имя лишь перед отъездом...

Миша рассказал Олегу много вздорных выдумок и неточностей, убедил его в том, что назвал себя Олегом чисто случайно и запасное «направление» Олега тоже было обнаружено ею лишь по случайности. Пользуясь тем, что Олег во всем соглашался без возражения, он показал ему простыню, спрятанную за шифоньером. Если Миша несколько минут назад осторожно объяснял свою виновность перед Олегом, ища нужные слова для обоснования подделки чужого документа, то теперь он чувствовал себя вполне спокойно, и как бы в шутку напомнил ему о том, что он, Миша, этой ночью выиграл у него «пари», практически доказав существование честных девушек после окончания школы.

Поговорив досыта во время утреннего туалета, они спустились в столовую, где не спеша позавтракали, сидя за одним столом и молча осуждая Олю каждый по своему.

Хотя Олег и Миша жили и воспитывались примерно в одинаковых социальных условиях, но, несмотря на это, они резко отличались по характерам.

Сговор

Через два дня Оля приехала из дома, побывав у матери. В тот же день Миша, получив деньги по телеграфу, закупил несколько бутылок коньяка, бутылку шампанского, а также необходимую закуску и пригласил в комнату Олю, где познакомил ее с Олегом, представив его Мишей. Начался намеченный кутеж.

После первой же бутылки возникла у Миши идея, которая заключалась в том, что, как только Оля «закосеет» от смеси коньяка и шампанского, с ней полежит сначала сам Миша, а потом, когда она заснет, он, уговорив пьяного Олега лечь рядом с ней, срочно уедет за город. Идея его была осуществлена без помех.

Оля только утром заметила рядом с собой другого и догадалась, что произошло прошедшей ночью. Хотя, по ее мнению, лежащий сейчас с ней парень несколько не был хуже того, кто должен был лежать рядом, но сам факт подлости настолько ее унизил, что она без всяких слов, стиснув зубы, горько заплакала.

Олег сочувствовал ей и тоже мог бы заплакать, ибо она, не замечая сама, обидела своими слезами в первую очередь его, а не Мишу, который обесчестил Олю, используя ее безвыходное положение.

Он был не рад, что спал с ней и согласился по пьянке на это подлое дело. «Неужели я хуже Мишки! Что в нем такого привлекательного? Ведь она отдалась ему спокойно, без слез, — переживал он. — Когда она целовалась со мной под одеялом, мне показалось, будто она узнала меня и делает все от души...

Может быть, она плачет по какой-либо другой причине? Может, видела плохой сон или вспомнила о чем-либо неприятном?»

— Не плачь, Оленька, не плачь! Ведь не произошло ничего трагического! Если ты соскучилась по нему и он тебе нужен, то можешь поехать к нему, он на даче. Всего 20 км отсюда, пожалуйста, адрес могу дать! Я нисколько не хотел обидеть тебя, пойми! — пытался Олег успокоить ее и повернуть лицом к себе.

— Он просто наглец, теперь он мне не нужен абсолютно! Я его ненавижу больше, чем вас! — резко заговорила Оля, всхлипывая. — Знаете, как это называется по-научному? Групповое изнасилование, если хотите! За это дают 10 лет тюрьмы, я сама слышала от судмедэксперта у нас в районе... Вам бы оказаться на моем месте, тогда бы узнали! Нет ничего унижительнее, чем это. Зачем вы меня-то использовали вдвоем, разве вам мало девушек? Или вы не в состоянии договориться с девушкой, кроме как тайком, в темноте, перелечь на чужое место, используя ее состояние опьянения. Он не только меня унизил, но в такой же степени и вас, может, больше, чем меня... У вас нет мужской гордости! Очевидно, он продал вам меня за бутылку. От него можно ожидать всего. По дешевке он продал меня, дерьмо он, больше никто.

— Что вы, Оленька, говорите-то! Никогда я не покупал девушек за деньги, вовсе не нуждаюсь в этом... Одна девушка у нас в районе из-за меня даже выпрыгнула со второго этажа! Здорово ушиблась, дура. Отец мой пожалел ее и помог вылечиться, устроив в спецбольницу. Мой отец может все, он первый секретарь горкома.

— Что же у вас у всех отцы первые секретари, что ли? Олег тоже хвастался своим отцом, вы тоже. Разве у вас тоже имеется «направление»? Может быть, есть тоже «запасное», как у вашего закадычного друга?

— Все это верно, Оленька, наши папы работают первыми секретарями, только в разных районах. У нас папы большие друзья, и поэтому мы с Мишей живем в одной комнате, мы не просто случайные знакомые...

— Постой, постой! С каким Мишей-то? Вы Миша, он Миша, а кто же Олег? Вы спите со мной по очереди, а я не знаю даже настоящих имен ваших! Отцы друзья, а сыновья еще дружнее... Таких подлецов я еще не встречала и не дай Бог... Может быть, ваши отцы тоже спали по очереди? Но вы, пожалуй, нахальнее, чем ваш друг... Как его там... Миша или Гриша? Раз вы так поступаете, я, пожалуй, не останусь перед вами в долгу. Я не ожидала такого! — заплакала Оля снова, закрыв лицо одеялом.

— Я не должен был изменять другу, но уж раз такое дело, придется рассказать и стать предателем... Впрочем, рассказывать-то нечего, я вам просто покажу свой паспорт и тогда вы все поймете... Хотите посмотреть?

— Ко-неч-но! Как же я вчера не догадалась-то. Вот дура я, дура, оказывается, паспорт нужен даже при знакомстве с парнями!

Он, не вставая с койки, дотянулся до пиджака, висящего на стуле, достал из кармана паспорт и подал его лежащей рядом Оле, которая, прочитав фамилию, имя, отчество, несколько раз взглянула то на крохотную фотку в его новеньком паспорте, то на самого Беляева Олега Ивановича.

— Значит, вы и есть Беляев Олег Иванович! Выходит «направление» тоже ваше. Теперь мне все понятно как будто бы. Он вам, вероятно, уже рассказал обо всем, как же вы смотрите на это дело? — допытывалась Оля, несколько успокоившись.

— Если вам пригodiлось мое «направление», то я, Оленька, очень рад этому. Зря вы на меня обижаетесь, я вам желаю только добра, поверьте мне! Если потребуется от меня что-нибудь в смысле помощи на вступительных экзаменах, то я к вашим услугам, Оленька, пожалуйста... Но я слабак по физике...

Оля тихо заплакала, но на этот раз она плакала не отвернувшись, а слегка прижавшись к нему, и на ее ярко-красных, как бы накрашенных помадой губах, появилась нежная доверчивая улыбка.

Полежав немного в ожидании ласки от человека, которого она только что называла подлецом, она прижалась к нему еще плотнее и, реабилитируя его без лишних слов, поцеловала. Олег тоже в долгу не остался. Потом они заснули крепко и проснулись только в полдень. Во избежание неприятностей и не желая встретиться с Мишей, она торопилась к себе.

Договорившись пойти с ней вечером в кино, Олег проводил ее до комнаты, в которой она жила, и не спеша прошел до ближайшего кинотеатра, где купил два билета на вечерний сеанс. На обратном пути он зашел в ресторан и плотно пообедал, запивая пивом. Потом вернулся в общежитие, в свою комнату, раздевшись лег в постель и со справочником в руках сладко захрапел.

Поучительный сон

Через некоторое время Олег Беляев уже сидел на скамье подсудимых и отвечал на вопросы судьи. За судейским столом работали строгие судебные заседатели в длинных черных кафтанах с необычными прямыми конусообразными колпачками на головах.

— Подсудимый Беляев! Для чего вам понадобилось второе запасное «направление»?

— Я захватил его просто так, в случае пропажи основного.

— А отец ваш знал об этом?

Отец Беляева сидел в первом ряду в зале суда, наклонив голову, и Олег никогда еще не видел его в таком подавленном настроении.

— Он не знал об этом, знала только его секретарша.

Сидя за деревянным барьером в окружении охраны, Олег задумался, когда судья допрашивал свидетелей. «Как же так! Ведь отец меня вытаскивал из любого «водоворота», а тут какой-то паршивый судья издевается надо мной, а он сидит беспомощно, нагнувшись. Даже на спине вырос горб. Неужели власть переменялась? Такое бывает только в капиталистических странах, где руководителей и даже самого президента сажают на скамью подсудимых. Нет, нет! У нас это невозможно. Это конец! Какой дурак допустил это? Он предатель и изменник! Куда смотрят органы? Если бы не было здесь этой запачканной простыни, которую Миша почему-то не выбросил сразу, тогда никто бы не пытался обвинить меня. К этой простыне я не имею никакого отношения! Что же случилось? Ведь эти сержанты, охраняющие меня здесь, боялись раньше одного взгляда отца, а теперь мне не дают даже шевельнуться, нахалы! Раньше прокурор и судья дрожали перед отцом. Не зря в позапрошлом году «наказал» папа районного народного судью за то, что он, «кретин», не мог состряпать нужного для горкома приговора. Хотя судья должность выборная, все равно слетел он с должности... Полтора года всего работал нотариусом и на втором инфаркте отдал концы, даже не дотянул до третьего... Чиновники не терпят обиды, от морального удара они становятся сердечниками. Их не нужно отравлять синильной кислотой, им не нужно подсовывать заряженный пистолет, как это делается в детективных заграничных фильмах. Для наших интеллигентов достаточно увольнения с работы или понижения в должности, через несколько лет они уже в гробу... А ведь папа присутствовал на похоронах этого нотариуса, бывшего упрямого судьи: от трогательной надгробной речи отца плакали на кладбище даже самые крепкие мужчины, не говоря уже о женщинах и стариках. Умный мой отец, умный! Он даже знает, от чего заболел Твардовский, как его доконали. Наконец, умер, на радость опекунам. Счастлив тот, кто умирает вовремя, а он умер преждевременно. Сколько было подписей под его некрологом! Фамилии занимали больше места, чем сам текст некролога... Не пойму я, отчего папа так согнулся, почему даже сержанты не боятся его, а ведь раньше начальник районной милиции, полковник, дрожал перед ним, как осиновый лист. Неужели папа в чем-нибудь крупно погорел? Не может быть этого, он не дурак. Не-е-т, не-е-т!» — закричал Олег во весь голос и проснулся.

Он долго не мог прийти в себя и успокоился лишь тогда, когда заметил за шифоньером небрежно свернутую простыню. «Вот что значит сновидение! Настолько убедительное и глубокое, что невозможно разобраться, суд был то ли во сне, то ли наяву. Выбросить надо эту тряпку, а то еще в самом деле погоришь! Нет, пусть он сам выкидывает... Я уверен в могуществе своего отца, даже во сне, будучи под охраной, я был убежден в том, что он никогда не дойдет до такого униженного состояния. Он быстрее покончит с собой, чем станет на колени. Он такой же интеллигент, как и многие другие, не терпит обиды и поступит так же, как поступил первый секретарь обкома, когда его разжаловал Никита Хрущев до секретаря райкома или даже, кажется, до председателя колхоза за очковтирательство. Хитрый какой, пытался догнать Америку по производству мяса путем тайной закупки скота в соседних областях и сдачи его государству, как выращенный в своей области. А ведь в процессе этой «мясной» кампании, обманутый первым секретарем обкома Хрущев дал ему звание Героя Социалистического Труда! Срочно была издана брошюра под названием «Подвиг рязанцев», где на первой странице выступал сам Хрущев с краткой поздравительной речью, на второй — секретарь обкома, а дальше человек 15–20 других, которые, ложным путем догоняя Америку по производству мяса, получили государственные ордена и медали разных степеней!» — рассуждал он вслух, собираясь в кино.

Около 18 часов Олег, взяв на всякий случай справочник по физике, с которым спал целый день, вышел из общежития и побежал к кинотеатру, где они условились встретиться с Олей перед началом сеанса. Несмотря на занятость абитуриентов и на летнюю жару, у кинотеатра народу было много, и он, присев на край небрежно покрашенной деревянной скамейки, начал хладнокровно листать справочник.

До первого звонка Олег спокойно, не обращая никакого внимания даже на модных покрашенных девушек, полистал справочник по физике, запоминая формулы, в основном, зрительно.

После второго звонка он несколько раз отрывался от чтения, а потом совсем закрыл книгу и купил эскимо.

Вскоре зазвенел и третий звонок, а Оли все еще не было. Тогда он решил пожертвовать киножурналом, который обычно демонстрировался перед каждым сеансом в течение 10–15 минут, и начал есть мороженое.

«Все ясно! — насторожился Олег, доканчивая эскимо. — Пока я, дурак, спал целый день, она, видать, пошла в судмедэкспертизу. Прямо здесь же, в первом корпусе мединститута, можно сделать экспертизу на кафедре судебной медицины. Я сам видел на днях, одна такая девица стояла со слезами на глазах... Вот тебе тихоня, прикинулась невинной овечкой, целует меня, благодарит, обнимая! Дурак же я, выходит, и бумажку я подделал! Теперь бесполезно отпираться, документ-то мой! Не зря папа предупреждал меня насчет женщин, он сам погорел когда-то в молодости с одной девицей, чуть с работы не слетел. Вот судьба-то! Будет теперь шантажировать меня так же, как шантажировала папу та потаскуха. Отец заткнул ей рот деньгами! Правда, теперешними деньгами это всего лишь тысяча, но все-таки. На этом горьком опыте отец поумнел, а я вот, дурак, попал на удочку. Придется раскошелиться. Сколько будет требовать, интересно? Вся надежда на папу, даже стыдно. Женщины теперь хитрые, некоторые только и живут за счет шантажа. Вот, в прошлом году директор магазина Николаев чуть не влип, продал машину, чтобы отделаться от нее. Она-то ведь была двадцативосьмилетняя дважды замужняя потаскуха! Сразу побежала на экспертизу и заявила, что изнасиловал ее директор. А начальник его только и ждал этого случая, чтобы избавиться от неугодного директора. «Микробы» налицо, а синяки, которые она сама поставила, тоже подтвердились экспертизой. Много ли надо для шантажа, когда этот шантаж кое-кому на руку. В других странах существует залог и выкуп, а у нас — шантаж. Сколько таких мужчин, которые платят алименты на чужого ребенка! Полно... Сколько таких примеров отец мне рассказывал, а я, дурак, ушами хлопал... Зря я с Мишей не поехал за город! Надо сейчас же выбросить простыню, если уже не нашли! С глаз долой — выбросить подальше. Да, надо ведь еще найти новую простыню! Ладно, куплю в магазине, стоит всего 4 рубля... Все это натворил Миша, а теперь мне расхлебывать! Пожалуй, она потребует столько, сколько надо ей на 6 студенческих лет. Это можно прикинуть: скажем, на каждый месяц ей нужно минимум 50 рублей. Следовательно, на один год требуется 600 рублей, а на 6 лет — 3600 рэ. Это автомобиль «Запорожец». Вообще-то ерунда... А вот если заломит 100 рублей в месяц, то на 6 лет потребуется 7200 рэ. Это уже «Жигули» последней модели. Нет, нет! Придется с ней торговаться и больше 50 рэ в месяц не давать ни в коем случае — это же грабёж! Что я, одурел! О чем я думаю: 3600, 7200... Зачем их выбрасывать на ветер! Может быть, она спит в общаге мертвым сном, а я тут занимаюсь ерундой и уже выделил из отцовского кошелька 7200 рэ. Чего я здесь сижу, как дурак, давно пора бежать в общагу и там все выяснится...»

Просидев целый час на скамейке у кинотеатра, выкурив полпачки сигарет и съев четыре эскимо, Олег встал и быстро направился в общежитие.

В общежитии было многолюдно. Абитуриенты готовились не только в комнатах, но и в коридорах, на лестничных площадках и во дворе на открытом воздухе.

В первую очередь Олег отнес в мусорный ящик соседнего двора простыню, которая беспокоила его постоянно, аккуратно завернув ее в добротную бумагу, как ценную вещь. Лишь после этого он зашел в комнату, где жила Оля.

Девочки, живущие с ней в одной комнате, оказались с разных мест и плохо знали друг друга, но все-таки подсказали ему, что Оля после обеда почувствовала себя плохо и, по всей вероятности, пошла в медпункт или к сестре, которая якобы жила в пригороде.

Узнав об этом, Олег встревожился еще больше. Вернувшись к себе, он изнутри запер дверь и, лежа на кровати, вслух задавал себе вопросы и сам же отвечал на них: «Куда же она могла деться? Неужели я во сне видел правду, иногда сны тоже сбываются! Вот, Миша-то, оказывается, какой подлец, узнал я его только теперь... Извиняется без конца, кланяется в уважении, а сам испортил девку на всю жизнь, пользуясь моим документом и моей фамилией. Простыню-то он зачем оставил за шифоньером? Конечно, специально, чтобы я влип как следует. Шутка ли, уголовное дело могут возбудить на меня, если она заявит куда следует. Она напомнила именно мне о судмедэкспертизе, а не ему. Волей-неволей возьмешь все на себя — за групповое-то дают в два раза больше срока. Миша наверняка знает эту статью и он рассчитывал на это! Двое суток уже не появляется, видать, уехал домой, а не на дачу! Как ему живется легко. Что значит аферист, настоящий прохиндей он. У меня мамин характер и я поэтому слабак, был бы я похож на отца, тогда бы не уступал Мише. Идиот, загубил девчонку и спит спокойно! Если бы я не приехал и не разбудил его, то спал бы двое суток. Нет, нет! Надо ее найти и немедленно уладить дело. В крайнем случае можно даже с ней расписаться. Она наверняка уже беременная, только вот неизвестно от кого: от

меня или от Мишки. Вероятность падает на него, потому что он с ней был раньше меня... Впрочем, этого никто не знает, может, и от меня». С такими тревожными мыслями Олег заснул.

Пилюля

В 9 часов утра Олю вызвали в приемную комиссию института.

— Вы работаете в Болдинской райбольнице, а направляет вас в институт Коркинский горком. Как же это так получилось-то? Вас должен направлять тот район, где вы живете и работаете. От Коркино до Болдино 400 км! Что же вы думаете, т. Белова, в приемной комиссии сидят круглые дураки, которые не знают географию? — отчитывал Олю председатель комиссии. — Плюс к тому же оно подделано! Проверено экспертизой, да и нетрудно обнаружить подделку простым невооруженным глазом. Вот, убедитесь сами!

— Извините, пожалуйста! Я вовсе не хотела этого! — заплакала Оля. — Я уже третий год поступаю, хотя медалистка и зубок знаю всю физику. Хотите, я отвечу вам на любой вопрос, пожалуйста! Любый закон, любую формулу. Спрашивайте, пожалуйста! Оптика, механика, электричество! Решу любую задачу. Очевидно, вы думаете, что я ничего не знаю и поэтому пошла на такой незаконный путь. Извините, пожалуйста, меня черт попутал. Чисто случайно получилось все это, в мыслях не было такого. Надо же мне встретить этого парня! Вот ведь на мое несчастье вышло какое совпадение — он Беляев Олег Иванович, а я — Белова Ольга Ивановна. Среди — миллионов людей не найти такого совпадения, а тут как на грех!

— Вы расскажите толком, кто он этот Беляев? Хватит лить слезы! Объясните все по порядку. Десять лет вас воспитывала школа, а вы проявляете нечестность. Нельзя же так легкомысленно поддаваться соблазну! Выходит, что вы купили этот поддельный документ у Беляева?

— Беляев тоже абитуриент, живет он 525-й комнате, подавал документ на лечфак. У него оказалось запасное «направление», которое валялось на подоконнике. Он в деньгах не нуждается, у него отец большой начальник. Но Беляев сам тут ни при чем! Переделал «направление» на мое имя абитуриент лечфака Миша, фамилию я его не знаю, живет он тоже в 525-й комнате. Отец его тоже большой начальник. Тов. председатель! Может быть, разрешите мне сдавать вступительные? Я вам рассказала всю правду, ребята сами подтвердят.

— Вы, т. Белова, пытались обмануть государство, приемную комиссию, а также своих коллег абитуриентов! За подделку документов имеется статья уголовного кодекса... Возьмите вот эту записку и передайте ее коменданту общежития. Сами придете сюда в 14 часов...

Со слезами на глазах Оля вышла из института и нарочно пошла не по кратчайшему пути, как обычно ходили студенты, а шла по задворкам, чтобы где-нибудь прочесть записку, адресованную коменданту. Желая найти в записке какое-либо утешение, Оля прочитала ее с большой осторожностью, запершись в общественной уборной во дворе одного дома. Но, к сожалению, в ней не было ничего тайного, не говоря уже об утешительном.

«Значит, в два часа будут допрашивать всех троих, — приговаривала Оля, направляясь в общежитие. — А я, дура, выложила им всю правду. Чистосердечное признание должно было смягчить вину, а он, идиот лысый, даже напомнил статью уголовного кодекса. У самого-то грехов намного больше, чем у меня! В период вступительных экзаменов он зарабатывает себе на автомобиль, по нему давно плачет тюрьма. Конечно, не пойман — не вор. Теперь они меня выгонят, а своего устроят... Бог с ней, с учебной-то, лишь бы не сообщили на работу, а то маму инфаркт хватит, и без того на уколах только держится. Надо посоветоваться с Олегом, он как будто бы парень серьезный, не то что Миша. Эх, если бы допустили к экзаменам! Наверняка бы сдала на пятерку, наверняка!»

Разговаривая сама с собой, Оля дошла до общежития. Ей показалось, будто все абитуриенты уже знают о случившемся и смотрят на нее с презрением.

Сидящая в проходной будке вахтерша почему-то остановила ее и проверила пропуск, тогда как другие абитуриенты проходили без всякой задержки. Вдобавок она взглядом проводила ее до лестницы, далеко высунув голову из окошка.

Оля не стала искать коменданта общежития, которого в это время не было на месте, и сразу же прибежала к Олегу, собравшемуся идти в столовую на завтрак.

— Заходи, заходи, пропащая! Со вчерашнего дня я тебя ищу, вчера вечером просидел два часа у кинотеатра, съел подряд несколько мороженных, и немного простудил горло. Где ты там пропадала? Ты чего-то бледная, заболела, что ли?

— Это я вчера приболела слегка, а сегодня абсолютно здорова. Тут совсем другое дело... пришел конец мой, меня попутали с твоим «направлением»! Меня утром вызывали в институт, к 2 часам вызывают тебя и Мишу... Вот записка, которую я должна передать коменданту. Его пока нет на месте и вот поэтому я зашла к тебе за советом. Ты здесь, конечно, ни при чем и поэтому на допросе притворяйся, будто ничего ты не знаешь, иначе погоришь вместе со мной. Я могу всю вину взять на себя. Все равно мне теперь конец! — зарыдала Оля.

— Успокойся, Оленька, успокойся! Придумаем что-нибудь. Может быть, еще уладится. Ничего здесь нет страшного, если даже не поступишь в институт! Вот мой папа, никаких институтов не кончал, а командует всем районом, под его руководством работают профессора и доценты. Знаешь, как они боятся папы! Институт — это еще не все. Некоторым он даже портит жизнь, принудительно посылая их в «дыру» после окончания института. Пе-рес-тань, Оленька, это не смертельно, ты же не убила и не ограбила никого. По-ду-ма-ешь, подделка копеечной справки! Мишу почему вызывают, разве они знают о его участии в этом деле?

— «Чистосердечное признание смягчает вину», — начал со мной беседу председатель приемной комиссии, и я поэтому выложила там всю правду. Если исключить из этого дела Мишу, то вся вина ложится на тебя. Зачем это нужно, ведь на самом деле ты здесь ни при чем. Я вовсе не желаю втянуть тебя в это дело. Нет, нет! Не впутывайся в это черное дело, а то председатель намекнул о статье уголовного кодекса.

— Да... Собирались в кино, а идем в суд! Ничего не поделаешь, надо идти. Мишки нет. Он, вероятно, уехал домой, уже трое суток не появляется. Что же, пойдем вдвоем. Мне той ночью приснились какие-то дурные сны, я расстроился, когда ты не пришла на свидание. Оказывается, вот в чем дело-то... Передай, Оленька, записку председателя приемной комиссии коменданту, пусть он меня извещает официально. Да и Мишку пусть поищет.

Как было указано в записке, в 14 часов абитуриенты лечфака Беляев и стоматфака Белова прибыли в приемную комиссию для разбора персонального дела. Допрашивали Беляева примерно так же, как прошлой ночью во сне, и предъявляли ему в основном претензии за то, что он «бросил» свой документ на подоконник, уезжая на дачу.

Поскольку абитуриент Миша отсутствовал на допросе, основная тяжесть при разбирательстве выпала на Олю, которая многократно извинялась и со слезами просила, чтобы ее допустили к экзаменам.

— Об экзаменах не может быть и речи, — резюмировал председатель приемной комиссии. — Радуйтесь тому, что мы не стали передавать ваше дело в суд. Однако мы вынуждены сообщить об этом по месту вашей работы, пусть воспитывает вас родной ваш коллектив.

Разбор персонального дела шел активно и долго. За председателем комиссии, который задал тон этому разбирательству, начали выступать, захлебываясь, другие члены комиссии, сидящие за столом. Многие «брали слово» дважды. Критический момент для Оли наступил тогда, когда она услышала выражение о «воспитании в родном коллективе». Эту крылатую фразу председателя повторили все члены комиссии. «Воспитывать в родном коллективе — это значит убить маму!» — размышляла Оля, стоя около одинокого, специально выделенного для нее стула.

Она уже не плакала, ибо смерть матери — это была и ее смерть. А перед смертью, как правило, слезы пропадают. Человек плачет, когда умирает кто-то из его близких или родных, а когда умирает сам, он уже не плачет.

Чувствуя безвыходность своего положения, Оля пристально смотрела на каждого из сидящих за столом, стремясь как бы найти среди них человека, способного пожалеть ее в эти трудные минуты. А они, как проповедовал в своих произведениях когда-то М.Горький, жалеть человека не могли, а могли только уважать. Уважение заключалось в том, что никто из выступающих не «тыкал» Олю и каждый из них твердил о том, что лично он, в целом и комиссия, желают помочь ей стать настоящим честным человеком.

Олег сидел рядом с ней и молчал виновато, будто внимательно слушал их, и соглашался с ними.

«Все они говорят о честности, — подумала Оля, разглядывая сидящих за столом своими большими синими глазами, казавшимися ей «судьям» нахальными и вызывающими в этот роковой для нее час. — Чем я хуже Мишки и Олега, скажем, многих других, которые имеют неподдельные «направления» райкома, а настоящие. Никто из них не имеет особых заслуг, чтобы занять мое место в институте. А ведь фактически я должна возмущаться тем, что, окончив десятилетку на медаль, третий год хожу в абитуриентах именно из-за этих рекомендованных! Я это поняла сразу же, как сделала первую попытку. А тут они всей комиссией набросились на меня, как стая бешеных собак! Даже хуже, будто у каждого из них я украла по 1000 рублей. Так оно и есть: каждое «направление», поддельное оно или настоящее, отнимает у них место. А место — это барыши. Поэтому они одинаково ненавидят абитуриента и с

поддельным направлением, и с настоящим. Но к абитуриенту с настоящим «направлением» они не имеют права предъявлять претензий и, в основном, поэтому сейчас срывают зло на мне. Смотреть тошно на него, как он тараторит, лысый плут — начал бросаться цитатами вождей, интересами государства и народа! Ни капли он не думает ни о государстве, ни о народе, а думает, в основном, о своем благополучии: поесть повкуснее, поспать с молоденькой девушкой, купить автомобиля не за трудовые деньги, да еще без очереди, и плюс ко всему иметь положение в обществе! Если бы принцип отбора студентов отвечал истинно научным целям, то конкурсные экзамены должны были бы проводиться без всяких льгот и других преимуществ. Лицемеры они! У каждого из них имеется две души: одна — для дома, другая — для работы. Если домашняя душа выскочит на работе, то этот человек уже не сможет удержаться на своем месте, пусть он будет и золотым специалистом. Выходя из дома, человек должен полностью забывать о своей душе. Вот, как они сейчас! Внутренняя душа раскрывается только дома, как только запирается дверь изнутри. А у некоторых только под ватным одеялом. Если бы это лицемерие было знакомо школьникам, то они бы наверняка не наталкивались на такие неожиданные для них препятствия, как эти лживые конкурсы. Дома — одно, в школе — другое. Ни один ученик десятого класса не знает, что творится на конкурсных экзаменах. А учителя все знают об этом, но никто из них не скажет правду — у них тоже души двойные...»

Шепча какие-то непонятные для окружающих слова, Оля свалилась на пол вместе со стулом, за спинку которого она держалась. Олег безуспешно, не зная ее состояния, пытался посадить ее на стул, но, не сумев, осторожно уложил ее на пол, подложив под голову толстую папку.

«Ваша мораль равносильна пилюле, предназначенной для поддержания здоровья приговоренного к смерти, — бредила Оля, лежа на полу. — Пи-лю-ле, пил...»

Ошарашенные «воспитатели» не разобрались в ее словах и, подозревая, что она просит пить, пытались ее напоить водой. Она перестала бредить, окончательно потеряв сознание.

Несмотря на то, что среди сидящих членов приемной комиссии были кандидаты и доктора медицинских наук, никто из них не сумел привести Олю в чувство, и она очнулась лишь в отделении реанимации клинической больницы.

Дело, связанное с подделкой чужого «направления», закончилось тем, что Олю отстранили от вступительных экзаменов. Но выселять из общежития и сообщать в райбольницу, где она работала санитаркой, не стали только потому, что Оля после реанимации находилась в больнице.

Абитуриента Беляева обвинять было не за что, ибо он действительно не принимал участия в подделке.

А абитуриента Мишу вызывали только один раз, где он категорически отверг этот «шантаж» и сделал вид, будто вообще не знает Олю и не в курсе всего этого дела.

Комендант общежития

Чтобы не огорчать маму и в этом году, Оля, выписавшись из больницы, отправила домой короткую телеграмму: «Прошла по конкурсу. Целую, Оля», — гласила она.

«Непременно нужно устроиться на работу в пределах института, хотя бы кем угодно, вахтером или охранником — все равно! — размечталась Оля, возвращаясь с почты. — На каждом конверте буду писать обратный адрес — адрес института. Обязательно в скобках укажу «медицинский институт». Буду писать каждую неделю, вот мама обрадуется! Учусь я или нет, мне самой уже безразлично, а для мамы — это большая радость и она в течение шести лет, по крайней мере, будет довольна... Только так и не иначе. Да, да! Где-то видела объявление «требуется вахтер». Где же? Вспомнить бы... Верно... на дверях нашего общежития! Это здорово, буду работать вахтершей в общежитии и там же жить. Отличная идея! Надо бежать к коменданту и подать заявление, пока не взяли другого... Примут ли? Ведь комендант тоже знает о подделке документа! Ничего, ничего, я ему поставлю магарыч, он же пьяница, вечно от него прет водкой! А нос-то какой синий, как прыщавый огурец».

К счастью Оли, комендант стоял у входа в общежитие с папироской в зубах, размышляя, где бы выпить. Из-за малой зарплаты и большой семьи, которая жила в пригородном поселке, он всегда искал средства для выпивки: то на бутылку променивал ценное сантехническое оборудование, то продавал новое белье, списывая его по акту, то угощали его «грешные» студенты. Из-за своей излишней строгости он студентами был прозван «самодуром», но это прозвище его нисколько не унижало, а наоборот, он им гордился.

«Авторитет — это власть, а власть — это сила! — философствовал он в душе, вспоминая случаи и не обращая никакого внимания на вертевшуюсь возле него девчонку. — Без власти жить нельзя! Где бы ты ни был, надо быть выше других и командовать людьми. Даже и в неволе! В исправительном лагере меня

всегда назначали старшим, а это что-то значит! В армии был я хотя только ефрейтором, но держал верх над этой гнилой интеллигенцией: учителей и инженеров я заставлял чистить уборную. Плевать мне на их образование, У меня мертвая хватка, поэтому начальство меня никогда не оставляет без внимания. Жил я в пятиэтажном доме — был старшим дома. Ох, как боялись меня жильцы, всегда приглашали на рюмашку! Хоть и не любили, но уважали. Вот, скоро меня изберут в поселке председателем улочкома, держитесь, кое-кого я еще выведу на чистую воду... Со студентами мне работается легко! Ежели захочу, то любого выселю из общежития. Придраться всегда можно... Вот, весной нынче, пятикурсник Куликов валялся у моих ног, чтобы я его не выселял. Хе, хе! Видите ли, сестра лежала с ним на одной койке! Ну и озорник! Девку-то я эту знаю, она живет на втором этаже. Сама худущая, но шельма еще та, всегда ночует у ребят, учится на четвертом курсе. Ежели бы он не пришел ко мне по-хорошему, то я его вместе с «сестрой» выгнал бы из общаги, может, даже из института. Их судьба висела на волоске! Все-таки я комендант, а не вахтер... Иногда судьба висит всего только на 100 граммах, фраера губит жадность... С шестого курса вылетел этот армянин-то, как его... Акопян! Ведь я его поймал за руку с морфием. Экий болван! Пожалел мне налить 100 граммов из начатой бутылки! Теперь два года уже вкальвает на севере, напевая песню: «Воркута, ты Воркута — особая планета, десять месяцев зима — остальное лето». Хе, хе! Чтобы вернуться снова сюда, он бы сейчас не пожалел и тысячу... Человек он в том-то и дурак, что не боится простых людей. У нас «один за всех, все за одного», люди порой забывают этот простой принцип нашего общества. Он аж приобщен к моральному кодексу строителя коммунизма. Тах-то оно! Жаль, что сейчас никого нет в общежитии, все разъехались, а то бы я прошел по этажам и всегда бы нашел нарушителя... Это не просто общежитие, а социалистическое общежитие! Люди тоже забывают об этом... Ничего, через месяц — полтора начнется настоящая работа, будет много новичков... А как я с той девкой-то! Хе, хе! Она потом окончила институт и вышла замуж, а ведь была тогда только на четвертом курсе, когда я ее поймал с подписанными бланками. Потом, как я ее поймал, пять раз ночевала в моей каморке, приволокла литровую бутылку чистейшего рехтификата, 96 градусов, чист, как слеза! Опосля я ей вернул бланки, шут с ними с бланками-то, не жалко для такого человека. Да-а, ни одна женщина меня так сладко не обнимала, как она. Хе, хе! Умная была девка, теперь работает главврачом больницы, примерная жена. Могла бы тоже добывать уголь в Воркуте или золото в Магадане, экая шалунишка...»

— Здравствуйте! — поздоровалась, наконец, Оля с комендантом, радуясь тому, что встретила его как раз у приклеенного на двери объявления: «Срочно требуется вахтер...»

— Здравствуй! — ответил комендант угрюмо, не желая прерывать свои приятные воспоминания.

— Я по поводу вот этого объявления, — показала она рукой на дверь, волнуясь не меньше, чем на вступительных экзаменах.

— На вахтершу ты не годишься! — оборвал ее комендант, не задумываясь. — Я возьму мужика или, по крайней мере, крепкую бабу... Что ты будешь делать-то, тебя даже первоклассник не боится. Здесь по выходным дням творится такое, что и мужику трудно справиться. У нас имеется ахтовый зал, где бывают танцы по субботам и воскресеньям. Раз танцы, сама понимаешь, всегда лезут пьяные, остаются ночевать, дерутся, бьют окна... Чего ты с ними будешь делать? Отвечать-то ведь придется тебе, вахтеру!

— Я бы смогла работать... Возьмите, а, товарищ комендант! Мне приходилось усмирять пьяных, состою я в добровольной народной дружине у себя в районе. Я активистка ДНД, имею даже благодарность за умелые действия...

— Постой, постой! Где-то мы уже с тобой встречались, убей — не помню?

Оля пыталась отвлечь внимание коменданта разными ненужными разговорами, чтобы за это время принять правильное решение — признаться или нет? «Если отрицать, — подумала она, — то он меня поймает по фамилии при оформлении документов. В этом случае он меня снова начнет воспитывать в духе честности. Он же видел, как меня там терзали. Если признаться, то он может сразу же отказаться от меня. Была не была, надо признаться! — решила она, наконец. — Кажется, они меня уже перевоспитали, научили врать».

— Вы правы, товарищ комендант! Мы с вами уже знакомы. Меня не допустили к экзаменам, по этой причине я поступаю на работу... Рассказывать даже неудобно...

— Ну, ну! Вспомнил, вспомнил! Вот память-то ведь какая... После такого позора я бы давно удрал отсюда подальше. Значит, решила кровью искупить свою вину, как в штрафбате? Судя по тому делу, ты, видать, дивчина боевая... Но не знаю, как быть-то. За то, что я тебя приму на работу, мне могут крепко всыпать. Рискую я, ни к чему это...

— Товарищ комендант! Примите, пожалуйста, я буду работать не хуже, чем мужик... За риск с меня магарыч, товарищ комендант. Я сейчас, мигом сбегаю в магазин. Что вам больше по душе? Красное или

белая? Может быть, коньяк? А, товарищ комендант? Я сейчас, мигом! — побежала Оля в сторону продовольственного магазина, принимая его молчание за знак согласия.

— Пугоди, пугоди, дочка! В нашем магазине продают только красное, я его не употребляю. Мне лучше водку, коньяк — это дорого, зачем разоряться. Вот, возьми мелочь, купи кусочек колбаски... Недалеко отсюда есть большой гастроном, всего один квартал, там бывает водка...

— Нет, нет, товарищ комендант! У меня есть деньги, мелочь вам еще пригодится, — отмахивалась Оля, отходя от подъезда общежития. Оля была рада не меньше, чем была бы рада зачислению на первый курс института. Но эта радость была сухая, замкнутая и не было в ней размаха. В отличие от других радостных событий, здесь чего-то не хватало.

Человек, потерявший только одну руку, радуется тому, что не потерял еще и вторую. Потерявший обе руки тоже радуется, что остались ноги. Оля в эти минуты радовалась примерно так же, как радуется калека, оставшийся в живых.

«Вот повезло-то как! Прямо на ходу пришла в голову идея устроиться вахтершей и буквально в течение пяти минут она претворилась в жизнь, — приговаривала Оля вслух, перебегая дорогу. — Когда везет человеку, он не встречает на своем пути никаких преград. Примерно так же, как повезло мне сейчас: на двери общежития висит объявление, а рядом стоит сам комендант, и он со мной разговаривает по существу. Мало того, он еще, на мой взгляд, страшно выпить хочет! Я это заметила по его лицу. Главное, он один, и никто не помешал нашему разговору! Как говорится, все шло как по маслу! Это и называется повезло. А ведь могло быть совсем по-другому: скажем, я ищу коменданта. День ищу, два ищу, а потом узнаю, что он на больничном. Может человек болеть неделю, полмесяца. Идти в институт мне нельзя, так и испарилась бы моя работа. Или, скажем, во время разговора с комендантом подошел бы кто-нибудь и торчал у подъезда. Никогда бы не послал комендант меня за водкой при людях! Так бы и сорвалось дело... Теперь мама спокойно будет жить несколько лет, а потом будет видно... Во время студенческих каникул возьму отпуск».

С приподнятым настроением Оля встала в очередь за водкой. Перед ней стояло человек семьдесят, где в основном были мужики. Настоящие алкоголики брали водку без очереди, как инвалиды войны. Среди стоящих в очереди были молодые сильные парни, но никто из них не возражал, когда вонючий, весь помятый и обросший бородой забулдыга нахально брал без очереди «бормотуху».

«Почему люди терпят все это! — молча рассуждала Оля, стоя среди мужчин и болезненно наблюдая за ходом торговли. — Что, у них нет самолюбия? Говорят, «Время — деньги», а они совсем не дорожат временем. Видимо, для них все равно, где проводить время: то ли в очереди, то ли в вытрезвителе. Жизнь проходит и спасибо за то, что она проходит. Пожалуй, они обараненные, ограниченные и не уважающие самих себя люди. Если бы я имела такую силу, как этот, стоящий передо мной толстомордый верзила, то я бы этих дохлых алкашей, которые берут вино без очереди, выбросила бы из магазина! Шея-то как у быка, а сам беспринципный, как телка... Большинство стоит честно в очереди, а меньшинство нахально берет без очереди. Значит, большинство боится меньшинства! Вообще-то это не только вопрос, а целое явление. Выходит, большинство — люди трусливые, хотя и физически сильные, а меньшинство — храбрые, хотя и физически слабые... Это примерно такое же явление, когда стадо сильных и здоровых лошадей подчиняется одному дряхлому пастуху. Сколько лошадиных сил в этом стаде? Несколько сот! А у пастуха — всего одна десятая лошадиных сил... На мой взгляд, тратить время, стоя в очереди за пустяковыми товарами, или искать эти товары, бегая целый день по магазинам — это преступление! Чтобы покушать, нужно целый час стоять в очереди. Завтрак, обед, ужин — три часа долой. А за коврами стоят годами, за автомобилями — по 15 лет! Что творится в магазинах самообслуживания, это ужас! Эти магазины будто бы созданы для сокращения количества продавцов и для ликвидации длинных очередей. А на самом деле вышло наоборот! Если в обычных магазинах покупатель стоит только в одной очереди, приобретая какой-либо товар, то в магазинах самообслуживания он за этим же товаром стоит в двух очередях: один раз — у продавца, второй раз — у кассы, рассчитываясь за товар. Кроме того, этого измученного в очередях покупателя на выходе из магазина проверяет специальный контролер, выворачивая иногда наизнанку карманы. Был же судебный очерк в газете, когда ленинградскую студентку вынудили повеситься. А внутри магазина столько контролеров, сколько никогда не бывало продавцов в обычных магазинах. Они бродят там, как мухи, ничего не делая, а лишь следя за покупателями. Контролеров обучает и выпускает училище советской торговли. Я стою уже 40 минут за водкой, а потом надо будет стоять за коммерческой колбасой, если есть. За колбасой народу бывает намного больше. Может быть, придется искать колбасу по всему городу! Некоммерческая колбаса продается только по карточке, а карточку дают только тем, у кого есть постоянная прописка. А у меня нет постоянной прописки. Придется бегать по магазинам «Сельхозпродукты».

Купив две бутылки водки, Оля побежала в сельхозмагазин, около которого стояла целая толпа в ожидании коммерческой колбасы. В других магазинах «Сельхозпродукты» была такая же сутолока. Лишь в привокзальном киоске ей удалось найти ливерную колбасу, где отпускали только по одному килограмму на «душу».

«С колбасой мне не везет! — жаловалась Оля сама себе. — Можно на финише споткнуться! Разозлится комендант и уйдет куда-нибудь, я ведь уже бегала по магазинам целых два часа. Другие люди тоже бегают. Вот почему, оказывается, много народу на улицах, не пролезешь в трамвай даже в обычное рабочее время, не говоря уже о часе «пик». Люди бегают по магазинам в поисках еды или одежды. Ой, как бы не ушел комендант. Будет ли он жрать ливерную колбасу? — она же как каша в мешке. А воняет-то как! Зато есть две бутылки — это же для него что-то значит!» — утешала Оля себя, торопясь в общежитие.

После того, как Оля пошла в магазин, комендант уже выкурил целую пачку «Беломора» и никак не мог простить себя за то, что послал эту «глупую девку» за водкой, а не пошел сам.

«Видать, деревенская! Чего доброго, попадет еще под машину, — переживал он, стоя у подъезда. — Сама-то шут с ней, жалко водки... Дурында, принесет чекушку для затравы, а потом думай, как жить дальше... Она-то, дура, не знает, шо в наше время чекушку ни один мужик не возьмет и поэтому ее государство-то и не выпускает. Ничего, ничего! Я сумею с нее выжать столько, сколько захочу. Пусть пишет заявление, а подпишу я его только тогда, когда пропью все ее деньги, а может, выжму еще кое-что. Я в этом деле собаку съел, не такой я простачок, ежели она думает отделаться чекушкой. Без моей помощи ее никто не возьмет на работу в институт... Вообще-то, ученые эти — дураки! Нашли преступника, ни за что ведь не примут на работу. По-ду-май-ка, подделала какую-то паршивую справку! Они забывают о нашей генеральной линии, о воспитании советского человека. Скажем, отбывший срок рецидивист считается вполне перевоспитанным и устраивают его на работу насильно, с помощью участкового милиционера. Разве сравнить эту деревенскую девку с тем головорезом! В прошлом году одного устроили слесарем. Сколько он тут испортил молодежи-то! А ведь на работе палец о палец не стукнул, да и ничего он и не умел делать-то. Числился работником, а за него делали другие. Врожденный подонок был. Пока не убил человека, никто не имел права уволить его с работы — закон на стороне рецидивиста. «Он наш советский человек!» — говорят, защищая его... А эта девка еще в тюрьме не сидела, не перевоспитанная, и поэтому ее не принимают на работу, а учиться — тем более... Идет, идет! Надо идти к себе и делать вид, будто про нее я уже и не помню... Ежели чекушка, то нечего с ней разговаривать, пусть побегаешь денюшка два, опосля одумается!»

— Вот и я! Вы, наверное, уже потеряли меня! Везде огромные очереди. Нигде нет хорошей колбасы, извините уж, нашла только ливерную, — оправдывалась Оля, несмело входя в комнату коменданта.

— А-а, это ты! Я тут закрутился с делами и совсем забыл про тебя. Пока ты бегала в магазин, тут еще двое приходили ко мне узнавать насчет работы. Первый шибко подходящий, но, видать, пьяница, а второму я сразу отказал, больно уж дряхлая старуха, нам такая не нужна. Поэтому я уже снял объявление-то... Садись, садись! — усаживал комендант Олю на диван, как бы нечаянно взяв ее за талию. — За этот месяц я сам устал, черт побери! Со студентами все же легче работать, их запросто можно прижать, они боятся выселения из общежития. А вот обатуриент — это народ безнадешный, временный. Он твердо знает то, што на первых двух курсах ему общежития не видать, ежели даже выдержит экзамены. Многие обатуриенты заранее знают, шо не поступят... Как тебя зовут-то? Фамилию-то я помню, ты там подделала Белякова на Белкову... Тьфу! Черт бы их побрал, из-за этой вшивой справки готовы сгноить человека, рыгать тянет от рассуждения этих грамотеев... Меня величают Сан Саныч! — официально подал ей руку комендант общежития.

— Меня Олей! — подала руку она, а левой рукой сразу же начала вынимать из сумки покупку, чтобы процесс официального знакомства не был длительным.

Она вовсе не хотела знакомиться с ним, подавая ему руку, и рассчитывала сразу же уйти от него, как только он подпишет заявление. Оля, положив на стол заявление, с нетерпением ждала, когда комендант завизирует его. А он, как бы не замечая, продолжал доставать стаканы из своего шкафа и нарезать колбасу и хлеб.

— Подписать-то я, конечно, подпишу, но как быть с кадровиком? Ежели ты отнесешь подписанное мной заявление в отдел кадров сама, то он вряд ли возьмет тебя. Ты это знаешь лучше меня. Чего доброго, они начнут снова ворошить это дело. Ты знаешь, детка, почему они не написали об этом деле в твою райбольницу? Хоть я и не шибко грамотный, но все-таки сумел убедить этих ученых мужей в том, шо та «бумажка» не стоит выеденного яйца. Когда ты упала в обморок, я вызывал «скорую». А они-то ученые, подумали, видать, шо ты отбрасываешь коньки! Разбежались, кто куда. Ха, ха, ха! Ты жива и здорова... Плюнь на все, давай, дочка, выпьем за твое здоровье! — подал ей комендант полстакана водки,

нетерпеливо поднося одновременно к своим губам наполненную водкой закопченную алюминиевую кружку.

От лестных слов коменданта Оля, стараясь сдержать слезы, несколько раз всхлипнула, но потом, чтобы не заплакать навзрыд, взяла стакан и выпила содержимое до конца.

Она пила водку лишь третий раз за свою жизнь и пила ее с большим трудом, но ничего для нее не было труднее, чем вернуться домой, провалив и в этом году вступительные экзамены.

Комендант не стал сразу закусывать, а закурил и ждал, пока водка не разоидется по всему желудку и не ударит по мозгам.

Оля моментально набросилась на ливерную колбасу, вонь от которой казалась ей ароматней, чем запах «Русской» водки. «Что будет, то и будет! — подумала она облегченно, заедая ливером. — Не хочу я идти к кадровику, пусть сам отнесет заявление. Так будет лучше, он, кажется, меня все-таки жалеет. Нет, нет! Туда я сама не пойду, они могут меня снова довести до обморока. Ни за что!»

— Все будет как надо, Ольга! Ты не беспокойся, разве можно обижать такую красавицу! С кадровиком мы живем дружно и за бутылку он мне сделает все. Плохо, шо он пьет только коньяк, причем только пятизвездочный. Ничего, я раскошелюсь с получки, осталась всего неделя...

— Александр Александрович! Угостите вы его сегодня, зачем ждать-то! Я вам дам на коньяк, у меня есть еще немного денег, — предложила Оля, уловив намек коменданта о предстоящей получке. Возьмите, Сан Саныч, вот десять рублей.

Рок второй

Коменданту не хотелось отрываться от недопитой бутылки, и он сначала взял десятку в руки, но не сунул ее в карман, а положил на стол, ибо уже знал, что эта десятка никуда не денется. Никакой особой дружбы с кадровиком у него не было, он знал его лишь как начальника отдела кадров, и комендант не отдал бы эту десятку кадровику даже и в том случае, если бы ему самому угрожало сокращение штатов. «Всякое может быть! — подумал он, глядя на лежащую на столе десятку. — Вдруг она возьмет ее обратно и положит в сумку! Нет уж, пусть она полежит в моем кармане. Так оно надежнее», — насторожился он и, как бы неохотно взяв деньги, сунул в карман. Налив еще раз Оле полстакана, а себе почти полную кружку, он предложил выпить за здоровье кадровика.

— Я сейчас схожу к нему и все улажу, — убеждал он ее, покрывая после очередной кружки. — А ты лежи на диване и слушай радио. Не бойся, тебя я запру снаружи! — успокоил он Олю, постелив на диван чистую простыню и упругую казенную поролоновую подушку.

Не прошло и десяти минут, комендант был уже в магазине и, пройдя в винный отдел через «черный ход», купил две бутылки водки без очереди. Хотя он на обратном пути и не заходил в отдел кадров, но был уверен, что он Олю устроит на работу и без помощи кадровика.

— Все в порядке! — доложил он ей вернувшись и, незаметно вынув из кармана две бутылки, спрятал их за шкаф. — Я ему достал бутылку армянского коньяка по блату, в городе это дефицит. Очень доволен остался, как раз у него в сейфе кончилось энзе. Он употребляет только по 50 граммов, но часто. Поэтому всегда навеселе. Не то што иной начальник: ему хочется выпить, а кругом люди! Или просто нет денег, а никто не угощает. В этот момент начальник ни за что не подпишет даже самую простую безделушку. Лучше не подходи! На ком угодно сорвет зло. Вот, Ольга, што значит норма! Кадровик это туго знает... Да, он велел прийти завтра с пачпортом...

— А что, мне самой идти к нему?

— Нет, нет, Ольга! Ты туда не ходи и не показывайся лучше. Я оформлю все сам, принесешь мне завтра пачпорт. Шштай, что уже работаешь вахтером. Дела у нас идут неплохо, Ольга: ты нашла меня — работу, а я нашел тебя — вахтершу. На, держи, Ольга! Пора нам выпить и за наши общие успехи, — подал он ей почти полный стакан водки, а себе налил полную солдатскую кружку.

Бутылку за бутылкой опустошали они за успехи, ливерная колбаса была уже на исходе. Сгустились сумерки. Комендант, пропорционально выпитой водке, все больше и больше выдумывал всякие остросюжетные истории, выдавая все это за свое пройденное, а Оля внимательно, по-детски, слушала, принимая коменданта за смелого положительного героя своего времени. После третьей бутылки она заснула, полулежа на диване.

Комендант торопливо занавесил окно, надежно запер дверь и дрожащими руками, осторожно, боясь разбудить спящую красавицу, уложил ее на диван, предварительно раздев догола. Судорожно скинув с себя пиджак и брюки, он смело, с достоинством, лег рядом с ней, как с законной очередной своей добычей, посланной ему, по его мнению, самим господом Богом.

Хотя Оля спала и лежала удобно, без малейшего сопротивления, но он вот уже целых полтора часа проливал пот и никак не мог овладеть ею. Лежа с обнаженной двадцатилетней изящной красавицей, 65-летний неуклюжий комендант получил глубокое, небывалое до сих пор, разочарование и основную причину своей сегодняшней слабости он видел в ливерной колбасе.

Наконец, он встал и, с треском содрал с себя насквозь промокшее, давно прилипшее к его дряблему вонючему телу белье, обтерся грубым казенным студенческим полотенцем. Потом он выпил полкружки водки и решил плотно, как следует, закусить соленым заплесневевшим шпигом, давно уже завалившимся в шкаф.

«Не по зубам мне молодуха, не по зубам! — пробормотал он вполголоса в своей полутемной камерке, держа в одной руке кусок шпига, а в другой — ломтик черствого ржаного хлеба. — Хоть бы она капризничала, закатила бы истерику, што ли. Тогда бы не обидно было. А то ведь лежит в чем мать родила, бери сколько хочешь и как хочешь. Эх, если бы она попалась мне лет пяток назад, чуть жива ушла бы отсюда, а сейчас уйдет нецелованной девкой! Расскажи кому-нибудь об этом, никто не поверит, получается как в сказке али в кино... С бабой-то я бы еще справился, с ней совсем другое дело, она сама способствует... У этой чертовой девки имя только женское, до настоящей бабы ей еще далеко, баба намного лучше нее. Значит, она ни с кем еще не спала! Али, может, спала с такими, как я! Видать, она уже знает этих стариков, на что они способны, и поэтому нисколько меня не боится и лежит спокойно, как со своей родной бабушкой... Дьявольски она красива, даже пьяная в дугу, а губы-то какие! Мне не приходилось лежать с такой красоткой даже в лучшие годы моей жизни, за такую девку молодые парни кладут головы! Ничего, дух у меня еще есть, а все остальное тоже будет. Шпиг — это сила, не то што ливер! Мое бессилие временное... Ежели бы я сидел дома на пенсии, то никак бы не сумел заманить в клетку эту птичку, никакой приманкой ее не возьмешь. Приманка тут особая, негласная, такой приманки не купишь ни на базаре, ни в магазине. Это — служба! Служба-то ладно, каждый может служить. Важное дело — служебное положение, оно и вынудило ее лечь рядом со мной. Дураки упрекают меня за то, што я работаю! Буду работать так долго, как наши вышшие руководители. Они на пенсию не уходят, а умирают на посту. Умные люди — с них-то и надо брать пример... Ничего красотка, ничего! Мы с тобой еще побалуемся, ты в моих руках, заявление хоть и подписано, но оно еще у меня в кармане... Ох ты, малютка, какая сладкая! Спит, как убитая... Сердечко-то у меня как колотит, будто я ночью забрался в ювелирный магазин и не знаю, шо делать с бриллиантами. Эта и есть бриллиант, другому она ни за что не отдалась бы! Служебное положение дороже всех бриллиантов... Терпи, милая, терпи! Еще немного и ты уже вахтерша, моя подчиненная. Через месяц я тебе объявлю благодарность, а чуть позже сделаю тебя ударником коммунистического труда. Видишь, сколько стоит одна ночь, за каждую ночь получишь што-нибудь, на сей счет я добрый... Откуда берется столько воды — пот льется рекой. Эх, под холодный душ бы сейчас! Это было бы намного приятнее, чем проливать пот с тобой... Каждому делу свое время, жадность, браток, жадность! Ей 20, а мне 65. Она даже не чувствует, как я тружусь, а ведь тружусь я до седьмого пота, как ишак, — кряхтел он. — Ничего, ничего, все будет в норме! Хоть и жарко, но пррияят...»

В четвертом часу утра Оля проснулась от тяжести лежащего на ней груза и, пытаясь освободиться от него, столкнула его, отчего комендант, словно мешок с мясом, с грохотом свалился на пол. «Почему он не ругается! — подумала Ольга немного погодя. — Пьяный он, старый хрыч! Наверное, позабыл насчет заявления-то, если не потерял совсем. Надо пошарить в карманах, пусть подпишет, пока не протрезвился».

Оля встала и, перешагнув лежащего на полу коменданта, как следует осмотрела комнату. Уже начало рассветать. Сильно болела голова, она с трудом оделась и немного привела себя в порядок. Из горлышка графина, стоящего на столе, жадно глотнула воды. Комендант все еще лежал на полу, почти у самого дивана, в одной только майке, без трусов.

Чтобы не видеть противного до тошноты, голого пьяного старика, Оля укрыла его валявшимся на полу одеялом. Потом она суетливо начала искать в его вещах свое заявление. «Вот оно, вот! — обрадовалась Оля, найдя заявление во внутреннем кармане висящего на стуле пиджака. — Все в порядке! И подпись имеется, и число. Ура-а-а! — крикнула она шепотом. — Через два дня я уже рабочий класс. Теперь я хозяйка, попробуй пройти первокурсник без пропуска, да и пятикурсник тоже. Я вас еще погоняю, «рекомендованные», будете знать, кто такой вахтер! Мать беспокоилась насчет частной квартиры, я ей напишу немедленно и обрадую, что дали мне место в общежитии и даже укажу номер этажа и комнаты. Пусть радуется мама. Повезло все-таки! Надо старика положить на диван, а то еще обидится и заупрямится».

Оля сначала пыталась поднять коменданта на диван, не разбудив его, но не хватало силы. Потом она начала уговаривать его, чтобы он перелег сам. «Сан Саныч, ложитесь на диван, вам на полу неудобно! —

трясла она его. — Уже рассвело, я уйду в свою комнату... Пожалуйста, вы уж заявление-то мое доведите до конца. Прошу вас! Не спите так крепко! Может быть, вы ушиблись? Спит или притворяется? Вообще, какой-то он стал ненормальный... Господи, что ты со мной сделал! — проворчала Оля, подозревая отсутствие дыхания, — Сан Саныч, не умирай, как же я устроюсь на работу без тебя, ты моя надежда! Сан Саныч, милый ты мой, пожалуйста, проснись! — шевелила его Оля. — Скажи, как же мне быть теперь-то? — зарыдала она. — Господи, он же мертв, чего с ним разговаривать-то. Надо же ему умереть именно сегодня, когда уже подписано мое заявление! Ведь я никогда никому не сделала ничего плохого, почему только меня преследуют такие мрачные дела, мог же он умереть хотя бы послезавтра! Просто напал на меня какой-то рок! Господи, что мне делать-то? Надо бежать отсюда, пока не поздно, меня еще никто здесь не видел. Жестоко обманула меня судьба».

Оля еще раз пощупала его пульс и окончательно убедилась в отсутствии жизни. Вид дряхлого холодного тела коменданта, лежащего на полу у дивана, так омрачил ее душу, что Оля ощутила себя словно на кладбище. Некоторое время она находилась словно в безумии, потом овладела собой и хотела убежать через окно, чтобы не сойти с ума окончательно в этом, как ей показалось в настоящий момент, склепе. Сердце колотилось больше от стыда, чем от страха, и она тихо зарыдала, отвернувшись от покойника. В голове кружились скользкие, мрачные мысли, терзало состояние абсолютной безысходности. Появилась тошнота, дрожали губы, и она, утоляя жажду, выпила еще несколько глотков воды. Ей пришлось стиснуть зубы, чтобы нечаянно вырвавшимся криком не разбудить соседей — спящих абитуриентов. От выпитой воды, перемешавшейся в желудке с остатками вчерашней водки, Оля слегка захмелела и, к счастью, отошла от шокового состояния.

Она с чувством непойманного вора осторожно вышла в коридор и, на цыпочках прошмыгнула мимо спящей в будке вахтерши. Лишь на пятом этаже она вспомнила о своем заявлении, лежащем на столе у коменданта, и поэтому ей пришлось спуститься снова на первый этаж.

Когда она шла обратно от коменданта, вахтерша внимательно разглядела ее с ног до головы, хотя спросонья не сообразила остановить ее и проверить пропуск.

«Слава Богу, повезло! — вздохнула Оля, запирая дверь своей комнаты изнутри. — Нельзя сказать, что мне совсем не везет. Но во всех моих невезухах есть одна особенность: сначала мне, как правило, везет и дело идет как по маслу, а потом я каким-то образом попадаю в западню. Так было и с подделкой «направления», так и с устройством на работу... Не знаю, куда меня втянет этот третий случай — смерть коменданта! Может быть, сегодня утром уехать домой, как другие абитуриенты? Похоронят коменданта, и утихнут всякие кривотолки о его смерти, я приеду и с этим же заявлением устроюсь на работу. Так я и сделаю, через час я должна сидеть в поезде... Зря я не заперла коменданта снаружи, зря! Вахтерша может заглянуть туда и обнаружить труп. В таком случае никого из общаги не выпустят».

Семья и школа

Дома Олю ждал участковый, который передал ей повестку под роспись и предупредил строго, чтобы она немедленно вернулась в общежитие. На следующий же день рано утром Оля поехала обратно в институт.

«Это уже запрограммированная невезуха! — разговаривала Оля сама с собой, сидя в утреннем безлюдном прохладном вагоне. — Я сейчас беременная, и в моем организме закладывается судьба моего ребенка, как и моя судьба была запрограммирована в утробе моей матери. Но эта программа строго засекречена самой природой, и ни один агент не может ее разгадать. Если бы существовал такой агент, способный разгадать судьбу человека, то он был бы ценным высокооплачиваемым специалистом. В то же время его тоже презирали бы, ибо не каждый человек желает знать свою судьбу... К примеру, я семнадцать лет своей жизни прожила оптимисткой! Если бы мне было известно, что после окончания десятилетки наступит мой запрограммированный рок, то вряд ли я была бы оптимисткой. Не смешно ли то, что получилось с комендантом? Кто мог предвидеть, что он умрет на мне? Почему же он не умер на своей старухе? В чем тут моя вина? Если бы он умер на своей жене, то не было бы никакого скандала... Впрочем, чего бояться-то, ведь меня никто не видел у коменданта! Но все-таки вахтерша засекла меня в коридоре. А я, дура, поехала домой, это уже очередная ошибка, теперь и мать догадается, хотя участковый сказал ей, что вызывают в качестве свидетеля... Возможно, меня посадят в тюрьму. Это, пожалуй, лучше. В таком случае никто не упрекнет меня, что я тупица с золотой медалью и три года подряд не могла попасть в институт. Все будут меня осуждать, но в то же время говорить, что забрали меня в тюрьму с первого курса мединститута. Мне самой-то уже безразлично, но, может быть, это будет лучше для мамы... Сколько мне дадут за этого старика, я ведь не хотела убивать его? За

непреднамеренное убийство могут дать лет пять условно, не больше. Буду жить в общежитии и работать на стройке, как живут и работают миллионы условников. Я и на воле-то не смогу зарабатывать более 60–70 рублей, а это только хватает на еду. Интересно, условников одевают бесплатно или нет? Об этом я узнаю у следователя... Вот парадокс-то какой, меня ведь никто не изнасиловал, я отдалась сама... Отдаться-то отдалась, но не по своему желанию, а чтобы проскочить этот ловко придуманный конкурсный барьер. Это, по сути дела, то же самое изнасилование, но изнасилование нетипичное, какое обычно совершается человеком ради удовлетворения своей половой страсти, а классическое, совершенно новая форма изнасилования. Я пыталась сбиться со своей запрограммированной судьбы, за что жестоко поплатилась... Теперь-то до меня дошла схема жизни нашего общества. А мама знает эту сложную схему или нет? Если знает, то почему она не рассказала мне о ней раньше! Она меня учила честности, справедливости, уважать старших, не обижать слабых, не воровать, не ругаться. Хотя я все это соблюдаю, но за полмесяца превратилась в пьяницу, проститутку и даже убийцу! Спрашивается, правильно ли воспитывала меня мать? Сегодня, будучи уже на скамье подсудимых, я могу ответить, что ни семья, ни школа не могут дать правильного воспитания, ибо они, вопреки своей воле, вводят детей в заблуждение, пытаются выйти из которого многие из нас ломают шею, будучи уже взрослыми. Кто знает, может быть, я тоже буду насиловать мужчин, находясь среди условников? Те, которые изнасиловали Колю и выбросили его с пятого этажа, тоже воспитывались в семье и школе, возможно, тоже мечтали, как и я, стать врачом... Кто мне поверит, если я расскажу о том, что школу окончила на медаль, физику знаю назубок и вот уже три года подряд никак не могу одолеть конкурсные экзамены? Мне не ясно, почему их называют конкурсными, тогда как отдельные абитуриенты проходят по льготным каналам? Каждый скажет, что я тупица неспособная, десятиклассник — тем более. Любой школьник убежден, что судьба каждого человека в его собственных руках, и каждый человек делает свою судьбу сам. Словно фанатичка, я доказывала эту фальшивую теорию сама всего лишь два года назад. Теперь все это мне смешно. Ведь на самом деле, если каждый человек сам мог бы делать свою судьбу, то каждый человек мог бы стать министром! Что же тогда будет-то? Кем же они будут руководить, эти министры, если каждый человек станет министром? Это, пожалуй, будет как всемирный потоп... Значит, школа в течение десяти лет вводит нас в заблуждение, а семья боится раскрыть нам глаза преждевременно, то есть до окончания десятилетки, а затем начинается потасовка между семьей и школой: школа обвиняет семью, а семья — школу... Хватит рассуждать, решено! Стану условником...»

Рок третий

Оля прибыла в общежитие под вечер, но, несмотря на это, следователь сидел в проходной будке, допрашивая вахтершу. Комната коменданта находилась в нетронутном состоянии и была опломбирована до выяснения причины преждевременной смерти, а труп коменданта лежал в морге, в ожидании своей очереди на вскрытие.

Следователь допрашивал Олю на месте происшествия, хотя обстоятельства смерти ему уже были известны. Судя по случайно оставленной в этой комнате записной книжке, он знал о том, что здесь вместе с комендантом находилась гражданка Бе...ва, которая, по его мнению, должна быть уродливая, ибо такие случаи, когда какая-нибудь «уродина» ищет половую связь с помощью водки со стариком, часто встречались в его следственной практике. Такие случаи обычно выяснялись быстро и без всяких осложнений.

Когда же перед ним уселась двадцатилетняя красавица, за которую могли бы отдать жизнь молодые парни, следователь немного растерялся и на ходу перестроил свой заранее предусмотренный план допроса. Ему подумалось, что Оля больная.

— Как здоровье? — спросил он, снимая отпечатки с ее пальцев.

— Ничего, спасибо, — ответила она. — Недавно проходила комиссию по форме № 286.

— Завтра же утром сдадите кровь на анализ, вот вам направление. Подпишите эту бумажку, которая запрещает вам куда-либо выезжать отсюда без моего разрешения. А с этим направлением пойдете на кафедру судмедэкспертизы, это здесь рядом. Этот блокнот ваш, вы узнаете его?

— Конечно, мой! Чей же еще?

— Мне как опытному следователю, многое известно в этой истории, но я никак не пойму, почему вы согласились спать со стариком? Разве мало было здесь вам молодых ребят? Вероятно, он вам заплатил деньги? Так, гражданка Белова?

Пока следователь заполнял протокол, Оля размышляла о том, как «заработать» статью, чтобы стать условником. Выше «условного» наказания она не хотела и поэтому боялась «пересолить».

— Вы угадали, товарищ следователь, он мне обещал за эту ночь 100 рублей, то есть почти два моих месячных оклада. Разве плохо получить за одну ночь столько, сколько я могла бы получить на своей работе за два месяца? Таким способом за 8 ночей я могла бы здесь заработать свою годовую рабочую зарплату! Неплохо, товарищ следователь? Если я за ночь пропущу двух таких стариков, то я всего за 4 ночи получу свою годовую получку! Я молодая, здоровая, а эти старички для меня ничего не значат, тем более они меня почти не трогают. Учитывая это обстоятельство, я даже могу пропускать троих! Подсчитаем, какая это будет сумма: за 12 месяцев я на своей работе получила всего 720 рублей, а тут за 3 ночи могла бы заработать 900 рублей, из расчета три старика за ночь. Значит, для моего прожиточного минимума я бы работала всего 3 ночи в год, это разве нагрузка! Но ведь я могу работать не три ночи, а 30 ночей в год. Тогда мой годовой доход составил бы 9000 рублей! Это самый лучший наш автомобиль, не так ли? Жаль, что комендант умер должником, это уже свинство с его стороны... Если бы мне продолжить эту жизнь дальше, то я с этих старичков деньги взяла бы наперед и вдобавок потребовала бы медицинскую справку, чтобы после каждой ночи не сидеть на допросе у следователя. А ведь с вечера он был как молодой петух, а водку жрал как лошадь, даже после первой кружки не закусывал. Вот, думаю, крепыш, водку пьет как воду!

Пока Оля подсчитывала только что на ходу выдуманные доходы, следователь, внимательно слушая рассказ молоденькой «проститутки», сравнивал их со своими. По его скромным приблизительным подсчетам, доходы этой «проститутки» намного превышали его доходы, если бы она трудилась всего один месяц в году. И она могла бы заработать на всю свою остальную жизнь, если бы трудилась в полную нагрузку в течение пяти-шести лет. В этом отношении он ей даже завидовал, и на несколько секунд на его лице появилась улыбка, чего он никогда не допускал на допросах. Следователь быстро изменил выражение лица, как бы переключаясь с внутреннего канала своей души на внешний, и начал задавать ей строгие вопросы, заодно воспитывая «испорченную» девицу, как учили его еще в молодости в специальной милицейской школе.

— Проституция в нашей стране карается законом, гражданка Белова! Вам это не удастся! Частенько нам попадаются подобные женщины, мы их задерживаем и, согласно закону, изолируем от нормальных людей... Сколько же раз вам удавалось зарабатывать такие деньги?

— Постоянно мне не приходилось заниматься этим делом, но иногда случалось. Дважды я на вокзале заработала по 100 рублей и один раз ездила с одним начальником в лес на его большой комфортабельной персональной машине. Чудесно! Целый день отдыхали на речке в лесу. Сначала он сам ухаживал за мной, а потом его персональный шофер, неплохой парень, между прочим. По-честному поступил этот начальник — дал мне 150 рублей за двоих. А ведь мог не дать ни копейки! С такими людьми можно иметь дело, они очень трусливые, боятся за свою карьеру и лишь поэтому проявляют честность. Внутренний мир у них довольно мутный, а честность они используют только для ограждения своей шкуры и, в основном, для видимости.

Чтобы дотянуть до «условного» наказания, Оля выдумывала все новые и новые приключения, а следователь за каких-то полчаса уже исписал шесть стандартных листов.

Если бы сейчас увидели Олю ее учителя и одноклассники, они бы подумали, что бывшая талантливая ученица Ольга Белова за три года успела стать актрисой. Стремление непременно стать «условником» заставляло ее не только подробно рассуждать о проституции, но и соответствовать по внешности. А если бы она сыграла эту роль на вступительных экзаменах во Всесоюзном государственном институте кинематографии, то отборочная комиссия была бы глубоко огорчена, узнав о том, что абитуриент Белова трижды и безуспешно пыталась стать врачом. Но сама Оля даже не подозревала о своем таланте и профессию артистки считала несбыточной мечтой.

— Вот, гражданка Белова, прочтите протокол и подпишите каждую страницу в отдельности...

Оля взяла шесть скрепленных листов протокола и быстро, не прочитав ни одного листа, подписала их. Хотя следователю показалось несколько странным безразличное поведение Оли при подписании протокола допроса, он в основном был доволен тем, что допрос прошел без какой-либо истерики, что бывало редко при допросе проституток.

Глядя на объемистую папку протокола, Оля уже сожалела о своих показаниях и беспокоилась, как бы ее не посадили в настоящую тюрьму вместо «условного» наказания.

— Товарищ следователь, можно несколько слов без протокола? — обратилась Оля, желая немного сократить свои на ходу выдуманные приключения.

— Вообще-то не рекомендуется вступать в личный разговор с подследственными гражданами, но в виде исключения я вам разрешаю.

— Вы смогли бы смягчить мою вину, если бы я предложила вам свою услугу? В таком случае вы бы могли использовать меня всю неделю. Вам уже известно, что это означает при переводе на деньги — это моя годовая зарплата. Я это вам предлагаю не как следователю, а как порядочному мужчине. Меня нечего бояться, я стерильно чиста. Вы у меня всего лишь четвертый мужчина, один из них умер на мне, почти что не сумев меня тронуть, вы фактически третий. Полмесяца назад я была еще незапятнанной, как ангел, девушкой... Ну как? А ведь потом будете искать таких, как я, за 100 рублей, а может, и за 200... Сколько, вы думаете, побывало мужчин с вашей женой, кроме вас? По-вашему, ваша честная жена никогда не ставила вам рога? Ошибаетесь. Я уверена — не меньше двадцати, а то и больше, а со мной только двое... Кто чище: я или ваша жена? Ну как, товарищ следователь? Вы что, оглохли что ли? — требовательно спросила она своим слабым детским голосом, стараясь не дать вырваться судорожному всхлипыванию, а потом заплакала. Плакала она не притворяясь, а по-настоящему, вспоминая о своих неудачах, которые втянули ее в эту трясиину, из которой она уже не могла найти выхода.

Следователь вытер вспотевший лоб и, не зная как поступить в этом случае, сел за стол и раскрыл снова объемистый протокол допроса.

— Прелюбодеяние, как компрометирующее работников следственных органов явление, у нас запрещается и поэтому не может быть и речи о моих контактах с вами. Плюс к тому же вы наводите инсинуацию. За это вы можете получить особую статью, если не больны психически, — продолжал следователь, стараясь быть более строгим, чем до сих пор.

— Я, товарищ следователь, таких запрещенных способов, как прелюбодеяние и инсубинизация, еще не проходила и даже никогда не слыхала, — разъяснила Оля трепещущим голосом, испугавшись особой статьи, названной следователем. — Я же вам уже сказала о том, что вы у меня всего лишь третий мужчина, я еще неопытная. Запрещенных законом сексуальных приемов не знаю и знать не хочу. Используйте меня обычным способом, без прелюбодеяния и инсубинизации. Я вам предлагаю добро, а вы мне суете особую статью! Нехорошо это с вашей стороны, товарищ следователь, нехорошо...

— Не пойму я вас, гражданка Белова, то ли вы паясничаете, то ли вы на самом деле психически больны, — перебил ее следователь и встал с места, стараясь заставить свою, уже наполовину плененную душу, сражаться с заманчивой идеей, предложенной сидящей перед ним молодой, еще не испорченной красавицей. — Прелюбодеяние — это вовсе не сексуальный способ, а означает в переводе супружескую измену. Инсинуация — это клевета. Пора бы уже знать о таких вещах, все-таки окончили десятилетку два года назад, медалистка к тому же.

Следователь подошел к дивану, как бы изучая место происшествия, и именно здесь, у этого соблазнительного, испытывавшего много человеческих страстей дивана, возникло у него неудержимое любопытство посмотреть на Олю, лежащую на диване и доведшую коменданта до разрыва сердца.

— Продемонстрируйте, гражданка Белова, как и где вы лежали с покойным комендантом? — спросил он строго, чтобы ради шутки, без особой необходимости, испытать свою власть над подследственной.

Оля, недолго думая, заперла дверь задвижкой, быстро разделась догола и опрокинулась навзничь, закрыв глаза от стеснения.

Следователь сначала с презрением, издали, вполглаза смотрел на лежащую на диване соблазнительную Олю, а потом, на всякий случай взглянув на положение дверной задвижки, осторожно, как бы боясь какой-то заразы, подошел ближе к дивану. Он вспотел, сильно стучало в висках. Эти прерывистые, как неритмичный ход косо подвешенных стенных часов, стуки «быть — не быть, быть — не быть», по его мнению, решающие его собственную судьбу, на самом деле решали в эту минуту судьбу Оли, лежащую затаив дыхание, с закрытыми глазами. С его лица исчезла милицейская гордость. Чувство сладострастия все сильнее диктовало ему «быть», а болезненное самолюбие и тщеславие — «не быть». В его мозгах господствовал полнейший сумбур. В эти минуты он ненавидел свою жену, которую только что защищал, и работу, которой только что гордился, а книжное слово «прелюбодеяние» сдавило ему дыхание. Следователь понял, что обнаженная Оля лежала на диване, не демонстрируя, как она спала с умершим комендантом, а искренне ждала его, следователя, когда он овладеет ею. Теперь оглушительные стуки в его висках диктовали только одно: быть-быть! Быть-быть! Он судорожно сбросил свой мундир и, наконец, лег рядом с ней. Хотя следователь был еще не совсем старый, но здесь он сразу же, без всякого предварительного следствия, понял истинную причину смерти коменданта, ибо сердце его застучало примерно так же, как стучало у покойного старика перед самой смертью. В этот сладострастный решающий момент будто кто-то постучал в дверь. Трусливый следователь со страхом вскочил с дивана и быстро привел себя в порядок, глядя в зеркало.

Когда Оля оделась, он отодвинул задвижку двери, сел за стол и машинально начал писать новую, седьмую страницу протокола допроса.

Оля сидела напротив и с недоумением смотрела на него. Следовательно, не зная сам о чем, все писал и писал, стараясь реабилитировать себя перед Олей и доказать ей, что в следственных органах работают только аскеты и он, следовательно, сегодня лег рядом с ней вовсе не от соблазна, а лишь с целью практического, детального уточнения истинной причины смерти коменданта.

— Где ваша честность?! — упрекнула Оля следователя, снова всхлипывая. — Не зря, оказывается, говорят: «Ты человек или милиционер?» Я же у вас просила беседовать без протокола, и вы мне это обещали. Значит, тоже дрожите за свою карьеру?

— Вы, гражданка Белова, очевидно, хотели сказать «за свою шкуру»! Не так ли?

— От замены «карьеры» на «шкуру» смысл моего выражения не меняется. «Карьера» более объемистое слово, чем «шкура». В вашу «карьеру» входит и ваша «шкура», ибо ваше благополучие зависит от вашей карьеры.

— Вам, гражданка Белова, надо было учиться на психиатра или на философа, а вы стремились стать зубным врачом... Ай, ай, какая досада...

— Вы правы, товарищ следователь! Я могла бы стать и психиатром, и философом, ибо философом может стать любой работник и специально не требуется на него учиться. Если взять крупнейших философов древности, то каждый из них имел свою основную профессию, не связанную с философией. Из них кто врач, кто инженер, кто священник, кто учитель... В основном наши крупнейшие философы, доктора философских наук и академики, ничего общего не имеют с философией, у них нет ничего философского, они лишь пропагандисты чужой философии. Я бы всех их разжаловала до пропагандиста ничтожной категории... Вы, пожалуйста, товарищ следователь, не пишите все это в протокол, ведь вы обещали слушать меня без протокола...

— Ладно, ладно! Не буду писать больше, у меня уже отказала ручка...

— Что касается меня, то я уже третий год хожу в абитуриентах и никак не могу стать студенткой, хотя школу окончила на медаль и физику знаю назубок. Хотите, я сейчас без всякой шпаргалки определю время падения от потолка до пола висящей над нами электролампы? Могу вычислить освещенность этой комнаты, зная силу источника света... Наконец, можно определить фокусное расстояние ваших очков! Вы можете? Забыли? Или вообще никогда не знали, что это такое? В таком случае я вам расскажу вкратце: величина, обратная оптической силе линзы, называется фокусным расстоянием. За единицу оптической силы линзы принята диоптрия, равная оптической силе линзы с фокусным расстоянием 1 м. Диоптрия равняется единице, деленной на «фи», где «фи» — фокусное расстояние. «Фи» равняется тоже единице, но деленной на «Де» большое, где «Де» большое — диоптрия линзы. Следовательно, по этой формуле легко можно найти фокусное расстояние. Поняли? Нет, конечно. Вот на этом листе бумаги я сейчас изображу ход лучей в ваших очках и тогда вы поймете быстрее... Так, так. Это ваш правый глаз, а это — правое стекло ваших очков. Луч идет от глаза до стекла и преломляется под углом «альфа» сюда, потом направляется сюда, и эта точка определяет фокусное расстояние, которое обозначается буквой «фи»... Это очень просто, товарищ следователь. Возьмите на память этот листок и не думайте, что я из-за слабых знаний не могу попасть в институт... Вы уже немного убедились, что я физику знаю не хуже других, но меня почему-то не принимают, а те, кто понятия не имеет об этих вещах, проходят без малейшего труда. У меня нет блага и поэтому вместо пятерки я получаю четверку. Да еще утешают меня: добро пожаловать на следующий год! Вы знаете, какая разница между четверкой и пятеркой? Конечно, нет! Между ними существует только условная разница, которая зависит только от желания экзаменатора, и от этого желания зависит судьба человека... Здесь моя судьба очень характерна: благое намерение стать врачом сделало меня проституткой, которая в данное время сидит на скамье подсудимых. Теперь я человек законченный и припертый к стене. Вы знаете, кем и чем я прижата к стене? Конечно, вы скажете, что докатилась я до такой жизни исключительно по своей глупости. Нет! Я приперта к стене теми людьми, которым писаными законами дозволено пользоваться законами неписаными. Как вам известно, такие люди называются мафией.

— Судя по вашему рассказу, вы, гражданка Белова, нуждаетесь в лечении, это спасет вас от тюремного заключения. Наши законы гуманные, и мы психических больных не сажаем в тюрьму... Сейчас идите в свою комнату и отдохайте с дороги, а завтра вас отвезут в больницу, там имеются замечательные лекарства от вашей болезни и будут ухаживать за вами опытные специалисты...

Рок последний

Оля зашла в свою комнату и пыталась заснуть, но не смогла. Как только закрывала глаза, то сразу же оказывалась то в тюрьме, то среди «условников», то в психбольнице. Постоянно преследовал ее страшный голый труп коменданта.

Чтобы избавиться от этих видений, она в 4 часа утра пыталась прогуляться на улице, но ее не выпустила строгая исполнительная вахтерша, выполнявшая указание следователя. Оля без всякой обиды на вахтершу вернулась в свою комнату и открыла окно, через которое хлынула благоуханная предутренняя прохлада.

С пятого этажа Оля посмотрела вниз, где на сером холодном асфальте в собственной луже, скрючившись калачиком, беззаботно спал пьяный. Недалеко от него, на заборе палисадника визжали городские кошки, которые, нарушая давние традиции своих предков, гуляли не только в марте, но и в любое время года. На противоположной стороне улицы у подъезда пятиэтажного дома, стоя, грешила молодая пара.

В утренней тишине где-то недалеко послышались паровозные гудки, которые были очень похожи на пароходные, знакомые Оле с малых лет. Заметив Олю, высунувшуюся из окна, молодые «грешники» спрятались в подъезде, хотя Оля не обращала на них никакого внимания, ибо те сладкие чувства, которыми были переполнены они сейчас, у Оли были похоронены настолько глубоко, что вряд ли какой красавец мог их возбудить.

«Зачем я раскрыла этому болвану всю свою душу, ему этого никогда не понять, он по своей природе человек ограниченный, типичный идиот! — вслух разговаривала Оля сама с собой. — Лучше быть проституткой, чем психбольной! Со мной творится после школы черт знает что, на каждом шагу ошибка, невезуха. Ехала сюда с намерением попасть в «условники», а угодила в психбольницу. Ведь человек практически не может продолжать свою жизнь, когда напал на него рок. Так или иначе, таких невезучих людей придавит сама жизнь, если они добровольно, вовремя не уйдут с дороги. Невезуха — это предупреждение самой жизни: «Не путайся под ногами, дай дорогу другим!» Так и быть, я уступаю место другим... Пусть этот болван изучает мою философию в своем многотомном протоколе, ему это, может быть, пойдет на пользу... Раньше я боялась высоты, а сейчас нисколько! Расстояние до асфальта примерно 15 метров. Начальная скорость моего тела равна нулю. Высота свободного падения «аш» равняется «жэ» «тэ» в квадрате пополам. Отсюда время свободного падения «тэ» равно корню квадратному от удвоенной высоты, деленной на ускорение падающего тела. Значит, 30 метров разделить на 9,8... Это будет равняться приблизительно корню квадратному из трех. А корень квадратный из трех равен одной целой, семьдесят пять сотых секунды... 2 секунды страха — это не два года тюрьмы или психбольницы. Среди этих дураков я не выдержу и двух дней! Придется попробовать сначала высунуться до пояса. Если это страшнее, чем жить, то не стоит прыгать... Надо обязательно написать для мамы прощальную записку, чтобы она не жалела меня и не плакала. Напишу так: «Милая мамочка, мне будет очень больно, если ты будешь плакать». Конечно, она бы нисколько не жалела меня, напротив, радовалась бы, если бы знала теорию «Рока». Но она эту теорию не познает до конца своей изнурительной жизни, как и миллионы других... Черт, ничего у меня не получается, если не закрыть глаза. Эх, напиться бы до обалдения! Теперь, по крайней мере, ясно, почему так много алкоголиков, они не дураки и знают, что лучше быть пьяницей, чем оказаться заключенным в тюрьму или психбольницу. Я не успела стать пьяницей и поэтому угодила сразу в дурдом. Умереть не дадут спокойно! Здесь хоть есть пятнадцатиметровая высота и окно, а в психушке и того не будет, там стальные прутья. В тюрьме тоже... С закрытыми глазами намного проще. В человеческом организме все предусмотрено природой. Мало кто знает, для чего существуют веки. Любой скажет, что они предназначены для защиты глаз от повреждения. Нет уж, это только частное их назначение. А более общее их назначение — это прятаться от страха... Очевидно, днем невозможно прыгать, лучше ночью, когда не требуется прятаться от страха, закрыв глаза... «Ма-моч-ка!» — успела крикнуть Оля, пока летела до темного, неумолимого и безжалостного асфальта, случайно сорвавшись вместе с еле державшейся гнилой оконной рамой.

При этом выяснилось, что она достигла поверхности тротуара не через две секунды, как должно быть по расчетной формуле, а намного позже, что свободное падение разумных тел происходит по-иному, чем неразумных. Этого Оля раньше знать не могла, ибо о характере свободного падения живого человека могли бы рассказать только те мертвые, которые погибли, упав с большой высоты.

Если бы Оле удалось воскреснуть, что может быть только в сказках, то она могла бы дополнить знаменитую теорию относительности Эйнштейна новым разделом, называемым «теорией относительности свободного падения живых и неживых тел».

От автора

В определенное время года в природе происходит ежегодное благоухание цветов, когда они в этот короткий период бывают не только самыми красивыми и ароматными, но и целебными для многих

живых организмов. Именно в этот период их собирают для приготовления пилюль знахари, и их едят даже не травоядные звери, излечивая свой организм от различных болезней.

В нашем обществе тоже имеется аналогичное время года, когда юноши и девушки, окончив школу, запросто становятся абитуриентами и тоже в этот короткий период жизни бывают неповторимо красивыми и жизнерадостными, чем когда-либо.

Если ежегодное благоухание цветов — явление природное, то блаженное состояние мальчиков и девочек в этот период — явление не природное, а всего лишь результат иллюзии школьного воспитания. Под влиянием иллюзии все они в этот период легко и доверчиво отдают свою судьбу в распоряжение добрых, по их мнению, экзаменаторов, а некоторые из них даже потом, после первой неудачи, не сумев выйти из состояния соблазна и войдя уже в азарт, как законченный заядлый картежник, повторяют эту заманчивую игру еще и еще раз.

Но у многих смысленных юношей и девушек этот иллюзорный оптимизм, приобретенный в школе в течение десяти лет, моментально лопается, как мыльный пузырь, попадая в реальную жизненную среду. Ненавистный пессимизм, внезапно ворвавшийся в открытую оптимистическую душу молодого человека, безнадежно калечит его, невольно заставляя совершать немислимые ошибки, порой даже трагические.

Как ежегодный короткий, но прекрасный период благоухания цветов обновляет природу, так и короткий, но счастливый период абитуриентства тоже обновляет душу юношей и девушек, хотя при этом, к сожалению, часть абитуриентов, познавая жизнь, переходит от оптимизма к пессимизму. Казалось бы, это плохо. Однако здесь все-таки есть свой резон, ибо лучше быть реальным пессимистом, чем иллюзорным оптимистом, который, в сущности, подобен алкоголику. Кому что, но, на мой взгляд, лучше быть грустным трезвенником, чем жизнерадостным алкоголиком. Пожалуй, основная причина советского массового алкоголизма кроется в том, что человек под действием водки искусственно держит свой организм в состоянии иллюзорного оптимизма. А трезвый алкоголик — это закостенелый пессимист. Поскольку пессимисту в любой момент могли задать вопрос: «Тебе что, не нравится советская власть?», многие люди стали выпивать и на работе. Пили все и все были оптимистами. Результат такого иллюзорного оптимизма — новые советские кладбища, где у многих покойников возраст не превышает 45–50 лет.

Чтобы защитить свое тело от алкоголизма, а душу — от шизофрении, некоторые советские инакомыслящие брежневско-андроповского периода начали писать «в стол» рассказы и повести, в которых правдиво отражалась тогдашняя наша жизнь. Показывать их в те годы нельзя было даже знакомым, ибо статья Уголовного кодекса грозила дать диссиденту до семи лет лагеря строгого режима с последующей ссылкой «за клевету на советский и общественный строй».

Писались эти вещи вовсе не для показа литературных способностей автора, а лишь затем, чтобы оставить для истории частичку нашей советской действительности, которая не могла войти ни в одно художественное произведение социалистического реализма. А ведь за 70 лет «бессмертные» произведения соцреализма исказили фактически не только новую, но и древнюю историю, исправить которую вряд ли удастся когда-либо. Вот с этой точки зрения была написана мной повесть «Абитуриенты» в 1975 году.

ОБИДА

(рассказ)

После окончания Второй мировой войны прошло уже много лет. Люди, перенесшие на своих плечах всю тяжесть войны, постепенно начали забывать о голоде. В этот праздничный день Победы взрослым было о чем вспомнить. Подростки знали о войне только по кинофильмам, в которых она упрощалась до уровня детских игр, где фронтовые окопы и землянки превращались чуть ли не в места для поцелуев и различных любовных игр. Имея смутное представление об ужасах минувшей войны, подростки использовали этот святой праздник в основном для веселья. Мальчики курили сигареты, пили вино, а девочки ходили в модных брюках или мини-юбках и делали то же самое, что и мальчики. Взрослые, глядя на подростков, горько вспоминали свою молодость, когда все было подчинено нужде и куску хлеба.

Еще в начале учебного года неизвестно откуда появились в портфелях старшеклассников цветные открытки на стандартной фотобумаге, где сладко целовались парень с девушкой, как бы наглядно дополняя красиво выведенную на открытке надпись «Спешите жить».

Никто из учителей не обращал особого внимания на эти открытки, ибо они были весьма невинными по сравнению с запрещенной законом порнографией. Фактически они не влияли ни на посещаемость

учащихся, ни на их успеваемость. Преподаватели доходчиво объясняли материал согласно школьной программе, старательно выполняя свой долг, а ученики, в свою очередь, получали хорошие оценки.

Но у подростков появилось более интересное занятие, чем учеба, так как они ускоренно, как персонажи мультфильмов, начали взрослеть. Трудно сказать, то ли под влиянием любви появилась открытка, то ли под влиянием открытки появилась любовь. Девочки с каждым днем становились похожими на женщин, а мальчики — на мужчин. Словом, они почувствовали вкус жизни, а может быть, даже и ее смысл.

В актовом зале средней общеобразовательной школы только что кончился концерт, посвященный празднику, и на танцах остались в основном старшеклассники. Бесперывно пищал старый затасканный магнитофон, и развернул свою работу школьный буфет, где продавалось в честь праздника подпольное вино и разные сладости. Празднично наряженные, насыщенные оптимизмом, счастливые мальчики и девочки танцевали «буги-вуги».

Лена Далеккая из девятого «б», которой многие девочки класса завидовали по части гармоничного развития ее тела и духа, оставив партнера в буфете, подошла к однокласснице Маше и, щедро угостив ее большим куском шоколада, сразу же начала шептать ей о своих сексуальных успехах.

— Я уже дружу с Федей целый год и ни разу еще... тьфу, тьфу... не дай Бог! Уметь надо! Я никогда не защищалась... средствами. Хочешь, научу и тебя, как надо делать? Очень просто, между прочим... Пришлось мне не спать подряд три ночи, чтобы тайком научиться всему этому у своей мамы. Понимаешь, еще в пятом классе я интересовалась тем, что у нас, кроме меня, нет детей... и я все-таки выследила маму... Хочешь научу?

— Я этого не боюсь и в случае чего идти в больницу не собираюсь, — хмуро ответила Маша.

— Ну и дура же ты неблагодарная! — обозлилась Лена. — В твою же пользу я говорю. Никому ты больше так не говори! Иначе с тобой ни один парень не будет танцевать! Не вздумай даже, ребята не любят таких шуток, хочешь осрамить всю школу вместе с учителями. В крайнем случае, лучше уж лечь на три дня в больницу, чем ходить на урок пузатой... Вообще-то ты слишком упрямая, не зря тебя называют «старой девой»!.. Не обижайся, Машенька, не злись на меня, это я тебе советую как подруге. Знаешь Валю из девятого «а»? Во-он она стоит среди парней у буфета. Завидую я ей, какая она красивая! Как вечер, так и драка из-за нее! Она гуляет уже с седьмого класса, а сейчас за ней бегают доцент из педагогического! Представляешь? Говорят, хочет жениться на ней и устроить ее в институт. Вот счастье-то какое! Завидую я ей, доцента не задумываясь полюбила бы! Не вешай носа, Маша, и тебя полюбит кто-нибудь... обязательно. Ты, милая, пригласи сама кого-нибудь, не жди «белого» танца, не дождешься. Сегодня все ребята под мухой и наверняка не откажутся... Вон пригласи того рыжего парня, который скучает у окна. Он, кажется, из десятого. Иди, Маша, иди, не стесняйся! — шепнула она ей на ухо, подмигивая приближавшемуся Феде. Федя, не доходя до них, кивнул ей головой, и она медленно, словно набивая себе цену, пошла танцевать, а Маша осталась на месте.

«Вот что значит красивое лицо! — завидовала Маша, глядя на танцующую Леночку. — В бане я лучше ее, я каждый раз это замечаю. У нее ноги красивые только до колен, а выше — тонкие и кривые. Поэтому она ходит в миди! Да и талии совсем нет. Вот если бы устраивали танцы в бане, то бы наверняка Федя пригласил меня, а она бы оказалась на моем месте... Черт, лицо у меня, лицо!» — потрогала она рукой свои шершавые рябые щеки, повернувшись к окну. Потом, все же послушавшись совета подруги, подошла к рыжему парню и пригласила его танцевать, не дожидаясь «белого» танца... Но тот ехидно отказался и даже гордо отошел от окна, как бы не желая стоять с рябой Машей.

Услышав его отказ, громко фыркнули рядом стоящие восьмиклассницы, отчего Маша покраснела, и на ее лбу выступили бисеринки пота. Ей стало жарко, и она в эти минуты не столько обиделась на рыжего мальчика, сколько на девушек, которые все еще хихикали, поворачиваясь в ее сторону. «Если уж от меня отказался этот дикобраз, то остальные ребята — тем более, и я, наверняка, останусь настоящей старой девой, — окончательно загрузила она, выходя из актового зала.

В коридоре тоже не было покоя, ибо у каждого окна стояла пара, обнимаясь. Маша, не поднимая головы, быстро пошла в туалет, чтобы побыть наедине и привести себя в порядок.

В женской туалетной у закрашенного окна стояла празднично одетая маленького роста девочка, которая, заметив входившую Машу, тайком смахнула с заплаканных глаз слезы и тут же стала чистить ничем не запачканную юбку. Она была заметно косоглазая, да еще вдобавок под самым ее носом торчала черная волосатая бородавка величиной с крупную горошину.

Еще в прошлом году теперешняя ее страшная бородавка была совсем маленькая, почти незаметная, но девочка, желая уничтожить, начала ее бесперывно щипать и дергать, отчего «обозленная» бородавка

становилась все больше и больше. Теперь она совсем искажала и так уж косоглазую физиономию девочки и была заметна издали, будто из ее носа текло что-то.

Моментально среагировав на уродливую физиономию девочки, Маша искренне пожалела ее, но в то же время была до смерти рада, что она сама не совсем одинокая и есть девочки намного хуже нее. Маша хотела сказать ей несколько утешительных слов, но, увидев портрет, нарисованный мелом почти в натуральную величину, подошла к стене. Хотя рисунок совсем не был похож на Машу, но, по надписи «старая дева», она узнала себя. Исчезла на ее лице улыбка, губы задергались, и в эту минуту ей захотелось громко зарыдать, но, стесняясь косоглазой девочки, Маша со злостью начала стирать настенную фигуру обеими руками. Повредив ладони до крови и кое-как уничтожив рисунок, она подошла к девочке.

— Чего это ты плачешь? Обидел какой-нибудь мальчик? За что он тебя?

— Да нет, не мальчик, — ответила та, вытирая слезы. — Издеваются девочки, они все с мальчиками, а я одна осталась без мальчика в классе, и меня каждый раз рисуют на стене... Я уже ношу с собой специальную тряпку для этого! Вот и сейчас хотела стереть, но ты мне помешала сначала, а потом... потом, видимо, пожалела меня и стерла голыми руками. Добрая ты, видать! У нас таких нет в классе. Как тебя зовут?

— Меня? Меня Машей. А как тебя, в каком ты классе?

— Я в девятом «в», зовут меня Люсей. Ты разве меня не знаешь? Все меня дразнят старой девой, даже семиклассники. Ка... Ка-какая я старая, мне ведь еще только шестнадцать! — зарыдала она, разряжая нервы.

Маша утешала ее от всей души, что она вовсе не старая и все еще у нее впереди, но, разговаривая с ней, она утешалась сама еще больше, ибо впервые узнала о том, что «старые девы» имеются и в других классах, а среди них есть и такие, которые выглядят намного хуже нее. Маша давно хотела иметь такую подругу, около которой могла бы казаться красивее.

Когда-то в детстве она жила среди китайцев, где ее считали красавицей. Маша долго думала об этом и буквально на днях отметила в своем дневнике, сделав твердое заключение: «Красота — понятие относительное, все зависит от того, среди кого ты находишься. Самый уродливый европеец окажется красавчиком среди эфиопов... Если хочешь быть красивым, то выбирай себе общество».

Маша еще раньше думала сорвать зло на ком-то, но делать это одной было страшновато и неинтересно. «Теперь-то нас уже двое и вполне можно придумать что-нибудь», — в уме прикинула она, выходя из туалета вслед за Люсей.

Танцы были в самом разгаре. Маша и Люся, не знавшие друг друга еще несколько минут назад, прошли, обнявшись, до конца коридора и остановились под лестницей второго этажа, где оказалось тихо и безлюдно. Судя по выражению лица, Люсе было приятно с Машей, и прохожие могли бы принять их за давнишних подруг.

— У меня есть идея! — предложила Маша с улыбкой, обнимая ее за плечо. — Давай, Люся, отомстим за все! Над нами издеваются, а мы что, не можем? Наплевать на этих кретинов и прочих парней! Обидно, Люся! Вот перед тем, как зайти в туалет, я сама пригласила на танец одного кретина... Никогда не думала, что он откажет мне! Противная же морда, между прочим. Рыжие волосы, белые брови, горбатый нос и мышиные глаза! Кого он из себя корчит — непонятно! Вот он! Вон пошел на второй этаж, смотри на него, на крысу! Даже походка противная. Воняет от него потом, как от пса... А ты, Люся, пробовала пригласить кого-нибудь?

— Да, Машенька, пыталась я много раз, но никто со мной почему-то не танцует... Что ты хотела, Маша, сказать? Говоришь, отомстить... Да?

— Ба-а, я совсем отвлеклась от главного-то! Ты знаешь деда — охранника железнодорожного переезда? Веселый, красивый старичок... Разговорчивый, особенно когда выпивший. Сегодня же праздник... Пойдем к нему, а?

— Что мы там будем делать... Он же один! — удивилась Люся. — Что с него взять-то, он же дедуля...

— Ну и что же! Мы же не идем к нему целоваться или делать что-либо подобное, а просто идем отвести душу и заодно узнаем, сможем ли мы соблазнить мужчину или нет. Поняла суть дела?

— Не совсем еще, — сказала Люся, вдохновляясь идеей. — Давай, давай рассказывай. Интересно, как ты все это придумала? Соображаешь ты, Маша, не то что я.

— Очень просто, Люся. Возьмем бутылку водки, пачку папирос и пойдем к нему под видом, будто пришли поздравить его с праздником. Закуску не будем брать, пусть он быстрее окосеет. Как он выпьет всю бутылку, так сразу же начнем соблазнять его по очереди... Поняла?

— Ой как страшно, Маша! Но все-таки это интересно. А кто первый будет соблазнять? Я... или ты?

— Об этом нам нужно договориться сейчас, — успокоила ее Маша и сразу же придумала жеребьевку на спичках. — Вот, тяни! Сожженная — первая, а целая — вторая.

Люся долго выбирала, притрагиваясь дрожащими пальцами то к одной, то к другой спичке. И, наконец, вытянула сожженную.

— И здесь я-а несчастная, никогда мне не везет! — заплакала Люся, швырнув спичку под лестницу. — Боюсь я, Машенька, боюсь! Не смогу я раздеться догола, я стесняюсь...

— Ну ладно, раз боишься, то будем раздеваться вместе! — решила Маша. — Так и быть!

— Согласна, Машенька, согласна! — улыбнулась Люся, вытирая слезы ладошкой. — Какая ты добрая, во всем меня жалеешь. Если бы не ты... не знаю, что было бы со мной.

— Вот и прекрасно! И я согласна. Давай, Люся, бежим быстрее в магазин, без бутылки там нечего делать.

Уходя из школы, они предварительно зашли в буфет и для храбрости выпили по стакану сухого вина, закусывая конфетами.

Озираясь по сторонам, девушки подошли к магазину, около которого, соображая «на троих», крутились пьяные и, убедившись в отсутствии знакомых среди толпящихся, прошмыгнули в магазин.

С бутылкой водки и пачкой «Беломора» они через минуту выскочили на улицу и быстро повернули в переулок, по которому можно было пройти к железнодорожному переезду. Шли, затаив дыхание, молча, будто что-то украли, а потом, несколько отдышавшись, заговорили. От волнения сохло горло, слипались губы.

— А вдруг старик соблазнится! — насторожилась Люся. — Вдруг он нас обеих!..

— Не бойся ты, Люся, ничего страшного не будет. Я, например, не боюсь. Во-первых, он не страшнее того рыжего пса. Во-вторых, мы будем стоять у самой двери и убежим сразу же, как только он решится на подвиг, как только он соблазнится... понимаешь? Пошли...

Старик любил свою старуху, но всю жизнь упрекал ее за грехи молодости. Говорят, однажды он ударил ей по лбу металлической ложкой, вспомнив вдруг за столом, как она пятьдесят лет тому назад вышла за него замуж нечестной. Но об этом единственном грехе своей старухи он мало кому рассказывал, не желая разглашать глубочайшую семейную тайну, терзающую душу до сих пор. У него уже болело сердце, но он не сдавался, все чаще баловался самогоном и дымил махоркой.

Когда девочки подошли к железнодорожной будке, было уже совсем темно. Становилось жутко, будто они шли на смерть, каждая слышала стук собственного сердца. Приходили разные мысли в голову, а минутами и вовсе хотелось им отказаться от затеянного дела.

— Вдруг он запрямится и выгонит нас, голых, а потом расскажет про нас каждому встречному! — беспокоилась Люся, все ближе прижимаясь к Маше.

— Никому он не расскажет, он не такой, добрый он, и ты убедись в этом скоро, — подбадривала Маша подругу, хотя сама боялась не меньше ее.

В будке, расположенной у шлагбаума железнодорожного переезда, горел свет. Старик сидел на скамейке, намертво прибитой к деревянному полу, рядом лежала его старая засаленная шапка. На столе стоял пустой стакан, а бутылка из-под только что допитого самогона валялась в углу под скамейкой. Он сидел, прищурившись, и осторожно стряхивал пепел с самокрутки, будто выполнял какую-то ювелирную работу. Густые облака табачного дыма беспорядочно плавали по комнате, и через окно казалось, словно перед бурей разгуливались настоящие грозовые тучи. Старик думал о чем-то: то ли он вспоминал о своем нелегком прошлом, то ли намечал какие-то планы на завтрашний свободный день.

Дрожащей рукой Маша постучала в окно. Старик не спеша подошел к окну и, шевеля губами, показал рукой на дверь.

Растерявшиеся от волнения девушки, входя в будку, забыли даже поздороваться и поздравить деда с праздником. Они молча стояли у порога и, переминаясь с ноги на ногу, уставились на него, им хотелось выйти из будки и бежать без оглядки. От едкого запаха табачного дыма и пота прослезилась непривычные девичьи глаза, будто девочки плакали на самом деле. Напрягая нервы, они старались с улыбкой начать задуманный разговор, но не получалось у них как-то.

— Чем могу служить? — спросил старик, надевая без всякой надобности свою потертую шапку.

— Угощайтесь! — сказали, наконец, девушки хором, вытаскивая из сумки бутылку водки и пачку «Беломора».

Поставив угощение на стол, они снова отошли к двери. Маша начала что-то говорить, но старик, перебивая ее, стал рассказывать о трудностях военных лет, о старых поездках и о других, совсем неинтересных для девушек вещах.

Открывая бутылку, он не стал расспрашивать о причине необычного угощения, предполагая, что у девушек сегодня сбылись какие-то давние мечты. К тому же сегодня большой праздник — торжество справедливой победы над фашизмом.

Дед, опрокинув полный стакан водки, закурил. Закусывать было нечем. Девушки все еще стояли молча, лишь, поддерживая разговор старика, согласно кивали головой и покашливали. После третьего стакана, когда старика уже потянуло к песне, девушки осмелели и, перебивая друг друга, высказали ему все, что требуется от него, как от мужчины. Старик встряхнул головой, желая выйти из состояния дурного сна, когда вдруг на склоне его жизни перед ним очутились прекраснейшие, никем еще нецелованные девчушки и даром предлагали ему то сокровище, за которое во все времена и во всех странах мира отдавали свою жизнь, теряя рассудок, умнейшие мужчины. «Давай начнем!» — шепнула Маша на ухо, толкая Люсю локтем. Люся согласилась...

Сначала все это показалось старику шуткой, но когда девушки начали раздеваться, оголяя свои запретные места, его бросило в пот. Он уже не курил, его дрожащие руки не в силах были держать папиросу, кружилась голова. Он вспомнил о своей молодости, о грешной жене — все прошлое промелькнуло перед глазами. Глядя на не совсем еще созревшие обнаженные груди и прекрасные фигуры молодых девушек, он, заикаясь, что-то хотел сказать, от растерянности пошарил в карманах и приподнялся со скамейки. Вдруг на его лице появилась какая-то страшная улыбка, будто улыбался покойник, и с таким странным видом он, пытаясь обнять все еще стоящих у двери девушек, грохнулся на пол...

Испугавшиеся, полуголые девушки выскочили из будки и побежали, спотыкаясь на ходу в темноте, до самой центральной улицы, где уже показались силуэты людей. Спрятавшись за дом, они молча привели себя в порядок и прогулочным шагом направились домой.

— Здорово мы его, а? — похвасталась Маша, когда они уже подходили к дому, где жила Люся. — Ведь он уже старый и умирать ему пора, а все-таки хочет любить! Не забыл еще, знает, за что хвататься... Все наши обиды и страдания мы передали сегодня ему, теперь дед всю ночь спать не будет! Ничего мы там не забыли, Люся? У тебя все на месте?

— У меня вроде бы все на месте, — ответила Люся, проверяя вещи... — Ой, Маша, я пропала! Оставила лифчик! Что теперь будет-то. Вот позор, не пережить мне все это, пропала я! Пойти к нему обратно, что ли?

— Не вздумай, Люся! Ничего с твоим лифчиком не будет, никому он его не покажет. Не плачь, иди, спи спокойно, ни о чем не думай!

— Обрадовался, хрыч старый! Даже выбирать нас начал, сначала шагнул к тебе, а потом схватился за мой лифчик... и он остался в его руке. Ну и дура же я, зачем сняла кофту, зачем! — переживала Люся, вытирая рукавом глаза, а потом тихо, как бы не желая, постучала в свою дверь.

Попрощавшись с Люсей, Маша побежала домой, обходя пьяных, которые попадались ей навстречу. Недалеко от дома, в темном переулке, где Маша знала каждого соседа по имени, остановил ее пьяный, высокого роста мужчина, который, пошатываясь, шел навстречу с чемоданчиком в руке.

— Можно Вас! ...Как прти ды вкзала? — спросил он, еле стоя на ногах.

— Вы не туда идете... Вам нужно идти в противоположную сторону, — показала Маша рукой в сторону вокзала.

— Спасибо, дорогая, спасибо! Я совсем взлудился... Отметил праздник... тольк что з рстрана, — оправдывался он и пошел рядом с ней, стараясь не отставать от нее.

Маша была не рада, что показала ему дорогу и шагать в ногу с незнакомым пьяным ей было не очень приятно. «Неплохо бы иметь рядом такого высокого знакомого парня! А вдруг он ворюга? Хорошо иметь сильного друга, и плохо — сильного врага», — мысленно философствовала Маша, шаг за шагом приближаясь к своему дому.

Хорошая вы девушка, вас нверное все любят. Звидую я вм, звидую!.. Мня никто не любит, жна и то ушла от мня. Хршо, когда нравишься другим и все тбя любят. Это дброе дило. Мня нкто н любит, я не дбрый, значт.. Дрянъ я, дрянъ, нкрасивый я. Вы мне тоже н любите, да? Вы мне нравитесь, я вас лблю. Как тбя звут? Никита я, Никикта. Всему виноваты родители, они родили мня нкрасивого, да еще назвали Никитой. Не знаю, чем они думали?.. Гловой или ишо чем-то. Вот я теперь мучаюсь своим уродливым лицом. Эгоисты они, только и думают о своем удовольствии и вовсе не думают о судьбе потомства! Хтя мать мне звет Никитушкой, что толку-то? Другие все равно зовут мня рбой Мкита... Рябой, да еще Мкита! Не хочу я иметь похожего на себя ребенка, он же будет проклинать мня всю жизнь. Вот такие пироги, двушка, я часто думаю об этом. Нт, нет... боже упаси! Я ненавижу своих родителей и себя тоже. Снаете, двушка, я однажды чуть не разбил зеркало, увидев себя в нем. Впрочем, стекло тут ни при чем, виноват

сам, что смотрел в зеркало. Вообще-то не я, а родители во всем виноваты, они меня родили такого...Проклятые! — зарыдал Никита, как ребенок.

Маша, пожалев Никиту, пошла рядом с ним и даже несколько придерживала его за рукав.

— Вы меня совсем не знаете и даже не видите моего лица, а говорите про любовь. Разве можно так любить? — возражала она, невольно вступая в разговор с пьяным.

— Я вас не вижу, дивушка, но я чувствую вас, чувствую... Это больше чем видеть. Если бы было темно все время, то бы и меня любили... Однажды в темноте влюбилась в меня красивая двушка, но сразу же ушла, увидев меня при свете. Я уж не рад был, что включил свет... Ты снаешь, двушка, почему гасят лампы супруги, ложась спать? Конечно не снаешь, ты еще не жила. Тебе кажется, что они икономят керосин али, скажем, зтосняются рребят, али еще кого-то. Нет, браток, сздесь саложен большой змысл! Но я тбе открою: потому что любов у них уже прошла, ежели она была когда-то, а теперь они живут просто так... А может у них воопче не было любви, а поженились уни лишь ради пурядка... В том и другом случае каждый из них любит кого-то, а иногда совсем несуществующего даже...Но чаще всего любят недоступного. Вот, жена моя, зтерва, никогда в жизни не видела живого Нугомаева, а ведь портрет его повесила на самом видном месте над койкой. Лежит она в постеле и долго-долго смотрит на него, а потом выключает свет и давай целовать меня по-всякому... Попробуй, заставь ее целовать меня при свете, да еще без этого Нугомаева! Ни за какие деньги. Последний год нашей жизни она достала долгоиграющую пластинку Нугомаева и крутила ее каждый раз почти перед сном. Он горланит свои песни, а она целует и целует меня зтяжными поцелуями, лежа под одеялом. А я-то дуррак не снал тогда этого. А, может, и лучше, что не снал... Ведь мне тоже было приятно целоваться. Так бы, может, прожили вместе до старости, если бы она не призналась... От души я ее отлупил за это признание и она ушла навсегда со своими пластинками. Вообще-то я, конечно, сгорячился, пусть бы она любила его, висящего на стене, меня бы целовала, пуцай даже не любя. Вот какие дела-то! Ежели бы снал сам Нугомаев о том, что его обнимают по ночам всякие зтервы, то он наверняка бы повесился... во всяком случае затошнило бы его. Разве живой Нугомаев будет связываться со зтервами? Даю голову на отсечение, ни за что не будет! Может, если тогда, когда он опустится до уровня этих зтерв. Но тогда произойдет обратное — зтервы разлюбят его и полюбят другого. Это уже философия любви. Ты, пжалуй, согласишься с мной? На мой взгляд, любовь это недоступность и поэтому она во многих случаях не имеет взаимности. Верно я говорю, дивушка. Как ты думаешь?

— Я не хочу невзаимной любви! — отрицала Маша, до конца выслушав пьяного. — Никогда я не выйду замуж без взаимной любви... Магомаев талантливый артист, да еще стройный, он всем женщинам нравится, — вступила она в спор с незнакомым пьяным, совсем теряя чувство страха, будто находилась в своем классе, а не в темном переулке.

— Ты уж не думай, двушка, что я желаю тебе невзаимной любви, нет. Взаимная любовь тоже встречается иногда, но это только у редких счастливых. А вдруг ты попадешь в число счастливых! Все может быть. Лично я желаю тебе счастья. Ты хорошая девушка, у тебя будет счастье.

— Я вам тоже желаю всего хорошего! — ответила Маша и даже подала ему руку, растерявшись. — Я уже дошла, вот наш дом. Вам идти прямо, во-он туда, в сторону паровозных гудков, — дважды показала она рукой, открывая калитку палисадника, через которую обычно она пробиралась вечером, когда уже закрыты ворота.

Никита, задерживая Машу, продолжал говорить о себе, о жене и о всяких любовных историях. Он давно не бывал с женщинами и, пользуясь удачным случаем, разряжал душу. Хотя дома никто еще не снал, во дворе и в саду было темно и тихо. Аромат фруктовых деревьев и молодой сочной травы заставлял дышать полной грудью и манил посидеть на скамейке, стоящей у тропинки. Увидев идущего за собой Никиту, Маша остановилась, чтобы уговорить его выйти из сада.

Стоя с девушкой у скамейки под цветущими деревьями, Никите показалось, будто Маша желает посидеть с ним в саду, а прощается лишь ради приличия. Никита попытался взять ее за руку, но Маша оттолкнула его так, что он еле устоял на ногах. Держась одной рукой за ветки, он подался всем корпусом к ней и крепко обнял ее обеими руками. «Вы же опоздаете на поезд, идите! Вам еще далеко до вокзала!» — уговаривала его Маша, пытаясь освободить свои руки. Она вовсе не боялась его, ибо, во-первых, стоило ей посильнее оттолкнуть его, он бы упал непременно. Но Маша не хотела, чтобы он, упав на землю, разбил себе голову или просто, устроившись на скамейке, остался ночевать в саду. Во-вторых, она легко могла постучать в окно и вызвать на помощь родителей.

«Двушка! Люблю я вас, люблю!» — повторял Никита, все крепче обнимая Машу. Когда его дрожащие губы прикасались к ее губам, она отворачивалась, невольно подставляя ему то одну, то другую щеку, и он без конца целовал и целовал ее. Наконец, он, прижав ее голову к стене, начал без памяти целовать ее в

губы... Маша не могла ни кричать, ни стучать в окно, ибо ее руки оказались в его объятиях, а рот был зажат его губами. Она, задыхаясь от водочного перегара, всем телом пыталась оттолкнуть его от себя, но, споткнувшись о валявшийся под ногами кирпич, стала падать на спину. Озверевший Никита не отпускал ее даже при падении и, уже лежа, на ней, жадно продолжал целовать в губы, все еще держа ее руки в своих...

Маша уже не сопротивлялась. Она потеряла сознание, ударившись затылком о кирпич. «Девушка, девушка! Я тебя не трону, не бойся меня! Не трону я тебя!» — уверял Никита лежащую без сознания Машу. Он повернул ее на бок и, расстегнув кофту, пощупал грудь. Она не показывала признаков жизни. «Вдруг она мертва! Что будет-то! Шутка ли... Убийство. Надо бежать!» — подумал он, испугавшись.

В этот критический момент кто-то вышел из дома с включенным фонариком и что-то начал искать во дворе. Никита, как заяц, прижался к земле, пристально следя за бегущим лучом света и, уже почти трезвый, тихонько, по-пластунски выполз из сада после того, как человек с фонариком вошел в дом. Шел Никита по улице быстро, но, пройдя метров пятьсот, он вспомнил о своем чемоданчике, оставленном в палисаднике. «Идти за ним или нет? — гадал он, уже шагая обратно. — Разве можно оставить, там же мои документы! Хорошо, если кто-нибудь уже не забрал!» — подумал он, все больше и больше трезвея, и, наконец, побежал вдоль забора.

Кое-как отыскав свой чемоданчик, Никита пошел на выход из палисадника, но мгновенно пришедшая мысль проверить, мертва она или нет, вернула его к Маше. Взяв ее руку, он пощупал пульс, но не мог найти. Потом, засунув руку под кофту, пытался пощупать сердце. Первый раз в жизни пришлось ему держать в руке голую девичью грудь, и это прожгло его. С лихорадочной дрожью он лег рядом с ней и, расстегнув кофту, начал целовать ее грудь, шею... Никита уже чувствовал себя в тюрьме, но никак не мог заставить себя оторваться от своей добычи. В состоянии необъяснимого разногласия души и тела, он приподнял мини-юбку и, сняв трусики, раздвинул ножки сильными дрожащими руками. Хотя он не жаловался на здоровье, но в этот момент весь был мокрый, ибо понимал, что за какие-то считанные минуты можно заработать 15 лет тюрьмы, если она жива, а если мертва, то — расстрел! «Поезд-то мой уйдет! — посмотрел он на часы, но не смог увидеть стрелок часов в темноте. — Пропадать так с музыкой, плевать на все, тюрьма так тюрьма, расстрел так расстрел! Один раз умирать», — бормотал он, лежа на ней. То давил на него страх, то мешали всякие крючки и подтяжки, и он, оглядываясь по сторонам, обрывал их, рассуждая: «Вдруг она мертвая! Позор-то какой, если узнают. Как я буду чувствовать себя на суде? Впрочем, чего бояться-то! В этом случае все равно мне расстрел... что суждено, то и будет! — махнул он рукой, сидя на коленях между ее ног и любясь красотой обнаженного девичьего тела. — Еще неизвестно, мертва она или нет... Может, еще проснется и будет орать на всю улицу!» На всякий случай он, отыскав кирпич в траве, положил его возле себя и уверенно начал действовать...

Очищая брюки от прилипших листьев и чернозема, Никита на мгновение задумался о том, стоило ли из-за минутного удовольствия зарабатывать расстрел или 15 лет тюрьмы строгого режима. «Дуррак же я! погубил человека ни за что! Хорошо, если проснется. Жена — стерва, вышла за меня замуж после седьмого аборта и пыталась обмануть меня! А эта — настоящая девушка... Выйдет замуж и тоже будет обманывать мужа! Никогда бы не видать мне эту девушку, если бы не этот праздник! Да-а, везет же иной раз».

Разговаривая сам с собой, Никита начал одевать Машу. Притрагиваясь своими шершавыми руками к нежным, недоступным местам девушки, он чувствовал себя на голову выше других мужчин и, в знак благодарности, несколько раз поцеловал ее. Нарвал мягкой травы и, осторожно приподняв ее голову, положил под затылок. Потом прилег рядом с ней, закрыл глаза и, забыв о своем преступлении, подумал: «Может, забрать ее с собой! Если умрет, то похороню, как положено, а если жива, то возьму замуж. Нет, нет! Это не годится, поймут меня и посадят. Бежать надо быстрее, бежать! Она меня не простит. Ведь я тащился сюда не за этим делом, просто хотел ее поцеловать, а вышло-то! Убийство и изнасилование!! Жалко оставить такую красавицу, жалко. А ляжки-то какие! Не видать мне больше таких ляжек, как своих ушей... А может, это сон? Нет, во сне так сладко не бывает. Это неповторимо!» — приговаривал он тихо и начал раздевать ее снова...

То ли от тяжести его тела, то ли от жжения кровоточащих мест, Маша начала стонать, пытаясь встать на ноги.

«Девушка! Я люблю тебя, люблю. Хочешь, поедем со мной! Прямо сейчас же, давай, а?» — умолял ее Никита, целуя все крепче и крепче. Он был рад, с одной стороны, что она жива, а с другой стороны — до смерти боялся ее голоса.

Страх перед тюрьмой оказался сильнее любви и сладострастия, и Никита, одеваясь на ходу, вышел из сада. Он бежал, часто оглядываясь назад, словно чувствовал кого-то за собой. Для гарантии он взял в руку

камень, лежащий у забора, и был готов убить любого, кто подошел бы к нему в эту минуту... Лежа на траве, Маша никак не могла сориентироваться, никак не могла понять, почему она лежит на земле и отчего болит голова и другие органы. Через некоторое время она кое-как приподнялась, держась за ветки, и присела на скамейку. В окнах уже света не было, но Маша постепенно узнала свой дом, свой сад, скамейку. Догадалась и о том, что изнасилована под самым окном родного дома, где спокойно, ничего не подозревая, спали ее родители.

«Может, закричать? — подумала Маша, придерживая опухший затылок ладонью. — Что толку-то! Позор для себя и огорчение для родителей. Мать не выдержит такого позора. Ладно бы сама отдалась, а то ведь изнасиловал, стукнув по голове. Мог бы и убить!»

Подойдя к наполненной дождевой водой бочке, где обычно мыли обувь, Маша выпила несколько глотков застоявшейся воды, вымыла лицо и руки. Потом тщательно, как бы стараясь скрыть случившееся даже от самой себя, привела себя в порядок и смело постучала в окно. Она не плакала, а напротив, приготовилась празднично улыбнуться при встрече с мамой.

Маша долго не могла заснуть, ибо страшно болела голова, да еще храпел отец после праздничной попойки. В голове путались разные мысли. «Вдруг я беременна! — насторожилась она, ворочаясь. — Все девочки гуляют и ни одна еще не рожала. Теперь-то уж меня не будут дразнить старой девой! Он назвал себя Никитой, рябым Никитой и будто бы ехал в Тамбов. В таком случае можно его разыскать! Нет, нет! Ни к чему это, опозоришься только, ничего это не даст. Лучше молчать... Я ведь даже не видела его лица!..»

Рано утром, на следующий день после праздника, на переезде в железнодорожной будке был обнаружен труп сторожа, скончавшегося при весьма загадочных обстоятельствах от инфаркта миокарда. Он лежал на спине, широко раскинув ноги в разные стороны, истертая засаленная шапка, будто стремясь смягчить ему удар, попала под затылок. Его обросшее рыжей щетиной лицо застыло навсегда, приняв чем-то недовольное выражение, будто старик, простояв в длинной очереди, не мог получить того, что другие получали по несколько раз.

Между тем жизнь шла своим чередом. Так же, как и раньше, мимо будки, стуча колесами, с протяжными гудками проносились поезда. Маша, успешно закончив 9-й класс, перешла в десятый. По-прежнему ее дразнили старой девой, но сама она уже знала о своей беременности.

Люся после праздника на второй же день тяжело заболела и попала в психбольницу. Она, будучи в больнице, несколько дней подряд постоянно искала свой лифчик под койкой, хотя врачи и сестры доказывали, что лифчик для ее плоской груди вовсе не требуется.

Пролежав два месяца, она выписалась из больницы. От сильнодействующих уколов все еще кружилась голова, все еще болели кости от смиренных приспособлений. Лицо ее изменилось до неузнаваемости.

— Привет, Машенька! — улыбнулась Люся однажды, встретив случайно на улице подружку по несчастью. — Чего, не узнаешь?

Маша долго не могла узнать Люсю, ибо от ее косоглазия не осталось и следа, исчезла и черная волосатая бородавка под ее носом.

— Привет, привет! — обняла ее Маша, удивляясь всему этому. — А старик-то умер! Ты знаешь об этом? Говорят, так он и лежал до утра с твоим лифчиком в руке! Не только соблазнить, а, оказывается, и убить ты можешь мужчину! — засмеялась Маша. — А теперь тем более, ты стала совсем красавицей.

— Я из-за этого лифчика помешалась, в основном из-за него и попала в больницу. Спасибо хоть он умер, без него о моем лифчике никто не узнает. Ой, как ты меня обрадовала, Машенька! Какое счастье это! А я, дура, до сих пор переживала. Мне казалось, будто каждый встречный знает об этом и смотрит на меня с презрением. Хорошо-то как, что он умер! Ты не шутишь, Маша? Может быть, только утешаешь меня?

— Нет, нет, Люся, не шучу. Можешь сходить на кладбище и убедиться сама. Говорят, будто жена его помешалась из-за ревности и бросила твой лифчик на его могилу.

— Неужели, Маша, это правда? Пропаду я все-таки, пропаду. Как я была рада, что старик умер. Оказывается, напрасно. Непременно найдет меня эта помешанная старуха, непременно! Знаешь, какие они — сумасшедшие? Они все могут узнать! Они, кажется, связаны с загробным миром и всякими нечистыми силами. Я уж насмотрелась в больнице! Подходит к моей койке какая-то старуха, по виду чистая ведьма и шепелявит: «За шшо ты убила Колю, за шшо! Убью я тебя шейшас!» — орет, хватая меня за горло. «Не знаю я никакого Колю!» — уверяла я ее, соскакивая с койки... Еле усмирили ее санитары, обвязав простынями. Вот они какие, в дурдоме!

— Ведь сторожа-то звали Николаем, не его ли жена эта ведьма? Может быть, она лежала в твоей палате? Здорово, Люся, а? Нет! Наверное, это простая случайность... Пойдем на кладбище? Покажу могилу старика и заодно заберешь свой лифчик.

Маша взяла Люсю под руку, и они пошли на кладбище. Шли быстро, будто торопились на какое-то важное дело и, радуясь неожиданной встрече, говорили обо всем.

Среди старых могил они легко отыскали могилу старика, обшарили все кусты и надгробные памятники, но лифчика так и не нашли. «Наверное, вороны утащили для гнезда», — успокаивала Маша Люсю на обратном пути.

Но Люсю это не успокоило, и в ее душе началась заметная тревога. «Лифчик мой найдется обязательно!» — почему-то уверенно подумала она, прощаясь с Машей.

Маша шла домой и рассуждала вслух: «Ну и дура же она, с ума сходит из-за лифчика. Попала бы она в мое положение!.. Давно бы повесилась!»

Люся пришла домой расстроенная. Не радовало теперь ее ни исчезновение косоглазья, ни — бородавки. Проходя в комнату, она даже не заметила, что ее худощавое бледное лицо с большими синяками под глазами стало намного красивее, чем висящий над зеркалом портрет популярной актрисы. Родители находились на работе, и никто не мешал ей анализировать те новости, которые передала ей Маша.

Лежа на диване, Люся разговаривала сама с собой: «Неужели эта ведьма знает меня? Разве что кто-то успел рассказать ей? Дура я! Почему не пошла сразу же за лифчиком?.. Если бы я знала, где лифчик, то забрала бы его любой ценой. Надо идти к ведьме и узнать, что она собирается делать с лифчиком? Дома ведьма или в дурдоме? Да, да... Она еще раньше меня выписалась. Боюсь я ее, боюсь... Она уж очень страшная! Неужели она на могилу бросает лифчик на ночь? Уму непостижимо. Сегодня же надо покончить с этим, сегодня же. Заберу лифчик и сожгу его своими руками... Потом уж никто не помешает мне жить без всякого страха!»

С такими мыслями она уснула. Спала долго, но беспокойно, и видела разные сны: и в детском саду она побывала, и в гостях у давно умершей бабушки, и вышла замуж за одноклассника Сергея. Но в конце-концов все сны замкнулись на лифчике... Будто старик пришел к ним домой в белой рубашке при галстукке и обещал ей вернуть лифчик, если она пойдет с ним на тот свет.

— Пойдем, пойдем! Не бойся меня, — тянул он ее за платье.

— А обратно вы меня проводите? — спросила она.

— Обязательно провожу, обязательно! Живых там не держат, это грех, — обещал старик.

Она согласилась, и он повел ее по улицам того света. Шли они долго по каким-то переулкам, где было все в тумане и ничего толком не увидишь. Потом зашли в ярко освещенную комнату, и она увидела свой лифчик, висящий на гвозде.

— Если ты не исправишь свою ошибку, то я отнесу лифчик в школу, — шантажировал он ее.

— Ни в коем случае! Я лучше исправлю ошибку! — охотно согласилась она.

Старик отдал ей лифчик и начал раздевать ее, укладывая в белоснежную постель. При этом ей были слышны голоса пьяных мужчин.

— Разве на том свете тоже есть алкаши? — спросила Люся, крепко прижимая свой лифчик к голому телу.

— Какой тебе тот свет! Пьют алкаши около магазина на белом свете, чтобы быстрее попасть на тот свет, — объяснил старик, — ничего не стоит для них жизнь, они потеряли интерес к жизни. Многие из них повесились бы, но боятся надеть веревку на собственную шею. Застрелились бы — нет ружья. Ты не думай о том свете, тебе жить да жить еще!

— А почему им неинтересно жить?

— Ладно, ладно! Много не философствуй, все знать тебе еще рано. Узнаешь в свое время!

Раздев Люсю, мать легко подняла ее легкое, как пушинка, тело обеими руками и перенесла с дивана на койку. Через открытое окно доносились с улицы пьяные голоса.

Проснувшись, она была рада, с одной стороны, что рядом нет никакого старика, а с другой стороны, огорчилась, что в ее руках нет лифчика, который она только что держала.

Около полуночи, когда дома все уже спали крепким сном, Люся накинула халат-платье, надела туфли и, захватив на всякий случай электрический фонарик и перочинный нож, вышла на улицу.

Ночь была теплая, но не такая темная, как показалось сначала. В эту минуту Люся боялась только людей. Перочинный нож в кармане придавал ей храбрости, да и фонарик помогал иногда.

Старик был похоронен в самом дальнем углу кладбища среди старых могил, которые обросли высоким бурьяном и кустами. Сокращая путь, Люся решила пройти к могиле не через ворота кладбища, а прямо через забор, где давно уже была проложена тропинка.

Дул довольно сильный теплый ветер, заставляя скрипеть вековые деревья с треснувшими стволами. Мелкие кустыгнулись почти до земли, как бы делая поклон стройным железным крестам и старым замшелым могилам.

Временами вокруг Люси бегали какие-то тени в кустах, и ей казалось, что вот-вот кто-то ее схватит сзади.

Она уже прошла половину пути, но, чтобы не испытывать страха, Люся шла местами с закрытыми глазами, на ощупь, и, опасаясь оказаться лицом к лицу с чертями, идущими, по ее мнению, пока что за ней мирно, ни разу еще не оглянувшись назад. «Люся, Люся!» — кто-то шепнул ей. Оглянувшись назад на ходу, она зацепила носком туфли старую, покрытую гнившими листьями могилу, откуда вылетели огненные шарики, которые параллельно тащились возле нее, а некоторые, темно-белые и продолговатые, обгоняя Люсю, исчезали в траве. Она, шарахнувшись в сторону, наткнулась на обросший бурьяном железный крест и, потеряв туфли при этом, упала.

Лежа на спине, Люся ощущала под собой присутствие каких-то живых существ. Пулей отскочив от могилы, она заметила раздавленных птенцов. Это ее несколько успокоило, ибо рядом с ней оказались не черти, а птенцы, для которых кладбище — родной дом. «Какие храбрые птенцы! Они здесь рождаются, питаются и живут. Какая я трусиха! Почему я должна бояться? Не только я трусиха, другие люди — тоже. В полночь на кладбище никого не затащишь. Если я расскажу завтра кому-либо о своем ночном походе на кладбище, никто мне не поверит, пожалуй. Даже Машка! Хотя мертвецы уже никогда не воскреснут, пусть даже их души некоторое время и живут в сознании своих близких и знакомых. Однако человек боится кладбища, сознавая, что он, пока еще живой, непременно со временем ляжет рядом с этими мертвецами», — утешала она себя.

Люся старалась держаться мужественно, но сердце ее билось так часто, что захватывало дыхание, и если бы понадобилось ей закричать, то вряд ли она смогла бы. Она была в таком обессиленном состоянии, будто ее душили черти во сне, когда нет силы ни закричать, ни вырваться от них.

Освещая фонариком, она поправила гнездо и выбросила оттуда несколько раздавленных птенцов, мать которых испуганно чирикала, сидя на вершине массивного дубового креста.

Люся, сама себя подбадривая, пошла дальше, держа ориентир на единственную на кладбище высокую сосну, недалеко от которой находилась могила старика. Обиженная птица, хлопая крыльями и перелетая с одного креста на другой, провожала Люсю, как бы проклиная ее и желая ей того же самого, что она сделала с ее птенцами.

Люся подошла к могиле старика и с нетерпением направила на нее луч фонаря. «Вот он! — воскликнула она от радости. — Наконец-то, ты у меня в руках!» — радовалась она, отходя от могилы.

Но не успела она сделать и двух шагов, как вдруг лифчик, выскользнув из руки, исчез куда-то. Когда Люся искала его под ногами, из-за кустов послышался голос: «Получишь свой лифчик на том шве-те! Только там... Я тебя караулю уже полмешетша. Я жнала это, ты убийтша, жнала! Тепер вшем докажу, вшем! Никуда ты тепер не уйдешь!»

Голос этот Люсе был знаком, слова тоже были знакомые. Но ей казалось, будто кто-то решил напугать ее, или этот голос слышится просто со страха, и все это пройдет, как только успокоятся нервы. Чтобы убедиться в этом, она включила фонарик и с ужасом увидела страшную физиономию той старухи, которая грозила ей в больнице. «Не может быть! Это привидение!» — подумала Люся, закрывая глаза. Она закричала, как во сне, пыталась убежать, но ноги оказались словно парализованные.

Медленно открывая глаза, она увидела рядом стоящую ведьму с вытянутыми дрожащими костлявыми руками. Люся покачнувшись, пытаясь удержаться, ухватилась за бурьян и плавно, как бы боясь ушибиться, упала на мягкую замшелую землю...

Старуха, не долго думая, оттащила ее безжизненное тело на расстояние около тридцати шагов от могилы мужа и спрятала в кустах. Потом бегом, боясь исчезновения спрятанного тела, сходилась за лопатой, приготовленной еще пятнадцать дней назад, и выкопала яму глубиной с полметра. «Отсюда уже не пойдешь шоблажнять чужих мужиков, бештыжая харя!» — ругалась она вслух, с трудом втапливая девушку в яму, которая оказалась явно не по размеру.

Когда она начала засыпать ее землей, утрамбовывая ногами и лопатой, Люся очнулась и не могла понять, где она находится. После, немного сообразив, полуживая девочка попыталась встать, но тесная яма и острая боль в груди не давали шевельнуться. С трудом набирая воздух и выплевывая глину, попавшую в носоглотку, она умоляла старуху: «Сожги, ведьма, мой лифчик, сожги... Пожалуйста, сожги!»

Сначала Люсе показалось, будто старуха вовсе не думала закопать ее всерьез, а всего лишь устраивала ей телесное наказание. Потом, чувствуя конец, она начала кричать во все горло и была уверена, что ее услышит весь город, и в первую очередь — мама.

Лежа в тесной могиле, она как бы видела людей, которые прибежали со всех сторон и, схватив ведьму, избивали ее камнями и лопатой. Люся заплакала от радости, положив голову на грудь матери.

Но через слой утрамбованной земли ее голос послышался старухе, словно девушка кричала вполголоса, как бы все еще опасаясь разглашать свою единственную девичью тайну.

Замаскировав могилу соперницы опавшими листьями и почерневшей прошлогодней травой, старуха пошла домой по той тропинке, по которой полчаса назад торопилась Люся, теряя туфли. Возвращаясь с кладбища, старуха всю дорогу молилась Богу, непрерывно слыша при этом глухой подземный голос Люси. Поэтому она, придя домой, сразу же сожгла ее лифчик, щедро обливая его керосином, в присутствии святых, выглядывавших вечно живыми глазами из-за висящей в углу лампы.

Но даже после такой огненной процедуры голос Люси все еще звучал в ушах старухи, никак не давая ей заснуть. И лишь тогда старуха перестала слышать ее голос, когда пепел от сгоревшего лифчика был развеян по ветру.

Твердо зная о том, что не осталась в долгу ни перед Богом, ни перед Люсей, старуха глубоко зевнула несколько раз, завывая волком, и спокойно заснула.

Ночь, навсегда унося с собой таинственное исчезновение девушки, уже прошла. И ветер стих на рассвете, кругом установилась тишина. А на кладбище, как обычно в эту пору, звонко запели соловьи.

МУСТАФА

(повесть)

Мустафа — не татарин

Базар, расположенный рядом с высоким кирпичным забором детской колонии, неожиданно загудел, и многие начали прятать свой товар под прилавки, что бывало обычно перед надвигающимся ливневым дождем. Но на небе не было никаких облаков.

«Он! Он!» — зашептали женщины, боясь, как бы не услышал их сам Мустафа.

Семитысячное население этого районного поселка уже знало известного колониста в лицо, и покупатели, состоящие в большинстве своем из местных жителей, сразу же исчезли, будто их ветром сдуло. Базар моментально опустел, и за единственным прилавком, расположенным вдоль высокого забора колонии, остались в основном колхозники, пришедшие сюда из деревень для продажи сельскохозяйственных продуктов, скота и разных мелких предметов первой необходимости.

Наконец с правого крыла рынка, соблюдая свои привычки и традиции, показался Мустафа в широких черных суконных брюках, по пояс голый. С ним было еще двое подростков в таком же одеянии, и они шли, отстав от него на полшага, словно сопровождая высокое начальство.

В самом начале базара один из колонистов моментально прикончил кинжалом поросенка, который, не слушая хозяина и стремясь выскочить на волю, пронзительно визжал в тесном мешке.

После такой уникальной операции остальные поросята сразу же перестали визжать, ибо хозяйева придавили их морды лаптями, одновременно, как по команде, убрав мешки под прилавки.

Поросячья покорность подействовала на посетителей базара весьма эффективно, и колонисты, без всякого сопротивления стоящих за прилавком крестьян, начали отбирать у них вещи, продукты и деньги, разрезая бритвой потайные карманы, расположенные в самых, казалось бы, не доступных жуликам местах одежды.

— Мустафа! Ты же земляк наш, из какой деревни будешь? Моего сына тоже зовут Мустафой... Приезжай к нам в деревню в гости! Всего восемь километров отсюда. Угощу теплым парным молоком... Знаешь, оно какое полезное! Ты же, бедняга, совсем голый. Рубашку я тебе дам сатиновую, она велика моему сыну, он у меня худенький, а отцу — мала, — заговорила женщина по-татарски, ожидая снисхождения, как только перед ней остановились колонисты.

— Глянь-ка! Меня будто эта дура принимает за знакомого, — заржал Мустафа, обращаясь к своим подручным. Тут колонисты охотно задержались.

Она, твердо убежденная, что Мустафа настоящий татарин, мигом налила стакан молока и подала ему, шепча что-то по-татарски.

Оскорбленный Мустафа резко оттолкнул стакан, который, падая на землю, выложенную неровными кирпичами, разбился вдребезги.

Татарка, сидя на корточках, начала собирать треснутой деревянной ложкой вылитое молоко, пока оно держалось в ямочке между кирпичами.

Презирая ее жадность, Мустафа назло опрокинул кончиком пальца трехлитровую кринку, стоящую на прилавке, и молоко струей потекло на голову сидящей на корточках татарки, которая, чуть взглянув на колонистов, тут же подставила под струю свои дрожащие шершавые ладони и жадно стала глотать молоко, захлебываясь. Перемешанное с песком и пылью молоко долго текло по неровным доскам, смывая с них еще дореволюционную грязь, и татарка собрала всю жижу до последней капли.

Когда колонисты, получая огромное удовольствие, потешались над татаркой, со стороны города показался участковый милиционер, увидев которого, люди успокоились, и уже через несколько минут в мешках снова завизжали поросята, восстанавливая привычную базарную обстановку.

— Здо-ро-во, Мустафа! — подал ему участковый свою здоровенную бархатную руку. — Ты чего здесь баб пугаешь? У вас ЧП дома! Убита новая молодая воспитательница. Хорошо, что ты оказался на базаре, а то подозревают тебя. Идем быстрее, идем!

Мустафа и участковый молча пошли в отделение милиции, предварительно обсудив во время короткого перекура сложившуюся ситуацию.

— Какой падла Зойку угробил? — на ходу задавал себе вопросы Мустафа, переживая вслух. — Она мне нравилась, хорошая была девка! Шурик пытался давно... Он же, гад, оголил ее до трусов во время урока при всем честном народе! Ладно я подросел вовремя и поддал ему как надо. Подох он через неделю, как собака... За поддержание порядка я уже имею несколько благодарностей... Почему-то она вчера сидела допоздна, и я, дурак, не сообразил. Гад, наверняка Грач! Он тоже примазывался к ней, и мы ведь с Жорой предупредили его. Если так, то он должен удрать из колонии. Иначе быть не может. Он знает, что я ему башку оторву, — продолжал он разговаривать сам с собой вслух.

Они шли быстро, и за это время участковый успел сделать логический вывод из душевных переживаний Мустафы. «Если Грача нет в колонии, значит, все ясно!» — подумал он и похлопал Мустафу по плечу, как бы благодаря его заранее за оказанную помощь в расследовании убийства.

Убитая восемнадцатилетняя Зоя после окончания педучилища была направлена, как комсомолка и отличница, на передовую линию педагогического фронта. Работа в детской коммуне была почетная, и Зоя в душе гордилась своим местом, хотя ни один рабочий день не обходился без слез и унижений.

Мустафа полюбил Зою с первого же дня и давно бы изнасиловал ее, если бы был на месте Шурика или Грача. Сдерживало его положение, занимаемое среди других колонистов. Мустафа — это неофициальный директор. Но колонисты боялись его больше, чем директора, ибо директор не имел права убивать, а Мустафа делал это без всякого страха.

Коренастому крепышу Николаю Клокову фактически исполнилось уже двадцать лет, а по документам он числился лишь пятнадцатилетним подростком. Парень был жесток и очень хитер, обладал большой физической силой и главное — врожденной способностью командовать другими. Именно эти качества сделали его «Мустафой», которого имели многие колонии и города после выхода кинофильма «Путевка в жизнь».

Однажды Мустафа ворвался в класс, где молодая воспитательница Зоя сидела одна и писала лозунг, готовясь к ближайшему большому празднику.

Увидев его, она быстро отскочила в угол, опрокинув на стол красную тушь, и по-детски закричала: «Мама», теряя сознание.

Мустафа, спрятав нож, уложил ее на стол и несколько минут любовался ее красотой, пока она не пришла в себя. Это было всего неделю назад.

«Больше сюда не пришлют такую, никогда! — сожалея, думал Мустафа, сидя у следователя. — Теперь на место Зои пришлют хмыря старого. Убью каждого нового, пока не пришлют такую же».

— Убью! — закричал он нечаянно, забывшись.

— Кого ты собираешься убить, Клоков? — спросил его следователь как бы хладнокровно, но на всякий случай поднимаясь со своего стула.

— Не вас, гражданин следователь, не вас! — ответил Мустафа. — Я знаю его... Это он, Грач! Я прикончу его, если он еще не драпанул.

— Спасибо, Клоков, спасибо! — поблагодарил следователь Мустафу. — Если ты нам поможешь, то мы его найдем обязательно и будем его судить по всей строгости наших законов.

Директор колонии официально доложил по инстанции об исчезновении колониста Грача и намекнул, что якобы он убежал, захватив с собой свои и чужие вещи.

Придя к точному выводу, что убийца — Грач и он еще не мог уйти далеко за это время, начали усиленные поиски, в ходе которых проверялся каждый куст в радиусе десяти километров. При этом на берегу Идели был обнаружен неопознанный обезображенный труп такого же роста, что и Грач.

Татарка, продав подешевле несколько пар лаптей, торопилась домой, пока Мустафа не появился снова на базаре.

Она быстро пересекла центральную улицу и, как бы запутывая следы, прошла по незнакомому переулку, который, к счастью, вывел ее куда надо. Лишь здесь, за городом, она первый раз оглянулась назад и, убежденная, что за ней не идут колонисты, вздохнула облегченно.

«Убиваешь целый день с двумя парами лаптей! Это еще при готовом лыке. Пойти в лес за лыком — это еще один день. За лыко сажают в тюрьму! Вот и будет сидеть в колонии мой бедный Мустафа с ними! — переживала она вслух, шагая в своих стоптанных лаптях по пыльной проселочной дороге. — Этот бандит во-о-н какой здоровый, да еще с ножом! Милиционер зовет его по имени и здоровается за руку. Видать, давнишние друзья! Убьют они моего сына, не пушу больше за лыком, не пушу! Они там убьют и здорового, а мой в этом году заболел еще. Пусть лучше умрет дома, чем в тюрьме. Они же не боятся ни Бога, ни людей! Раньше порядки были строгие насчет жуликов. На весь уезд был один урядник, а нынче на каждом шагу милиция, и не могут справиться с мальчишками. Раньше бандиты боялись нападать на человека, потому что люди защищали себя сами. Сколько было сегодня на базаре краснощеких мужиков, но никто не стал связываться с колонистами. Если бы мужик имел хотя бы нож при себе, разве он дал бы зарезать, как родное дитя, поросенка или разлить драгоценное молоко? Ведь молоко-то я собирала два дня, не давая даже чахоточному сыну».

Прошагав четыре километра вдоль впадающей в Идель речушки, татарка остановилась у косогора, где протекал древний естественный родник под названием Изгелђр чишмђсе, что означает родник святых.

Прежде чем наклониться к роднику, она многократно оглянулась назад и лишь потом, устроившись поудобнее, начала пить большими глотками холодную прозрачную воду, черпая ее своими шершавыми, как наждачная бумага, ладонями. До встречи с Мустафой она никогда не думала ни о законах, ни о милиции. Даже ледяная родниковая вода не рассеяла ее размышления.

— Вон какие они жирные, колонисты! — взволнованно рассуждала она вслух, шагая домой вдоль косогора по безлюдной полевой тропе. — Кто их кормит? Мы, деревенские. Каждый год сдаем для них из своего личного хозяйства молоко, мясо, шерсть, шкуру и даже сотню яиц, пускай у тебя во дворе нет ни одной курицы. Для чего их, неисправимых, держат-то? Их расстрелять не жалко... А как же быть без лыка-то? Не ходить же босыми! В семье у нас семь человек, каждый месяц надо семь пар лаптей. Да еще пары три нужно на продажу! Нет уж, в лес я лучше пойду сама, пускай лучше меня сажают, чем сына. В женских колониях, может, нет таких головорезов... Пстой, пстой! А ведь Фатима умерла там, три фунта пшеницы погубили бедняжку.

Хотя у татарки и была голова забита разными мыслями, вошла она в деревню с желанием непременно рассказать каждому встречному о колонистах. К сожалению, никто не попался навстречу.

Встретив во дворе мужа, который пришел с поля на обед, она сразу же справилась о сыне:

— Где Мустафа?

— Ушел в лес за лыком, — ответил он шепотом, хотя во дворе и на улице посторонних не было.

— Дурак ты упрямый, настаивал назвать сына Мустафой! — бросила она на землю свой пустой мешок, аккуратно залатанный разноцветными кусками ткани.

Он что-то хотел ответить, но она опередила его, стараясь быстрее разрядить нервы, ибо на базаре она ничего не могла сказать колонистам, а потом шла восемь километров, разговаривая лишь сама с собой.

— Ты знаешь, кто такой Мустафа? — начала она, не давая ему сказать ни слова. — Это главарь колонистов, хулиган и грабитель! Он чуть было не зарезал меня сегодня, разбил кринку, вылил три литра молока... Такое жирное, такое вкусное! Ай Алла...

И только здесь, у себя во дворе, сидя у сарая рядом с мужем на бревне, она громко заплакала. Слезы ее, протекая по лицу, застревали в глубоких морщинах, и она их вытирала рукавом старого выгоревшего праздничного платья. Лишь после горько пролитых слез она успокоилась немного.

— О каком Мустафе ты калякаешь? У нас их в деревне много. Но никто из них не сидит в тюрьме.

— Коренастый он, жирный, загорелый. Без рубахи. В черных суконных штанах, под которыми прячет кинжал. Не татарин он, а сам Мустафа. Милиционер с ним здоровается за руку. Говорят, будто боится его сам директор колонии. Ростом он в два раза меньше тебя, но мужики почему-то боятся его.

— Я не совсем тебя понимаю. Ты пьяная, что ли? Неужели на базаре среди бела дня орудует бандит, а милиционер с ним здоровается за руку? Что же это такое? Разве для этого мы проливали кровь в революцию и на войне гражданской? Я сам четыре года воевал и трижды ранен... Вот те на! Моя милиция

меня бережет... Таскать нож не разрешается по закону. Милицию мы кормим, одеваем, и она должна обеспечить покой. Так я понимаю...

— Я тоже так думала, Галим, но сегодня увидела совсем другое. Вот в следующее воскресенье в город поедешь сам. Говорят, Мустафа не пропускает ни одного базара...

Мустафа есть Мустафа

Галим отпросился на базар еще в начале недели. Бригадир отпустил его только на полдня, мог бы вообще не отпустить, но Галим обещал ему достать в городе дефицитное в колхозе сверло для ручной дрели.

Хотя колхозники работали от темна дотемна, но официального выходного дня для них не существовало до середины 1960-х годов, поэтому бригадир имел полное право не отпускать колхозника на базар.

Однако колхозник без базара не мог существовать, ибо он на заработанные в течение года трудодни получал зерно или солому, если колхоз перевыполнял государственный план хлебозаготовок. Поскольку план был невыполним, колхозник работал круглый год бесплатно, а кормился только за счет своего огорода и скота.

В районе Галим числился единственным силачом, который мог «перетянуть» лошадь, да и на сабантуях всегда оставался батыром. Ему шел уже шестой десяток, но он легко таскал два мешка пшеницы, взяв их под мышки. Хотя Галим виду не подавал, но, помня рассказ жены, все-таки в душе побаивался колонистов.

В воскресенье поднялся Галим в пять часов утра. Найдя заброшенный нож, предназначенный для забоя скота, он наточил его «лысым» ржавым напильником и, завернув в тряпку, положил в карман вместе с чекушкой водки, припасенной на всякий случай.

Дети еще спали, но жена встала намного раньше, чтобы подоить корову и приготовить кринку молока для продажи.

Галим надел свой выходной костюм, сшитый из грубой хлопчатобумажной ткани, и аккуратно, не торопясь, обул лапти на деревянных подошвах, чтобы не промочить новые портянки в случае дождя.

— Не связывайся с жульем, без них проживем! Распродай подешевле и уходи с базара. Бригадир дал тебе только полдня! — строго предупредила жена, закрывая калитку.

— Лишь бы дождя не было, во-о-н какие ползут тучи! Иначе базара не будет. Я им, сволочам, не дам ни копейки! Ни одной капли молока я им не дам пролить! — ответил Галим, поправляя котомку, которая должна была трястись на его спине около двух часов.

Правое крыло базарного прилавка, откуда обычно выходили колонисты, как правило, занимали новички, не знающие о злодеяниях колонистов. Оставив лишь несколько свободных мест у самого края, Галим разместился здесь с таким расчетом, чтобы иметь возможность драться с колонистами, поскольку они наверняка будут грабить сначала сидящих до него.

«Вот времена-то пошли! — возмущился он, нащупав свой нож, но не вынимая его из кармана. — Раньше грабили только богачей, а теперь и нищих грабят».

Левое крыло базара уже оживленно торговало, а к Галиму пока еще никто не подходил. Наконец рядом с ним присел мужик в лаптях и засаленной косоворотке, небрежно подпоясанный веревкой. «Русский или крещеный татарин», — прикинул Галим, судя по его одежде.

— Погрызи! — предложил он семечки Галиму, наполняя стакан. — Каленые! Бери...

— Больно вкусные они у тебя! — похвалил Галим, пощелкав несколько штук. — У нас, у татар, не бывает таких. Наши бабы почему-то не умеют их жарить. Вот продам молоко или лапти и куплю у тебя стаканов пять... Из города надо же привезти детишкам гостиницу. А их у меня пятеро... Откуда будешь-то?

— Из Отарки я, у нас много семечек...

— Этот, Чтыпан-то, жив еще там? Правой руки нет у него. Мы с ним воевали на германском... Он служил денщиком. Я спас на войне в шестнадцатом году целую роту от верной гибели, за что получил крест от государя. Сам чуть не погиб, полгода отхаживали меня в госпитале, — вспомнил Галим никому не интересную теперь историю.

— Жив он, жив! Работает бригадиром в колхозе. Степа частенько рассказывает о каком-то силаче-татарине... Значит, это ты. Вот дела-то, с кем только не встретишься на базаре... Чего-то мало сегодня народу, рановато, что ли?

— Рано еще. Колонисты только встают. Слышишь, музыку для них играют?.. Они под музыку занимаются физзарядкой. Накачивают силу, чтобы лучше бить нас по морде. Слышь, бегают за этим забором?

— А кто они такие, за что их туда посадили, за решетку-то? Али там тюрьма?

— Не тюрьма, а детская коммуна. Власти думают сделать больших людей с них... На прошлом базаре ограбили мою бабу, кое-как добралась до деревни. Ни за какие деньги ее теперь не пошлешь на базар. Меня-то еле отпустила...

— Што, Ахмет, эти кулунисты-то, они грабят только баб? Мужиков, чай, боятся? Кулуния-то, говоришь, детская?

— Галим я, не Ахмет. Передай от меня Чтяпану большой привет... Скажи, што жив-здоров Галим. Царский крест, мол, еще в сундуке хранит... Чтяпан меня знает, мы с ним много нюхали пороху... Жена говорит, што кулунисты грабят всех подряд и по виду они вовсе не дети. Жирные, не то что наши мальчишки. Видать, их там хорошо кормят, с жиру бесятся. Главаря ихнего зовут Мустафой, но он вовсе не татарин, это его псевдуним, значит, кличка. Кто ему дал такую кличку? Позорит всех татар, сволочь! Ведь все принимают его за татарина... Смех берет, моя старуха аж пыталась пригласить его в гости, дура этакая! А он ей за это разбил кринку трехлитровую с молоком, да еще порвал платье... Тебя, говоришь, зовут Вачилием? Ясно. Значит, Вачка...

Рядом с Василием пристроилась женщина лет сорока плотного телосложения с двумя большими корзинами, в одной из которых были аккуратно уложены крупные куриные яйца, а в другую втиснуты куры.

— Долго не было парома, полтора часа ждала! — заговорила она, как бы оправдывая свое опоздание.

— Што толку-то! Мы давно сидим, никто еще не подходит, городские спят долго, не то что мы, — ответили Галим и Василий, дополняя друг друга.

Она, поставив на прилавок корзины, разулась и вытряхнула из лаптей речной песок, потом вынула из мешка ломтик домашнего ржаного хлеба с небольшим куском свиного сала и стала завтракать, чавкая, с аппетитом, как едят истинные деревенские жители. После нескольких приятных отрывков она подошла к стоянке повозок и с удовольствием, долго не отрываясь от ведра, напилась воды, оставшейся от лошади.

Время шло, но до Галима и Василия редко доходили покупатели, которые в основном вертелись на левом крыле, у самой дороги, где начиналась центральная улица города.

Василий с перепугу все чаще и чаще посматривал на высокий кирпичный забор, расположенный вдоль базара, и ему казалось, будто колонисты вот-вот спрыгнут с забора прямо на него.

Галим тоже беспокоился, но его двухметровый рост, а также царский крест, полученный на войне за храбрость, не давали ему права бояться каких-то пацанов.

— Ты не стесняйся, Галим, бери семечки, бери! Деньги отдашь опосля! — насильно высыпал Василий пять стаканов крупных каленых семечек, разделив их по двум боковым, объемистым, как мешки, карманам его пиджака.

— Бик ряхмат, бик! — поблагодарил Галим, от растерянности приняв Василия за татарина. — Спасибо, Васил, спасибо! — повторял многократно, исправляя ошибку.

Чтобы ответить добром на добро, Галим, подмигнув Василию, вынул из кармана припасенную для храбрости чекушку водки, которую они тут же распили без всякой закуски прямо из горлышка, глотая по очереди.

— Чистоган, прозрачный, как сляза! — похвалил Василий, побрякивая. — Такую мы пьем только на Рождество Христово и на Пасху. Денег нет, Галим... Прижимает нищета. У нас в основном жрут бражку, нам она по карману. В этом году дали по фунту на трудодень, и то один мусор. На шестьсот трудодней получили около десяти пудов ржи, а после сортировки остался всего один мешок. Если не свой огород, подошли бы с голоду. Каждый день варим по три чугуна картошки... Малость корова выручает, нынче летом дает по ведру молока в день. Налоги, Галим, налоги! Двести литров молока, сорок килограмм мяса, шкур, картошки, шерсти... Мы кур не держим, но каждый год приходится сдавать сто яиц! Ничего не поделаешь, покупаем на базаре... Вот я у той бабки возьму с полсотни, ежели продам семечки... Ещо придумали налог на овечье молоко, хе-хе-хе! Умора прямо. Попробуй надои овечку! Это тебе не корова и не коза. Лучше бы они обложили налогом коз. Налог-то придумали, а как доить овец, никто не знает, инструкции нет. У нас вся деревня мучается с этими бестолковыми овечками. Пущай корова глупая, но она сознательная и знает, що молоко нужно для важных государственных дел, потому сама подставляет сиську и недвижимо стоит во время дойки. А эти дуры овечки боятся щекотки. Ведь молоко-то не мне надо, а государству! Я бы плявать хотел на овечье молоко... Тошнит от него. Тьфу, будь оно неладно! На старости лет моя старуха стала одноглазая, овца копытом вышибла, скотина-бестолочь... Она-то ведь не

стоит, как корова, сперва ее надо уложить на землю. Нонче решили продать семечки и отдать деньгами. Возьмут ли еще, вот беда-то... А как, Галим, у вас там, как справляются с овечками бестолковыми? Ваш народ татарин хитрый — не то что мы, русские... Может, у вас там овечки сознательные, не то шо наши...

Василий, привыкший к слабой бражке, быстро захмелел от сорокаградусной заводской водки и, забыв обо всем, начал откровенничать. Разговор о налогах вовсе не нравился Галиму, и он был готов уйти, бросив связку лаптей и кринку молока. Он даже не поддакнул Василию ни разу, хотя в душе у него было то же самое.

«Зачем он подсел ко мне! — сожалел Галим, как только Василий заговорил о трудоднях и налогах. — Явно подлизывается, угощая семечками. Вот дурак же я, похвастался своим крестом. Это же царская награда! Все, погиб я! Пришел конец! Не Мустафа, так органы... На днях исчез Махмут, и никто не знает, где он. Ни ответа ни привета. Расстрел или «червонец». Вот влип! Может быть, заявить первым? Да, только это спасет меня, первым надо. Жалко старика, если он не сексот. Останется одноглазая старушка вдовой, а дети — сиротами. А ежели он негласный агент? Тогда я исчезну на днях, и моя баба останется вдовой с сиротами, у меня их пятеро... Десять лет пилить дрова в тайге — жик-жик, жик-жик. Без конца, с утра до вечера, каждый день десять лет. Мало кто возвращается оттуда. Это тебе не во дворе пилить дрова! Захотел — отдохнул, покурил. Зашел домой — чайку попил, поел досыта картошку горячую из чугуна... Нет, нет! Непременно заявлю после базара. В наше время никто не разговаривает так, а тут старичок из Отарки начал мне растолковывать, как доил овечек. Будто я мало мучился с этими овечками, будто в татарской деревне нет советской власти, будто у татар овечки другие. Слова-то какие у него — научные! Корова сознательная, а овца — нет... Наверняка сексот. Это точно! Сидел бы я тут, на базаре с пяти утра и торговал бы лаптями! Они мне самому нужны по горло, эти лапти-то... Али он дурак, али сексот! В таком случае, если он дурак, не посадят его из-за моего доносу: дураков не сажают, а секретного сотрудника тем паче. Через месяц-полтора я обязательно съезжу в Отарку, как бы повидать своего однополчанина Чтыпана, и заодно проверю Василия — дома он или лес рубит в тайге».

Не успел Галим ответить на вопросы Василия, из-за поворота появился Мустафа со своей компанией точно в такой же одежде, как описывала жена.

Намного стало тише, как только, заметив Мустафу, исчезла с базара часть покупателей. Но поросята, которые не знали о жестокости Мустафы, все еще визжали.

Колонисты остановились возле той краснощекой женщины, которая сидела рядом с Василием.

— Жора, сделай тишину! — приказал Мустафа.

— Есть! — ответил тот, как это принято отвечать в колонии, и торопливо пошел вдоль прилавка.

Прикончив первого попавшегося поросенка, он вернулся.

Третий колонист с кинжалом в руке медленно прошелся вдоль рядов и встал у левого крыла с тем расчетом, чтобы с базара никто не выходил не отдав ему деньги. «Кошелек или жизнь?» — повторял он периодически.

Многие начали мирно покидать базар и, слушая мудрый совет колониста, отдавали кошельки.

Мустафа не глядя достал яйцо из корзины краснощекой женщины и бросил его на землю. К несчастью женщины, оно оказалось тухлым и даже с почерневшим желтком. Главарь усмехнулся и покачал головой. Тогда Жора, чувствуя справедливость за собой, бросил еще яиц двадцать. Из них тоже некоторые оказались испорченными.

— Галим! Они ведь делают правильно... Молодцы ребята! Она же, стерва, хотела обмануть честный народ. Я, дур-рак, собирался еще взять у нее полсотни яиц для налога! Вот нечистая сила, на вид вроде порядочная баба, — шепнул ему на ухо Василий. — Снять бы ей штаны да почесать крапивой!

— Погоди, погоди, они еще доберутся и до нас, — ответил Галим шепотом, не поворачивая головы.

— А што мне-то! У меня зернышки первосортные, сам же только што хвалил! Пусть берут по стакану, мне не жалко. Молодцы ребята, выручили меня, а то бы я притащил домой пятьдесят тухлых яиц. Загрызла бы меня за это моя старуха...

Когда Жора начал опрокидывать наполненную яйцами корзину, женщина ухватилась за нее обеими руками, но он хладнокровно поднес свой остро заточенный нож к ее горлу, что вынудило ее полностью вытянуться и не дыша стоять по стойке смирно. При этом Жора спокойно, с ювелирной точностью, без всякой царапины на коже, разрезал ее сарафан и юбку вдоль всего тела.

Убедившись, что под платьем нет не только спрятанных денег, но даже лифчика и трусов, Мустафа скомандовал: «Брысь!»

Женщина со страха улыбнулась, исказив лицо, и рванулась, как спринтер, оставив корзины.

Не успела она пробежать и двух метров, как сползла с нее разрезанная юбка, и она вскоре скрылась за забором, на ходу прикрывая обеими руками оголенные места.

При этом каждый стоящий за прилавком старался улыбнуться так, чтобы заметил это Мустафа. А Василий хохотал до тех пор, пока не остановил его колонист Жора.

— Ну как, старик, где кошелек? — спросил он его, подходя поближе.

— Нет у меня кошелек, кошельков не держим, для этого есть карманы, но я еще ничего не продал... Берите по стакане, ребятки, очень вкусные, каленые! — пытался подать Василий переполненный семечками стакан. — Даю вам даром. Вы мне помогли, ребята, а то я чуть не купил у той стервы полсотни тухлых яиц. Спасибо, ребятки, с такими стервами только так и надо...

— Признавайся, где спрятал деньги! В мешке или в штанах? — допытывался Мустафа, держа кинжал наготове. Но крестьянские мозги Василия никак не могли понять, почему колонисты не берут семечки даже даром.

Жора разрезал мешок, стоящий на прилавке, и высыпал семечки. Кошелек не было. Пока Мустафа с Жорой наводили страх по всему базару, многие граждане успели уйти, отдав деньги третьему колонисту, который раньше стоял у выхода, а сейчас присоединился к своим.

— Скинь штаны! — крикнул Мустафа Василию.

Василий без пререканий снял свои залатанные штаны, которые держались лишь на одной обломанной пуговице, и оставшись в чем мать родила, жалостно смотрел то на колонистов, то на Галима.

— Што вы, шайтаны, издеваетесь над стариком! — заступился Галим. — Нет у него денег, он не продал еще ни одного стакана.

— Успокойся, деревня! Придет твоя очередь! — пригрозил Жора, удивленный непокорным его поведением.

— Ты у меня сейчас попляшешь, щенок! — показал Галим свой здоровенный кулак. — Кто только является вашим опекуном, я бы вас, бездельников, всех бы отправил в колхоз! Паразиты, там бы сразу стали людьми!

Третий колонист, у которого находились отобранные кошельки, чуя недоброе, без всякой команды бросился на Галима, вытащив кинжал.

Хотя Галим не знал ни одного приема самбо, все-таки одним ударом кулака повалил его на землю. Сумка с кошельками и кинжал отскочили в сторону.

В этот миг Жора поднял с земли сумку с кошельками и побежал.

Когда Галим пытался поймать убежавшего с награбленными деньгами Жору, Мустафа, подняв валявшийся на земле нож, воткнул его под левую лопатку Галима.

На базаре закричали перепуганные женщины, и на шум прибежал участковый.

— В чем дело, Мустафа? — спросил участковый официальным тоном. — Почему беспорядок? Я же предупреждал...

— Вот этот пьяный верзила начал избивать воспитанника нашей коммуны, а он, защищаясь, ударил его ножом... Какой здоровый детина, а дерется с малышами. Бессовестный! Тут поневоле стукнешь чем угодно...

Жоре удалось скрыться с награбленными деньгами, а Мустафа, вовремя спрятав свой нож, оказался рядовым свидетелем. Третий колонист неподвижно лежал у прилавка, а Галим — рядом с ним в луже собственной крови. Он пытался оттолкнуть от себя лежавшего у самых ног коммунара, но это оказалось невыполнимым желанием, ибо ноги, которыми он мог бы раньше отбросить этого пухленького мальчишка на десяток метров одним толчком, вовсе теперь не подчинялись ему.

Когда Галима укладывали на телегу, застланную свежей, только утром скошенной травой, он ощутил запах родной деревни, услышал мычание коров и фыркание лошадей, а потом, увидев Мустафу среди людей, толпящихся возле повозки, он хотел плюнуть в его лицо, но слюна не вылетела из его рта. Он ощущал, как сыпались на дно телеги крупные каленые, взятые у Василия семечки, предназначенные для детей, но, к сожалению, не мог шевельнуть пальцами. Кто-то копался в его карманах, и ему казалось, будто это Мустафа ищет в его карманах деньги.

Чья-то рука вытащила из его внутреннего кармана большой ржавый нож с грубо обработанной деревянной ручкой. Увидев участкового, Галим обрадовался и даже попытался сказать ему что-то, но телега уже тронулась, и он долго-долго смотрел на высокого одетого в форму блюстителя порядка с наганом на боку и стоящего рядом с ним коренастого Мустафу.

«Теперь крышка тебе, самозванец, не видать тебе базара больше! Получишь за это сполна... В лучшем случае десятку! Может, я еще не умру, но тебе уже не жить. Точка! Жаль, что я не увижу, как ты будешь строить соцгород... Твоя судьба решена, мало кто покрывает десятку. Сгноят тебя в тюрьме, бездельник несчастный...» — раскинул Галим мозгами по дороге в больницу, постепенно теряя сознание.

Ни колонисту, ни Галиму не потребовалось вмешательство врачей, их на этой же повозке увезли в морг.

Отправив пострадавших в больницу, участковый поспешил в отделение милиции, чтобы своевременно оформить протокол. Он задумчиво шел рядом с Мустафой и периодически поправлял кобурку, как бы подчеркивая важность этого дела, а за ними молча шагали свидетели — две насмерть перепуганные колхозные старушки с мешками, переброшенными через плечо.

«Мужика-то списать проще всего, а вот как быть с коммунарком? Это сложное дело! Закон требует перевоспитывать их, а не убивать, — тревожно подумал участковый. — Выходит, я нарушитель закона. Легче похоронить сотню мужиков, чем одного коммунара... Эти люди ценные. Хотя они безнадежно испорченные, но закон на их стороне. В прошлом году упрятали мужика на пять лет за то, что он отобрал у колониста нож и всего лишь побил его хорошенько... Завтра пойдем вместе с начальником на ковер. Хорошо, если только на ковер! Может быть хуже. Тогда прощай милицейский свисток!»

— Чего же ты не смог уберечь своего однокашника? — упрекнул он Мустафу после продолжительного молчания.

— Не успел я, товарищ участковый. Разве угонишься за ними в базарный день! Я как раз и шел туда, чуял сердцем недоброе... Дядька-то ведь какой здоровенный, мог бы и меня прикончить! У него уж торчал нож в спине, но он все еще бил нашего, я их еле разнял... Не вру я, вот старухи скажут, они все видели.

До смерти напуганные старухи кивком головы поддержали Мустафу.

Участковый облегченно вздохнул, ибо показания Мустафы так логично были придуманы, что составить протокол по данному делу не представляло никакой сложности.

Они шли медленно вдоль центральной улицы города, в конце которой, почти у самой реки, располагалось отделение милиции. А горожане толпами, как в большой праздник, стояли на белом каменном тротуаре, проложенном кем-то еще задолго до революции, и горячо благодарили участкового за проявленную смелость при задержании опасного преступника.

— Молодец он все-таки, зря люди обижаются на него! Мустафу поймать не так-то просто, тем более вести в милицию. Давно бы пора пресечь это безобразие! А то ведь страшно было выходить на улицу, не то что идти на базар. Пришел конец чумазому татарину! — рассуждали они храбро.

Местные хулиганы и воры рассчитывали «завязать» свои черные дела на несколько дней, чтобы в эти дни не попасть в КПЗ вместе с Мустафой.

Этот долгожданный день горожане отметили как всенародный праздник, свободно, без оглядки прогуливаясь по всем уголкам своего маленького городка.

После официального допроса следователя райотдела НКВД и оформления протокола, где показания всех трех свидетелей совпадали полностью, участковый отвез Мустафу в колонию, прежде отпустив основных свидетелей — двух старух на все четыре стороны.

Мустафа-спортсмен

Придя в колонию, Мустафа срочно нашел Жору и, подробно разъяснив обстановку, приказал ему собрать через полчаса всех подпольных командиров низовых звеньев на волейбольной площадке спортивного зала.

Отправив Жору, он лег на койку и обдумывал положение. Такая мирная жизнь, которую он намечал установить на некоторое время, не устраивала большинство колонистов, за исключением горстки больных, слабых и замкнутых индивидуалистов.

«Лучше сидеть в тюрьме, чем жить так!» — рассуждал сам Мустафа. Поэтому он на это скучное для них время предусмотрел бесшумную подпольную работу. В первую очередь, по его мнению, надо было «убрать» толстяка, которого прислали на место недавно изнасилованной и убитой Зои. Затем — заставить администрацию колонии поставить памятник на могиле Зои и выделить ответственных коммунаров по уходу за ее могилой. Мустафа твердо знал, что последний пункт этих мероприятий начальству даже понравится.

Полежав с полчаса, Мустафа встал, надел свой шерстяной спортивный костюм и несколько минут постоял перед зеркалом, поглаживая глубокий шрам на правой щеке, полученный еще в детстве в другой колонии. Тогда его чуть не убили разъяренные мужики, но коммунары прикончили их и бросили в реку на корм голодным ракам.

К приходу Мустафы спортивные команды были уже в сборе, запасной игрок стоял у двери на «шухере». Мустафа поздоровался за руку лишь с некоторыми из них и поднялся на

судейский пятачок, смонтированный на штанге волейбольной сетки. Все притихли. Воспользовавшись тишиной, Мустафа окинул взглядом всех игроков с ног до головы, как высокопоставленный военачальник на смотре войск.

— Жора! Почему Крючок не в форме, загнал, что ли, костюм? Бегом переодевайся! Через пять минут сюда, одна нога здесь, другая — там! — открыл Мустафа экстренное подпольное совещание активистов. — Сегодня на базаре убил деревенский мужик нашего друга. Чтим память коммунара минутным молчанием.

— Шухер! — крикнул Жора через несколько секунд, приняв условный сигнал от запасного игрока.

Мустафа поднял правую руку, что означало: «Команды — на исходную позицию».

Активисты, мигом разделившись на две команды, начали играть в волейбол.

С зажатым во рту милицейским свистком Мустафа с азартом следил за игрой.

— Один-ноль, мяч направо! — судил он, как бы не обращая внимания на вошедших в спортзал директора колонии и дежурного воспитателя, которые, стоя в стороне, с интересом наблюдали за ходом игры.

— Получается неплохо! Может быть, нам сколотить сборную команду во главе с Мустафой и пустить ее по всему району, а? — заметил директор колонии после некоторого наблюдения.

— Пожалуй! Мустафа способен организовать массу на любые дела. Как видите, без всяких указаний сверху он сегодня организовал превосходное соревнование. Причем все коммунары одеты по форме. Честно говоря, наш уважаемый физрук вряд ли мог бы собрать их здесь в базарный день! — поддержал дежурный мнение директора, поправляя нарукавную красную повязку.

— Это дело полезное, надо будет посоветоваться с Мустафой, — решил директор, уходя из спортзала.

Весь этот разговор директора колонии с дежурным был подслушан запасным игроком, который крутился возле начальства, делая вид, будто надувает запасной мяч, и сразу же передан Жоре. А он, с некоторым сокращением из-за зависти, тут же передал его Мустафе.

Прервав игру, Мустафа продолжал давать указания:

— Передайте остальным! В течение месяца в город не выходить, на базаре не появляться, ножи спрятать в надежных местах. За нарушение режима, знаете, вышка! На некоторое время уходим, так сказать, на дно... Игра наша понравилась начальству. Молодец, Коряга, все подслушал, годишься для разведки... Но, находясь в подполье, мы должны без шума убрать толстяка. Кто возьмется за это? Я хотел проверить все сам, но мне придется договориться с директором насчет памятника на могилу Зои.

Убрать толстяка согласились все, поднимая руки.

— Ну, кого пошлем, Жора? — посоветовался Мустафа со своим верным помощником и дал команду опустить руки.

— Пусть идет Хрящ, он работает чисто.

— Согласен! — ответил Мустафа. — Чтобы не было шума. При малейшем скандале — «кэх» самого! — провел он рукой по своему горлу. — Все на этом, по местам!

Игроки быстро разошлись, и Мустафа с Жорой шли вдвоем, медленно катая мяч по земле, как спортсмены высшей лиги после изнурительной тренировки.

— Чего это ты затеял памятник, Мустафа? — заговорил Жора. — На кой она нам, эта девка! Лучше бы поставить памятник Грачу, он все же наш брат...

— Тупой ты, Жора, как пробка! Тут тонкое дело. Начальство никогда не согласится ставить памятник Грачу! А если мы поставим его самовольно, то выдадим самих себя. Выходит, что мы потакаем убийце! Ухаживая за могилой Зои, мы войдем в доверие, будто, значит, поддаемся воспитанию ихнему... А Грача я сам бы убил, если бы он не удрал, у меня с ним особый разговор. Понятно?

Воспитатель по кличке Толстяк, по сообщению его жены, не вернулся с воскресной рыбалки. Через некоторое время на его место пришла тридцатилетняя беременная женщина, которая продержалась совсем недолго.

Директор колонии подозревал кое-кого, но не придавал этому значения, поскольку все случаи произошли где-то вне колонии. Он сам побаивался Мустафы, поэтому в кармане всегда носил наган, а ночью клал его под подушку.

«Надо любой ценой направить организаторский талант Мустафы в полезное русло, в этом и смысл выполнения поставленной задачи... А что если подсунуть ему красивую девицу? Не сделает ли она переворот в его душе, а он, в свою очередь, переворот во всей колонии?.. Вот было бы здорово! Надо воевать с наименьшими потерями, в этом суть моей тактики. Кругом Макаренко да Макаренко! Везде шумят о нем, на всех конференциях. Я превзойду его!» — философствовал он после многих бессонных ночей.

Многokrатно взвесив плюсы и минусы своей идеи, директор изложил ее вкратце и в очень осторожной форме первому секретарю райкома, который обещал поддержать его в решении этого актуального вопроса.

Подбор кадров

Не прошло и месяца, а подходящая кандидатура, которая могла бы претворить в жизнь идею директора, сидела уже в кабинете, внимательно слушая наставления директора колонии.

— Мы выполняем трудную и ответственную государственную задачу, которая состоит в перевоспитании испорченных, морально уродливых, не знающих ничего, кроме преступлений, мальчиков. Словом, сделать их настоящими строителями самого передового общества в мире. Наша школа особая, и мы принимаем сюда не всякого учителя. Вот уже в течение трех месяцев пустовало ваше место, и за это время ко мне обращалось человека четыре. Один из них был тоже с направлением, но, несмотря на это, я отказал ему... На мой взгляд, вы сможете работать у нас. Чего стоит одна ваша улыбка! Разве я могу им нравиться так, как вы?! Безусловно, нет. Они меня могут лишь уважать как директора, а вас плюс к тому же — и любить. Любовь — это великая сила, которая может свернуть горы. Я уверен на сто процентов, что они вас полюбят. Для этого у вас есть все данные. С такой внешностью, Катенька, вас не только мои мальчики, но и городские полюбят. Я даже боюсь, не пересолить бы нам! Если Мустафа будет сильно ревновать, он испортит все. Тогда мы, как говорится, получим обратный эффект. Ревность — это тень любви, но только до определенной степени! Когда ревность переваливает критическую точку, она превращается в ненависть. Некоторые женщины очень ловко используют ревность для поддержания любовного баланса в семье... Извините, Катюша, что я вам рассказываю про любовь, но...

— Большое вам спасибо, Иван Иванович. Очень кстати такой разговор. Педагог должен знать об этом больше, чем кто-либо. Кто же мне расскажет про любовь, если не вы? Вы и подходите как раз с практической точки зрения, жизненной, не то что влюбленные мальчики! Они говорят совсем не о том. Родители тоже не говорят о любви, стесняясь своих детей. А деревенские люди вообще умалчивают...

— Мы вам поможем всячески, Катюша. В первую очередь положитесь на меня. Кстати, вы умеете обращаться с наганом? Наверняка нет! Наша школа специальная, и иногда приходится брать с собой наган. Вот у меня он и сейчас в кармане. Пустяки, стрелять вы научитесь буквально за три дня. Это вам даже понравится. Вся сложность, Катенька, заключается в том, чтобы перетянуть на нашу сторону главаря колонии и сделать его командиром. Кличка его Мустафа, может, даже слышали, в городе его знают больше, чем председателя исполкома, и боятся сильнее, чем начальника милиции. А по анкетным данным он Клоков Николай Иванович, ему уже шестнадцатый год. Вообще-то он неплохой парень, главное, он обладает большой организаторской способностью и фактически держит в руках всю нашу школу. Иначе говоря, мы будем руководить колонией через Мустафу, официально назначив его командиром. Да, чуть не забыл предупредить вас! Он любит, когда его зовут Мустафой, и терпеть не может свою фамилию... Основные вопросы, более сложные, вы будете решать совместно с Мустафой. Практически вы станете неофициальным директором этой школы. Если сумеете наладить воспитательную работу, то перед вами откроются широкие перспективы. Со временем станете настоящим директором либо здесь, либо где-нибудь в другом районе... Все в ваших руках, Катя. Честно говоря, я вам просто завидую. Вы имейте связь только с ним, он непременно вас полюбит. Правда, они у нас грубые, не умеют обращаться с девушкой по-нормальному, бросаются в крайность — насилие. Даже у меня, старого педагога, это не укладывается в голове. Если вы позволите сближение с другими, то Мустафа этого не потерпит. Если вы покорите Мустафу, вам наган не потребуется никогда. Но до этого нужно носить наган для самообороны. Вы очень привлекательная, и поэтому в первое время могут быть всяческие попытки. В случае нападения или угрозы сначала стреляйте в воздух, предупреждая преступника. Если это на него не повлияет, то стреляйте прямо в него, но старайтесь не убивать, они, коммунары, у нас на строгом учете... Да, совсем забыл! В течение трех дней мы с вами будем тренироваться в тире милиции до тех пор, пока вы не научитесь обращаться с оружием и метко стрелять. Там же я вам покажу основные приемы самбо. Это приемы самозащиты без оружия, когда нападают с оружием на тебя... Квартира для вас уже готова, хозяйка будет содержать вас без всякой платы, включая и питание... Я позаботился заранее обо всем, чтобы вся ваша физическая энергия использовалась для выполнения важной государственной задачи, а не для домашней работы... Разговор наш, Катенька, должен остаться между нами, этого требует специфика нашей работы.

Директор решил проводить Катю до ее квартиры. Он шел медленно, растягивая удовольствие, и свободной от чемодана рукой слегка, как бы нечаянно, прикасался к ее обжигающим пальцам. Даже от

такого легкого прикосновения он ощущал прилив крови и решил бы на все, если бы не эта государственная задача, которая отодвигала на второй план даже самые прекрасные личные интересы.

Побыв с Катей минут двадцать в ее уютной, чисто убранной комнате, директор в превосходном настроении ушел домой.

«Что со мной творится! Я стал совсем мальчишкой. Еще несколько минут, и я бы испортил весь наш план! Лишь бы не споткнуться, лишь бы! — разговаривал он сам с собой по дороге. — Макаренко да Макаренко... «Флаги на башнях». Попробовал бы он здесь водрузить эти флаги, посмотрел бы я на него... Там для него созданы все условия, и головорезы не те. Не знаешь, где и когда тебя прикончат. Убить человека для них составляет истинное удовольствие. Мой предшественник, говорят, висел прямо в кабинете. А сколько уже исчезло воспитателей! Не верю я, чтобы из этих бандитов вышли люди. Может быть, единицы. Преступность у них в крови, они прирожденные преступники. Не могут они жить по-человечески, на воле! Устраиваешь его по достижении совершеннолетия на порядочную работу, предоставляешь жилье, о чем нормальные люди только мечтают, но через месяц-полтора он совершает убийство или ограбление. Среди всех воспитанников нашей школы мы не можем набрать столько порядочных людей, сколько уже потеряли своих воспитателей, стараясь делать доброе дело... Нет, нет! У нас теперь будет переломный момент. Катя — это сила! Если женской лаской действовать целенаправленно, то она пробьет любую броню. Катюша — это наша надежда, наше изобретение, с такой красотой она просто лазерная установка, для которой практически нет никаких преград. Куда им, этим соплякам, тягаться с ней! Погоди, погоди. Может быть, женскую красоту и ласку понимают только нормальные люди, а на морально уродливых она, возможно, совсем не подействует. Ну что же, педагогу эксперимент необходим, как хлеб. Лучше пожертвовать одной красавицей, чем потерять еще многих! Кто знает, может, Мустафа ей тоже понравится. Тогда о моем эксперименте можно будет написать популярнейший роман, получше «Педагогической поэмы» Макаренко. Вообще-то он внешне выглядит неплохо, особенно на волейбольной площадке. А шрам? Пустяки! Ведь многие утверждают, что шрамы украшают мужчин, так же как украшают женщин любовные синячки. Ничего, и на нашей улице будет праздник. Я еще переплуну Макаренко! В худшем случае мое имя будет вторым после него... Катюша, родная! Не подведи ты уж нас. Ты должна совершить революцию в перевоспитании испорченных, защитить нас и наших детей своим маленьким хрупким телом».

И во сне Мустафа

С мыслями и надеждами насчет предстоящих успехов директор пришел домой.

Жена в это время старательно готовила ужин, а единственная шестнадцатилетняя его дочь Наташа, которую он, здороваясь, назвал по ошибке Катюшей, продолжала лежать на диване, увлекшись каким-то интересным романом. «Какая она уже спелая, еле умещается на диване! — подумал Иван Иванович, впервые обратив внимание на ее широкие бедра, охватившие всю ширину дивана. — Не переживу я, если она станет жертвой колонистов».

Быстро раздевшись, он достал из шкафа бутылку коньяку и выпил свою постоянную вечернюю дозу. Обычно коньяк разряжал его нервную систему, и он, как правило, спал до утра крепким здоровым сном на своем отдельном диване с заряженным наганом под подушкой. Но сейчас он был готов выпить всю бутылку.

— Сегодня можно! — уговаривал он жену после второй рюмки, когда она пыталась убрать бутылку со стола. — Я принял на работу новую воспитательницу...

— Наверное, опять беременная! Там только и работать беременной женщине, уж наверняка родит преждевременно!

— Нет, нет! Ей еще далеко до беременности, она даже еще не женщина... Прекрасная восемнадцатилетняя блондинка, немного похожая на Наташу... Сейчас только я ее проводил домой. Через несколько дней я вас с ней познакомлю обязательно. Мне она понравилась... С вашего позволения я ее приглашу в воскресенье на обед... Как? За такую можно, выпьем за нее! — предложил он тост.

— Убьют бедняжку твои бандиты, лучше не знакомь, жалко будет хоронить... А то, может, исчезнет, как другие, — ответила жена, выпив глоток.

— Нет уж, милая, быстрее убьют меня, чем ее. Вряд ли чья-то рука поднимется на такую красавицу! Таких в городе у нас нет. Она не умирать поступает к нам, а работать, выполнять важную государственную задачу. Она наша надежда... И не только наша, но и ваша! — улыбнулся он, показав на жену и дочь пальцем, после очередной опустошенной рюмки.

Одновременно обняв обеих, он поцеловал каждую в лоб и, удобно устроившись на своем диване, вскоре захрапел. Но минут через десять Иван Иванович уже оказался в колонии.

...«Встать, суд идет!» — скомандовал Мустафа, сидя рядом с Катей за директорским столом в окружении нескольких колонистов, вооруженных ножами. Весь коллектив воспитателей расположился на стульях и табуретках. Иван Иванович сидел на скамье подсудимых. Стояла тишина.

«Мы, колонисты, давно уже присудили всех вас к смертной казни. Наиболее тяжкое наказание выпало на долю директора, потому что он знает больше, чем кто-либо из вас, о наших преступлениях, получает много и отвечать должен соответственно, — продолжал Мустафа с необычайной для него эрудицией. — Катю мы трогать не будем, ибо она еще не грешна. Вы давно уже приговорены к смерти, но я собрал вас лишь затем, чтобы растолковать вам о ваших преступлениях. Занимаясь, казалось бы, важным и почетным делом, многие из вас неосознанно, не зная того сами, совершают преступление. Единственное ваше спасение — это увольнение с работы, но от этого никому не станет легче — на ваши места придут другие... Мы убиваем виновных и невиновных, грабим богатых и бедных — на то мы и преступники. Мы испорченные и неисправимые. Нас испортила эпоха. Зря вы пытаетесь перевоспитать нас. Мы сильные и храбрые люди. Никто из нас не боится ни тюрьмы, ни боли, ни смерти. Мы ежедневно встречаемся со смертью, мы играем с нею. Многие из нас давно уже заслужили казнь, но никто почему-то нас не казнит. И в этом заключается ваше преступление. По сравнению с нами вы несколько иные — трусливые преступники. Других вы убиваете, а сами боитесь смерти. Правда, вы убиваете не своими руками, а нашими. Грабите тоже не меньше, чем мы! Преступление ваше заключается в том, что вы, работая здесь, всяческими путями прикрываете нас от народного гнева. Если бы вы не защищали нас, то давно бы нас горожане стерли с лица земли... А сколько вы уже потеряли своих коллег? Вы же прекрасно знаете, что с ними произошло! Молчите, утешая себя тем, что, мол, их убили за какие-то грехи, а мы, мол, хорошие и нас не убьют. Все вы пойдете за ними, а с директора спрос еще больше. Мы убьем не только его самого, но и всю его семью. На глазах у директора обесчестим дочь, которая выпадет кому-то из нас по жеребьевке. С беременными будем поступать так же, как с той упрямой женщиной. Мы ее предупредили трижды, чтобы она уволилась, но она слушать нас не хотела... Если бы сейчас напали на нас горожане, то вы наверняка защищали бы нас, стреляя в них. Вы получаете льготные зарплаты фактически за воспитание и обучение преступников. Разве это не ограбление честных людей? Вы лгуны и лицемеры!»

Директор ерзал на скамье подсудимых, мокрая рубашка прилипла к горячему телу. Воспитатели периодически посматривали на его вспотевшее лицо с осуждением, как бы обвиняя его в том, что он их принял на работу в колонию. Мустафа уже не говорил, а тихим голосом совещался с окружающими его колонистами.

Воспользовавшись моментом, директор незаметно кончиками пальцев правой руки добрался до нагана, лежащего в кармане. Мокрый от пота палец скользил по курку, и он его взвел лишь после третьей попытки. Шли драгоценные для него секунды. «Если бы сейчас успеть застрелить Мустафу, то остальные колонисты, может, разбегутся в панике. Плюс к тому же в барабане останется еще пять патронов... На всякий случай один патрон нужно оставить для себя... Пуля лучше, чем веревка, — подумал директор, все больше и больше вытягивая наган из кармана. — Какой он тяжелый, не меньше полпуда, а то и больше, а ведь по инструкции должен весить всего около килограмма. Черт, опять ушел на дно кармана! Рука потная, вытереть бы руку чем-нибудь... Лишь бы Мустафа не повернулся, тогда все — отберет наган, и баста. Вот, вот он наконец, ухватил я тебя всей рукой, не ускользнешь больше!!! Какой тугой стал спуск, почему-то я раньше не замечал этого, хоть нажимаю двумя пальцами... На, получай! Давно ты заслужил пу-лю».

Около двух часов ночи в квартире директора колонии раздался глухой одиночный выстрел. Вскочившие с постели жена и дочь несколько минут безуспешно пытались остановить кровотечение, а потом побежали звать на помощь соседей. Минут через двадцать труп директора увезли на лошади в больницу.

Самоубийство всегда оптимистически настроенного Ивана Ивановича оставалось для многих жителей города настоящей головоломкой. Жена покойного и некоторые слои районного начальства грешили на Катю, с которой он вчера вечером прогуливался по улицам города, провожая ее на квартиру. Именно по этой причине рано утром, в день трагической смерти директора колонии, Катя находилась в кабинете следователя на официальном допросе.

— Как мне известно, гражданка Сидорова, вы вчера поступили на работу в детскую колонию на должность воспитательницы. В вашем заявлении и направлении имеется резолюция директора, который сегодня, около двух часов ночи, покончил жизнь самоубийством у себя на квартире. Поскольку вы вчера с

18 до 19 часов гуляли с ним по городу, а потом пригласили его к себе на квартиру, то наверняка знаете кое-что и сможете помочь нам раскрыть тайну этой трагической смерти.

От волнения и стыда Катя не находила себе места и непрерывно мяла дрожащими мокрыми пальцами свой маленький носовой платок, пытаясь успокоиться. За это время следователь, прохаживаясь по комнате, изучал Катю с головы до ног и был внутренне раздражен не меньше, чем голодный пес перед не доступным ему куском мяса. «Из-за такой птички можно и застрелиться», — подумал он, от души завидуя покойному директору.

— Вовсе он не гулял со мной, товарищ следователь, а просто проводил меня на квартиру! — начала Катя отвечать со слезами на глазах. — Я ведь приезжая и не знаю расположения улиц... А в комнате он побыл минут двадцать, клянусь своим комсомольским билетом! Уходя, попросил, чтобы я сегодня в девять утра пришла в тир на тренировку... У него было прекрасное настроение, и я никак не могла подумать, что он способен на такое... Вы, наверное, шутите, шутите... Я не верю...

— Не притворяйтесь, гражданка Сидорова! Я кое-что вижу по вашим глазам. Очевидно, это вы довели его до отчаяния... Шантаж или угроза! Вот, возьмите направление на судмедэкспертизу и придете ко мне в четырнадцать ноль-ноль. Не задерживайтесь, вас пропустят без очереди.

Принудительная судебно-медицинская экспертиза еще больше усугубила положение Кати, и разговоры о таинственной смерти директора, ходившие до сих пор как необоснованные сплетни, стали теперь более конкретными. Ссылаясь на факт направления Кати на медэкспертизу, во всех городских учреждениях говорили, не стесняясь, о том, что будто бы директор вчера вечером изнасиловал новую воспитательницу, угрожая наганом, и ночью сам застрелился, испугавшись предстоящих неприятностей.

Жена директора тоже не могла уверенно отрицать эту версию, хотя для нее это было тяжелым ударом.

Даже врачи, лично убедившись в отсутствии на ее теле каких-либо следов насилия и в том, что Катя еще никем не тронутая девушка, рассуждали, будто сначала он пытался использовать ее, а после неудачи застрелился от стыда.

Истинную причину трагедии никто не знал и не хотел знать, ибо самоубийство известного прекрасного семьянина этого города из-за молоденькой, годящейся ему в дочери учительницы выглядело более драматическим, чем все остальные мотивы, которые могли бы привести к смерти директора.

Эксперимент

Первого секретаря райкома вопрос самоубийства волновал не меньше других, так как еще месяц назад он был ознакомлен с ближайшими планами директора колонии. Но его самоубийство, совершенное именно тогда, когда появилась практическая возможность осуществить эти планы, для секретаря стало тройной загадкой. Поэтому он немедленно позвонил начальнику милиции, прося срочно доставить Катю в райком с материалами допроса. О результатах медэкспертизы секретарь был информирован несколько раньше.

Через десять минут после телефонного звонка Катя уже сидела в кабинете первого секретаря. Вытащив из папки медицинскую справку, в которой было исчерпывающее опровержение всех ложных слухов, секретарь вежливо улыбнулся и отдал ее Кате, а папку с материалами допроса вернул следователю, прибывшему вместе с Катей, и велел аннулировать.

После ухода следователя, которого она уже успела возненавидеть за несколько часов допроса, Катя зарыдала. Она плакала без всяких слов, не зная, как благодарить секретаря, ибо он для нее в настоящий момент был самым смелым, благородным и умным человеком. А секретарь с удовольствием любовался ее красотой и намеренно не мешал ей плакать.

«Даже в таком духовно убитом состоянии и со слезами на глазах она выглядит прекрасно. Ей, кажется, даже идут слезы! — подумал первый секретарь, перелистывая между тем ее личное дело. — Пусть поплачет. Слезы — это растворенные нервные клетки. Пожалуй, у меня в районе нет такой красавицы. Может быть, взять ее к себе машинисткой? Нет-нет! Пусть идет туда, по своему назначению, на передовой край. Ее уже консультировал покойный директор, и она знает свою задачу. Это очень ценно. Когда еще придет в голову новому директору такая идея? И придет ли вообще?.. Не могу же я, первый секретарь, предложить ей сам идею покойного директора!»

— Значит, Катюша, вы согласились работать в этой необычной школе? — спросил он, снимая очки, когда она успокоилась немного.

— Вчера я согласилась, но сегодня я уже не знаю, что делать... Директор со мной долго беседовал, раскрывая тончайшие стороны моей будущей профессии. Кстати, он велел мне прийти сегодня в девять

часов утра в тир на тренировку. А сам взял да застрелился ночью. У него было прекрасное настроение, намного лучше, чем у меня. Я жива, а его уже нет... Вот дела-то...

— Вы уж извините, Катюша, что ваш первый рабочий день в нашем городе начался в кабинете следователя. Между нами говоря, они часто перегибают палку... Нашли с кого начать, даже завели уголовное дело!

При этих теплых словах первого секретаря Катя несколько раз всхлинула, держа в руке наготове свой мокрый носовой платок, и у нее уже пропало желание навсегда уехать домой, о чем мечтала всего лишь час назад у следователя. Она вспомнила больного отца и истощенную мать, которые учили ее много лет, голодая сами.

— Не расстраивайтесь, Катя! Я уже наказал следователя за перегиб, — успокаивал ее секретарь. — Мне понравилось ваше личное дело. Вы из порядочной семьи, с отличием окончили педагогическое училище и, главное, комсомолка. А комсомол у нас всегда на переднем крае! Вас вчера уважаемый Иван Иванович принял на работу. Мне кажется, вы питали к нему какую-то симпатию, а он вас тоже уважал и, вероятно, надеялся на вашу успешную работу. Но его сегодня уже нет! На должность директора в преподавательском коллективе колонии нет подходящей кандидатуры. На мой взгляд, Екатерина Петровна, вы самая лучшая кандидатура. Как говорится, молодая, растущая. Как, а? Пускай вас не пугает такая высокая должность... Ответственности тоже не бойтесь, будем вместе работать и отвечать тоже. Мы это, Катюша, сделаем несколько иначе. После назначения на пост директора в тот же день отправим вас на месячные курсы, оттуда вы вернетесь настоящим Макаренко. Таким образом, во время учебы у вас сохраняется директорская зарплата, плюс к тому же выпишут вам на целый месяц командировочные. Пока вы на курсах, выделим вам отдельную квартиру, можете вызвать своих родителей. Как я вижу по личному делу, они у вас одинокие... А что касается трудностей в работе, то мы обязательно поможем. Лично я в беде вас не оставлю... Ну как, Катюша, рискнем, а?

— Спасибо вам, Олег Егорович, я очень тронута вашим вниманием и заботой вашей. Все как во сне... Оказывается, мир не без добрых людей. Всего полчаса назад я была подследственной, а тут сразу же директор. Голова даже закружилась. Вдруг я не сумею оправдать ваше доверие? У меня ведь нет опыта работы. Что же, раз надо — значит надо! Вам виднее, наверное...

— Вот и хорошо, Катюша. Очень даже хорошо! Вы забудьте раз и навсегда об этом глупом следствии. Вы устали, и вам следует хорошенько отдохнуть. Можете сообщить родителям, что назначены директором школы, только не пишите о колонии, это не полагается... Направление на курсы, зарплату и командировочные получите завтра утром в роно. Я об этом позабочусь. А завтра после обеда я еду в обком, и вы можете тоже ехать со мной... Кстати, запишите мой адрес и телефон, я разрешаю вам звонить мне в любое время суток. Вопросы будут? Значит, до завтра, Катенька...

— До свидания! — попрощалась Катя, улыбнувшись, и пошла по мягкой длинной ковровой дорожке.

Она шла медленно, и ему казалось, будто Катя вот-вот остановится у двери и наотрез откажется от его тщательно продуманных планов и заманчивых предложений.

«Неужели и она не покорит этих разбойников?! — задумался первый секретарь райкома, прикуривая папиросу. — Женская красота — это могучее оружие... Сколько мужчин сложили головы за нее! И какие ведь были загублены таланты! Красивая женщина может заставить мужчин совершать какие угодно преступления. А почему же нельзя добиться обратного, используя эту могучую силу? Посмотрим, время покажет...»

...Незаметно прошел месяц, и Катя успешно окончила курсы. Ее захватил попутно начальник райотдела милиции, возвращаясь из областного совещания. В полувоенной дамской форме она выглядела немного старше своих лет и держала себя несколько строже, чем раньше. То ли боясь ее строгости, то ли первого секретаря, начальник милиции всю дорогу молчал, хотя с удовольствием на поворотах прижимался к ней, охотно пользуясь центробежной силой, и не отводил глаз от ее красивых ног.

«Интересно, — размышлял начальник. — Я ее почти обнимаю! От такого красивого тела меня отделяют только миллиметры, но оно доступно только моим глазам. Если бы на моем месте сидел зэк! Да, зэки лишены даже этого элементарного удовольствия. Не дай бог! Там орудуют садисты», — с отвращением вспомнил он лагерь заключенных, где служил когда-то сам.

— Вот вы и дома! — остановил он машину возле двухэтажного кирпичного дома. — Да, чуть не забыл передать вам ключ от новой квартиры. Держите! Поздравляю вас с новосельем! Правда, такие вещи делаются торжественно. Ничего, как-нибудь сообразим в другой раз. Дайте мне чемодан, а сами возьмите портфель, пойдете!

— Спасибо! — поблагодарила она, шагая рядом.

Квартира, выделенная ей в старинном купеческом доме, состояла из одной большой комнаты, полутеплого туалета и кухни. Как и во всех домах этого города, здесь тоже не было коммунальных удобств, кроме телефона и радио. На столе стояла ваза с большим букетом свежих цветов. «Не забывает первый!» — подумал начальник милиции, прощаясь с Катей.

Через несколько минут она позвонила и сообщила о своем приезде первому секретарю райкома, который в тот же день вечером зашел к ней с бутылкой шампанского, тортом и еще какими-то свертками.

— Рад вас видеть снова в нашем городе! — обнял ее секретарь, войдя в комнату. — Здравствуйте!

— Я уже соскучилась по вас, Олег Егорович, — прижалась она к нему.

Обменявшись рукопожатием и поцелуями, они сели за стол, переставив букет цветов на широкий подоконник.

— Поздравляю вас с успешным окончанием курсов! — предложил секретарь райкома первый тост.

— Спасибо! — ответила Катя, поднимая бокал. — Я вам очень благодарна, Олег Егорович! — продолжала она, отпив несколько глотков шампанского. — Ведь я твердо решила уехать домой после самоубийства Ивана Ивановича. Теперь совсем другое дело, и не собираюсь я никуда... Курсы окончила с похвальной грамотой! Больше всего мне понравилась стрельба, Олег Егорович, теперь я ворошиловский стрелок, выполнила даже норму третьего разряда! Начальник курсов обещал мне прислать сюда дамский пистолет для меня. Никогда не думала, что буду работать с пистолетом! Ешьте, Олег Егорович, ешьте... сама испекла только что, ведь я деревенская, умею кое-что...

— С вашего разрешения я закурю, Катенька.

— Хочу выпить за вас, Олег Егорович! — предложила Катя очередной тост. — За вашу доброту, что сделала меня человеком. Я в долгу не останусь!

— Спасибо, Катюша, за признание! — улыбнулся секретарь, закусывая торт. — От руководителя зависит очень многое. Ваш предшественник, по сути дела, был неплохим директором, но любил либеральничать. Очевидно, эта слабость погубила его. Кстати, во время своего последнего ужина он выпил несколько рюмок коньяку и весь вечер расхваливал вас за столом, как влюбленный. Конечно, вас не любить практически невозможно, но почему он об этом рассказывал жене и дочери? Это мне совершенно непонятно... Вас спасла лишь медицинская экспертиза, иначе бы и я мог подумать черт знает что... Теперь все в порядке, и вас никто подозревать не может... О! Мне пора, Катенька! — начал он собираться, взглянув на часы.

После ухода секретаря райкома Катя сразу же легла спать, но не могла заснуть. «Почему он не остался, хотя бы на пару часов? — ломала она голову. — Неужели я не нравлюсь ему? Наверное, его пугает моя «девичья» медицинская справка... Плевать на девственность, я бы не стала упрекать его. Иногда нам, девушкам, приходится отдаваться совсем бесполезному человеку, а он сделал мне столько добра! Может быть, у него импотенция? Тогда почему же он поцеловал меня в губы, назвал красавицей? Наверняка потом будет жалеть, а сейчас ушел, бесчувственный... Добрый, но трусливый».

Хотя Катя оказалась самой младшей по возрасту в своем коллективе, но обращалась с подчиненными строго и умело. Эти качества требовательного руководителя она приобрела на курсах, на которых не учился ни один из ее подчиненных.

Дамский пистолет, постоянно находящийся в специальном кармане в вырезе на юбке, имел также немаловажное значение. Благодаря ему она смело и уверенно держала себя в разговоре с колонистами. В городе шел слух о том, будто Катя — любовница первого секретаря райкома, и этот ложный слух тоже ощутимо помогал ей в работе. Куда бы она ни обращалась по хозяйственным или финансовым нуждам колонии, ее поддерживали везде и всюду.

Воспитатели колонии слушались свою новую директрису беспрекословно, боясь впасть в немилость к первому секретарю. Катя часто ходила в райком и много раз разговаривала с Олегом Егоровичем по телефону, советуясь с ним по самым различным вопросам. Хотя хозяйственные и другие сложные вопросы колонии разрешались теперь без особого труда, но все еще со стороны колонистов продолжались базарные и другие инциденты.

Мустафа — подкаблучник

Однажды после уроков Катя на некоторое время задержалась в классе, составляя план политических занятий на следующий месяц. Вдруг резко открылась дверь и в класс ворвался Мустафа. Обычно в таких случаях воспитатели звали на помощь или убегали через окно, потому что Мустафа в одиночку так просто не приходил.

Катя хладнокровно сидела за столом и медленным движением приводила пистолет в боеготовность, делая вид, что поправляет помятую юбку. Мустафа стоял у двери, ожидая, когда она закричит или удерет через окно. Но Катя все еще сидела, не двигаясь с места.

— Садитесь, воспитаник Клоков! — предложила она стул, слегка улынувшись.

— Я пришел не сидеть, а брать тебя! Ежели откажешься — кэх-х! — предупредил он и, вытащив нож из-за пояса брюк, жестом руки провел по своему горлу.

— Ну что же... Раз пришел брат, то бери! Я ведь не против... Только убери нож и выслушай меня внимательно! Считаю, что мы с тобой уже договорились... Ты, Мустафа, как будто и неплохой парень, но очень груб. Ты уже взрослый и должен знать, что женщины любят ласковых. Войдя в класс, ты даже не поздоровался со мной. Учти это на будущее. Если ты не будешь здороваться как положено, то я с тобой не стану даже разговаривать! Выйди сейчас же за дверь и зайди снова, как следует... Ну!

Мустафа неохотно вышел за дверь и стоял там до тех пор, пока она не позвала его сама.

— Здравсьте, Екатерина Петровна! — поздоровался он на этот раз и сел за первую парту.

— В нашей детской колонии, Мустафа, имеются очень серьезные правонарушения, начиная с мелкого хулиганства вплоть до убийства. Тебе они, на мой взгляд, все известны. Есть у меня вопрос к тебе, Мустафа. Сможем ли мы навести элементарный порядок в колонии, если дам я тебе руку? Как...а?

Через полминуты Мустафа согласно кивнул головой, и Катя подала ему руку. Наступила пауза...

— Для окончательного испытания твоей верности я даю тебе один месяц срока. Если в течение этого месяца в колонии не будет ни одного ЧП, то я вызову тебя сама, и делай со мной что хочешь... Только таким образом я к тебе буду иметь какое-то уважение. Понятно? Вот тебе моя...

— Все равно убью! — пригрозил он все-таки, уходя из класса.

...В течение месяца в колонии не было никаких нарушений. Катя тоже сдержала свое обещание, и с этого дня она стала работать в контакте с Мустафой.

В следующем месяце тоже было тихо, за исключением небольшого инцидента, учиненного младшими коммунарами, которые в тот же день получили суровые наказания от Мустафы.

За активное участие в наведении порядка Мустафа приказом по колонии был назначен командиром, а Жора — его заместителем.

По инициативе нового директора и спорткомитета района создавалась сборная волейбольная команда колонии, которая вскоре вышла на первое место в районе. Команду эту нельзя было считать сильнейшей, но многие сборные команды проигрывали ей из-за страха, связанного с именем капитана команды — Мустафой. Плюс к тому же колонистов поддерживал спорткомитет района, чтобы дать почину коммунаров широкий размах.

Опыт спортивной работы колонии был подхвачен другими, обычными школами, и имя директрисы Екатерины Петровны Сидоровой стало частенько появляться на страницах областной газеты.

Об интимных связях стройной и красивой Екатерины Петровны с неуклюжим грубияном Мустафой никто не мог подозревать, ибо она в официальной обстановке вела себя с ним намного строже, чем с другими.

Но спокойная жизнь колонии продолжалась лишь около года, и после очередной встречи с сельскими волейболистами коммунары изнасиловали сразу четырех девушек, за что Мустафу и Жору осудили на пять лет и перевели в исправительно-трудовую колонию для взрослых.

Катя с двухмесячной беременностью успела выйти замуж за только что приехавшего молодого воспитателя.

Штрафники

Началась Великая Отечественная война.

Мустафа и Жора, как и многие другие уголовники, попали в штрафной батальон, не отсидев положенный лагерный срок. Их пригнали на самый опасный участок передовой линии фронта, где, по данным разведки, наблюдалось большое скопление танков противника.

Лучшим средством борьбы против танков считалась связка гранат или зажигательных бутылок, вместе с которой часто погибал сам боец, оставаясь под танком или подпустив его на опасное расстояние. При этом были отдельные случаи, когда боец отделялся лишь тяжелым ранением или контузией.

Иногда после выхода из строя нескольких головных танков врага остальные танки без боя поворачивали назад, предполагая, что впереди находится плотное, практически непреодолимое противотанковое минное поле. Противник никак не мог подумать о том, что под танками взрываются живые и здравомыслящие люди, ибо ни один солдат в мире никогда не совершал подобного самопожертвования и героизма, кроме японских камикадзе, которые специально взрывались вместе с торпедой или самолетом.

Именно для эффекта противотанкового минного поля предназначался тот штрафной батальон на данном участке фронта. Сзади батальона на безопасном расстоянии расположилась охрана штрафников, вооруженная в основном пулеметами и автоматами.

Просторные окопы и ходы сообщения для охраны были выкопаны штрафниками еще накануне. Перед боем штрафникам выдали сухой паек и сто граммов вонючего спирта, а те, кому поручалось взорвать танки со связками гранат, получали дополнительно еще двести граммов.

Неразлучные друзья Мустафа и Жора сидели в окопе и выпили по глоточку, на прощание. Жора переложил на землю тяжелую связку гранат, которая неприятно давила на его колено, и, достав фляжку, разделил свой дополнительный паек с Мустафой. Они обнялись как родные братья — осиротевшие еще в голодные годы засухи и всеобщей разрухи, не знали они ни места своего рождения, ни точного возраста. Их связывала одна общая судьба и один общий тюремный адрес.

«А что ежели выдернуть кольцо здесь, сейчас же! — подумал захмелевший Жора, глядя на лежавшую связку гранат», — вслух матерился Мустафа и, съев его паек, кулек бросил прямо в него.

Судя по доносившимся звукам, танки расположились близко и готовились к наступлению. Густой приземистый туман благоприятствовал бойцам штрафбата, но усложнял работу охраны, которая больше следила за штрафниками, чем за противником.

Вот уже промелькнули в тумане два бегущих силуэта, и, чтобы не дать бежавшим штрафникам сдаться в плен, сразу же без всякой команды заработали все пулеметы охраны. «Рискуют! — подумал Мустафа. — Значит, не зря меня похвалил посыльный. Охрана работает так же, как там, в лагере, стреляют без предупреждения... Эх, еще бы чуток промочить горло!»

В окопе раздалось несколько одиночных выстрелов. «По моему примеру прощаются ээки! — усмехнулся Мустафа, немного обеспокоенный. — И со мной могут тоже попрощаться... Нет уж, не допущу я этого! Я сам прощаюсь с кем угодно!»

С краткой речью выступил какой-то незнакомый Мустафе ээк.

— Товарищи! — начал он сдавленным голосом, как бы боясь, что его услышит противник. — У каждого из нас имеются грехи, за что мы и наказаны по закону. Теперь мы должны искупить вину своей кровью. Родина нас прощает, а после предстоящего боя, задачу которого вы уже знаете, мы все становимся чисто хрустальными гражданами. Вы, товарищи, не беспокойтесь, что у нас мало боеприпасов. Сзади нас расположен взвод пулеметчиков, и в случае чего они нам помогут...

Грохот приближающихся танков противника прервал его речь. Дали команду: «Приготовиться к бою!» Батальон принял бой.

Крупная группа танков противника после нескольких безуспешных попыток прорваться вперед повернула назад, потеряв добрую половину живой силы и техники, и, стремясь обойти «минное поле» с фланга, увязла в непроходимом болоте. Наконец танковая группа попала в окружение нашей пехоты, которая успешно продвигалась по болоту в специальных самодельных приспособлениях, так называемых «мокроступах».

Поставленная перед штрафниками батальона задача была выполнена, и тяжело раненный Клоков узнал об этом, находясь уже в госпитале.

Через три месяца Клоков выписался из госпиталя и до конца войны служил в системе штрафных батальонов и в контрразведке. Он активно участвовал в разоблачениях шпионов и предателей. За проявленное мужество при задержании группы изменников Родины ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Войну Николай Клоков окончил в звании гвардии лейтенанта и сразу же после войны был назначен начальником районного отдела НКВД в том городе, где долгие годы воспитывался в детской колонии.

За годы отсутствия Клокова город не претерпел почти никаких изменений. В здании детской колонии теперь разместилась обычная десятилетняя школа. А базар перевели ближе к реке еще во время войны, когда детскую колонию превратили в тюрьму, ибо в трудные годы войны заниматься перевоспитанием подростков считалось нецелесообразным.

Районный отдел НКВД все еще находился на своем старом месте, и Николаю Ивановичу казалось, будто за эти годы ни разу даже не были побелены высокие глухие кирпичные стены КПЗ.

Рядом с райотделом милиции, через дорогу, находилось роно, где после войны заведовала красивая, обаятельная женщина Екатерина Петровна Сидорова, муж у которой, воспитатель, погиб, когда она еще возглавляла колонию. Она жила вдвоем с сыном в том же старинном купеческом доме, что и до войны.

Новый начальник райотдела НКВД капитан Клоков, который не имел юридического образования, оказался профессором уголовных дел. В обращении с преступным миром он не просил помощи ни у кого, наоборот, даже самые опытные работники прокуратуры и милиции с высшим юридическим образованием советовались с ним.

Он знал на память весь уголовно-процессуальный кодекс, хорошо помнил названия тюрем и лагерей и их местонахождение, а главное, допрашивал преступников на их жаргонном языке. Некоторые старые местные воры и иные уголовные преступники опознали Мустафу Клокова, но благоразумно помалкивали, помня, что Мустафа когда-то был грозой не только всего города, но и всего преступного мира региона. Кроме местных уголовных дел, Клоков вел большую профилактическую работу, связанную с освобожденными из немецких концлагерей военнопленными.

...Бывший узник Бухенвальда Мустафа Галимович сразу же после войны был напрямик отправлен в Магадан вместе с другими освобожденными военнопленными. Его и так усталый и истощенный на чужбине организм еще больше ослаб в далекой Сибири.

Столь суровое и несправедливое отношение Сталина и его подручного Берии к участникам Великой Отечественной войны, не по своей воле оказавшимся в плену, душило бывших узников немецких концлагерей и морально, и физически, и они продолжали страдать и погибать, уже вернувшись на Родину.

Некоторых бывших узников, истощенных и не представляющих особой опасности, отправляли потом из Магадана домой в качестве ссыльных. Они не имели права выезжать с места жительства, посещать общественные места, занимать руководящие должности и находились под надзором участкового милиционера.

Сильно истощенный Галимов, вернувшись домой, не смог в срок встать на учет, и поэтому через день после прибытия был доставлен под конвоем из своей деревни прямо к начальнику райотдела НКВД капитану Клокову как злостный нарушитель закона. Документы поднадзорного Галимова пришли намного раньше.

— Вы почему, гражданин Галимов, не встали на учет в указанное время? Хотите снова в Магадан? Я это могу устроить, мне предоставлены такие права...

— Нет, нет, товарищ Клоков! Боже упаси... Я туда не доеду: умру в дороге... Кое-как доехал до дома и слег, мать тоже больная... Деревня-то наша — восемь километров отсюда, вряд ли я доберусь обратно до деревни, ежели даже отпустите... Скот весь отобрали в фонд обороны, раньше хоть была корова, а нынче и козы нет. В деревне, сами понимаете, без коровы жить невозможно...

— Отвечай по существу, Галимов! Я тебе, во-первых, не товарищ... Не отсиживался я во время войны в плену, а воевал с самого начала до конца. Во-вторых, я не спрашиваю тебя про корову! Разве ты недоволен нашей победой? Тебе жалко коровы? Напрасно тебя отпустили из Магадана, напрасно.

— Я очень доволен, гражданин начальник, очень! Ежели бы не победа, то я бы не встретился с мамой. Насчет скота я просто так заговорил, черт с ней, с коровой-то. Во всей нашей деревне осталось всего три коровы! Перебьемся как-нибудь. Да, да, гражданин начальник, победа — это большая радость! Как мы ждали эту победу в немецком концлагере, если бы знали!

— Истинные патриоты не сидят в плену так просто сложа руки в ожидании, когда их освободят! Они ведут какую-нибудь подрывную работу или, если это не удастся, просто-напросто бегут оттуда...

— Как бежать-то оттуда, гражданин начальник? Какие там собаки, если бы вы знали! Правда, наши отечественные, магаданские, намного лучше немецких. По сравнению с нашими собаками фашистские просто щенки! Они в основном берут лаем... А наши без всякого звука бросаются на эка и моментально раздирают его! Жутко прямо, если бы знали... Поэтому эк больше боится собак, чем пули. Пуля — она добрая, убивает мгновенно, почти без боли... Это идеальная, легкая смерть, о которой мечтает не только эк, но и вольный гражданин. У нас в лагере умышленно нападали на часового, чтобы получить пулю. Со временем у людей осуществится мечта, они придумают для себя легкую своевременную смерть. Собака, ведь она, зараза, на куски раздирает живого человека, а еще называется другом.

— Ты, Галимов, все стараешься уйти от прямого ответа. Начинаешь мне рассказывать то про корову, то про собак. Как будто я собак не видел! Они у нас рядом живут, вот в этой комнате... Хочешь, покажу, а? Стоит мне нажать на кнопку, и собаки разнесут тебя на клочки... Ну как?

— Нет, нет, гражданин начальник! Не хочу я их видеть... Расстреляйте меня, можете даже повесить, но только не собаки! Я их каждый раз вижу во сне: будто я убежал из концлагеря и вслед за мной бежит целая стая собак. И, как назло, гражданин начальник, собаки всю ночь бегут за мной и лишь к утру начинают раздирать, догнав меня... Я просыпаюсь с сумасшедшим криком, весь в поту... Почему же так

происходит во сне, гражданин начальник? Ведь наяву они зэка догоняют моментально! Ей-богу, начальник, своими глазами видел много раз...

— Хватит прикидываться дурачком! Начинаешь симулировать! Знаешь статью против симуляции? По этой статье тебя отправят не только в Магадан, а на Соловки! Я прекрасно знаю, что у тебя в мозгах, меня не проведешь... Ты лучше скажи вот о чем! Не слыхал ли ты там, в плену, про земляка своего, Мусу? Он попал в плен, стал немецким холуем и организовал там против нас мусульманский легион из числа советских военнопленных мусульманского происхождения. Он татарин, ты тоже. Причем вы оба казанские татары. Если бы ты был крымским татаринном, то я бы не стал и разговаривать с тобой по душам. Они все предатели! А казанские татары любят Россию и защищали ее с честью. Среди казанских татар есть даже Герои Советского Союза. А вот почему Муса Джалиль стал предателем — никто не может понять... Может быть, ты знаешь кое-что? Выручай, в долгу не останусь. Кто знает, может быть, он гуляет на воле, а кого-то казнили вместо него для дезинформации.

— Да-а! Видел я его, сук-кина сына... Хотел я ему плюнуть в лицо за то, что он опозорил всех казанских татар. Но он близко не подходил к нам, а стоял на плацу с немецкими офицерами. Мы только что всем батальоном попали в плен, и нас везли в лагерь, фактически еще не успели очухаться, узнать, что и как... Но один пленный мне подсказал, что якобы мы находимся в ловушке... Будто нас проверяют на преданность наши же начальники, переодетые в немецкую форму. Муса тогда переманил на свою сторону не более ста человек. Ему тогда не поверили, все думали, что это лишь проверка. Предателя этого я застрелил бы сам, если бы знали...

— Не встречал ли ты, Галимов, в Магадане или в плену вот эти физиономии? — разложил Клоков на столе множество фотокарточек. — Они когда-то служили в мусульманском легионе предателя Мусы. Не торопись, Галимов, смотри внимательнее... На, закуривай! Сейчас дежурный принесет графин пива.

От двух стаканов пива и нескольких беломоров истощенный Галимов совсем захмелел и, отобрав из полсотни фотокарточек одну, вертел ее в руке, пытаясь вспомнить, где и когда он видел этого парня. Мысли Галимова мчались со скоростью света, и в эти короткие, казалось бы, безобидные минуты решалась судьба одного узника в захмелевших мозгах другого.

— Это же Шарип! Я не зна-а-л! — обрадовался Галимов. — Он ведь ехал со мной из самого Магадана до Красноярска. Жаль, что не знаю его фамилию... Он назвал и свою деревню, но я не запомнил, недалеко от Красноярска, всего, говорил, двадцать километров. Он пригласил меня в гости... Разве в такую даль поедешь, где мне взять столько денег на билет?..

— Ну ты молодец, товарищ Галимов! Память-то у тебя какая, не зря математику преподавал до войны! Помнишь «Путевку в жизнь», где Мустафа строил дорогу? Имя-то у тебя, как у героя кино! Кто тебе дал такое имя?

— Говорят, дал отец. Он настаивал вопреки воле матери... То ли потом папу наказал Бог за это, то ли еще кто-то, но убил его колонист по имени Мустафа! Давно еще, задолго до войны, здесь находилась детская колония. Отец был здоровый, двухпудовую гирию мог перебросить через крышу нашей бани. А убили его пацаны паршивые. Районным батыром был мой отец...

Клоков мгновенно вспомнил этот давний случай на колхозном базаре, и ему показалось, будто он все еще бегаёт без рубашки в широких суконных штанах коммунара. Он встал, вышел из-за стола, осторожно обойдя сидящего Галимова, как бы боясь перебить его рассказ, подошел к зеркалу. Окончательно убедившись в том, что он уже не колонист и не те теперь времена, застегнул свой китель, как бы отряхивая пыль, и гордо поправил Золотую Звезду Героя на груди. Он уже не перебивал захмелевшего полуживого узника, который с пеной у рта с горечью рассказывал, как убили колонисты его отца, как страдала мать после этого и писала жалобы во все инстанции, чтобы наказали колонистов, и в основном по этой причине она теперь стала сердечницей.

Сухое желтое лицо Галимова, глубоко запавшие маленькие серые глаза, длинные руки, висающие на одной лишь коже, придавали ему вид сумасшедшего, и, глядя на него, капитан Клоков мысленно соображал: «Его место только в дурдоме! Да, именно там! Пока побудет там года полтора, умрет сердечница-мать. А потом, если удастся вырваться оттуда, пусть болтает всякую чепуху! После психушки от него люди шарахаться будут в разные стороны, никто слушать его не захочет. Там есть такие лекарства, от которых заровняются извилины в мозгах! Я еще помню того профессора, доктора математических наук, который разучился умножать два на два. Кто поверит, что он математик, да еще профессор! Теперь ученый муж таскает ящики в продовольственном магазине, вечно пьяный валяется за углом... Некоторые говорят, будто медицина — наука бессильная. Глупо! Она может творить чудеса, если ее направить в нужное русло... Давай, давай, тезка, рассказывай... Ты уже сделал свое доброе дело, нашел мне одного из бойцов мусульманского легиона, предателя Шарипа. Сегодня же пошлю шифровку в Красноярск, и завтра

же предатель будет в катажке. Тот найдет других бойцов Мусульманского легиона, обязательно найдет. Таким образом выведем на чистую воду всех предателей Родины. Заслугу твою, тезка, я беру на себя, она тебе в психушке ни к чему... Болтай, болтай! Может быть, ты и в самом деле дурак?» — подумал Клоков, прохаживаясь по кабинету.

— Допивайте пиво, товарищ Галимов! Не стесняйтесь, пейте на здоровье! Папиросы можете взять с собой, у меня есть еще пачка... Я буду ходатайствовать о вашем освобождении, вас больше в Магадан не пошлют, можете быть уверены... Вы неплохой человек, я вижу, вам требуется длительный отдых... Не только отдых, но и лечение. Вы очень устали за эти годы. Я сейчас же позвоню главному врачу, и он направит вас в областную больницу прямо на казенной машине, там бесплатно одевают, кормят и дают лекарства. Больше вам не требуется регистрация в милиции, понятно? До больницы довезет вас наша дежурная машина, которая стоит у подъезда, — распорядился он, снимая телефонную трубку.

— Зур ряхмят, бик зур ряхмят! — отблагодарил по-татарски Галимов сидящего за столом начальника и, вытирая слезы худыми дрожащими пальцами, удалился из кабинета.

Мустафа-легенда

В этом отдаленном от областного центра маленьком городе не было пока еще ни одного Героя Советского Союза, и появление Николая Ивановича Клокова, с одной стороны, радовало районных руководителей, с другой — огорчало.

Радовало то, что Клоков оказался воспитанником этого города, хотя и не родился здесь. Он был просто находкой для всевозможных мероприятий по воспитанию растущего поколения в духе советского патриотизма.

В то же время городское начальство завидовало Герою, что его чуть ли не на руках носят и никто ни в чем не отказывает, если ему потребуется что-либо для личных или служебных целей.

Для встречи молодежи района с Героем райком разработал годовой план, по которому Клоков должен был выступать с заранее подготовленным текстом в школах, учреждениях, колхозах.

«Да-а, головастые эти партийные работники! — восхищался Клоков, прочитав подготовленный и отпечатанный райкомом текст своего выступления. — Я бы сам никогда не смог так красиво описать свою жизнь. Придумают же, черти! Молодцы, вот у кого нужно учиться фантазировать... Надо же!»

Первое выступление Николая Клокова состоялось в средней школе, где когда-то находилась детская колония. Он сидел за столом, покрытым красным бархатом, и в ожидании слова поглаживал рукой свои пышные, слегка седеющие волосы. В милицейском мундире и с Золотой Звездой на груди Клоков выглядел вполне симпатичным, а два симметрично расположенных шрама на его лице придавали ему героический вид, хотя они были получены вовсе не на войне.

Рядом с ним сидела заведующая роно Екатерина Петровна Сидорова, и им обоим этот спортивный зал, где сейчас собрались дети, был слишком хорошо знаком. Через много лет судьба свела их снова.

— Товарищи! — начал свой доклад Клоков, стоя за трибуной. — Когда я был маленьким ребенком, моих родителей расстреляли белогвардейцы. С тех пор началась моя бродячая жизнь в поисках куска хлеба, пока не попал я в одну из детских колоний, организованную в те годы советской властью ради спасения беспризорных. Мы уже оказались испорченными детьми, и многие считали нас неисправимыми. Однако, благодаря заботе партии и правительства, методика перевоспитания была поставлена так, что мы, трудные ребята, начали учиться грамоте и труду. Последние годы своего детства я провел здесь, в стенах этой школы, где раньше находилась наша колония. В этом зале мы проводили спортивные состязания. Физическая закалка, полученная в колонии, мне очень пригодилась на фронте. Войну я начал рядовым бойцом энского пехотного батальона, а потом, после тяжелого ранения, перевели меня в группу контрразведчиков. Служба в контрразведке сложная, но в то же время интересная и почетная. Изменников Родины, предателей, шпионов и всякую нечисть мы вылавливали ежедневно. За успешное проведение одной из таких сложных операций мне присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

Вторым оратором выступила заведующая роно товарищ Сидорова.

— Ребята! Слушая рассказ Николая Ивановича, я вспомнила те годы, когда он был капитаном сборной команды по волейболу. Его команда завоевала любовь и симпатию всего района. Призы и грамоты, заработанные этой командой, до сих пор хранятся в комитете комсомола. Я тогда была директором этой, я бы сказала, трудной школы. Николай Иванович в те годы вел большую общественную работу, и только благодаря ему мы могли навести порядок и дисциплину. Еще тогда мы заметили в Николае Ивановиче неисчерпаемые организаторские способности и верили, что из него выйдет настоящий патриот и большой души человек...

Потом выступили ученики старших классов со своими патриотическими обещаниями, и на этом встреча закончилась. Николай Иванович проводил Екатерину Петровну до самого дома.

Катя многие годы недолюбливала родного сына за то, что он был похож на своего отца, ибо вынужденная ее связь с Мустафой в прошлом постоянно мучила ее душу до тошноты. Но после торжественной встречи с ним в школе исчез у Кати этот неприятный осадок, и она через два месяца стала его законной женой.

«Оказывается, она ждала мужика со Звездой, Героя! — рассуждали горожане. — Ни за кого ведь не пошла, а только за Героя. Видать, храбрый мужчина, сразу нашел себе красавицу. Молодец, не зря Героя дали!»

Эпилог

Через пять лет совместной жизни с Катей Клоков разбился на милицейской машине при задержании особо опасного государственного преступника, молодого баптиста, уклоняющегося от службы в армии по религиозным соображениям. Он был похоронен со всеми почестями на том же кладбище, где покоилась Зоя, первый муж Кати и другие воспитатели бывшей детской колонии. На могиле Клокова городской Совет депутатов трудящихся соорудил дорогостоящий памятник из черного гранита, как единственному Герою своего района.

Вскоре именем Героя Советского Союза Николая Клокова была названа средняя школа, во дворе которой пионеры и октябрята торжественно принимали клятвы перед его бюстом. «Быть таким, каким был Николай Клоков» — на эту тему писались сочинения на уроках литературы, где старшеклассники раскрывали черты характера Героя методом социалистического реализма.

...Прошли годы. В День Победы над гитлеровской Германией на городском кладбище было многолюдно. Среди многих других, кто боролся против фашизма с оружием в руках или самоотверженным трудом, стоял умалишенный старик, опираясь на сучковатую деревянную палку и резко выделяясь своей внешностью. Ему здесь не угрожали ни свои, ни чужие, ибо он после продолжительных проверок и «лечений» теперь был окончательно реабилитирован.

Его безразличные ко всему остекленевшие глаза вовсе не замечали, что прохожие обращают внимание на пристегнутую к его мешковатому изношенному пиджаку особую медаль, которой награждались только фронтовики.

Бывший математик сельской школы Мустафа Галимов давно уже забыл таблицу умножения, но все еще хорошо помнил фронт, немецкий концлагерь, Колыму, психушку и особенно тех огромных, откормленных добротным мясом служебных псов, которые преследовали его по ночам и поныне. Он стоял как истукан, лишь шепотом разговаривая сам с собой.

Взрослые, проходя мимо него, без стеснения пугали им своих малышей, и образ этого страшного лохматого бабая, который «забирал плачущих детей в мешок», навсегда оставался в памяти маленьких.

Когда отряд школьников приступил к специально отрепетированной церемонии возложения цветов к могиле Николая Клокова, Мустафа Галимович осторожно, мелкими шажками, как бы боясь кого-то, приблизился к стоящей возле памятника толпе и там, на зеркальной поверхности черного габбро, впервые увидел свое отражение с долгожданной наградой. Действительно, уцелевшие в концлагерях и вернувшиеся на Родину военнопленные долго ждали этого признания, ибо при жизни генералиссимуса И.Сталина и маршала Советского Союза Лаврентия Берии попавшие в плен или пропавшие без вести в годы войны не считались участниками войны, а многие из них даже числились в списках предателей или подозрительных лиц.

Пока Галимов любовался своей медалью участника Великой Отечественной войны, вдруг из-за его отражения, из глубины гранитного зеркала, начали выходить по одному, друг за другом, еще молодые, но давно умершие люди. Среди них были его родители, был бывший боец Мусульманского легиона Шарип, а также известный татарский поэт Муса Джалиль, который к тому времени, через одиннадцать лет после окончания войны, стал каким-то чудом Героем Советского Союза.

Они, подходя к Галиму, здоровались с ним, а потом со скоростью света уходили обратно в глубину отшлифованной черной гранитной глыбы, где исчезали, превращаясь в точку.

Муса Джалиль выходил к нему даже дважды: один раз в мундире предателя, а второй раз — с Золотой Звездой Героя.

Шарип тоже вышел вторично, но на этот раз он не поздоровался с ним, а сильным ударом кулака повалил Галимова на землю, как бы сводя с ним давние личные счета.

Галимов долго и мучительно пытался встать на ноги, но не сумел.

Глядя на старика, беспомощно валявшегося на заброшенной безоградной могиле, руководитель прервал на пару минут церемонию и велел ребятам оттащить «пьяного» от святого места.

Два школьника моментально подняли истощенного Галимова с земли и увели его подальше от могилы Героя, выводя нарушителя общественного порядка из поля зрения телекамеры. При этом Галимов, волочась между двумя акселератами, твердил еле слышным голосом: «Что вы делаете, ребята, это же не Николай, а легендарный Мустафа из кинофильма «Путевка в жизнь»? Вас обманули, вы с ума сошли. Он прославился больше как герой фильма, чем герой войны».

Но школьники не придавали никакого значения бреду сумасшедшего старика и, оставив его в стороне, подошли к своим. Церемония возложения цветов продолжалась.

Около высокого, высеченного из дефицитного черного гранита памятника Николая Клокова, осыпанного живыми яркими цветами, все остальные могилы, осевшие и обросшие мхом и выгоревшей желтой травой, показались бывшему математику Мустафе Галимову крохотными, как бы от страха прижавшимися к земле.

СОЧИНЕНИЕ

(повесть)

Домашняя работа

«Слово-то какое гадкое! Неужели нельзя было заменить его другим? — возмущалась преподавательница русского языка и литературы одинокая молодая вдова Мира Сергеевна, сидя за столом у себя дома и проверяя домашние сочинения старшекласников. — Каждое слово имеет несколько синонимов, а она, дура, выкинула шуточку! Ну и молодежь пошла! Ладно бы еще, если бы выкинул такую шутку мальчик, а то девочка! Сама, конечно, она не могла бы придумать такого, явно списано с книги. Нашим писателям позволены все средства для достижения свыше поставленной цели. Вот школьникам только дай поразмышлять на свободную тему, любого могут свести с ума! То ли дело Толстой, Горький, Шолохов, Маяковский! По их произведениям уже написаны миллионы сочинений, даже имеются готовые шпаргалки, отпечатанные типографским способом. В этих шпаргалках нет ни одной ошибки, и они, из года в год тонко «шлифуются», изложены намного складнее, чем если бы эти шпаргалки были написаны самими классиками русской и мировой литературы. Из тридцати сегодняшних сочинений добрая половина списана со шпаргалок, и многим ученикам можно ставить пятерку без всякой проверки».

Но сама Мира Сергеевна тоже с ходу не могла найти нужного слова и, несмотря на поздний час, все еще ломала голову в поисках синонима. Приблизительных синонимичных слов было много, но ни одно из них не отвечало точному значению употребленного ученицей девятого класса Леной Соловьевой.

Подперев сжатыми кулаками подбородок, учительница в полудреме сидела за письменным столом и, закрыв глаза, ушла мыслями в свое прошлое: «Сколько их было у Коли! В каждом кармане по несколько пакетов! Хотя мы эти пакеты ценили на вес золота, но старались никогда не называть их своим именем. Обходились без названия, и, вероятно, поэтому я сейчас не могу найти синонима. Интересно, Николай мог бы найти? Вряд ли! Может быть, он теперь вместо пакетов носил бы в кармане валидол. У меня уже иногда сердце пошаливает, а он намного был темпераментнее меня, целовался, как пиявка, до потери сознания. Ой, какие были сладкие времена! Зачем я предохранялась — имела бы сейчас ребенка! Так-то оно так, но ведь мы были тогда студентами и жили в общежитии. Что уж говорить, эти «пакеты» нас выручали здорово! Правильно он делал, что носил их в каждом кармане, в те годы были дикие порядки, и нас могли бы исключить из института. Куда бы я пошла с ребенком!»

Похабное, нелитературное слово из шести букв, выведенное нежными пальцами шестнадцатилетней Лены Соловьевой на белом листе ученической тетради, могло бы оскорбить любого присутствующего, если бы оно было сказано вслух, и послужило бы поводом для скандалов. Чтобы показать свою нетерпимость к нецензурщине, учительница Мира Сергеевна аккуратно подчеркнула это слово жирным красным карандашом, отчего оно стало еще веселее и романтичнее.

Если бы Мира Сергеевна находилась сейчас в окружении школьников, она бы покраснела от своих интимных приятных воспоминаний, ибо они были связаны именно с этим нецензурным словом, происхождения которого не знала ни сама тридцатилетняя образованная учительница русского языка и литературы, ни ее шестнадцатилетняя ученица.

Миру Сергеевну порой угнетало одиночество, но сейчас, напротив, она была рада этому одиночеству и могла безгранично любоваться портретом Николая, как бы ощущая его тепло и прикосновение. Она, отодвинув в сторону не проверенное до конца сочинение Лены, вышла из-за письменного стола и легла на диван.

Лежа на спине с закрытыми глазами, Мира Сергеевна в эту минуту могла бы допустить к себе любого мужчину, мысленно превратив его в Колю. Стыдясь своих мыслей и не желая оказаться в плену давней любви, она судорожно, как бы отталкивая от себя нежеланного, пристающего к ней мужчину, поднялась с дивана и, на ходу поправляя свой слегка помятый халат, подошла к книжному шкафу, из которого достала орфографический словарь русского языка.

Сначала Мира Сергеевна просмотрела все слова на букву «Г»: «Ган», «Гон»... а потом перешла на ближайший синоним и просмотрела слова на букву «П». Отложив тяжелый объемистый орфографический словарь в сторону, она взяла из шкафа словарь синонимов русского языка. Злополучное, списанное Леной из книги слово не значилось нигде.

«Возможно, оно иностранного происхождения», — гадала Мира Сергеевна и положила на прежнее место словарь.

Хотя Мира Сергеевна не владела никакими иностранными языками, но интуиция подсказывала ей, что слово это французское, и, чтобы убедиться в этом, она тут же решила перелистать рассказы французских писателей. Ни в произведениях Ги де Мопассана, ни Виктора Гюго, ни Александра Дюма, ни Стендаля, ни Оноре де Бальзака, ни Проспера Мериме, ни Альфонса Додэ, ни Эмиля Золя, ни Анатоля Франса, ни Жюль Ренара, ни Анри Барбюса слов такого рода не оказалось, и поэтому, извинившись в душе перед легкомысленными французами, она снова легла на диван. Винить французов она больше не смела, но все-таки не совсем еще была уверена, что слово не французское.

«Вовсе не важно, какое слово, греческое или итальянское. Это можно выяснить позже. Я, как преподаватель русского языка и литературы, должна обращать внимание на орфографические ошибки. Вдруг Лена специально, чтобы проверить мою грамотность и опозорить меня перед всем классом, следовательно, и перед всей школой, написала через «а»? На мой взгляд, оно пишется через «о». Честно говоря, я никогда в литературе не встречала этого слова, в институте тоже нам не говорили о таких вещах. Видимо, оно употребляется в медицинской литературе. Может быть, оно по-латыни звучит по-иному? Не так давно я слышала в автобусе, как один пьяный оскорбил другого. Висишь, говорит, как использованный... Но он выражался через «о». Кто знает, может быть, этот хулиган родом из Ивановской области, где все окают. Вообще-то я много раз слышала на улице это слово, его всегда произносят через «о», а не через «а»... Значит, одна ошибка уже есть у Лены. Еще несколько ошибок, и я закатаю ей двойку, да еще докажу всему классу, что она весь текст списала с книги. Правда, я пока еще не знаю откуда, из какой книги она списала.... Это большой минус для меня. Не представляю, что будет, если ученики узнают о том, что я не читала эту книгу. Ужас прямо! Преподаватель литературы не знает, с какого романа списана та или иная фраза! Позор-то какой! Если бы это было списано с произведений Толстого, Горького, Маяковского, Шолохова или Фадеева, то я могла бы найти эти строки с закрытыми глазами. Но это наверняка взято из литературы, вышедшей спустя много лет после войны. Такая литература пошла лишь с октября 1964 года. Это военно-патриотическая тема... Критикуя стиль сочинения, не оказаться бы мне на стороне немцев! Это опасно, могут пришить статью! Ведь эту похабную штуку нашли в саквояже убитого немецкого офицера под Сталинградом! Вообще-то факт очень интересен с точки зрения бесчинства немцев... Для чего эта штука на войне? Ведь во всех других романах и кинофильмах, в которых описывается война, немцы беспощадно насиловали женщин и даже несовершеннолетних девочек, а потом их расстреливали. В таком случае для чего же им эта штука? Не было такого случая в истории человечества, когда кто-либо изнасиловал женщину, используя гондон! Ибо гондон применяется с гуманной целью, во избежание неприятных последствий от приятно проведенных минут. Значит, немецкие офицеры думали вовсе не насиловать русских женщин под Сталинградом, а, напротив, намеревались разделить с ними приятные чувства таким образом, чтобы впоследствии русские женщины не страдали. Получается так! А иначе почему немцы в своих фронтовых саквояжах возили презервативы? Следовательно, они заботились о русских женщинах больше, чем их собственные русские мужья. Не каждый мужчина думает о женских страданиях. Интересно бы знать, что думает по этому поводу сама Лена Соловьева, автор сочинения на свободную тему о войне. Понимает ли она, впрочем, значение этого слова? Может быть, для нее «гондон» означает граната или мина, словом, какое-нибудь военное снаряжение, применяемое для уничтожения живой силы и объектов. А еще интереснее бы знать мнение самого автора пока не известного мне произведения. С какой целью он «нашел» во фронтовом саквояже немецкого офицера защитное средство от беременности? Может быть, он, немец, пожалел не саму женщину, а своего возможного ребенка, которому суждено родиться в развалинах войны и жить в нищете? Значит, он был не фашист, а гуманист! Для чего фашистам возить презервативы через всю Европу от Закарпатья до берегов Волги, под свист пуль и снарядов? Смешно получается! Ну, хватит думать о немцах, надо думать о себе, иначе я могу оказаться завтра в более тяжелом положении, чем фашисты под

Сталинградом... Как я отвечу, если мои ученики спросят у меня: «Для чего на войне гондон?» Ученикам нельзя отвечать так, как я думаю на самом деле. Если член Союза писателей пишет о фронтовых гондонах и его за это всячески восхваляют, то мне остается лишь поддержать писателя и убеждать учащихся в необходимости гондона на войне. Я их должна воспитывать в духе соцреализма. Иначе меня не будут держать на этой работе. Не-ет! Одно дело рассуждать об этом наедине с собой, и совсем другое — отвечать в классе. Стоит только один раз высказать свои мысли в школе, хотя бы только среди учеников, и уже через пару недель прощайся со школой! Не ученики тебя «продадут», а их папы и мамы! В одном только классе шестьдесят родителей, не считая бабушек и дедушек, многие из которых являются твоими потенциальными врагами, готовыми утопить тебя при первом удобном случае. Они затаили злобу в своих душах из-за какой-то двойки, поставленной тобой ради их же интересов, из-за безобидного твоего упрека на родительском собрании. В нужный момент все твои старания, направленные на обучение и воспитание их детей, могут обернуться против тебя и превратить тебя в пыль...»

В первом часу ночи Мира Сергеевна легла спать. Никогда она прежде не оказывалась в таком щекотливом положении и поэтому долго ворочалась в постели, отгоняя от себя дурные, никогда раньше не приходившие в голову мысли. Главной причиной ее тревог был не сам «гондон», хотя мысли и вертелись вокруг него, а факт незнания ею того художественного произведения, если оно существует, откуда, возможно, списала свое домашнее сочинение ученица девятого класса Лена Соловьева.

Крах учителя наступает тогда, когда его ученик эрудированнее, чем он сам. Именно сейчас, ворочаясь в постели, Мира Сергеевна предчувствовала приближение своей моральной смерти. «Может быть, с этим сочинением мне пойти к директору? — гадала Мира Сергеевна, расправляя под собой смявшуюся простыню. — Что знает директор про войну-то, он даже в армии не служил ни одного дня, ему всего двадцать семь лет от роду?.. Может быть, вовсе нет такого произведения? Возможно, Лена сама все это выдумала или списала с какого-нибудь запрещенного самиздата. Откуда мне знать, я не должна читать самиздатовскую литературу, если даже попадется в руки. За это не только вылетит с работы, но и получишь срок... Нет, нет! Пожалуй, нужно побеседовать с каким-нибудь ветераном войны. Просто поговорить, без всякого школьного сочинения. Только найти такого ветерана, чтобы он меня не знал, боже упаси, если попадется родитель моего ученика! Ничего, родителей своих учеников я знаю почти всех, среди них нет ветеранов войны, это я знаю точно...»

С такими мыслями Мира Сергеевна заснула. Но через несколько минут она, оказавшись во власти сновидения, ощущая как наяву прикосновения знакомых мужских губ, разделась под одеялом и по старой привычке, инстинктивно, спрятала свое нижнее белье.

Лежа на спине, она целовала пропитанную духами подушку, прижимая ее к своей голой груди, и, нацеловавшись досыта, успокоилась в сладкой истоме. Потом она, несколько раз громко всхрапнув, разбудила сама себя и сразу же догадалась, что randevу произошло только во сне, и никакого Николая быть рядом не может.

Сознавая все это, Мира Сергеевна стыдилась саму себя и из-за ночного происшествия чувствовала глубокое душевное отвращение. Эти блуждающие сладкие чувства причинили ей острую боль, поэтому она, желая как можно быстрее забыть этот сон, судорожными движениями вынула белье, сунутое под матрац, и оделась. Приятная неприятность начала вскоре забываться, и полное душевное спокойствие вернулось к ней только тогда, когда исчезли следы мнимых поцелуев с духом того человека, которого не было уже в живых.

Кое-как освободившись от собственных тревожных мыслей, Мире Сергеевне удалось этой ночью заснуть вторично. Хотя на этот раз она совсем не думала о домашнем сочинении Лены Соловьевой, но все равно металась во сне по всему свету: сражалась в боях под Сталинградом, попала в какой-то концлагерь, и ее даже изнасиловал немец без всякого противозачаточного средства, отчего она проснулась раньше времени, до звонка будильника, до смерти перепуганная и мокрая. Спросонья она долго не могла прийти в себя.

Консультация

На следующий день, когда сгустились сумерки, Мира Сергеевна, захватив с собой бутылку водки, пошла к ветерану и инвалиду Великой Отечественной войны, одноногому одинокому старику, безнадежному алкоголику с многолетним стажем.

К приходу Миры Сергеевны инвалид уже был пьян, но, увидев бутылку, он от радости даже несколько протрезвел и с ходу «высушил» налитый ею стакан водки без всяких уговоров, считая отказ от водки ничем не оправданным грехом.

— Иван Федотыч, вы женщин любили на войне? — задала она прямой неожиданный вопрос, сидя напротив за столом и не зная, с чего начать разговор.

Хотя Мира Сергеевна была женщиной с довольно заурядной внешностью, инвалиду она показалась красавицей экстракласса, не доступной не только безногому, заросшему щетиной грязному пьяному старику, но и красивому, элегантному молодому мужчине.

— Я баб всегда любил, девушка, уважаю даже сейчас... На войне рядом бродит смерть, а перед смертью не до баб. На войне исчезают всякие телячьи нежности, остается только любовь к своим близким. Возле смерти не водится ласка, она водится только там, где жизнь. Когда гремят пушки, музы молчат. Ты, видать, смотришь кино. Хе-хе... Да-а, там целуются и среди трупов... Все это брехня, девушка... Это могут делать только полоумные... А вот дурак в самом деле не брезгует трупом! Да, да! Когда я отбывал срок в Заполярье, произошел забавный случай. Вернее, не забавный, а дикий и страшный... В поселковом клубе намечалась комсомольская свадьба. Тогда, как на грех, началась такая сильная пурга, что из дома в дом ходили люди только по веревке. В этой самой пурге легко одетые недавно приехавшие комсомольцы, жених и невеста, сбились с пути и замерзли. Их нашли только утром, когда стихла пурга. Обычно таких умерших не хоронят без разрешения следователя, и вот до приезда дохтора их положили в клубе, где почти нетронутой осталась выпивка и еда. Клуб надежно заперли на замок... Через день, не дождавшись врачей, мать невесты решила взглянуть на свою дочку, пока ее еще не раскромсали, и от ужаса упала в обморок: жених и невеста, совершенно голые, лежали в обнимочку! Никто сначала не мог сообразить, в чем дело, даже следователи. На след навела одна бабка... Оказывается, поселковый дурачок Гриша, мужик лет тридцати пяти, здоровый бугай, ночью забрался через окно в клуб, изрядно выпил, плотно закусил и, изнасиловав мертвую невесту, ушел домой. Спокойно выспался дома часов до трех ночи и снова пошел в клуб, где проделал то же самое, что и в первый раз. Потом Гриша раздел молодых догола, повалил жениха на невесту и удрал, забыв второпях свои грязные варежки прямо на столе. Хе-хе! Дурачок. Как только следователь показал ему варежки, он сразу же раскололся при всем честном народе. Дурак — он ничем не брезгует, никого не боится, не то что человек нормальный... На войне тоже страшно, кругом валяются трупы, и сам можешь за одну секунду превратиться в труп... Вот в госпитале совсем другое дело, там уже пахнет жизнью! Мне тогда было всего тридцать лет, и крутил я в госпитале любовь с одной сестричкой. Конечно, все это после того как мне отрезали ногу и зажила рана. До этого и думать было нечего о бабах... Тогда рядом со мной лежал один ученый старик, ну, ему было лет сорок пять, по сравнению с нами, конечно, он был старик... Все философствовал про любовь. Хе-хе! «Любовь к женщине сохраняется до глубокой старости. Но она пропорционально возрасту постепенно переходит от практики к теории», — говорил он... Помню как сейчас его мудрые слова, знаю наизусть. В те годы я не совсем понимал этого мудреца. Вернее, и сейчас кое в чем я еще сомневаюсь, но, мне кажется, узрел теперь главное. Вот вы хоть и человек грамотный, но наверняка не понимаете, что здесь означает практика, а что — теория. Не знаете? Вот вы и забуксовали! Хе-хе! Ну!

— Я, конечно, знаю, что такое теория и что такое практика, — пыталась оправдать свое высшее образование Мира Сергеевна. — Всем известно, что практика — это опыт, когда человек потрогает, пощупает что-либо своими руками, что-либо сделает сам. И не только руками — он может говорить своим языком, видеть своими глазами или слышать своими ушами. Короче говоря, человек что-либо испытывает своим телом. Это применение и закрепление знаний, полученных теоретическим путем. На мой взгляд, так... А теория — это учение, обобщающее опыт и практику, вырабатывающее общие научные принципы для объяснения явлений, фактов и воздействия на них... Вообще-то, Иван Федотыч, отличить теорию от практики довольно трудно, ибо они переплетены между собой очень тонкими, невидимыми нитями. Теория связана с сознанием, с душой человеческой, и поэтому она существует лишь для мыслящих индивидуумов, а для немыслящих организмов существует только практика... С другой стороны, для каждого дела определена своя практика и своя теория: скажем, учитель ведет урок в классе — это для него практика. Для инструктора, который тоже ведет в классе занятие с будущими шоферами, это уже чистая теория. Практика для него — это езда на автомобиле... Следовательно, Иван Федотыч, у любви, как вам сказал ваш госпитальный мудрец, есть свои теоретические и практические стороны... Но тут вопрос немного сложнее, ибо самые великие умы не могут дать точной формулировки любви, всегда отвечают многозначно. Очевидно, теоретической любовью считается тогда, когда человек не в состоянии ощущать любовь своим телом, хотя любовь ему легкодоступна и находится рядом.

У инвалида загорелись давно погасшие глаза: ему показалось, что Мира Сергеевна определенно зашла к нему домой объяснить в любви. Они сидели в комнате одни, и это обстоятельство позволяло ему думать и мечтать о чем угодно. Он время от времени поправлял свой скрипучий, кустарно обитый старым дерматином стул, слегка приподнимаясь на костылях, и с разрешения Миры Сергеевны налил

себе еще полстакана водки. Одним махом опустошив стакан, он понюхал кусок черного хлеба и тут же смело, как равноправный собеседник, задал ей вопрос:

— Так-то оно так, но ведь голова — тоже людское тело. Ежели человек шевелит мозгами — значит, он работает своим телом. Как же тогда отделить теорию от практики? Я тут зашился малость...

— Я ведь вам уже приводила пример с учителем и шофером. Одно и то же дело для учителя является практикой, а для шофера — теорией... Значит, любить мозгами — это теория, несмотря на то, что мозг — это человеческое тело. Следовательно, для практической любви требуются не только мозги, ум, но и другие органы... Вы здесь, Иван Федотыч, «зашились» так же, как запутываются многие другие. Ведь, по трактовке диамата, сознание — это продукт мозга и следовательно — продукт материи, продукт нашего тела. Не было бы мозгов — не было бы ни воображения, ни сознания, ни духа. Таким образом, Иван Федотыч, диамат, показывая первичность материи и вторичность сознания, отрицает существование духа вообще. Будто бы все понятно: материя первична, сознание вторично. Но ведь нельзя же наотрез отказать от духа! Это просто гипотеза. По крайней мере, на сегодняшний день ни один ученый не имеет оснований отрицать существование духа вообще, ибо никто не знает, отделяется ли сознание от материи, то есть отделяется ли дух от тела. Если отделяется, то на какое расстояние и на какое время.

Хотя инвалида заинтриговала тема любви, но ему стала уже надоедать затянувшаяся нудная философия Миры Сергеевны о материи и сознании. Оттого он постоянно ерзал на стуле, без необходимости почесывая прыщеватый нос, и хотел скорее перейти к делу, где он, как ему казалось, мог бы доказать ей, что еще в состоянии любить не только теоретически, но и практически. Он долго ждал момента, когда Мира Сергеевна прервется, и, пытаясь переменить тему разговора, несколько раз раскрывал свой беззубый рот и успевал произнести хриплым голосом лишь один слог, чмокая слюнявыми посиневшими губами. Наконец, когда Мира Сергеевна вдруг стала чихать от едкого табачного дыма, висевшего над столом, как черное грозное облако, инвалиду удалось вклиниться в разговор.

— Ага... Любовь, милая, хитрая штука. Действительно она похожа на дух. Честно говоря, я никогда ею не интересовался — что первой, что второй. По науке, как ты рассказываешь, будто бы ясно: сначала появился человек, а потом только возникли его мысли. Так-то оно понятно... Как вот связывать это дело с бабами? А? Иногда нет рядом никакой бабы, вообще нет никого, а на тебя вдруг подействуют какие-то мысли и по всему телу пробежит такое, что хочется полюбить кого угодно. В истинном смысле возбуждается твое тело. Не знаю, как бывает у баб, а у мужиков это видимое дело. Очевидно, тут происходит нечто обратное: сначала появляется дух, и он возбуждает человеческое тело... Ты выпей немного, выпей! Чихота пройдет сразу же, моментально...

Инвалид налил полстакана водки и подал ей, приподнимаясь на костыле.

— Я пью только шампанское, Иван Федотыч, никогда не пила водку...

— Водка, она, говорят, намного полезнее для человека, чем красное вино. Вот я, к примеру, всю жизнь пью и никогда не болею... И даже не чихаю, хе-хе-хе. Слава богу, не сглазить бы...

Она, сознавая необходимость, с трудом выпила налитую в стакан водку и, беря пример с опытного алкоголика, занюхала ломтиком засохшего черного хлеба, лежащего на пустом замызганном столе как единственная незаменимая универсальная закуска, предназначенная для них обоих.

Когда Мира Сергеевна возобновила прерванный из-за чиханья разговор, инвалид в душе раскаялся в том, что предложил ей выпить, поэтому теперь ему пришлось закуривать чаще, чтобы она начала чихать снова. Но она уже не чихала и после выпитой водки начала говорить еще складнее, углубляясь в философию все больше и больше. Инвалиду мешала старческая заторможенность реакции. В нужный момент у него терялись мысли и ему оставалось, проявляя терпение, лишь чмокать губами.

— Здесь вы правы, Иван Федотыч, я могу продолжить вашу мысль. У женщин такие явления бывают тоже. Но первичность духа и вторичность тела проявляются не только в любовных чувствах. Это явление проявляется сейчас в воздействии на людей через внушение с целью создания на первом этапе коммунизма отдельных послушных граждан, а дальше — целого, монолитного послушного общества. В этом деле дух непременно первичен, ибо человека переделывают проникая в его душу. Переделыванием человека и общества занимаются как раз те люди, которые глубоко преданы диамату. Отрицая религиозную идеалистическую философию, атеисты кричат на весь мир о первичности материи и вторичности сознания, а стараясь переделать человеческую душу, используют обратное — первичность духа и вторичность материи. Значит, диалектический материализм и теория о возможности создания нового общества — явление парадоксальное... Мне кажется, Иван Федотыч, дух вполне может существовать в виде каких-то излучений, скажем, в виде электромагнитных волн, которые распространяются со скоростью света — триста тысяч километров в секунду. Трудно сказать о скорости движения духа, может быть, она больше скорости света, может, меньше. Может быть, она переменная,

зависящая от душевного состояния или каких-либо нам не известных причин. Мы ведь иногда разговариваем с давно умершими людьми. Вот я недавно разговаривала с мамой, она умерла четыре года назад. Тела ее давно уже нет, а дух, видимо, бродит в мировом пространстве...

— Так, милая...

— В настоящее время, Иван Федотыч, наука еще не знает диапазона и характера излучения человеческой души, и поэтому многие душевные явления остаются неразгаданными. Если бы наука знала это, то могла бы использовать в различных целях принцип передачи мысли на расстояние. Сейчас ученые многих стран занимаются этой проблемой, в том числе и ученые-атеисты, хотя такое открытие, связанное с существованием духа, сразило бы их наповал. В наши дни проблема передачи мыслей на расстояние выливается в отдельную науку, называемую парапсихологией, или телепатией. Эта наука предполагает, что в человеческом организме содержится вещество «пси», которое способно передавать мысли на дальние расстояния. Это явление получило название «фактор пси». Передача мысли на видимое расстояние уже доказана давно, но если ученые докажут существование частицы «пси», то решится и проблема передачи мысли на дальние, невидимые расстояния.

Мира Сергеевна понимала, что слишком отвлеклась, ведь она зашла к инвалиду вовсе не для того, чтобы читать ему лекцию о парапсихологии. Она, по своей учительской привычке, пыталась найти педагогический подход к решению своего основного вопроса, но, не рассчитав, ушла в глубокую, не разрешенную веками философию. Как наглядное пособие она захватила с собой пакет презервативов на тот случай, если старик по какой-либо причине не поймет ее слова.

Мира Сергеевна беспрерывно философствовала, мешая инвалиду вклиниться в разговор, но перейти к главному вопросу она никак не решалась из-за своей чрезмерной стыдливости. Когда инвалид рассказывал о женщинах, она стеснялась задать свой вопрос, а теперь ей было намного труднее перескочить от сложной и малоизвестной частицы «пси» и парапсихологии к простому, дешевому презервативу. Для храбрости Мира Сергеевна сделала еще несколько глотков водки.

Инвалид давно ждал этого случая и, пользуясь моментом, вступил в разговор:

— Я не совсем понимаю эту паровую психологию и псинные части, но соображаю немного, шо это будет здорово, черт бы подрал! До чего дожили! Значит, ты можешь сидеть у себя дома и посылать мне свои мысли. А ты можешь узнать, сидя у себя дома, о чем я думаю? Неужели можешь, а?

— Конечно, смогу, если подтвердятся частицы «пси». С помощью «фактора пси» можно будет, так сказать, настроиться на вашу волну и читать ваши мысли. Это еще не все! Самое ценное здесь то, что появится возможность управлять духом, воздействуя на частицы «пси» разумными препаратами, скажем, уколами или таблетками. Вы, Иван Федотыч, не представляете, какой это будет скачок. Это будет огромный научно-технический прогресс! Освободятся миллионы политико-воспитательных работников, закроются целые учреждения и организации, научно-исследовательские институты и комитеты. Не будет ни партии, ни комсомола, ни профсоюза, ни прессы. Останутся только правительство и государственная безопасность. Мысли и директивы главы правительства будут выпускаться не в виде книг и газет, а в виде пилюль и инъекций. Следовательно, править государством сможет любой глухонемой или даже слепой. Многолетняя кропотливая дорогостоящая и в то же время малоэффективная политико-воспитательная работа будет заменяться одним уколом, которому будет подвергаться каждый новорожденный гражданин, находясь в роддоме. Второй такой укол получит он только в случае смены главы правительства. Поэтому, боясь болезненных уколов и горьких пилюль, граждане такого государства ни за что не пожелают менять своего правителя и даже не захотят, чтобы кто-либо критиковал его, не говоря уже о каких-нибудь покушениях на его жизнь.

— Для чего же тогда госбезопасность? — испуганно спросил инвалид, немного протрезвев.

— Вдруг найдутся среди населения отщепенцы, которые будут отказываться от уколов, или укол будет действовать на них малоэффективно. Чтобы изолировать и уничтожить таких людей, понадобится госбезопасность... Вы, наверное, слышали про теорию об отмирании государства при коммунизме. В знаменитой книге Ленина «Государство и революция» имеется такое предположение. Ленин намечал прийти к отмиранию государства путем укрепления государства. Если перенести расплывчатые тезисы Ленина на сегодняшний день, то укрепление государства произойдет лишь при полном покорении народов данной страны. Но практика опровергает эту теорию, и такой путь никогда не приведет к отмиранию государства. Пусть после стопроцентного покорения населения отомрет данное государство и наступит равенство! Как раз равенство и приведет в дальнейшем к образованию нового государства, более жестокого, чем прежде. Здесь Ленин не учел того, что полное равенство общества и диалектический материализм — явления парадоксальные, ибо при достижении полного равенства в обществе прекращается всякое развитие... Только с использованием частицы «пси» можно создать

однородное послушное общество, и современные марксисты знают об этом, хотя им придется иметь дело с духом.

— Слыхал я, слыхал! При коммунизме все будет отмирать, даже деньги... С одной стороны, это, конечно, хорошо. Сколько волокиты с этими деньгами. В основном от них исходит все зло: убийства, ограбления — все из-за денег... Банки, сберкассы — все это обуза для народа и государства! Я еще слыхал, будто в каком-то заморском государстве, где живут черномазые голодранцы без штанов, тоже взялись строить коммунизм и отменили деньги, как и должно быть при коммунизме. За то, что человек работает, его кормят и одевают, а на руки ничего не дают. Вроде наших арестантов. Они тоже ведь работают и за это получают еду, робу. Вообще-то неплохо! Кто ограбит нищего? Тем паче все знают, шо у него нет денег в кармане. Плохо то, шо арестантам не дают водки, они вместо водки пьют чифирь. Это крепкий чай. Слыхала небось?.. Ты, может, знаешь, как там будет при коммунизме-то? На что купить водку, ежели отомрут деньги? Как же тогда насчет выпивки-то? Строили, строили — и вот те на! Как арестантов будут кормить и одевать. На что она мне, такая жизнь, без выпивки! Не может этого быть! Чем ближе подходим к коммунизму, тем больше пьем. На мой взгляд, водка никак не может отмирать, пущай отмирает государство, деньги и все остальное, но водка останется. Видимо, она при коммунизме не будет выдаваться на руки, а будет добавляться в пищу, как лук, соль. Али будет даваться уколom, пилюлей... В таком случае я согласен строить коммунизм, это можно, лишь бы была водка...

При этом инвалид смотрел не столько на Миру Сергеевну, сколько на стоящую на голом столе бутылку водки, на дне которой блестили граммов сто «живительной влаги», без чего, по его мнению, невозможно жить даже при коммунизме.

Раньше Мира Сергеевна никогда не употребляла водку, но сейчас поняла, что хоть пить ее очень тяжело, зато эффект — намного сильнее, чем от шампанского или любого известного ей вина.

Чем больше они говорили, тем меньше Мира Сергеевна уходила от главного вопроса, ради выяснения которого она зашла к алкоголику и сидела с ним за одним столом как его собутыльник. Она ощущала прилив силы и эрудиции, но ей все-таки еще не хватало смелости, и она даже жалела о том, что не захватила с собой еще одну поллитровку.

Ветеран войны, как бы угадав желание сидящей напротив дамы, по-джентльменски выплеснул в ее стакан остаток водки, выплюнул потухшую «беломорину» в угол и, держась одной рукой за спинку стула, вытащил из-за шкафа бутылку с какой-то темной жидкостью. Ловким движением губ, как это обычно делают обезьяны при очищении фруктов, он обхватил пробку и, раскупорив губами бутылку, насыпал в нее несколько ложек поваренной соли. Затем он, нагнувшись, достал лежащую на полу палочку и начал размешивать ею находящуюся в бутылке жидкость с солью, строго соблюдая все тонкости сложного технологического процесса, названного «мешай-мешай» и известного только заядлым алкоголикам.

Через несколько минут работы инвалид налил из бутылки полный стакан «грязной» вонючей жидкости и, вытянув руку, сделал жест, чтобы Мира Сергеевна тоже взяла свой стакан с прозрачной и, по сравнению с политурой, ароматной влагой. Они выпили до дна.

— Крепковато, черт подери, не то шо водка! — буркнул инвалид, мотая головой, и поставил свой пустой стакан на стол.

От удушающей вони политуры Мира Сергеевна закашляла, отвернувшись от стола, а потом, как бы награждая инвалида за находчивость, улыбнулась. При этом она одной рукой держала тонкий бумажный пакет, внутри которого нащупала влажными пальцами эластичное резиновое кольцо.

— Вот эту штуку вы когда-нибудь видели, Иван Федотыч? — задала она свой давно приготовленный вопрос, показывая ему разорванный бумажный пакет.

— Кто его не знает! Даже моя внучка носит его в портфеле. В моем возрасте он уже не нужен, можно обойтись без него...

Инвалид с трудом улыбнулся, но неестественная улыбка, подобная улыбке неудачного подхалима, сделала его лицо страшным, отчего разорванный пакет выпал из расслабленной руки Миры Сергеевны на стол.

Хотя Мира Сергеевна в эту минуту претерпевала невероятное нервное напряжение, но заданный ею вопрос так и не получил нужного направления. Ее не интересовали ни сам инвалид, ни его внучка, в портфеле у которой валялись подобные пакеты.

Инвалид замолк, и лицо его мгновенно переокрасилось в сине-фиолетовый цвет, безразличные остекленевшие глаза пронизывали Миру Сергеевну насквозь, а щеки, обросшие рыжей щетиной, напоминали колючую ежовую шкуру.

Предельно напрягая нервы, Мира Сергеевна решительно приступила к выяснению вводившего ее в глубокое заблуждение вопроса, выражаясь членораздельно, по слогам.

— Для чего на войне гондон? — спросила она тихо, почти шепотом. — Скажите, Иван Федотыч, для чего он нужен на войне?! — продолжала она, повышая голос. — Вы же участник трех войн, награждены многими орденами и медалями, вон их у вас сколько — целая кастрюля. А еще хвастались в начале нашей беседы своими наградами! Я да я! Эх вы! Не можете ответить на такой детский вопрос! Тоже мне вояка! Еще раз спрашиваю вас: для чего на войне презервативы? А-а? Скажите, пожалуйста!

Инвалид пытался ответить, но вместо слов из его рта вырвалась кровавая пена, и он свалился на пол.

Испугавшись до смерти, Мира Сергеевна выбежала на улицу.

Она шла быстро и по дороге домой не встретила ни одного знакомого. Это ее радовало, но в то же время ее грызла совесть, что она оставила полумертвого инвалида одного, не оказав ему элементарной помощи. «Была бы я трезвая — непременно оказала бы помощь и даже вызвала бы «скорую», — переживала она, подходя к своему дому. — Если узнают о том, что я, учительница, зашла к алкоголику и выпивала с ним за одним столом! Ужас! Что будет-то? С треском выгонят меня с работы по особой статье! Вдруг умрет? Тогда тюрьмы не миновать! Меньше пяти лет не дадут и непременно лишат диплома... Ну и дура же я, зачем связалась с этим детским сочинением! Пускай пишут что хотят. Дурная голова ногам покоя не дает. Гиблое дело прямо... Что же делать?»

Прячась за угол своего дома, она заплакала и, решительно взяв себя в руки, пошла обратно к инвалиду с намерением оказать ему первую помощь.

В подъезде дома, где жил инвалид, с ней поздоровалась какая-то незнакомая женщина, отчего Мира Сергеевна была готова провалиться сквозь землю. После того как женщина вышла на улицу, Мира Сергеевна остановилась, держась за перила, ибо ноги ее были не в состоянии двигаться дальше. С трудом она сползла вниз и, опираясь одной рукой о стенку коридора, вышла на улицу. Она понимала, что если бы сейчас зашла к инвалиду, все равно от нее бы не было никакого толку и никакой помощи она не смогла бы оказать ему в таком подавленном состоянии.

Мира Сергеевна твердо знала, что если бы сейчас встретилась с инвалидом, независимо от того, жив он или нет, то, безусловно, потеряла бы сознание или, может, даже умерла бы. «Какой позор умереть рядом с ним, с этой страшной мордой, тем более наедине, в одной комнате! — смутно рассуждала она, стараясь как можно дальше уйти от его дома. — Возможно, свалюсь при оказании первой помощи, при проведении искусственного дыхания способом «рот в рот». До утра пролежишь с ним в обнимочку, губы в губы! А утром со всех домов прибегут зеваки, следователь и газетчики будут фотографировать во всех позах. Впоследствии могут даже показать по телевизору. Сразу же состроят сенсационный фельетон: тридцатилетняя морально разложившаяся учительница русского языка и литературы, напившись водки, умерла в объятиях 65-летнего больного старика. Где же пакет? Вот еще новость! — начала она суетливо рыться в сумке, упиравшись задом в шаткий забор палисадника. — Где же он может быть? Все ясно, остался на столе рядом с бутылкой! Выйдет настоящий детектив, если я пойду к нему снова: водка, презервативы, поцелуй и смерть в объятиях старика!»

При этих мыслях Мира Сергеевна свалилась вместе с забором в палисадник, находящийся недалеко от подъезда ветерана войны. Ноги ее вытянулись поперек тротуара.

Дамский вытрезвитель

Члены боевой комсомольской дружины, случайно наткнувшиеся на лежащую в палисаднике пьяную женщину, повели Миру Сергеевну в медвытрезвитель, расположенный неподалеку. Измятая, испачканная верхняя одежда, измученный, страдальческий вид и запах водки не вызывали никаких сомнений и в том, что она не пьяница и не валялась под забором, хотя Мира Сергеевна с первых же минут прихода в сознание усердно доказывала, что она ничего дурного не сделала, и умоляла, чтобы ее отпустили. Она сначала шла с дружинниками тихо и спокойно, зная о том, что эти ребята с красными повязками на рукавах все-таки не жулики, а члены БКД, и лишь потом, когда один из ребят, который был рьянее других, стал нахально щупать ее грудь, дала ему пощечину. За это член БКД «накатал» докладную на двух стандартных листах.

Будучи уже в медвытрезвителе, когда ее обыскивали, она укусила палец одному милиционеру, который тоже написал на нее рапорт. Таким образом, Мира Сергеевна за каких-то полчаса заработала столько неприятностей, сколько не имела за всю свою прожитую жизнь.

Когда ее допрашивали, она по своей неопытности допустила не меньшую промашку, чем пощечина дружиннику и укус пальца милиционера, назвав себя Ивановой Анфисой Петровной, проживающей по другому адресу, работающей каменщиком на стройке. К двум предыдущим неприятностям, которые

оценивались в официальных документах как рукоприкладство и сопротивление представителям власти, прибавилась третья роковая ошибка, называемая обманом официальных служебных лиц.

Мира Сергеевна поняла свою третью ошибку сразу же, когда дежурный по вытрезвителю моментально, нажав на кнопку селектора, уточнил ее адрес, фамилию, имя, отчество, год рождения и место работы. Но признаваться она все-таки не думала, веря в гуманность своих кумиров, в этой вере ежедневно в течение всей жизни воспитывали ее средства массовой информации — печать, радио, кино, и сама она старалась привить ученикам уважение к работникам милиции, даже агитировала подростков стать членами БКД.

А сейчас, находясь за решеткой в окружении вооруженных грубых, нахальных милиционеров, Мира Сергеевна для себя сформировала новое, совершенно иное, мнение о блюстителях порядка и, привязанная прочной веревкой к специальному стулу, размышляла: «Значит, все граждане Советского Союза на строгом учете и на них заведено досье не только на работе, но и в органах милиции, как на арестантов. Разница только в том, что арестантов водят на работу под конвоем, а гражданин идет самостоятельно. Хотя гражданин ходит на работу без конвоя, но зато за ним следят органы КГБ и МВД, ОБХСС, партийный и народный контроль, КРУ, партия, комсомол, пионеры и октябрята, профсоюзы, БКД, ДНД, опорные пункты и многочисленные негласные агенты... Оказывается, вся наша необъятная страна плотно окружена вооруженными до зубов пограничниками и откормленными первосортным мясом овчарками не для задержания иностранных шпионов и агентов, а для удержания своих граждан, чтобы они не убежали за границу, как арестанты из тюрьмы».

Не добившись признания, Миру Сергеевну — условно Иванову Анфису Петровну, раздев до нижнего белья, втолкнули в камеру, где, скрючившись, валялось много пьяных женщин.

Одна из них, забившись в угол, плакала в три ручья, а из разбитого ее носа капала кровь вперемешку со слезами, которая скапливалась на полу, образуя темно-красный блин величиной с большую сковороду.

— Вот как они меня уделали, эти блюстители порядка! — шептала она своими разбухшими, окровавленными губами. — Я ведь, дура, вызвала их по телефону-автомату сама, надеясь на то, что они наконец-то усмирят наших подъездных хулиганов. Впрямь не дают они житья в нашем доме! Оказывается, хулиганы-то знакомы с дружинниками, просто-напросто они оказались друзьями. Поздоровались за руку, покурили и пошутукались, зашли к ним домой, как бы для проверки. Потом повели их в опорный пункт милиции и меня захватили в качестве свидетеля... И тут-то вышло все наоборот! Их отпустили на все четыре стороны, а меня потащили на медэкспертизу по определению алкоголя. Я тогда уже поняла, что дело пахнет вытрезвителем, и стала отбрыкиваться. Дура же я, только что ведь вернулась с именин и, естественно, была выпившая. Это как раз было им на руку... Не пошла я на экспертизу! А что толку-то? Они меня отлупили как следует и даже составили протокол за клевету и сопротивление, будто не они меня били, а я их! Меня зовут Клавой...

Будучи в шоковом состоянии, Клава громко зарыдала, а после, захлебываясь слезами, постепенно успокоилась и, временно разрядив свою душу, заснула, сидя возле своей кровавой лужи.

Как только захрапела Клава, зашевелилась другая женщина, мастерски «прикованная» к топчану. Руки у нее были задраны за спину и связаны, а вытянутые ноги по отдельности охвачены прочными брезентовыми ремнями и привязаны к металлическим кольцам. Голова ее одним ухом была прижата к подголовнику топчана, а сбоку висела массивная, как пустое коровье вымя, грудь, вывалившаяся из-под рваной сорочки. Седые разлохмаченные волосы, будто нарочно пряча женщину от нежеланных глаз, прикрывали половину ее лица.

— Девяносто девять процентов лягавых можно без суда и следствия отправить в рай! — заговорила она сама с собой среди хрипящих и стонущих. — Суд понадобится только для определения способа отправки. Из этого числа тридцать шесть процентов отправить пулей, тридцать один процент — топором, а остальные тридцать два процента — веревкой. Но тут заседатели обязаны выяснить вопрос дотошно: чем и как? Ножом или топором? Если ножом, то как — со стороны горла или со стороны позвоночника? Суд также должен учитывать место службы лягавого: то ли он издевался над людьми в вытрезвителе, то ли в ОБХСС, то ли в лагере. Кого он оберегал, и был ли он блюстителем порядка или блюстителем беспорядка?.. Насчет приговоренных к повешению опять-таки правосудие должно подходить дифференцированно. Петлю на шею — слишком либерально. Из всех приговоренных к повешению шестьдесят процентов должны вешаться нормальным способом, значит, за шею, а остальные — особым способом, то есть за яйца...

— А как быть с теми, у кого нет их, если выпадет им смертный приговор через повешение особым способом? — вступила в разговор соседка, перебивая «связанную». — Вон их сколько развелось-то! Даже здесь, в вытрезвителе, служат три такие: одна в офицерском мундире, а две — в сержантском. Хватаются,

как овчарки лагерные. Больше половины выпускниц юрфака университета становятся лягавыми — то ли она работник ОБХСС, то ли работник вытрезвителя, то ли следователь тюрьмы или лагеря. Как же с ними быть-то, за какое место их вешать, если выпадет такое счастье? Насчет девяноста девяти процентов ты, конечно, придумала правильно, но вот этим твоя серая голова ничего не могла придумать! Хэ-хэ! Это тебе не по зубам, не то что сосать тройной одеколон!

— Кончай полоскать мою седую голову, она еще пригодится! — строго перебила ее связанная, выплевывая свои волосы, влезавшие в рот. — Для меня это такой же простой вопрос, как для тебя выпить бутылку политуры... За то, что эта безъяичная тварь сует свое рыло в мужское дело, желательно всю эту сволоту беспощадно сажать на кол. Это намного хуже... Ясно? Хотя я и алкашка, но моя седая башка кумекает лучше, чем треплет твой мозолистый язык.

— А что это такое — кол? Что за инструмент?

— Кол — это, дура, острое бревно, толщина которого подбирается по комплекции приговоренного. Для тебя, например, достаточно кола толщиной с кулак, а вот для той верзилы, которая храпит там, как извозчик, потребуется кол толщиной с телеграфный столб... Ты когда-то, видать, сажала своего ребенка на горшок. Вот возьмут тебя, как ребенка, и посадят. Только не на горшок, а на острое бревно! Не гладкое бревно, как это представляет твоя дурная башка, а с занозами! Ты будешь орать диким звериным криком. Чем ты громче заорешь, тем больше эффекта от казни. Хорошо, если кол пойдет с первого захода. Этот ювелирный процесс зависит не только от палача, но и от самого приговоренного. Здесь тоже есть свои правила: нужно расслабить нервную систему, подготовить свой организм к смерти, а для этого требуется определенное мужество... Вот, дорогая, как раз такой способ подходит для твоей безъяичной гвардии, о которой пишут мужественные стихи, снимают героические киноленты, сочиняют бессмертные песни... Я, дорогуша, врач по образованию, кое-что понимаю. Не думай, что я тоже такая же мишура, как вы все тут! Не с кем тут разговаривать-то...

— Такие страхи ты рассказываешь, что мне и впрямь захотелось выпить, хотя бы политуру...

— Все это ерунда, дура! Не так страшен черт, как его малюют. Эти приемы хороши только для наведения страха на других. То ли тебя вешают, то ли сажают на кол — все равно потеряешь сознание через несколько секунд. Разница только в секундах. Конечно, предсмертная секунда — это не обычная секунда. Нет, это очень длительное время! Что тебе толковать-то об этом, сам Эйнштейн кое-как разобрался в этой теории, а может быть, даже и не разобрался... Тебе это, дура, действительно не по зубам... Как бы то ни было, казненный некоторое время дергается, хотя и без сознания, и невольно развлекает своим поведением того, кто его приговорил... Страшнее всего, когда тебе сломают хребет или всадят пулю в живот, при такой казни мучение может продолжаться днями...

— Вот ты, лекарь, заладила разговор про лягавых! Все это верно. Они, как роботы, не брезгают ничем и никем, без раздумья выполняют самые грязные приказы. Хотя ты хвалишься, что твоя башка кумекает, на мой взгляд, ты еще мелко плаваешь... Есть категория работников намного вреднее, чем лягавые. Это деятели литературы и разного рода искусства: писатели, артисты, художники и прочие бездельники. Как раз они-то и затуманивают мозги простого народа, растолковывая все происходящее в розовом цвете, в том числе и лягавых. Ты видела по телевизору участкового милиционера Анискина? Какой он идеально хороший! За эту роль похвалил актера Михаила Жарова сам министр внутренних дел СССР Щелоков, его приглашали на все милицейские праздники, он у них почетный гость! Девяноста девять процентов деятелей литературы и искусства — марионетки, на которых расходуется львиная доля национального дохода. Народ, как и ты, еще не научился отличать подлинное искусство от искусства соцреализма... Я раньше работала в популярнейшем театре, даже снималась в кино. В конце концов надоело играть лживые роли. В те годы меня возили в роскошных автомобилях, подавали шампанское в звонких бокалах, а теперь, как видишь, пью из горла всякую дрянь, даже политуру. Вот что значит характер, не люблю соцреализм, не люблю врать! У нас носят на руках авторов «милицейского вальса», «марша милиции», «милицейского свистка»... Вот на что бы ты посадила, например, композитора Пахмутову и поэтов, которые сочиняют для нее стихи? Как их там?.. Вот черт, выскочило из головы, вертится на языке, но никак не вспомню...

— Кто их не знает, этих двойняшек! У тебя склероз. Грабильников и Дряблонравов...

— Да, да! Они на пару пишут стихи... Ну, черт, бывает же! А песню они пишут втроем: композитор и два поэта. Поедет эта тройка за счет народного кошелька в длительную творческую командировку на великую стройку коммунизма, где ишачат в основном зэки, и сочиняет там на троих одну комсомольскую песню целых два месяца. Они не замечают там никаких зэков, а изображают в песне счастливых, жизнерадостных девчат, танцующих вальс на палубе! Вообще-то смешно, как это писать стихи вдвоем? Значит, у них общие мозги. Скажем, попытались бы написать общие стихи Есенин и Маяковский. Они бы

тут же вызвали друг друга на дуэль! Да, есть еще у нас подобные художники-карикатуристы. Те вообще ловко приспособились! Нарисуют втроем обыкновенного русского поросенка, одетого в мундир пузатого заокеанского генерала с запачканным кровью топором и получают за это звание народного художника, лауреата Государственной премии и даже Героя Социалистического Труда. Тот, кого они старательно изображали в течение нескольких бессонных ночей жирным грязным поросенком, оказался красивым, стройным человеком весьма либеральных политических взглядов... Всю их работу, которую они рисовали в течение полувека втроем, мог бы сделать ученик средней школы во время школьных каникул. Не люблю я соцреализм... Социализм — это вовсе не соцреализм. Соцреализм — это язва социализма, и без удаления этой язвы не выжить социализму... Если ты врач, то должна знать состояние человека с язвой желудка: он умирать не умирает и жить не живет. Внешне он похож на других нормальных людей, а внутри — язва, и он все чахнет и чахнет. Страна, зараженная соцреализмом, тоже внешне похожа на другие нормальные страны, а внутри пусто и отсутствует здоровое развитие, кроме показухи. В стране социализма не должно быть ни одного недовольного человека, нет там алкоголиков и больных, воров и хулиганов, даже не бывает пожаров и наводнений, а если произойдет девятибалльное землетрясение, то оно проходит без всяких разрушений и человеческих жертв. Никогда не бывает крушений поездов и авиационных катастроф. Соцреализм — это когда желаемое выдают за действительное. Но для уголовников и лягавых соцреализм только на руку, ибо за счет соцреализма они выглядят ангелами... Ничего ты, коновал, в этом деле не кумекаешь. Эта штука тонкая. С соцреализмом я столкнулась в раннем детстве: будучи ученицей четвертого класса, я много раз играла роль пионера в школьном самодеятельном драмкружке. На сцене каждый раз я выдавала родного отца, который приволок ночью домой полпуда краденого колхозного зерна, в результате чего отца каждый раз сажали в тюрьму, а пионера каждый раз перед всем классом директор школы награждал похвальной грамотой... Но вскоре произошел аналогичный случай в нашей деревне с одним мальчиком из младших классов. Отца его той же ночью куда-то увезли, откуда он так и не вернулся, а портрет мальчика, как портрет героя, висит в школе и поныне... Я лишь недавно поняла, что, играя свою детскую роль в школьном драмкружке, фактически совершала величайшее преступление, заслуживающее «вышку». Я ведь, дура, призывала всех школьников убивать своих родителей, которые по шестнадцать часов в сутки ишачили на колхозных полях за пустые трудодни, не получая за свой труд ни одного грамма хлеба, ни копейки денег. Фактически этот родитель не украл колхозный хлеб, а лишь взял долю своего законного заработка. Спрашивается, зачем этот родитель, рискуя жизнью, решился на хищение зерна? Чтобы прокормить своего сына-пионера, который впоследствии упрятал его в тюрьму. Ясно? Колхозник тридцать лет ишачил бесплатно и находился в намного худшем положении, чем крепостной крестьянин, ибо крепостного за труд кормили, одевали, а колхозник был лишен этого элементарного удовольствия... Вот почему рабочий класс считается передовым классом? Потому что он силой оружия и дубинок помог подавить крестьянство и в дальнейшем вынудил его трудиться бесплатно. Диктатура пролетариата сделала рабочих жандармом. Хотя колхозник за свой тяжелый ненормированный труд ничего не получал, но его вдобавок заставляли, используя диктатуру пролетариата, платить непосильные налоги. Со своего крохотного участка земли и ограниченного числа скота он сдавал государству мясо, молоко, яйца, шкуры, шерсть, картофель, деньги... Есть такой анекдот. На вопрос экзаменатора: «Кто был этот человек при жизни?», студент мединститута, не задумываясь, ответил, что скелет был при жизни колхозником. Экзаменатор возмущенно спросил: «Почему скелет не был рабочим?» Студент уверенно аргументировал, показывая на определенные органы стоящего в стеклянном шкафу скелета: «Потому что он мясо сдал, шкуру сдал, шерсть сдал, яйца сдал».

— Хи-хи-хи! — засмеялась врач. — Все сдал, даже яйца и шерсть! Развяжи меня, а-а! Все кости болят. Гады, никакой жалости у них нет, я бы их всех посадила на кол, ладно уж, один процент оставлю на всякий случай...

— Развязать я тебя не могу, лекарь, но ремешки немного расслабить можно, — согласилась артистка. — Как бы не засек лягавый, тогда и меня свяжут вместе с тобой... Тупица же ты, лекарь, наверняка не знаешь, почему сейчас ввели карточки на мясо и масло. А еще врач! Все дело в колхозниках, лекарь, они теперь налогов таких не платят и не работают бесплатно. Хрущев, отменив налоги, расшатал диктатуру пролетариата, и теперь пролетариат тоже голодает, колхозы и совхозы не в состоянии обеспечить население продуктами. А официальная пропаганда сваливает нехватку продуктов питания на обжорство людей: дескать, теперь стали больше жрать, чем раньше. Наивно! Зачем я буду жрать лишнее, если сыта? Дудки! Сталин сдирал с каждой деревни безвозмездно за счет личного хозяйства колхозников в среднем в год сорок тысяч килограммов мяса, двести тысяч литров молока, сто тысяч штук яиц, много шерсти,

много шкур... Умножай эти цифры на количество деревень в стране, и полученная цифра укажет тебе, где собака зарыта...

Гермафродит

— Прекратите изливать желчь, скоты! Вы не люди, а выродки! Ишь как распоясались, отлуплю всех, гады! — пригрозила та верзила, для которой связанная определила только что кол толщиной с телеграфный столб. — Замолчите, гнусные рожи, сейчас же! Нашли о чем болтать, бездельники. Расстрелять вас надо за такие разговоры. Алкадралы, заговорили о политике! Не ваше это телячье дело... Неблагодарные твари, мильтоны вас охраняют от жуликов и бандитов, а вы родной милиции промываете кости... Вы тут, змеи, бываете один раз в году, а я каждую неделю. Спите, гады, мне надо отдохнуть!

Верзила сначала успокоила актрису, которая спорила со связанным врачом, и, столкнув ее с топчана, обдала трехэтажным матом. Потом осторожно, с изучающим видом, подошла к остолбеневшей от недоумения Мире Сергеевне и ее обошла вокруг, любуясь очертаниями ее тела и нарядной комбинацией. Случайно очутившись в медвытрезвителе среди оборванных, грязных женщин-алкоголичек, Мира Сергеевна чувствовала себя неловко и выглядела, словно она вырядилась для первой брачной ночи.

— У тебя, черт подери, новенькая шелковая комбинация, краля, даже бирки не оторваны! — мягко заговорила верзила, сделав два круга вокруг Миры Сергеевны. — Ты откуда, как тебя зовут-то? Первый раз, видать? Меня зовут Машей! — подала она ей свою огромную шершавую руку.

— Анфиса! — ответила Мира Сергеевна тихо. — Я попала сюда чисто случайно...

— Никто сюда не попадает специально, все попадают случайно. Я вот здесь ночую каждую неделю и каждый раз попадаю случайно... А ну-ка, крошка, раздевайся! Посмотрю я на тебя, как ты выглядишь в костюме Евы. Потом ляжешь со мной, я тебя согрею и оставлю тебе одеяло. Меня рано утром выгонят отсюда, у меня уже за ночлег уплачено двадцать пять рублей. Не бойся, я не вшивая... А ну живее, иначе моргалы выколю! — скомандовала она, поднося к ее глазам вытянутые два пальца правой руки. — Считаю до пяти! Ра-а-з...

Со счетом «два» она содрала с нее комбинацию.

В камере никто уже не спал, все с любопытством следили за поединком между растерянной хрупкой и беззащитной Мирой Сергеевной и сильной высокого роста неуклюжей женщиной. Она была плечистая, с хорошо заметными рыжими усами и, никого не боясь, командовала мужским хриплым пропитым голосом.

Хотя верзила испугала Миру Сергеевну, но не собиралась выколоть ей глаза и поэтому, чтобы не оказаться в дураках, сосчитав до четырех, ловким кошачьим движением сдернула трусики.

В неравной схватке Мира Сергеевна упала, и когда она, стремясь быстро подняться, оказалась на четвереньках, все пьяные заржали хором, покатываясь, а одна любительница острых ощущений с крупными синяками под глазами выражала свое удовлетворение одиночными продолжительными аплодисментами.

При этом надзиратель, наблюдавший в этот момент у специального окошечка на двери камеры, получил незабываемое наслаждение, увидев идеальный натуральный женский зад, который раньше видел лишь на стенах общественных туалетов. «Хороша баба! — облизнулся он, не сдержавшись и еще плотнее прижимаясь правым глазом к дверному окошечку. — Так тебе и надо, курва, это еще только цветочки, а ягодки созреют в лагере! Здесь всего лишь оголяют тебя, а там будут бить, резать, насиловать и все остальное, о чем ты даже и не мыслишь», — рассуждал он через полминуты, узнав Миру Сергеевну, и, пощупывая свой слегка схваченный ее зубами мизинец, был вынужден отойти к другой камере, где начал бушевать недавно привезенный пьяный.

Публично оскорбленная и окончательно побежденная Мира Сергеевна, не помня себя и обливаясь слезами, отдала свой лифчик сама и из-за нехватки мест невольно легла рядом со своим самым ненавистным врагом на общий удвоенный топчан, стоящий в дальнем темном углу, у стены.

Среди ночи, когда все пьяные в камере захрапели, верзила набросилась на неспавшую Миру Сергеевну, как голодный зверь на добычу, и начала ее целовать, наслаждаясь ее телом каким-то необычным для нормальных людей образом. Мира Сергеевна пыталась кричать в объятиях верзилы, но верзила накрыла рот своими толстыми, словно лошадиными, губами, от которых той пришлось избавляться с помощью острых зубов. Тогда обозленная верзила прижала всю ее носоглотку своей тяжелой шершавой ладонью, чуть не удушив ее. Мира Сергеевна оказалась в тисках смерти, она не могла ни пошевелиться, ни закричать и согласилась на все, лишь бы не задохнуться.

Удовлетворившись, верзила пригрозила ее задушить, если она разболтает кому-либо о случившемся. Хотя при удовлетворении своей потребности верзила почти что не трогала Миру Сергеевну, а только

издевалась в течение нескольких гнусных минут, но, по мнению Миры Сергеевны, это было намного омерзительнее, чем умереть в объятиях того грязного пьяного старика.

Верзила вскоре захрапела, отвернувшись от своей жертвы и укрывшись большей частью общего казенного одеяла, а Мира Сергеевна, чувствуя отступление грозившей смерти, тихо, боясь разбудить верзилу, заплакала и наконец догадалась, что рядом с ней лежит полумужчина-полуженщина, так называемый гермафродит. Она вспомнила давнишний случай, когда судили одного гермафродита за то, что он обещал хирургу крупную сумму взятки, чтобы тот удалил ему грудь. Ей вспомнилась запрещенная брошюра, которую она тайком читала еще в студенческие годы, где писалось о гермафродитах, но в жизни она никогда их не встречала. После продолжительных позорных скрытых слез и трусливого рыдания у Миры Сергеевны появилось трезвое и решительное желание заорать во всю глотку, разбудить всех храпящих пьяных, позвать на помощь надзирателя. Но в то же время она твердо знала, что обнародование этого омерзительного случая принесет ей самой еще больше позора, чем гермафродиту.

Правосудие

Утром начали вызывать женщин к начальнику медвытрезвителя для рассортировки: кого перевели в камеру предварительного заключения (КПЗ) для ожидания суда, кого отпускали на волю с последующим сообщением на место работы для административного наказания.

Из всех женщин перевели в КПЗ троих. Клаву, которая плакала вчера в камере, ожидало минимум пятнадцать суток принудительных работ, а двух других — крупный штраф.

Продержав полдня в КПЗ, Клаву с двумя женщинами привезли на специальной машине, называемой «черный ворон», в сопровождении двух конвоиров к подъезду районного народного суда. В машине находилось еще десять осужденных за мелкое хулиганство мужчин.

Тринадцать подсудимых, войдя в помещение, расселись на стульях, расположенных вдоль стены зала ожидания суда, а конвоиры заняли свои места у входной двери. Вызывали в зал суда, где разбором дел занимались только двое — народный судья и народный заседатель, по одному.

Дело в суде шло быстро. Каждому подсудимому народный судья зачитывал убедительный, заранее состряпанный на основании различных рапортов и докладов приговор, и осужденный, оказавшись в безвыходном положении, соглашался, как правило, на любой штраф или на принудительные работы с различным сроком.

— Смешно все это! — зашептала подсудимая Клава на ухо соседу, глядя на двух вооруженных конвоиров, сидящих у входной двери зала ожидания. — Неужели кто-нибудь из подсудимых убежит отсюда? Ведь у каждого из нас всего лишь копеечная вина, а у некоторых вообще нет никакой вины! Неизвестно, зачем нас охраняют. От кого и от чего? Все это напоминает детскую игру. Но на эту игру тратятся миллиарды, ибо играют здесь высокооплачиваемые представители. Вместо того чтобы судить бандитов, жуликов, хулиганов и воров, они занимаются пьяными. Ведь пьяные-то и есть строители коммунизма. Разве в России когда-нибудь был такой массовый алкоголизм? Никогда! Пьют дома, пьют на работе, пьют утром, пьют днем, пьют вечером, пьют ночью, пьют в ресторанах, пьют за углом, пьют за рулем, пьют в туалетах, пьют в банях, пьют в больницах... Пьют начальники, пьют работяги, пьют учителя, пьют ученики, пьют мужчины, пьют женщины, пьют дедушки, пьют бабушки, пьют в горе, пьют в радости, пьют за покупку, пьют за продажу, пьют за отъезд, пьют за приезд, пьют за пожар, пьют за землетрясение, пьют за окончание семи классов, пьют за докторскую диссертацию, пьют за первую получку, пьют и за последнюю... Пьют дураки, пьют умные, пьют здоровые, пьют больные, пьют за рождение, пьют за смерть. Пьют водку, пьют самогон, пьют одеколон, пьют денатуру, пьют политуру, пьют лаки, клей, краски и даже едят сапожный крем и зубную пасту! Словом, непьющих у нас фактически нет. Если в нашем обществе появится непьющий, то ему будет жить так же тяжело, как дрессированному зверю на воле. Вот на моих глазах стал алкоголиком мой сосед. Ведь был непьющий молодой талантливый инженер, труды его печатались в журналах! Он не знал, куда приложить свою неисчерпаемую энергию. Сначала он попробовал работать в двух местах — ему запретили, не положено по закону! Потом он начал вечерами у себя дома готовить молодежь к вступительным экзаменам в институт, тут ему тоже наложили запрет. И наконец он стал шабашить! Сколотил хорошую бригаду из молодых, энергичных инженеров и студентов и во время отпуска строил колхозам коровники... Но тут его разнесли окончательно в фельетоне, состряпанном известным журналистом в центральной газете. Облили грязью с головы до ног трудягу за то, что он работал и приносил пользу себе и обществу... Обвинили его в стремлении к наживе, что противоречит моральному кодексу строителя коммунизма. Ему запретили строить коровники, запретили

готовить абитуриентов, словом, ему запретили, как и всем гражданам, получать больше одной зарплаты и тем самым захоронили заветную мечту его детства. На честно заработанные деньги он мечтал купить автомобиль... Сами знаете, зарплаты инженера кое-как хватает только на еду... Фельетон был обсужден, как это у нас принято, коллективом завода, где инженера «прочистали», пока он не понял свою «ошибку». Газета сделала свое дело — он уволился с работы, от него отвернулись знакомые и друзья, от него ушла жена! После всего этого талантливый инженер начал в свободное время играть во дворе в домино, как все остальные строители коммунизма, а через некоторое время стал и выпивать с ними. Теперь он настоящий алкоголик, даже пьет политуру. Он почетный игрок нашего двора, его никто нынче не упрекает, никто о нем не пишет фельетоны, у него исчезло стремление к наживе, а появилось другое стремление — пропивать все, что есть в кошельке. Он шагает со всеми в ногу... Некоторые наши идеологи знают истинную причину теперешнего прогрессирующего алкоголизма, но бороться по-настоящему с этим злом не могут по одной простой причине: алкоголизм в России порожден насильственным переделыванием общества, то есть отменой частной собственности и ограничением личной свободы граждан. Алкоголизм есть одна из многих трудностей, которую создала сама идеология и теперь безуспешно героически пытается ее преодолевать. Значит, это борьба с самим собой. Такому не бывать! Поэтому идеологи борются с алкоголизмом лишь формально, ради показухи. Стремясь показаться перед напуганным своим народом и наивной мировой общественностью истинным врагом алкоголизма, государство непрерывно повышает цену на водку. На первый взгляд, все это как будто правильно, но такая мнимая борьба сильно затуманивает мозги. Будто логично: дороже водка — меньше пьянства. Все происходит на наших глазах и практически получается обратный эффект: растет цена на водку — растет алкоголизм. Человек свободного труда и свободной зарплаты пить не станет и тогда, когда водку ему будут давать бесплатно. Мнимая борьба с алкоголизмом приносит государству не только моральную поддержку, но и огромную материальную и идеологическую пользу. А идеологическая польза вытекает из задач создания нового общества, ибо алкоголик, промотав всю месячную зарплату в течение недели, становится как раз таким, каким должен быть советский человек. Кстати, вы не знаете, почему суд называется народным? Судья народный, заседатель тоже...

— Это, видимо, потому, что здесь судят простых людей, то есть народ, а не высокопоставленных начальников и руководителей. Есть еще военный трибунал, тот уже не народный...

Наконец подошла очередь Клавы, и она под конвоем зашла в комнату, где заседал суд в составе народного судьи и заседателя. Именем республики судья огласил Клаве приговор, по которому она осуждалась на пятнадцать суток принудительных работ.

Когда по указанию судьи конвоир стал выводить Клаву из комнаты, она начала протестовать против вынесенного ей приговора.

— Как же это получается-то? Я жаловалась на хулиганов, которые день и ночь пьянствуют в подъезде, бьют двери и окна, оскорбляют и избивают людей, пугают детей и всех жителей держат в страхе. Вдруг каким-то образом я сама попала на пятнадцать суток. Буду жаловаться! Где прокурор, где адвокат, где свидетели? Где же правосудие?

— Вы оклеветали честных людей, ударили кулаком милиционера, пинали ногой членов БКД! Здесь все расписано, против вас восемь подписей. Ваши действия выходят далеко за рамки мелкого хулиганства, а мы судили вас за мелкое хулиганство, учитывая вашу болезнь и возраст... Дело ваше, если будете жаловаться, то получите минимум год лишения свободы...

Сознавая свою беспомощность, Клава замолчала и как будто успокоилась, хотя в душе кипело отчаяние, и в эту минуту ей хотелось ударить конвоира, оскорбить народного судью и заседателя и проделать все то, о чем было сказано в лживом приговоре народного судьи. Но она по своей физической слабости ничего не могла сделать, кроме как молча терзать свою душу.

Клаву вместе с другими осужденными за мелкое хулиганство привезли в спецмашине «черный ворон» в исправительно-трудовой лагерь, расположенный в черте областного города. Высокие двойные заборы с трехрядной колючей проволокой поверху, наблюдательные вышки с солдатами и овчарками дурно подействовали на Клаву, и она, войдя на территорию лагеря, тихо заплакала, скрывая слезы.

— Не плачьте, тетушка! Люди без всякой вины отбывают по пятнадцать лет, а у вас всего лишь пятнадцать суток. Плюньте на все, мигом пройдет полмесяца. Сюда ежедневно привозят около двухсот человек, подобных вам. У меня срок такой же, как и у вас. Успокойтесь, переживем! — утешал ее интеллигентного вида молодежавый мужчина, с которым Клава шепталась в здании нарсуда. — Ну, перестаньте же, хватит хныкать! А материться умеете? Нет, конечно! Это никуда не годится... Чем плакать молча, лучше громко выругаться, ибо последнее разряжает нервную систему намного эффективнее. В

свое время я тоже плакал, а теперь, сами видите, ни одной слезиночки! Причина проста: я научился материться. Вы, наверное, заметили, что я разговариваю сам с собой. Признаюсь по секрету: я не разговариваю, а матерюсь. Люди не знают моего секрета и считают меня сдвинутым по фазе. На людях я матерюсь только шепотом, как сейчас, а когда попадаю в безлюдное место, выдаю серию таких матюков, от которых желтеет трава, заговорят навеки застывшие надгробные камни, испаряются на небе облака, на дорогах поднимаются столбы смерчи и даже замирает на некоторое время родное вечно живое московское радио! Будучи верующим, я материл бога, а когда стал безбожником, ругаю уже другого... Матерю Ленина.

Слушая безбожника, Клава перестала плакать, словно загипнотизированная, и, по ее мнению, этот атеист был или диссидент, или сексот.

Особая взятка

Поскольку Мира Сергеевна все еще не признавалась, выдавая себя за каменщицу Анфису, ее не выпустили на волю и оставили в камере одну, закутавшуюся в пропахшее мочой и блевотиной казенное одеяло. По существующему положению не выпускался из вытрезвителя ни один задержанный, если не установлена его личность. До выяснения личности Миру Сергеевну решили временно оставить в вытрезвителе с переводом в одиночную камеру.

«Одиночка» находилась в самом конце коридора, и Мира Сергеевна шла за надзирателем, придерживая руками непослушное одеяло.

Когда Мира Сергеевна открывала незапертую дверь пустой камеры, она нечаянно наступила ногой на кончик одеяла и, споткнувшись, невольно обнажила свою ослепительно дивную фигуру.

Растерявшись окончательно, она юркнула в камеру, оставив одеяло на полу у порога рядом с надзирателем, который в недоумении сначала схватился за пистолет, а потом, придя в себя, жеманным голосом начал уточнять, на что она обменяла свое белье.

Обнаженная Мира Сергеевна растерянно стояла у стенки, прикрывая маленькими интеллигентными ладонями свое богатое, намного более развитое, чем остальные органы, грешное место. Вспоминая вчерашнее смертельно угнетающее и сегодняшнее рандеву с гермафродитом, она сейчас не брезговала никаким мужчиной, будь он молод или стар, красив или уродлив. По ее мнению, человек, побывавший с гермафродитом, должен надолго запомнить это, будто его заставили выпить черпак фекалий из общественной уборной, и такая тошнота должна сделать человека более снисходительным по отношению к противоположному полу.

— Я вас вчера сразу заметил, даже нашим работникам понравился ваш наряд. Вы же были в новеньком чистеньком гарнитуре! За ночь вы успели обменять его на что-то? Конечно, это случается по пьянке, вы не первая... Наверное, проиграли в карты? Возможно, обменялись на таблетки? Вы наркоманка, что ли? Как будто ваша физиономия не подтверждает этого. Я наркоманов встречал много, иногда они бывают у нас, — резюмировал надзиратель, передавая ей одеяло. — Укройте, а то здесь прохладно...

— Ни-ка-кая я не нар-ко-ман-ка и не обменяла белье ни на что! — заплакала Мира Сергеевна, сидя на единственном в этой камере топчане. — Меня раздели ночь-ю...

— Кто же мог раздеть вас?! А-а, вчера же с вами находилась Маша усатая, она, наверное! Здоровая женщина, да? Она частенько тут бывает...

— Да! — ответила Мира Сергеевна тихо, будто чувствуя за собой вину, и заплакала еще сильнее.

— Не плачьте, гражданка, не надо! Сегодня же вечером ваше белье будет у вас. За это она получит статью, мы об этом позаботимся...

— Нет, нет, товарищ милиционер! Не хочу я с ней связываться, черт с ним, с бельем. Мне кажется, она не совсем нормальная, я ее просто боюсь... Прошу вас, не связывайте меня с ней! Если вам нетрудно, то купите, пожалуйста, мне белье. В моей сумке есть деньги, а универмаг здесь рядом... Сорок шестой размер, второй рост, пожалуйста... За это я могу вам сделать все, что захотите... Я порядочная женщина и попала сюда чисто случайно. Если бы вы могли освободить меня, то просто спасли бы мне жизнь... Я работаю в школе, и пребывание в этом заведении для меня равносильно смерти... Пожалуйста, я вас очень прошу! Не бойтесь меня, я не потаскуха! Не стесняйтесь меня, товарищ милиционер, я же не взятка, и за это вас не осудят...

— Я вас, конечно, понимаю и рад бы помочь вам, но ведь я тут не один... Хотя сейчас вытрезвитель пуст и начальство сюда не заглядывает, но у входа сидит мой напарник, которому вы вчера укусили палец. Кстати, он после этого накатал большой рапорт, по которому могут вас посадить на пятнадцать суток.

Хотите, я с ним поговорю, чтобы он забрал свой рапорт, пока он не попал в руки начальства? Да, еще на вас состряпал докладную дружинник! Но его докладная еще лежит у нас в столе... Пойду-ка я поговорю...

— Подождите, подождите! Раз вы хотите мне оказать услугу, почему же я должна оставаться в долгу?.. Я же уже готова, идите ко мне! А что, боитесь прелюбодеяния? Ясно, ясно... Аскет, значит, — уговаривала его Мира Сергеевна томным голосом, стараясь освободиться из плена любой ценой.

— Вообще-то я боюсь таких болезней... Но я человек предусмотрительный, и у меня есть на этот случай «галoши»...

— Что вы, товарищ милиционер, я никогда ничем не болела! Я кристально чиста! На что вы намекаете? Это было бы ужасно! Прелюбодеяние — вовсе не болезнь, а нарушение супружеской верности... Измена, понятно? О каких-то галошах заговорили. По-моему, их сейчас никто не надевает, они вышли из моды... Да и зачем они, здесь кругом асфальт?..

— Вы меня извините, пожалуйста, я вас не так понял. Вот тупость-то какая! А вы, оказывается, тоже меня не поняли. Я имел в виду не настоящие галоши, а эти самые... Вот те на, разговариваем на одном языке, а объясниться не можем...

Она легла на топчан, слегка укpывшись одеялом, а он, на всякий случай выглянув в коридор, сначала осторожно присел возле нее, а потом, как «голодный» солдат, прижался к нежному телу Миры Сергеевны своими металлическими пуговицами и пряжками и вскоре весь был в обильном поту, который лился с него не только от сладости, но и от страха за свою шкуру.

Хотя надзиратель, отдавая всю свою физическую энергию и ласку, бесконечно целовал ее губы, лицо, шею, но Мира Сергеевна старалась оставаться равнодушной, оберегая себя от преждевременной усталости, ибо она твердо знала, что через несколько минут здесь ее будет целовать и проливать пот его напарник, младший сержант, который сейчас, ничего не подозревая, дремал у телефона.

...Уходя из вытрезвителя, Мира Сергеевна оставила надзирателям двадцать рублей на водку и обещала позвонить им в следующее их дежурство.

На улице Мира Сергеевна чувствовала себя счастливее всех прохожих и считала этот день вторым днем своего рождения. Все эти муки, испытанные ею в медвытрезвителе, когда она висела на волоске от пропасти, ей показались сном, и она не верила своим глазам, очутившись у себя дома.

Признание гермафродита

Через несколько дней гермафродит Маша «погорел», нечаянно удушив в вытрезвителе девушку, будучи в сильном опьянении. Смерть девушки обнаружилась только утром и чисто случайно, когда за ней прислали машину и записку о ее немедленном освобождении. Эту неприятность легко можно было свалить на алкогольное отравление, но ее отец, большой, влиятельный начальник, настаивал на тщательном расследовании ее смерти. Гермафродит во всем признался.

— Зачем вы убили ее? — задал вопрос следователь подсудимому.

— Я ее вовсе не хотела убивать, пусть пеняет на себя... Вздумала напугать криком! Когда она пыталась орать, я накрыла ее лицо рукой, и она замолчала. Может быть, она задохнулась, но я не знала этого... Не знала, честное слово! Она девушка мягкая, приятная, и я спала с ней до утра. Но среди ночи, где-то под утро, меня опять потянуло на любовь, и я ее обнимала и целовала... В этот раз она вела себя послушно, не противилась. Я не знаю, когда она умерла, — утром или вечером. Кто знает, может быть, умерла от водки, она была чертовски пьяна.

— Судмедэкспертизой установлено, что смерть наступила около часа ночи от удушья... Продолжайте!

— Я обычно перекрывала кислород на короткое время, и за это время девица решалась на все, чувствуя конец. Смерть — это сила. Ежели не орет, я даю ей дышать свободно. Но, вдохнув кислород, она опять забывает о смерти и пытается орать. Тогда я ей напоминаю снова, перекрывая кислород почти до потери сознания. Таких нахалок я держу в гробу до конца представления... Видимо, на этот раз я ее передержала, да еще она сама виновата во многом, больно уж она слабачка. Все терпят, а она, дура, взяла да умерла на мою голову...

— Не отвлекайтесь! Говорите по существу, мне не нужны ваши личные эмоции... Сколько же лет вы занимаетесь этим делом?

— Не помню, с какого года, но занимаюсь давно, пожалуй, лет с десяток... Сначала была у меня напарница, она такая же, как я. Но ей нравилось быть женщиной. Лет пять мы с ней жили — она довольна, я довольна. Никому не мешали. Умерла она, бедняжка, и отвезла я ее ночью на заброшенное деревенское кладбище. Раньше была там деревня, а теперь колхозники разбежались кто куда, а кладбище осталось. Я сама родом оттуда... Потом я начала ловить пьяных девок в подъездах, темных переулках, около вокзалов... Как-то раз я случайно угодила в вытрезвитель и там «сработала» с одной девахой, она даже не проснулась, спит на полу пьяная. Тогда еще топчанов не было, все пьяные валялись

на полу. Вот раздолье-то! Это мне понравилось, и я стала чаще попадать в это заведение. Помните, наверное, вытрезвители раньше содержались на хозрасчете, у них был план... Что делать, я ведь фактически мужик, мне только мешают мои противные сиськи. Никто не берется отрубить! Если бы их отрезать, то я бы могла жениться на нормальной женщине и не моталась бы по вытрезвителям, как-никак ночь стоит 25 рублей, я ведь не миллионерша! Во мне все мужское — и голос, и усы, и физическая сила. Одним ударом я собью с ног любого мужика, ежели захочу. Работаю на тракторе и могу поднять передний мост колесного трактора. Хотите, докажу?..

— Как же вы до сих пор скрывались от людей и никто не знал, что вы мужчина?

— Очень просто, гражданин следователь! В общую баню я не хожу, у меня своя баня не хуже, чем Сандуновская! Беру бидон пива и парюсь час-два, ни одна сатана мне не мешает. В больнице я никогда не бывала, я здорова и не знаю, чем пахнет лекарство... Бывали случаи, когда ко мне приставали мужики. Мужиков я терпеть не могу, тошнит меня от них, потому что я сама мужик! Однажды ко мне приставал в порту один пьяный. Дурень, приглашал даже в ресторан! Отлупила я этого хлюпика так, что увезли на «скорой»! А постовой здорово меня похвалил. «Если бы все женщины были такими же, как вы, то мы давно бы навели надлежащий порядок и жили бы уже при коммунизме», — говорил он при всех и пожал даже мне руку... Тупой он, этот милиционер! Ежели бы все женщины были такими, как я, то давно бы перестал существовать род человеческий! А что бы тогда делали мужики, ежели бы все женщины были такими же, как я? Они бы непременно стали скрещиваться с домашними животными. Появились бы человекообразные голые собаки, овцы, ходящие на двух ножках, коровы с двумя сосками на вымени. Животные стали бы разговаривать с людьми и научились бы пользоваться противозачаточными средствами, и мы тогда оказались бы на самом последнем месте в мире по производству мяса и молока...

— Прекратите эту гнусную философию! Хватит паясничать! — прервал Машу следователь, вставая с места и как бы предупреждая. — Не знаю, как другие мужчины, но я, например, никогда бы не стал, как вы предлагаете, скрещиваться с коровой и тем более с собакой. Тьфу, какая гадость! Гадость-то еще ладно, терпимо, но это привело бы к мировой катастрофе... Нейтронная бомба намного гуманнее, чем такое омерзительное превращение людей в животных... Продолжайте говорить по существу! Как же все-таки вам удавалось попадать в медвытрезвитель преднамеренно?

— Очень просто, гражданин следователь! Выпиваю литр «коленвала» для куражу и околачиваюсь там, где толпится милиция. В моей сумке торчит бутылка из-под водки, разумеется, с водой, и эту воду я начинаю выпивать из горла прямо возле милицейских... Естественно, они меня отвозят на машине туда, куда мне и нужно попасть. Хе-хе. Я обычно бывала в разных вытрезвителях, даже в других городах. Знаю многих мильтонов по имени, а они тоже знают меня как Машу и сажают в женскую камеру, куда мне и надо... Вот на днях попалась мне такая краля, пальчики оближешь! Пыталась орать, кусается, падла! Я ее в рай чуть не отправила, и, когда она начала отбрасывать коньки, дала ей глоточек воздуха. Тут она распласталась без всякого шума! Самое главное, товарищ следователь, дать ей понюхать запах могилы...

— Учтите, подследственная, я вам не товарищ!

— Виновата, гражданин следователь, виновата... Как там в тюрьме, я буду мыться в общей бане?

— Да, будете ходить в общую баню со всеми вместе, строим, как солдат. Там отдельных бань нет.

— А с кем меня будут водить, с бабами или с мужиками? Хорошо бы, ежели с бабами...

— Поскольку вы насилуете женщин и даже их убиваете, то, по всей вероятности, вас будут держать с мужчинами...

— Ой, как это страшно! Больше всего я боялась этого. Они меня там изнасилуют! Хоть мне и нравится быть мужиком, но ведь я все-таки ба-ба! Не ба-ба, а де-воч-ка! — заплакал навзрыд гермафродит впервые и, сидя перед щупленьким следователем, вытирал слезы своими здоровенными, как гири, кулаками. Он плакал и рыдал так же, как плакали и рыдали его жертвы, над которыми он издевался, применяя свою огромную, даренную природой физическую силу.

— Прочтите и подпишите протокол...

— Я не умею ни читать, ни писать...

— Тогда ставьте крючок!

— Гражданин следователь, я прошу вас, пусть меня расстреляют, а?.. Прошу вас, сделайте одолжение...

— Ничего не выйдет! Поскольку вы убили ее не преднамеренно, а случайно, дадут вам лет десять, а не «вышку»...

— Нельзя ли переписать протокол, гражданин следователь, ведь я убила ее преднамеренно, я наврала вам.

— Нет, нельзя! Сейчас вас уведут в КПЗ...

Этой же ночью гермафродит повесился в «одиночке» КПЗ, используя оконную решетку и веревку, изготовленную из клочков своей одежды.

Эпилог

Прошла неделя после того, как Мира Сергеевна «чисто» сумела выйти из медвытрезвителя. Жизнь и работа продолжались по-прежнему, все шло нормально, и никто не знал ни о вытрезвителе, ни о гермафродите, ни об инвалиде.

Но однажды на уроке, совершенно без причины, оскорбил Миру Сергеевну ученик девятого класса. Никогда она не встречала такого унижения со стороны своих подопечных. Дело дошло до вызова родителей и кончилось наконец скандалом.

Знакомясь с его родителями, Мира Сергеевна узнала в матери ту женщину, которая поздоровалась с ней в подъезде старика-алкоголика. Это была мать того ученика, который оскорбил Миру Сергеевну на уроке.

Хотя старик-алкоголик уже лежал в могиле и его дело было закрыто, прокуратура решила провести по делу о смерти ветерана войны новое расследование с дополнительным вскрытием трупа. Отпечатки пальцев на стакане, на разорванном пакете презервативов и на бутылке пока что хранились в прекращенном деле ветерана, и как только эти отпечатки пальцев совпали с отпечатками пальцев Миры Сергеевны, ее сразу же арестовали. Ее обвинили в развращении беспризорного инвалида войны с помощью водки и последующим отравлением его политурой. При подтверждении предъявленного обвинения ей грозило тюремное заключение. Но когда Мира Сергеевна на закрытом судебном процессе задала вопрос прокурору: «Для чего на войне гондон?» — ее без особого труда эксперты признали умалишенной и отправили в известную областную психбольницу.

«Для чего же все-таки на войне гондон? — ломала голову Мира Сергеевна, прохаживаясь между рядами коек в полосатом халате, похожем на одежду узников немецких концлагерей. — Определенно он ни к чему на войне! Почему на этот вопрос никто не может ответить? Не вижу я в этом вопросе ничего дурного, а меня взяли да заперли в дурдом. Я не чувствую себя дурой! Лучше бы в тюрьму, там я могла бы опротестовать приговор, а здесь, о чем бы ни говорила, о чем бы ни писала, все равно я дура. Может быть, эти люди тоже попали сюда когда-то еще нормальными», — подозревала она, глядя на окружающих ее умалишенных.

Кто-то из них пытался что-то ловить в воздухе, кто искал что-то под койкой, кто смотрел в потолок, кто орал, вырываясь из веревочных пут, кто дирижировал, выбрасывая руку вперед, кто-то пел «Смело, товарищи, в ногу!», а некоторые пели «Гимн Советского Союза» и даже «Интернационал». Ни с одним из этих людей нельзя было поговорить по-человечески, и в этом смысле Мира Сергеевна оказалась в одиночестве. Иногда она пыталась побеседовать по душам с обслуживающим персоналом, но никто с «сумасшедшей» не желал разговаривать.

Через десять лет, проведенных в дурдоме, Мира Сергеевна стала выглядеть настоящей сумасшедшей, но она все еще помнила свой старый безответный вопрос о необходимости гондона на войне. Формулировка этого вопроса стала с годами более стратегической, а содержание сделалось более научным. За частенько задаваемый ею странный вопрос о значении гондона в современной термоядерной войне санитары, здоровенные, специально подобранные верзилы, многие из которых были тоже умалишенными, избивали ее каждый раз, привязав к специальной железной койке, а врачи, наделенные особой властью, гордые психиатры, каждый раз назначали ей усиленную дозу галопиридола, от которого она окончательно сошла с ума. Но ни врачи, ни санитары не интересовались происхождением такого странного вопроса.

Последние годы своей жизни Мира Сергеевна провела на свободе, у одинокой религиозной старушки, которая приютила чужую больную пятидесятилетнюю женщину как родную сестру. Из-за нехватки трудового стажа Мира Сергеевна не получала ни копейки пенсии, и поэтому в поисках еды целыми днями бродила по городу, питаясь обедками в различных столовых и «забегаловках». Эту седую, сгорбленную «старуху» в засаленной, подобранной ею на мусорных свалках одежде знал весь город, и все ее звали просто дурочкой, но никто не знал ни ее настоящего имени, ни происхождения, ни возраста. Она часто захаживала, плетясь по своему постоянному маршруту, в центральный телеграф города и, воспользовавшись казенной ручкой и казенными чернилами, вдумчиво и аккуратно начинала писать на скомканном клочке бумаги то самое давнее злополучное сочинение своей ученицы. Как правило, она диктовала сама себе и всегда по памяти, без изменений, писала когда-то списанный с книги текст Лены Соловьевой со всеми имеющимися в нем грамматическими ошибками, а ее постоянно дрожащая рука выводила на измятых клочках бумаги такие корявые буквы, что вряд ли кто мог поверить, что эта дурочка была раньше учительницей русского языка и литературы.

Идя по улице, она постоянно разговаривала сама с собой и периодически повторяла одну и ту же мысль, выработанную в ее сознании в течение двадцати лет, проведенных в психбольницах: «При окончательной победе коммунистического однородного общества, где получит дальнейшее развитие известный тюремный принцип «Один за всех, все за одного», граждане этого общества начнут отталкиваться друг от друга, как это происходит в природе с одноименными полюсами. На философском языке такое явление называется психологической несовместимостью. Когда величина этой психологической несовместимости между членами однородного искусственного общества достигнет величины «активной массы», наступит психологическая цепная реакция, которая без всякого вмешательства капиталистического окружения, шпионажа, диверсии, агитации и пропаганды приведет к окончательному и бесповоротному распаду коммунизма и его идеологии. В странах будущего коммунизма величина психологической несовместимости между людьми достигла сейчас в среднем лишь двадцати процентов, но это уже дает о себе знать и скапливается она в организме человека, образуя в нем различные пороки и болезни, такие, как рак, аллергия, лейкоз, инфаркт, психоз, воровство, насилие, алкоголизм, убийство и даже самоубийство. В завершённом коммунистическом обществе под влиянием невыносимой психологической несовместимости каждый смелый гражданин общества подвергнет себя самоуничтожению. Тогда вместо самопожертвования придет самоуничтожение», — шептала она сама себе, жестикулируя и воровски оглядываясь назад.

Но боялась она напрасно, ибо эта пятидесятилетняя «старушка» не представляла уже никакой идеологической опасности и любые ее публичные высказывания и жесты воспринимались окружающими людьми как обычный бессмысленный бред сумасшедшего.

СОБАКА

(рассказ)

В степном отдаленном городке вот уже третий день не стихал буря, и никто толком не знал, когда же придет наконец тепло и затишье. По рассказам местных жителей, такая погода иногда держалась много дней подряд. Сильный холодный ветер гнал из степи снег с песком, срывая крыши домов и пристроек, часто оставляя городок на долгое время без света и связи. Гудели телеграфные столбы и провода, создавая своеобразную ораторию, поющую о могуществе стихии. Временно построенная казарма продувалась насквозь, хотя печка, изготовленная из железной бочки, трещала, накаляясь до предела.

Культурно-просветительных помещений здесь пока еще не было, но, несмотря на это, солдаты и офицеры не скучали: на дежурства и наряды, на различные не предусмотренные планом постройки и стихийные бедствия уходило все личное и служебное время.

Ближайшая железнодорожная станция находилась от городка в тридцати километрах, откуда лишь на гусеничном тракторе доставляли продовольствие один раз в месяц.

Рядовой Трусов служил уже последний год. За время службы в армии пришлось ему побывать в разных уголках Урала и Сибири. Кроме основных солдатских обязанностей у него была еще как бы общественная нагрузка: содержать хромую овчарку, которая кочевала вместе с солдатами с одного места на другое. Сам Трусов это вовсе не считал нагрузкой и с удовольствием, без всякой подсказки, таскал из кухни пищевые отходы для нее.

Еще в первый год его службы эта овчарка спасла ему жизнь. Трусов частенько хвастался, как он с помощью собаки победил волка. Такое не забывается!

Когда в таежном лесу на него напал волк, у него в руках не было даже палки. Не будь тогда рядом овчарки, и по сей день бы его звонкие кости валялись в тайге. В этом бою овчарка потеряла полхвоста и навсегда осталась хромой. А он отделался лишь небольшими царапинами.

Солдатскую службу Трусов нес честно и добросовестно, но была у него слабость, из-за которой он часто «горел», — женщины. Другие солдаты, учитывая тяготы и лишения военной службы, могли себя сдерживать, а Трусов и на новом месте обзавелся бабой, которая жила в соседней деревне, в трех километрах от городка.

Самоволка, намеченная Трусовым на сегодня после отбоя, была у него здесь первой. К вечеру ветер несколько ослаб, но снег шел сильнее, чем днем. Сорванный с крыши лист фанеры, висевший на чем-то, все еще продолжал стучать по стене, и по частоте его ударов опытный житель городка мог бы прикинуть силу ветра.

Уставшие за день солдаты спали крепким сном. Под действием усыпляющего гула ветра дневальный по казарме сладко дремал на положенном ему месте.

Трусов осторожно оделся и вышел на улицу.

Вокруг не было ни единой души, такие идеальные условия для самоволки случались редко. И лишь старая овчарка, которая в это время находилась в собачьей будке, молча проводила хозяина пристальным взглядом, пока он не скрылся. Потом она полностью вылезла из будки и, вытянувшись, как бывало в молодые годы, долго смотрела туда, где скрылся Трусов, словно готовясь рвануться за ним вдогонку, чтобы отвести друга от греха и вернуть его в казарму.

Дул попутный ветер. «Ничего страшного, если объявят тревогу, я услышу», — утешал он себя вслух.

Дороги почти не было, и только еле заметные в снежной пелене телеграфные столбы привели его в деревню, которая уже спала к тому времени. В крайнем домике почему-то еще горел свет, и здесь Трусов решил уточнить дом своей знакомой, так как он в темноте немного сбился с пути и попал не в тот край деревни. Но тут ему крупно не повезло: он наскочил на дворняжку, которая, внезапно выскочив из-под забора, без всякого обычного собачьего предупреждения вонзила свои острые клыки в его ногу сзади, чуть выше голенища.

Трусов даже представить себе не мог, что с ним произойдет такое несчастье, ибо собак он всегда любил и совершенно их не боялся. «Вот черт, теперь же все узнают о самоволке!» — возмущался он, матерясь и отгоняя собаку занозистым горбылем, молниеносно оторванным им от кое-как сооруженного деревянного забора.

Под громкий лай как по команде пробудившихся деревенских псов, досадуя на свою невезучесть, Трусов развернулся и побежал обратно в городок.

Против ветра бежал он с трудом, и к тому же ныла укушенная нога. Пробежав метров сто, он перешел на обычный шаг и начал думать о том, как выйти сухим из создавшегося положения. Признание в самоволке пахло строгим дисциплинарным взысканием или еще того хуже — дисбатом. «Лучше молчать, — решил он, — заживет рана, и на этом конец!» — смело заключил Трусов, пощупав рану на ходу.

Но молчать было невозможно: к утру его укушенная нога стала краснеть, ныла еще сильнее, и он не смог идти на службу.

Фельдшер, осмотрев Трусова, назначил ему положенные сорок уколов, а командиру доложил, что солдата укусила бешеная собака и что при первой же возможности больного необходимо направить в лазарет.

К полудню ветер стих, кругом стало тихо, куда-то исчезли темно-серые, крышей нависавшие над городком плотные облака, и яркие солнечные лучи нещадно слепили давно отвыкшие от них глаза.

Трусов лежал в пустой казарме один, любясь зайчиком, играющим на потолке при каждом его дыхании, отражающимся от блестящей латунной пряжки солдатского поясного ремня. В это время вдруг послышались два карабинных выстрела. «Кто-то балуется, — подумал он. — Видать, начальник штаба», — успокоил он сам себя, продолжая лежать.

Вернувшийся в казарму дневальный как-то подозрительно не вовремя принялся чистить карабин, и в душе у Трусова зашевелилось неясное предчувствие... Он быстро оделся и вышел на улицу. И остолбенел. Около собачьей будки лежала мертвая овчарка, и из нее хлестала дымящаяся на морозе кровь, оставляя на белом свежем снегу извилистый алый ручеек, который становился все глубже и глубже.

Трусов подошел к ней и, наклонившись, осторожно выпрямил ее подломившуюся при падении хромую лапу. Она лежала на боку, и глаза ее были мокры, будто собака прослезилась от обиды. Трусов догадался обо всем и сам не смог удержаться от слез. Плакать солдату, как поется в популярной песне, не полагается, и поэтому он, пряча слезы, снова вошел в казарму. В помещении Трусову стало еще хуже, внутри все кипело, душевная боль становилась сильнее, чем боль в укушенной ноге. С улицы все чаще и чаще доносились недовольные голоса.

Вокруг овчарки толпились люди. Они по-прежнему боялись ее, теперь уже не живую, а мертвую. Они опасались теперь заразиться бешенством.

Местные пьяницы, которые раньше боялись ее сильнее других, подошли к ней ближе, чем остальные, и матерились, перебивая друг друга.

«Давно надо было повесить суку заразную!» — возбуждаясь от вида крови и жестикулируя, словно лидер на митинге, орал небритый поселковый забудыга, для которого и рождение, и смерть стояли в едином ряду праздников, оживляющих тоскливо-монотонную, сумеречную жизнь.

Дети, глядя на возмущенных мужчин, ненавидели собаку еще больше, чем взрослые, и кидали в нее камнями. Женщины шушукались друг с другом и плевались, а самые брезгливые дышали через свои грязные носовые платки. Одни плевали, отворачиваясь в сторону, а другие прямо на собаку. Ее тело,

постепенно застывая от мороза, временами вздрагивало, будто оно в эти минуты наполнялось неблагодарностью человека.

Трусов, почувствовав общую слабость, отошел от окна и, не раздеваясь, прилег на койку. Он лежал на спине и смотрел вверх, словно где-то на казарменном потолке искал выход из положения. «Потолок такой же пустой, как мой глупый черепок», — сделал он самоутешающее сравнение, находя новую, какую-то до сих пор ему неизвестную связь между мыслящими существами и окружающими их предметами. Ему теперь казалось, будто миром управляют не живые существа, а неживые предметы. Люди являются как бы механическими исполнителями прихотей Земли, Луны, Вселенной.

С желанием довести до конца начатую мысль он повернулся на бок, чтобы не мешали ему думать очень похожие на человеческие лица сучки, имеющиеся на потолке по несколько штук на каждом листе фанеры. Он даже закрыл глаза, чтобы как можно быстрее вывести главную формулу: «Кто или что?». Спать ему не хотелось, в голове кружились обрывки разных мыслей.

Короткий декабрьский день подходил к концу, солнце было уже на закате. Намаевшиеся поселковые алкаши, привычно озираясь по сторонам, чтобы у кого-нибудь «выудить» рубль, поплелись за своим лидером по направлению к сельмагу, где разговор о бешеных собаках продолжался и после закрытия магазина. Остальная масса тоже постепенно расходилась, навсегда оставляя овчарке свое презрение.

Овчарка, забросанная камнями и оплеванная, продолжала лежать около своей будки, словно она, без малейшей обиды на людей, и на том свете все еще несла вахту.

Трусов пока молчал.

В казарме стояла тишина. Лишь напротив дежурной тумбочки монотонно стучали стенные «ходики», помогая дремать дневальному, сидящему на стуле с открытой книжкой в руках.

Трусов подошел к нему с желанием поговорить по душам, но не посмел разбудить его. Глядя на его крепкий сон, ему захотелось оказаться в эти минуты на месте дневального и так же беззаботно дремать, как он, или просто на худой конец сидеть на стуле сложа руки и углубившись в самые несбыточные, пустые мечты. «Грех завидовать грешному, он же грубый нарушитель устава внутренней службы!» — подумал он, подавляя свою недавнюю зависть, и, чтобы не разбудить его, тихо, на цыпочках, вернулся на свое место. Прилег на койку.

Лежа с закрытыми глазами на маленькой солдатской подушке, он внимательно прислушивался к монотонному ходу казарменных часов, уловив в нем раньше не замеченное что-то родное и близкое. Это было приятное воспоминание о тех хороших временах, когда он еще жил в маленьком бревенчатом домике у реки Хопер, в Козловке.

Слева у окна, возле почерневшего деревянного шкафчика, висели старые стенные часы, которые тикали точно так же, как эти казарменные. У шкафа на старом расшатанном стуле обычно сидела мать, вечно занятая каким-нибудь рукоделем. Бывало, она подходит к часам, осторожно поднимает гирию. Прищурившись, дрожащими морщинистыми пальцами поправляет стрелку и долго-долго наблюдает за их ходом. Потом, протирая пыль на окне, смотрит на речку, где, обгоняя друг друга, мчатся моторные лодки.

Митя — так звали Трусова дома, тоже любил кататься — у них была большая деревянная лодка с крохотным мотором «Стрела». Летом целыми днями пропадали ребята на речке: стоя по пояс в воде, удили рыбу, купались до посинения и после с наслаждением грелись на горячем песке.

Трусов не спал, но не хотел открывать глаза. Боясь спугнуть приятные воспоминания, он лежал почти без движения. Мысли уходили все дальше и дальше и наконец остановились на его однокласснице Вале.

Он дружил с ней несколько лет подряд. Летом они вместе загорали на песчаной косе, которую почему-то еще называли студенческим пляжем, вечером шли в кино или просто гуляли на улице.

Однажды в городском саду Митя, встретившись с друзьями, изрядно выпил местного дешевого вермута и потерял Валю на танцах. Увлечшись разговорами, он весь вечер протанцевал с другой, а Валя, наблюдая за ними, стояла за оградой до самого прощального марша. У выхода из парка они встретились и пошли вместе до первого перекрестка. Несмотря на его раскаяние, Валя сухо попрощалась и пошла домой одна. Это была их последняя встреча.

Дневальный по казарме, нарушая покой Трусова, почему-то включил свет и прошел по казарме, топая по скрипучему деревянному полу тяжелыми кирзовыми сапогами. Сразу же куда-то исчезли приятные воспоминания, и Трусов снова увидел холодную неуютную казарму, отдаленную несколькими тысячами километров от его родного города.

Дневальный за весь день так и не подошел к нему: то ли о чем-то догадывался, то ли просто боялся заразиться бешенством. Такое странное поведение несколько беспокоило Трусова, и он решил «прощупать» его, предложив ему папиросу. Но дневальный отказался от угощения. Трусову стало еще

тоскливее, он чувствовал себя отверженным, как прокаженный. «Как люди поступают в таких случаях? Другой убивает человека — и хоть бы что, а я всего-то собаку!» — думал он, проходя в курилку. Там было чисто, пусто и прохладно. От едкого запаха хлорной извести заслезались глаза, но Трусов не вытирал их; ему стало чуть полегче оттого, что слезы, которые он ото всех прятал, вышли наружу и свободно катились по его лицу.

К вечеру с разных рабочих объектов начали приходить солдаты. На ходу снимая ватники, они смеялись и шутили — их молодые здоровые организмы не поддавались ни холоду, ни усталости. Они проходили мимо Трусова в сушилку, и никто из них не поздоровался с ним, будто его вовсе и не было. Переодевшись, они спешили на ужин, и только Трусову есть не хотелось. Чтобы не портить товарищам настроения, он разделся и лег спать, укрывшись с головой одеялом. Заткнул ватой уши, закрыл глаза, пытаясь быстрее заснуть, пока в казарме было сравнительно тихо.

Через несколько минут мысли снова унесли его домой, к берегам Хопра. Как сквозь вату, глухо прослушивалось тиканье часов. «Бывало, сидишь с Валею около дома на скамейке тихой ночью и слушаешь через стенку ход часов. Иногда сидели до первых петухов, прерывая разговор бесконечными поцелуями. И вот эта нелепая история на танцах! Если бы не поссорился с Валею, не было бы и самоволки, — сожалел он, вздыхая. — Это же как цепная реакция: первая неприятность вызвала вторую, вторая — третью. К чему приведет последняя? Кто знает, может быть, та дворняжка в самом деле бешеная. Так неожиданно кусают только бешеные!»

Мысли Трусова стали кружиться в быстром круговороте: то они уносили его домой, то снова возвращали в казарму. С запутанными мыслями, так и не найдя подходящего объяснения сегодняшнему случаю, он наконец заснул.

Спал он беспокойно: ворочался с боку на бок, размахивал руками, что-то невнятно бормотал. Опять сны: родной дом, купанье на Хопре, Валя, ссора после танцев и снова встреча с волком со всеми подробностями, как в замедленной киносъемке. Волк схватил овчарку за ногу, и она, рывком перевернувшись, ломая стиснутую волчьими зубами ногу, схватила волка за горло.

«Это был действительно подвиг! За такой героизм я бы поставил ей памятник. А она теперь по ошибке застреленная лежит на снегу, и к ее униженному и оскорбленному телу народ брезгает подойти! И вот завтра специально выделенные люди в защитных костюмах, похожие на чучела, сожгут ее, сопровождая этот процесс недобрыми словами и душевным презрением. Все это из-за меня!» — переживал он, проснувшись во втором часу ночи весь в поту.

Казарма спала крепким сном.

Надев сапоги на босу ногу и накинув шинель, Трусов прошел мимо дремлющего дневального и на секунду остановился у оружейной пирамиды. Потом вошел в курилку, присел на скамейку и закурил. Густой табачный дым, перемешанный с запахом дезинфекции, моментально ударил в голову. Возникла туманная мысль, вспотел лоб, задрожали руки. «Как взять ключи?» — напрягал он мысли, все глубже и глубже втягивая в себя дым и тем самым заставляя мозги работать. После двух папирос мозги наконец зашевелились, и все встало на место...

Трусов вышел из курилки и, подойдя к дневальному, нарочно попросил у него папироску, чтобы разбудить его.

Когда они закурили, Трусов сразу же заговорил мягким дрожащим голосом:

— Иди, Ванюша, на койку и отдыхай, а я посижу за тебя, мне все равно не спится... Нога опять заныла, чего-то и укол не помогает... Иди, Ваня, валяй, до утра еще далеко, считай, тебе повезло!

Ваня охотно согласился и, поблагодарив товарища, пошел спать.

Ключи от оружейной пирамиды и от ящика с боевыми патронами хранились в запломбированном кисете в незапертом столе у дневального. «Вот они! Еще совсем немного, и наступит вечный покой!» — оживился он, словно в этой тряпке лежало его счастье.

Трусов прошелся по казарме, прощаясь с ней навсегда, и подошел к своей койке.

Сидя на краешке железной солдатской койки, он вынул из тумбочки тетрадь, в которой лежало несколько истрепанных фотокарточек. На одной из них он сидел на скамейке около дома с мамой и сестренкой, а на другой стоял с Валею в воде у студенческого пляжа.

Трусов в полутьме долго рассматривал фотографии, переводя взгляд с одной на другую. Как бы крепко ни любил он Валу, но в эти прощальные минуты не мог оторвать взгляда от мамы и сестры. Прощаясь с ними, он вспомнил последнее письмо матери, где она писала о предстоящем ремонте дома после его приезда.

Положив снимки на место, Трусов подошел к спящему на койке Ване. Глядя на его спокойное лицо, захотелось ему сказать: «Ваня, прости! Из-за меня ты завтра будешь страдать так же, как лежащая у будки старая овчарка».

Трусов снял с него сапоги и накрыл его своим одеялом. Чувствуя тепло, Ваня повернулся на другой бок и задышал ровнее.

«Так и быть, решено, лишь бы кто-нибудь не проснулся и не помешал», — заторопился Трусов, отмыкая замок на оружейной пирамиде. Вытащил первый попавшийся карабин и зарядил его двумя патронами.

«Может, не стоит? — остановился он у входа в курилку. — Когда-нибудь должен быть конец!» — попытался переубедить себя. Не хватало воздуха, подкашивались ноги. Его трясло. «Эх, пропустить бы стаканчик для храбрости, хотя бы вермута», — помечтал он, вспоминая случаи самоубийства по рассказам из книг. Прежде Трусов, как и все люди, осуждал самоубийство как слабоволие. И только теперь, прощаясь с жизнью навсегда, он понял, как трудно нажимать на спусковой крючок, когда ствол направлен на тебя. А еще труднее надевать петлю на собственную шею. И уж нечего говорить о том, как сложно резать горло собственными руками! «Среди всех способов на мою долю выпал самый легкий, — успокаивал он себя. — Секунда — и готов! А главное, красивая смерть: лежишь, как Маяковский, без всякого искажения лица, не наводишь страха на людей! Что делает с человеком веревка! Посиневшее лицо и высунутый язык пугают не только чужих, но и родных и близких. То ли ты повешен, то ли сам повесился — все равно ножки оттянутые, как у хорошего гимнаста. Такова психика: никому не хочется умирать, и в любом случае перед смертью человек ищет опору. Иногда до земли остается мизерное расстояние, судьбу жизни и смерти решают миллиметры».

Эти мысленные рассуждения придали ему уверенность в успехе задуманного дела. Преимущество пули перед веревкой и ножом доказано давно.

Он сейчас невольно вспомнил старика, соседа из Козловки, который в течение восьми лет лежал беспомощно, прикованный к постели. Глядя на это несчастное и больное существо, все невольно желали ему смерти как избавления от мук, в том числе и он сам.

Однажды, будучи еще маленьким, Трусов просто так зашел к нему. Старик всегда радовался любому гостю, пусть даже это был ребенок. Раньше, когда его еще слушались ноги, он любил выходить на улицу и сидеть около дома на большом сером камне, грея на солнышке свои старые кости. Прохожие уважительно здоровались с ним и даже останавливались на несколько минут, а ребятишки из соседних домов постоянно крутились рядом в надежде, что он расскажет им что-нибудь интересное. В последние годы жил он с одной-единственной внучкой, которой к тому времени исполнилось уже семнадцать лет. Почти каждый вечер внучка приходила домой с парнями, которые за ширмой выпивали, курили, танцевали и делали все остальное.

И в этот раз, когда Трусов сидел у них, она пришла с парнем и, даже не поздоровавшись, прямоком прошла с ним за ширму.

— Как он, еще не умер? — громко спросил парень.

— Нет, кажется, еще, — ответила она, глядя в щелку.

Они громко хохотали и целовались без всякого стеснения, будто не было с ними рядом ни соседского мальчика, ни беспомощного старика. Митя тогда плохо разбирался в поцелуях и не обращал на это особого внимания, но зато хорошо запомнил сказанные дедом горькие слова. «Эх, иметь бы сейчас ливольвер под подушкой», — говорил он, глядя на Митю. А он кивнул головой, не зная сам, для чего старику понадобился револьвер.

Потом, через несколько месяцев, прошел слух, будто дед пытался покончить с собой, используя полотенце, но его ослабевшие руки не подчинились ему. Так он, бедный, на девятом году мучительной постельной жизни и скончался своей смертью: его желтое, обтянутое кожей лицо и ввалившиеся глаза наводили страх на каждого, хотя при жизни дед был красивым и добрым человеком.

Вспоминая давно уже забытого старика и приставив заряженный карабин к своему виску, Трусов сейчас по-настоящему оценил револьвер, лежащий под подушкой.

Но времени для раздумий оставалось уже мало. «Кто-нибудь зайдет курить, и сорвет все», — метался он, прижимаясь к холодному стволу ружья.

Плотно закрыв глаза, он потянулся к спусковому крючку, но палец никак не мог дотянуться до него. Вот он! Наконец-то найден, секунда — и все позади! Опять в голове путались разные мысли: дом, мать, сестра и снова Валя — будто они все смотрят на него и плачут... Ему хотелось вступить с ними в разговор и успокоить их, но у него невольно приоткрылись глаза, и он по-прежнему оставался один на один с зажатым между ног карабином среди голых, закопченных стен курительной комнаты. Через минуту снова

приходила смелость, и желание нажать на крючок восстанавливалось. Но, как только палец касался крючка, глаза моментально закрывались помимо его воли, и он снова оказывался в окружении родных, знакомых и друзей, будто они всюду преследовали его, не давая уйти ему на вечный покой. Вот уже в который раз его непослушный палец отошел от скобы, и он, как никто, запомнил значение доли секунды. На стрельбище, когда ствол карабина был направлен на мишень, он нажимал на спусковой крючок без всякого страха и даже с улыбкой.

«Ах, черт, я же забыл о самом главном — о прощальной записке», — бросился он к тумбочке дневального, отшвырнув в угол только что зажженную папиросу. Резко вырвав чистый лист из журнала приема и сдачи дежурств, Трусов начеркал записку. «Овчарка не бешеная, меня укусила дворняжка» — гласила она. Все в голове перемешалось, мысли менялись как никогда, зазвенело в ушах, и теперь все надо было начинать сначала.

Открывая снова дверь курилки, он случайно увидел через покрытое инеем окно странное свечение. «Кажется, начинает мерещиться», — подумал Трусов и, закрыв глаза, тряхнул головой и снова глянул в окно. Но на этот раз он действительно увидел языки пламени, которые то появлялись из-за крыши соседнего дома, то исчезали вновь. Около дома не было ни души. «Не разбудить спящих солдат — это преступление. И к тому же пожар могут приписать мне», — промелькнула у него мысль.

«Тревога!» — заорал Трусов во всю мощь, забыв обо всем, и сразу же позвонил командиру.

Солдаты без всяких указаний, одеваясь на ходу, быстро побежали к горящему дому. Трусов тоже поскакал за ними, хромая на одну ногу.

Пожар был вскоре потушен. Отличившимся при тушении пожара солдатам командир объявил благодарность, в том числе и ему.

А с другой стороны, Трусов заслужил суровое наказание, о чем говорили лежащие на тумбочке два карабинных патрона, стоящий в углу карабин и прощальная записка в руке командира. На эти вещи пока еще никто не обратил внимания, но Трусов уже предвидел последствия своего проступка, и объявленная ему наравне со всеми благодарность ничуть его не радовала. Наоборот, его и так уже виноватое лицо искривилось еще больше. Ему хотелось выйти из строя и рассказать обо всем по порядку, но на ночь глядя он не решился. «Все равно командир ночью «разбирать» меня не станет, а ребята могут устроить «темную» за овчарку. Это страшное дело, хуже смерти, — насторожился он, опустив глаза. — Вот в прошлом году устроили одному! Живого места не осталось, чуть не убили. Правда, за это попало и командирам, но от этого ему легче не стало. Деваться теперь некуда, придется отвечать и за самоволку, и за овчарку, и за патроны».

С такими мыслями он заснул, а остальные солдаты спали уже давно.

Тихая ночная казарма. А сколько силы в этой тишине! Сколько силы, сколько мечтаний, сколько мыслей и приятных снов и, наконец, сколько чистой и страстной любви, сколько невозвратимых счастливых минут, часов и дней! В этой тишине многие из них во сне уезжали домой, встречались с родными и близкими, обнимали любимую, целовались... Но утром внезапный окрик дневального: «Подъем!» и суровый взгляд стоящего рядом старшины вышибали из головы все, и солдатские сны забывались сразу же.

Тревожная ночь прошла быстро, и утром опять все солдаты ушли на работу. То ли от хорошей погоды, то ли от приятных снов у Трусова было приподнятое настроение.

После завтрака он написал два письма. «Мать, конечно, обрадуется, но вот насчет Вали... Кто знает, может, она даже не станет читать его», — думал он, кладя письма на тумбочку, где их лежала уже целая пачка.

Через окно хорошо просматривался полусгоревший соседний дом, в развалинах которого с самого утра копался его хозяин. По рассказам соседей, он жил бедно и ждать помощи ему было неоткуда. С трудом вытаскивая полусгоревшие бревна из-под еще не остывших головешек, он отбирал все пригодное для постройки нового жилья.

Трусов, глядя на него через окно, искурил целую папиросу и за это время обдумывал многое: горе хозяина сгоревшего дома, дяди Вани, было намного сильнее, чем его горе. Но хозяин в поте лица трудился в развалинах. Может быть, он боялся Бога, может быть, самой смерти, а может, удерживал его от дурных поступков долг перед семьей. Он готовился начать все сначала и не собирался сдаваться.

Осунувшееся, усталое и закопченное лицо дяди Вани, его сутулая спина, выпиравшая через засаленную телогрейку, возбудили жалость в Трусове, и он решил помочь ему, поработать с ним немного.

Трусов оделся и вышел на крыльцо, прошел мимо застывшей на снегу, но уже «реабилитированной» собаки. Потом подошел к дяде Ване, поздоровался и предложил папиросу. Они присели на обугленное бревно, молча закурили. Втягивая в себя густой табачный дым, каждый из них думал об одном: о

вчерашнем ночном пожаре. Курили они из одной пачки, и дым, подхватываемый ветром, уносился в сторону. Но от пожара каждый из них получил свою долю, и один из них курил от радости, а другой — с горя.

Сидя на развалинах сгоревшего дома, Трусов твердо понял, что слезы одного вовсе не мешают радоваться другому.

АЛЛЕРГИЯ

(рассказ)

Даже самый откровенный человек имеет свою особую тайну. Большинство людей эту тайну уносит с собой навсегда, и лишь немногие раскрываются иногда в силу каких-нибудь вынужденных обстоятельств.

У инженера Кошкина тоже была такая тайна: он не любил себя. Часто люди, стараясь показаться человеком с открытым забралом, кривят душой, будто они любят других больше, чем самого себя. Много подобных лицемеров встречал за свою жизнь Кошкин, но все они были очень самолюбивы и говорили о любви к ближнему просто ради своей популярности.

Кошкин не любил себя в основном оттого, что в его организме легко начинался аллергический процесс, не только от употребляемых внутрь лекарств и пищевых продуктов, как это обычно бывает у других, но и от различных общепринятых привычек и явлений. Еще в молодости он был вынужден бросить курить из-за отвратительного запаха пепельницы, стоявшей на столе в номере гостиницы. Эта не поддающаяся описанию вонь не давала ему находиться в комнате, и с тех пор он не выносил курящую среду.

Кошкин когда-то увлекался спортом, но в последнее время к спортивным передачам он испытывал отвращение. Если ему приходилось иногда смотреть их просто за компанию, то у него все тело покрывалось красными пятнышками. Однажды, когда советская сборная играла с канадскими профессионалами, его чуть не стошнило. Это произошло в тот момент, когда спортивный комментатор Николай Озеров ехидно подметил, что наша любительская хоккейная команда не уступает даже их профессионалам! Кто-кто, но Кошкин-то уж знал наших спортсменов, они и были самые настоящие профессионалы. Вот уже много лет числился у них на заводе инженером один хоккеист, который, как выражались рабочие, даже не знал дорогу на этот завод. Зарплату ему привозили домой, а премиальные и тринадцатую зарплату начисляли хоккеисту сполна, без всяких вычетов. «Советский спорт — это профессия. Спортсмен высшей лиги живет у нас лучше, чем академик», — повторял Кошкин про себя.

Раньше инженер Кошкин мог целыми днями сидеть перед голубым экраном телевизора и, несмотря на упреки жены, до поздней ночи слушать радио. С каждым днем круг его интересов сужался, и наконец он стал по радио слушать только передачу «Опять двадцать пять», а по телевидению смотрел «Клуб кинопутешественников», «В мире животных».

«Что будет, если холодильник включить в радиосеть?» — спрашивал он сам себя и сам же отвечал на свой вопрос: «Лопнет от избытка». Все остальные передачи, где его заведомо одурачивали, вызывали у него аллергию, и при этом его тело моментально покрывалось пятнами. По поводу пятен он обращался к врачам, но ни одна рекомендованная от аллергии пилюля не оказывала на него эффективного действия.

Дни получки и аванса, когда пьянствовали не только мужчины, но и все взрослое население, Кошкин переносил тяжело. Из-за невыносимого запаха перегара он в эти дни не мог ездить на городском общественном транспорте. Его тошнило от запаха водки в эти «черные дни», тогда как для остальных день получки и аванса считался светлым праздником.

Инженер Кошкин не только не любил себя, но втайне от других считал себя дураком, потому что он в последние годы стал разговаривать сам с собой. Правда, он нашел себе утешение в популярной книге врача-психотерапевта Леви, будто даже нормальные люди разговаривают иногда сами с собой. Знал ли доктор Леви истинную причину этого явления или нет, но Кошкин знал ее точно. «Ведь человеку дан язык не для того, чтобы разговаривать с самим собой, а для общения с другими людьми», — возражал он мысленно доктору Леви.

По мнению инженера Кошкина, человек тоталитарного общества в дальнейшем своем эволюционном развитии должен стать глухонемым. Для получения и передачи информации его должны снабжать приставным электронным фильтром типа искусственных ушей и языка, с помощью которых новый человек будет слушать и говорить только разрешенную правительством информацию.

Хотя у инженера Кошкина любые очереди, состоящие из более чем 25–30 человек, будь то за хлебом, колбасой или за махровыми полотенцами, вызывали аллергию, однажды по особому поручению жены он был вынужден идти в четыре часа утра занимать очередь за колбасой в известный большой гастроном.

Поскольку в это время не ходил еще городской транспорт, Кошкину пришлось топтать пешком. Было теплое летнее утро. Впереди него в очереди оказалось всего 12 человек, и он решил скоротать время до открытия магазина за чтением вчерашних газет.

«Вот это да-а! — удивился Кошкин и на минутку оторвался от газеты «Труд», как бы обмозговывая только что прочитанную строчку. — Шестьдесят одна тысяча рублей и драгоценности были закопаны в землю! Вот те и скромная буфетчица. Тоже мне, будто с умом, а поступила как последняя дура. Зачем же их закапывать, когда можно пользоваться ими? Были бы у меня такие деньги — я бы их не стал прятать. Купил бы себе без очереди машину за двадцать тысяч, как это делают горцы, поставил бы гараж возле дома за пять тысяч, построил бы особняк со всеми удобствами и с финской баней за двадцать тысяч, заказал бы мебель на пятнадцать тысяч, одел бы себя и семью по-человечески... Ан нет, как бы не так! Не она дура, а я дурак. ОБХСС следит за каждым человеком. Ты у них как на ладони... Доконали ведь в прошлом году Сидорина за то, что он частенько захаживал в ресторан, а зарплата у него всего шестьдесят рублей. Все-таки посадили его на три года, когда он, не выдержав преследования, набил морду одному работнику ОБХСС. Скажем, купил бы я машину за 20 тысяч — и сразу бы погорел! Вот Федотыч покрыл крышу дома шифером и через день уже давал объяснения представителю ОБХСС: где достал и за сколько. Шифер, конечно, был «левый», чуть не посадили... Да-а, скромная буфетчица, за счет водки хапнула в общей сложности сто пятьдесят две тысячи рублей! Здесь ей способствовали разность цен на водку в магазине и в ресторане, да еще запрет на продажу водки до 11 часов дня. Словом, разбогатела она за счет так называемых мер по борьбе с алкоголизмом, предусмотренных постановлением Совмина СССР... Выкачивая деньги у населения, государство беспрерывно повышает цены на водку. Но в государственный карман попадает только часть денег, а остальное — в карман торгашей. Для борьбы с этим явлением государство без конца увеличивает число работников ОБХСС, в результате чего деньги все равно не попадают в государственный карман, а уходят на содержание многомиллионной армии ОБХСС. Значит, выкачанные государством из кармана трудящихся деньги перекачывают в карман воров, спекулянтов и работников ОБХСС».

Держа газету «Труд» под мышкой и постоянно переминаясь с ноги на ногу, Кошкин оглянулся вокруг и взглянул на часы. Хотя еще не было и пяти часов утра, народу возле гастронома собралось уже более сотни.

В этом миллионом городе был раньше единственный колбасный магазин, куда желающие отведать колбаски приходили с четырех часов утра, а иногда даже записывались с вечера, если обещали копченую. Но каждый раз собравшуюся толпу деликатно разгоняла милиция, так как через дорогу находились центральная гостиница и ресторан, куда порой привозили обедать интуристов. Опасаясь глаз иностранцев, этот магазин потом переделали и наконец сняли с него название «Колбасный». Из-за полного отсутствия мяса также была снята вывеска «Мясо» на всех мясных магазинах, и в них пытались сбывать разные никому не нужные пирожки.

Кошкин оказался тринадцатым человеком. Хотя чертова дюжина испокон веков считается числом несчастливым, несмотря на это, он уже сам решил, что придет домой обязательно с колбасой и на завтрак каждому члену семьи достанется по 100 граммов. Если к открытию магазина подойдет дочка, то за ужином они будут пить чай с колбасой. Каждому стоящему в очереди на руки выдавали только по 500 граммов, и поэтому он сожалел, что не взял с собой и сына.

Народ прибывал и прибывал. До открытия магазина оставалось еще более двух часов, и никто из стоящих в очереди не знал, привезут сегодня колбасу или нет. Когда привезут, утром или вечером, тоже не знали.

Кто стоял далеко, тот на время уходил домой, предварительно запомнив два-три впереди стоящих человека и столько же позади себя. А для этого требовалось выстоять в очереди минут 20–30, в зависимости от зрительной памяти человека. За это короткое время необходимо было и себя показать, чтобы окружающие пять-шесть человек могли тебя опознать, когда ты появишься снова.

Но Кошкин не собирался уходить, недаром он прихватил с собой три газеты. Прочитав от корки до корки газету «Труд», он перешел к объемистой «Литературке».

«Ну и делец! Такого я еще не встречал не только в документальных очерках, но даже и в детективных романах! — покачал головой Кошкин, пробежав несколько абзацев из очерка под названием «Режиссер и исполнители» в «Литературной газете» за 8 августа 1979 года. — Надо же, выявил с 1943 по 1946 год 190 дезертиров в Новосибирске! Как же так, ведь в официальной литературе о войне большинство советских людей шло на фронт добровольно, а тут в одном только Новосибирске с помощью одного Двойриса выявлено 190 дезертиров. По логике вещей, это число смело можно умножить на два, так как дезертиров, кроме Двойриса, выявляли еще и другие. Плюс к тому же много осталось невыявленных дезертиров.

Значит, в одном только Новосибирске их было человек пятьсот. А сколько таких городов в Советском Союзе? Страшно называть число дезертиров по Союзу! Это еще без бендеровцев, власовцев, крымских татар и других... Однако мы всей правды не видим ни в кино, ни в театре, ни в живописи, ни в литературе. Видим только одних добровольцев и героев... Вот почему не читают у нас современную художественную литературу, мало кто смотрит отечественные фильмы, а вот когда идет заграничный фильм — билетов не достать. Плоды соцреализма... Да-а-с, факт выявления дезертиров подтвержден печатью и подписью военкомов. Попробуй выпроси у них фальшивую справку, за один только разговор отправят сразу в каталажку!»

Испугавшись своих мыслей, Кошкин снова уткнулся в «Литературку». За чтением он несколько успокоился, ибо в газетах писались только разрешенные правительством вещи, и поэтому читать газеты и журналы никому не возбранялось.

Ой-ой-ой, что он вытворял, этот гражданин Двойрис! Военком Центрального района города Новосибирска П.Н.Ефремов снабдил его фальшивым документом, по которому Двойрис являлся рядовым 227-го гаубичного артполка. При поддержке зампреда Новосибирского горисполкома Мартынова и работников облотдела соцобеспечения он получил правительственную награду и персональную пенсию. А потом с помощью депутатов Верховного Совета СССР добился повышения своей персональной пенсии... Интересно, как же он перебрался в Москву? Этот момент в газете умышленно пропущен... Как бывший комсомольский работник, участник войны и персональный пенсионер союзного значения, Двойрис по ходатайству депутатов получил в центре Москвы на Фрунзенской набережной двухкомнатную квартиру и огромную дачу в Ильинском, отремонтированные по последнему слову техники за государственный счет и обставленные мебелью, техникой, предметами искусства на сумму 36 597 рублей... Здорово он их объегорил! Директора магазинов снабжали его дефицитными товарами на общую сумму 15 с лишним тысяч рублей, а директор Елисеевского магазина отпускал ему продукты прямо с тайных складов... Член Союза писателей СССР В.М.Привальский за 7,5 тысячи рублей написал Двойрису роман «Дорога длиною в век», а видная журналистка М. строчила от его имени популярные статьи и очерки. Среди прочих документов Двойрис имел удостоверение корреспондента ТАСС, «отличника кинематографии» и другие. Целых 10 лет катал его на своей персональной «Волге» начальник главка Министерства средств связи СССР Н.П.Рябов, а начальник отдела эксплуатации путей Московской железной дороги А.А.Сеньковский выдал этому «старому революционеру» беспрецедентный мандат, разрешающий проезд при закрытом шлагбауме.

Когда он проезжал через закрытый шлагбаум, дежурный милиционер почтительно отдавал ему честь. Тот же писатель Привальский сочинил за подписью Двойриса гимн в честь А.А.Чуфарина, бывшего начальника колонии, где когда-то в молодости отбывал срок сам Двойрис... Да-а, вот это ловкач, а ведь в возрасте семидесяти лет весь его трудовой стаж состоял из пятилетнего тюремного стажа... А газета все-таки обвиняет не того, кого надо! Ведь Двойрис мог действовать так ловко только при нашей системе. Во многих странах вообще не выявляют дезертиров, с чего и началась карьера мошенника. Двойрис смывал с себя пятна уголовного за счет доносов. Почему же его не могли разоблачить до старости лет? Потому что его карьера была построена на фундаменте КГБ... Балык, колготки, икра, японские зонтики, дамские комбинации, свежие окорока, махровые простыни, копченые языки, сапоги на платформе, селедка в пряном посоле — все, что доставал Двойрис у директоров магазинов как заслуженный работник, во многих странах вовсе не является дефицитом, которым у нас пользуются только избранные люди... Не смешно ли: чтобы достать колготки, нужно быть старым заслуженным революционером, тогда как эта тряпка в любой стране доступна всякому гражданину?.. Очерк называется «Режиссер и исполнители», но если взглянуть поглубже, то и режиссер, и исполнители виновны только косвенно, а основной виновник — социальный строй, который не способен существовать без подобных режиссеров и исполнителей. Да, да, браток, именно так!» — бормотал Кошкин про себя и, вздрогнув от своих мыслей, оглянулся вокруг.

Народ прибывал и прибывал, и ему казалось, будто он читает среди этой сонной молчаливой толпы запрещенную литературу, и поэтому, спрятав газету под мышку, заговорил с рядом стоящей старухой.

— Как, бабуля, достанется нам колбаса или нет? Жена строго наказала, чтобы я не возвращался домой без колбасы. Башку снимет, если приду с пустыми руками...

— Шут с ей, сынок! Ежели не достанется, не помрем с голоду, хлеб есть — и ладно. Лишь бы войны не было, а то худо будет. У нас хоть нет-нет да колбасу выбрасывают, пушай полкило на руки. Вчерась вот яичек давали по рубль двадцать... Вон, слышал, чаво деется во Врансии! Говорят, с голодухи там начинают жрать лягушек. Вон до чаво дошли. Не дай бог, от одного вида рвать тянет. Слава богу, мы еще не докатились до лягушек противных! Хлеба полно всякого, лишь бы войны не было, а то худо будет... Видать, там энтих врансузов припер голод к стене! Жидкий народ, нет у них гордости, не то шо у русских.

В 21-м году мы как голодали, сколько нашего брата полегло с голоду, я сама чуть не подохла — еще девкой ходила! И чичас я ишо помню этих противных лягерей. Лежу на полу при смерти, ноги не ходят, опухли от голода, сырость, и лягушки ползают по углам. Я и не мыслила их жрать, мы их боялись до смерти. Ей-богу, боялись больше голода. Нет, нет! Русские люди никогда лягушек жрать не станут... А в энту войну-то как голодали, сколько подохло народу-то, но скажу тебе, милоч, никто лягушек не жрал! Хучь некоторые жрали собак, кошек, ворон и всякую дохлятину, но лягушек — нет.

Кошкин не рад был затеянному разговору со старухой, несколько раз пытался перебить ее и растолковать ей, что французы едят лягушек вовсе не от голода, что там лягушка считается деликатесом, как у русских жареный поросенок или паюсная икра. Но горластая старуха тараторила без передышки, принимая по своей глупости Кошкина за высокопоставленного партработника с газеткой под мышкой. Но Кошкин хорошо знал, что номенклатурные работники не стоят в очередях, они прикреплены к определенным магазинам и получают продукты по списку. Видимо, старуха была не в курсе этих тайных государственных привилегий.

Кошкин попытался отойти от старухи на несколько шагов, чтобы та перестала горланить об изобилии продуктов питания в наших гастрономах и о голодных французах, хватающих живых лягушек прямо на улицах Парижа. Но не так-то просто было избавиться от нее, она, выйдя из своей очереди, подошла вплотную к нему и, прижимаясь к его уху, продолжала шепелявить:

— Ты, милоч, мужик антилегентный, аж в очереди читаешь газеты, вон у тебя их сколько! Неуж там ничего не пишут о врансузах? Скажу тебе по секрету: наши туда отправляют энтих жаб ашалонами, как помощь голодающим. Хи-хи-хи! Наши не дураки, знают, чем помочь. Тьфу, зараза, склизкая, прямо тошнота берет!

Еле отцепив рукав пиджака от костлявых синих пальцев старухи и оставив иллюстрированный вкладыш «Литературной газеты», где были запечатлены судьбы детей Ольстера, стоящих за высокой колючей проволокой, трупы ливанских женщин и стариков, лежащих в развалинах после израильского налета, сияющие радостные лица граждан новой социалистической Кампучии, Кошкин медленно, все еще ощущая возле себя старуху, пошел вдоль фасада девятиэтажного жилого дома, на первом этаже которого располагался огромный полупустой гастроном с работниками численностью 200 человек. Как раз в этом гастрономе намеревались люди получить колбасу, но очередь стояла за магазином, ибо у парадных дверей толпиться не разрешалось.

На боку здания, на уровне девятого этажа, шатко висело громадное тяжелое панно с лозунгом «Наша цель — коммунизм». Это место Кошкин всегда обходил, так как однажды в день революционного праздника кусок этого панно, выхваченный порывом ветра, покaleчил прохожего.

Сегодня Кошкин тоже обошел это опасное место, хотя не было ни малейшего ветерка, и, чтобы уйти из поля зрения назойливой старухи, перешел на другую, парадную, сторону гастронома, где вдоль всего квартала красовались большие стеклянные витрины, сооруженные из специальных толстых стекол.

В первой от угла витрине, где когда-то красовались аппетитные муляжи жареных поросят, разнообразной дичи, теперь было составлено из кусков хозяйственного мыла любимое у политиков слово «мир», которое упиралось в пятиконечную звезду, выложенную из ядовито-розового туалетного мыла. Во второй витрине мастерски, с архитектурным изыском, было сооружено из консервов «Завтрак туриста» заманчивое для всех слово «счастье», в третьей — из пачек малоэффективного стирального порошка выложено слово «свобода», а всю последнюю витрину, как бы подводя итог, занимало самое главное для советского народа гордое слово «труд», составленное из банок устаревших синтетических моющих средств. Так были обставлены витрины первой половины гастронома, которая примыкала к центральным входным дверям.

В правом верхнем углу этих высоких массивных дверей висел круг диаметром около 30 см, внутри которого еле заметными буквами было обозначено название магазина, его номер и к какому торгу он относится.

Витрины второй половины гастронома были симметрично оформлены примерно такими же политическими словами, лишь с той разницей, что материалом для букв служили здесь пачки окаменевших карамелек, расфасованных макарон и других неходовых продуктов.

Кошкин немного отступил от тротуара и взглянул вверх, где мигал разнесенный на всю длину здания огромный лозунг, набранный из сотен мощных красных электрических ламп. А на самом видном месте, с боковой стороны этого здания, мигал, неприятно пульсируя красным огнем и напоминая жильцам соседних домов о страшных ночных пожарах, наиболее распространенный и вездесущий лозунг: «Слава КПСС», который отсутствовал разве что только на общественных туалетах.

«Слава КПСС звучит теперь как слава Богу, — думал Кошкин, пользуясь одиночеством. — Но раньше, до революции, никто не развешивал: «Слава Богу» на крышах и стенах жилых домов, магазинов и учреждений. Любил это выражение весь народ — от самого последнего нищего до великого, всемогущего царя. Причем «Слава Богу» говорили люди автоматически, без всякой подсказки: с этими словами они рождались, совершали исторические славные дела и уходили в последний путь. Этим люди себя утешали, а утешение — это величайшая сила, если делается умело. Есть люди, которые могут утешить даже безнадежно больного. Теперь вместо утешения дают безнадежным больным наркотические средства. Но и здесь сестры и врачи ухитряются обворовывать умирающего: они не сделают положенную дозу укола умирающему, оставляя наркотик для своих нужных клиентов... Всю ночь мигает над головой «Слава КПСС», расходуя по всей стране тысячи киловатт электроэнергии. Если бы по нашему городу прошел наблюдательный иностранец, он мог бы подумать, что все наши жилые дома и учреждения служат в первую очередь для идеологических панно, а не местом для жилья или работы».

Рядом с этим девятиэтажным зданием стояло другое аналогичное девятиэтажное здание, на первом этаже которого также растянулся большой магазин одежды, забитый никому не нужной, убогой и безвкусной одеждой. Витрины этого магазина также пестрели благородными словами: «мир», «труд», «свобода», «равенство», «счастье», составленными из отрезков разноцветных синтетических тканей. На вершине здания сверкали лозунги: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», «КПСС создана для народа, существует для народа», «Пятилетку — досрочно!».

Инженер Кошкин частенько бывал в этих магазинах, но ни разу так внимательно не рассматривал витрины и не обращал внимания на политические лозунги, кочующие из пятилетки в пятилетку. Сейчас Кошкину благоприятствовали безлюдная спокойная обстановка, теплое тихое летнее утро и безвыходное положение: бросать очередь невыгодно, а до открытия магазина оставалось еще более часа.

Кошкин обошел девятиэтажное здание и, разговаривая сам с собой, без всякой цели прошел между домами, где и наткнулся на капитально построенное железобетонное панно, занимающее площадь, вполне достаточную для закладки пятиэтажного дома. Основными несущими элементами конструкции этого идеологического сооружения были железобетонные рельсы, к которым с помощью болтов и сварки были прикреплены железобетонные и стальные поперечники. На самом удачно выбранном месте этой конструкции стояла ехидно улыбающаяся четырехметровая фигура Ленина, от которой по направлению его вытянутой руки хорошо просматривался крупногабаритный лозунг: «Верной дорогой идете, товарищи!»

«Как же это получается-то? — задал вопрос Кошкин самому себе. — Ведь обращение умершего к живым возможно только в религиозной идеалистической философии и противоречит марксистско-ленинской идеологии. Такое обращение может сделать только Бог. Значит, Ленин — это Бог! Да-а, товарищ Бог, твоя верная дорога уже довела Россию до ручки, а в конечном счете доведет и весь мир до верной катастрофы... Верно говорят, что ты — вождь мирового пролетариата. Конечно, ты вождь! Но ты вождь-обманщик, ты обманул пролетариев всего мира. Да и не только пролетариев. Теперь-то в России знают, каким лозунгом ты их обманул. «Земля — крестьянам, а заводы — рабочим!» — заманивал ты темных людей. А что было после революции, мы все знаем.

Об этом пока что знает только Россия, а не мировой пролетариат. А ты и сейчас остаешься его вождем, и они еще верят твоему ложному лозунгу, в основном благодаря трудам твоих последователей. А твои последователи называют тебя своим учителем. Это тоже справедливо, ведь ты их научил обманывать! Но они теперь обманывают намного грубее, чем ты. Теперь твои ученики нагло утверждают рабочему, будто весь завод принадлежит ему, а колхознику — будто вся колхозная земля его. Попробуй возрази — сразу окажешься в тюрьме или психушке. Кому хочется прожить свою жизнь за решеткой, будь это тюрьма или дурдом? Поэтому каждый гражданин, внушая самому себе, мысленно повторяет, что земля — его и завод — тоже.

Чтобы человек обманывал не только самого себя, но и других, его заставляют выступать на различных политинформациях и политучебах, также на митингах, профсоюзных и партийных собраниях, где он, не веря сам, нагло доказывает другим правильность твоих ложных лозунгов и тем самым становится твоим учеником и вообще продолжателем твоего ложного дела. За активное лицемерие ему полагается вознаграждение в виде путевки в санаторий, расширения жилплощади, приобретения без очереди ковра или автомобиля, выдвижения по службе, присвоения звания ударника комтруда и даже Героя Соцтруда. Степень вознаграждения зависит от степени активности данного работника. Недаром у нас существуют термины «актив» и «активист». Что уж говорить, своими заманчивыми декретами ты превратил крестьян в крепостных, а рабочих — в алкоголиков и бездельников. Твой хваленый Декрет о земле в конечном счете уничтожил в России самых лучших земледельцев и передал землю тем, кто ее никогда не любил и не умел обрабатывать. Как раз по этой причине мы теперь сутками стоим в очередях. Ежедневно теряем по

полтора часа в столовой из-за тарелки супа. Все это — результат твоего обмана, товарищ вождь мирового пролетариата. Погоди, лет через десять узнает тебя весь мир, и тогда все твои портреты сожгут, как Гитлера и Сталина. Может быть, ты окажешься в еще более худшем положении, ибо они совершали преступления в пределах своей страны и Европы. Вся пролитая кровь в революциях за коммунизм ляжет на твою совесть, и ты будешь преступником мирового масштаба. Осталось до этого недолго. Как только совершится мировая революция и победит коммунизм во всем мире, сразу обнажатся все твои лживые лозунги и весь мир узнает, кто есть кто, что есть что. Охваченный коммунизмом земной шар будет выглядеть как червивое яблоко, и это морально и физически искалеченное нежизнеспособное общество погибнет само собой на зараженной продырявленной земле. Дело в том, что червям, поедающим яблоко, есть куда податься, а людям, проедающим Землю, податься будет некуда... Некоторые оптимисты подумывают перенести жизнь в космос и тем самым спасти свою жизнь, как червяк. Я бы задал один вопрос такому оптимисту: не согласился бы он сейчас жить в общественном туалете? Разумеется, он не согласится...»

Проходя по безлюдным тротуарам и философствуя, инженер Кошкин обошел весь квартал и снова вернулся к стоящей в очереди толпе. Народ прибывал и прибывал... Группируясь друг с другом по каким-то своим интересам, люди составляли многослойную очередь, и если бы они встали в ряд друг за другом, то образовалась бы километровая колонна. Люди здесь стояли тусклые, помятые, не было ни одной накрашенной женщины и ни одного чисто выбритого мужчины, многие зевали без конца, очищая легкие, харкали и плевались. Улыбающихся лиц тоже не было.

Кошкин рыскал в толпе, как лиса за мышью, и вот уже третий раз пересек вдоль и поперек всю толпу в поисках той словоохотливой старухи, которая стояла за ним. Все-таки ему повезло и он отыскал свое место, где вместо словоохотливой старухи стоял уже ее сын, словоохотливый мужчина средних лет.

Стоя среди небольшой кучки людей, мужчина тихо рассказывал:

— Многие думают, что наши там, наверху, ничего не делают. Это неправда! Там работают очень много. Не зря они получают инфаркты да кровоизлияния в мозг. С другой стороны, люди тоже правы, ведь фактически народное хозяйство топчется на месте, а в отдельных отраслях даже катится назад. Это происходит оттого, что верхи всю свою энергию и весь свой ум направляют на развитие тяжелой и военной промышленности. Для выполнения этой цели мобилизуется все. Все здоровое население страны служит в армии и милиции или работает на армию и милицию. Вся доброкачественная продукция, выпускаемая заводами и фабриками страны, идет на армию, КГБ и МВД. Все крупные предприятия работают на армию и милицию. Естественно, качественное сырье идет туда же. Наоборот, сельхозмашины, автомобили, поезда, одежда для гражданского населения и другие товары ширпотреба изготавливаются из отходов, оставшихся от военной промышленности. Чтобы отвлечь внимание населения и сделать видимость того, что верхи ишачат в поте лица для удовлетворения постоянно растущих потребностей трудящихся, они на очередных пленумах, где в основном решаются совсекретные вопросы, состряпают липовое постановление под стандартным названием «О мерах по дальнейшему повышению (улучшению, усовершенствованию, удовлетворению и т.д.)», которое в конечном счете для народного хозяйства не принесет никакой пользы, кроме вреда. Сколько раз проводили укрупнение колхозов и сельских школ, превращали колхозы в совхозы, сколько раз создавали и реорганизовывали политотделы в МТСах, Совнаркомы превращали в министерства и наоборот! Таких мероприятий много, все не перечислишь. Бестолковщина все это! Никакого толку, кроме огромных расходов на реорганизацию хозяйства. Никто из вас не знает цену одного самолета, одного танка или одной ракеты. Если я вам назову цифру — вы не поверите! Да вы и не знаете, откуда берутся деньги для постройки этих бесполезных для вас вещей. Многие думают, что все это складывается из наших копеечных подоходных налогов. наших подоходных налогов не хватит даже на обеспечение одной дивизии! Есть еще так называемый налог с оборота. Это очень хитрая штука, и мало кто о нем знает. Вот моя мать, старуха, которую я сменил здесь, прямо-таки балдеет, глядя на розовощеких военных и милиционеров. Особенно радуется тому, что они одеты лучше, чем гражданские, то есть они одеты лучше тех, кто их одевает из своего кармана. Кормят их тоже лучше, чем нас. Оглянитесь вокруг — есть в этой толпе хоть один военный или милиционер? Нет, конечно! Убедились? Их обеспечивают специальные гарнизонные магазины. Многие военные гарнизоны загорожены высокими железобетонными заборами не оттого, что там есть какие-либо секреты, а оттого, чтобы мы не прорвались туда за продуктами... Но никто не вникает в суть вопроса и не стремится знать, откуда берутся деньги для содержания этой огромной военной машины... Моя мать уже старая, ей простительно, а ведь другие тоже любят краснощекистыми упитанными милиционерами...

Боясь оказаться соучастниками такой рискованной беседы, многие стоящие рядом отошли от разговорчивого мужчины и с любопытством продолжали наблюдать за ним уже со стороны. Когда возле

него осталось только несколько глухих старух, которые, раскрыв беззубые рты, пытались уловить смысл его речей, он, видя потерю аудитории, отошел в сторону и, прохаживаясь вдоль длинной, многослойной очереди, остановился около группы «курильщиков».

Хотя мужчина давно бросил курить, для порядка он попросил у ребят сигаретку и уже через несколько минут, сменив «пластинку» на более легкую, молодежную, вступил с ними в разговор:

— Вот когда у нас откроются курсы по усовершенствованию поведения человека, стоящего в очереди, мы сможем стоять в очередях не только сутками, но и месяцами, и даже годами. Это будет отдельная наука, не менее популярная, чем космонавтика. Постепенно будут создаваться не только профсоюзные курсы, но и техникумы и институты, НИИ и филиалы Академии наук. Это также будет у нас впервые в мире, как радио, паровоз, реактивный самолет, полет человека в космос. В развитии этой новой науки советские ученые, как всегда, не отдадут другим свой приоритет.

— Мы без всяких курсов и институтов умеем стоять в очередях годами! — перебил его парень, который слушал внимательнее других. — Мой отец, например, стоит за «Жигулями» уже двенадцать лет, а за коврами — пять лет. Ничего, не умер, жив-здоров! Намного здоровее тебя. Вот ему уже стукнет скоро шестьдесят, а не лысый, не седой! Не то что ты, вроде бы еще не старик, а уже облысел.

Ребята, стоящие вокруг, громко засмеялись и, воодушевившись, закурили новые сигареты. Словоохотливый мужчина погладил ладонью свою лысину, как бы обнаружив ее впервые, тоже, поддерживая компанию, засмеялся вместе с ними. Диалог между мужчиной и ребятами стал более непринужденным.

— Тут совсем другое дело! Твой отец записался на машину, на ковер и сидит себе спокойно дома. Поэтому он не лысеет и не седеет. Кстати, если современный человек, которому под шестьдесят, не седеет и не лысеет, то он подлежит медицинскому освидетельствованию: все ли у него дома? На мой взгляд, дурак не лысеет и не седеет...

Ребята опять дружно засмеялись, но на этот раз уже поддерживая незнакомца, и окружили его плотным кольцом. Парень, у которого шестидесятилетний отец не лысел и не седел, немного помрачнел и сам был не рад, что связался с «лысым дураком».

— Ты, конечно, извини меня, парень! Я не знаю твоего отца и не могу судить о нем. Я лишь философствую. Отец твой записался в очередь и сидит себе дома вот уже двенадцать лет. Ничего себе, собачья выдержка, другой бы за это время давно пропил деньги. Но речь не о том, я говорю о живой очереди! Сразу чувствуется, что ты уже отстал в этом вопросе и тебе обязательно нужно немного проветрить мозги, иначе ты можешь нарваться в очереди на неприятность. В настоящее время курсы еще не открыты, но ты сможешь получить у меня квалифицированную консультацию. Для начала, милоч, я тебе задам один простой вопросик: чем отличается живая очередь от неживой?

— Живая очередь — это значит она живет и в ней стоят не мертвые души...

— Дорогой ты мой, с такими знаниями ты вообще не имеешь права стоять в очереди! Видишь, как все над тобой смеются?.. В очереди, милоч, всегда стоят живые люди, мертвые лежат на кладбище... Зайди ко мне вечером, если хочешь, дам адрес, буду твоим репетитором. Не забудь прихватить бутылочку, да и закуска не помешает. Не бойся, я много не выпью... На чем же я остановился, вот голова-то, черт? Сбил ты меня, парень, с панталыку со своими автомобилями да коврами. Вообще-то связываться с тобой опасно, у тебя какие-то кулацкие замашки... Не пьешь, видать, даже.

— Нет, конечно! Я не такой уж дурак, чтобы тратить деньги на эту дрянь. Я зарабатываю десять рублей в день, как раз бутылка водки стоит столько же. Весь день вкалываю за десятку, а после работы выжимаю рубашку. На что бы я жил-то, если пропивал бы эти деньги? Пьют только воры да высокооплачиваемые начальники... Воры сейчас не те, что были раньше, — вынимали из кармана кошельки. Раньше вора презирало все общество: и богатые, и бедные. Теперь воров не презирают, они все теперь, как говорится, люди с большой буквы. Высокое начальство ворует по закону — в виде премиальных и других надбавок и льгот, рабочий что-либо продает или работает за водку, колхозник ворованными кормами выращивает скот и продает мясо на рынке, врач выписывает за деньги или за товар больничный лист здоровому бугаю, профессор за деньги ставит баллы и пропускает недотепу в институт, ученый пишет плагиат, сфера обслуживания живет за счет особой клиентуры, у работников торговли уж говорить нечего, а рядовой конторский чиновник, которому воровать-то как будто нечего, ворует время, но время, как нам известно, — это деньги.

— Молодец, парень, молодец! Экономику социализма ты знаешь лучше, чем иной профессор. Я доцент и тебя слушал с удовольствием, даже уловил в твоём рассказе какую-то свежесть... А ты знаешь, как выглядит математическое выражение основного экономического закона социализма? Говоришь, нет? Тогда запомни: D в квадрате + $Ш$ в квадрате = H в степени $H+П$ в степени X , что означает на философском

языке: давай-давай, шуруй-шуруй=начальнику — награда, подчиненному — фуй... Смех-то смехом, а ведь это — наша жизнь... Приходи, обязательно приходи, поговорить с тобой очень интересно. Можешь без бутылки, я тебе сам поставлю. Ведь единомышленник необходим человеку так же, как и эликсир жизни... А вот что ты не пьешь — это уже не по-нашему. Все, кого ты перечислил, они наши люди, без которых ты прожить не сможешь. И все они пьют, а ты — нет. Значит, ты отрываешься от советского народа. Знаешь, чем это пахнет? Ты становишься как бы не советским человеком. Ничего, ничего! Я из тебя сделаю настоящего советского человека. Обязательно приходи! Недельная консультация без отрыва от производства... Нет, ты парень сообразительный, даже трех дней хватит — и будешь отличать живую очередь от неживой. А самое главное — исчезнут у тебя эти буржуйские замашки... Вспомнил, вспомнил! Я ведь начал тогда говорить о приоритете нашей науки. Да-да! Это большое дело! Вот наши как-то взяли обязательство догнать и перегнать передовые капстраны по производству мяса, молока и других сельхозпродуктов. Сможем мы это претворить в жизнь или нет, я сказать не могу, но по этике живой очереди мы их давно оставили позади, и в настоящее время, не ослабевая темпов, семимильными шагами мчимся вперед. Капиталисты проявляют полное равнодушие и вовсе не гонятся за нами. Но это равнодушие со временем обойдется им дорого. Они будут иметь бледный вид и длинную шею, когда на смену гниющему капитализму придет социализм. Это неизбежное явление. Вот тут-то они запрыгают! Ведь они совершенно не подготовлены к новой жизни. Без малейшего понятия об этике живой очереди они передерутся друг с другом, перестреляют друг друга, и все это приведет к гражданской войне... А советский человек, даже самый малограмотный, может оказаться в этой ситуации профессором! Вот тут-то мы и покажем себя, авторитет советского человека поднимется как никогда! Они еще узнают, на что мы способны. Своими знаниями и вековым опытом в области этики живой очереди мы предотвратим мировую гражданскую войну! Вот здесь, торча в очереди, мы фактически решаем проблему мировой революции, заложенной еще классиками марксизма. Конечно, классики не могли предвидеть все детали мировой революции и поэтому в своих трудах не писали об очередях. Теперешние продолжатели дела марксизма-ленинизма уже поняли, что в предстоящей мировой революции проблема живой очереди будет актуальнее, чем диктатура пролетариата, которая в марксистско-ленинской науке считается коренным и решающим вопросом... Вообще-то, если копнуть поглубже, можно найти главного виновника того, что мы, живя в мирное время среди колоссальных природных богатств, о чем другие страны лишь мечтают, простаиваем в длинных очередях, желая приобрести самые элементарные вещи... Во всем повинен наш уважаемый бородач... Что, вы его не знаете? Ну что вы, ребята! На каждом шагу висит его портрет. Знаете, каким тиражом печатают его физиономию? Если бы человек в возрасте нашей страны собирал бы его портреты, приходящиеся на душу населения, то он имел бы сейчас не менее двадцати-тридцати портретов разного формата. Даже здесь можно найти этого бородача. Во-о-н какой большой! Оглянитесь назад — борода больше, чем морда... Именно он повинен во всем, а не Ленин, как считают некоторые. Не смейтесь, ничего смешного. Именно он! Я ведь доцент философии и знаю их хорошо. Большая разница между Марксом и Лениным, хотя они стоят рядом и пишутся через тире. Маркс стоял за одновременную победу социализма во всех странах, Ленин фактически отменил эту теорию и выдвинул свою, по концепции которой революция сначала должна произойти в одной отдельно взятой стране и лишь потом, когда в этой стране будет достигнута окончательная победа социализма, можно будет размышлять о мировой революции... Но наши правители, пришедшие после Ленина, изменили своему вождю и начали помышлять о мировой революции еще в тридцатых годах. Очевидно, каждому из них захотелось командовать не только Россией, но и всем миром. Заманчиво, а? Звучит-то как: Генеральный секретарь Коммунистической партии земного шара (ГСКПЗШ), скажем, Председатель Совета Министров земного шара, или председатель объединенных колхозов Северной Америки, или первый секретарь Вашингтонского обкома КПЗШ... Здорово, а? Все вы знаете, что мы в 1935 году, будучи еще лапотниками, поехали воевать в Испанию! За тридевять земель тащиться воевать, везти туда самолеты, танки, пушки!.. Погибли там лучшие наши парни... Ленин бы этого, может быть, не сделал. Сегодняшние наши правители продолжают «испанскую компанию» и в настоящее время уже вплотную подошли к мировой революции. Сейчас наши кормят и вооружают полмира. Жизненный уровень наших людей хуже, чем в некоторых странах, которые мы опекаем. Это отклонение от ленинизма и переход к Марксу. Основное заблуждение наших правителей заключается в незнании сущности социализма, они в плену иллюзии, будто у нас социализм уже построен окончательно. Но на самом деле окончательная победа социализма у нас еще не завершена, и поэтому рано переходить к осуществлению мировой революции... Характерно, что все наши правители без исключения считают себя ленинцами, а сами следуют учению Маркса... Поняли, ребята, где собака зарыта?

Когда доцент закруглял свою беседу, возле него уже не было ни одного толкового собеседника, кроме ничего не понимающих в марксизме-ленинизме подростков; взрослые опасливо отвернулись от него, как бы не желая слушать его дурацкую болтовню.

Инженер Кошкин тоже стоял к нему спиной, но улавливал каждое слово и наконец-то понял то, что раньше не совсем четко представлял. Он настолько был увлечен речами доцента, что не заметил, как появился милицейский «уазик», и опомнился лишь тогда, когда несколько дюжих молодцов уволокли доцента к машине. «Антисоветская агитация среди молодежи — он получит не менее семи лет тюрьмы строгого режима!» — подумал Кошкин и, двигаясь, словно контуженный, начал машинально искать свою очередь.

При аресте доцента в толпе произошло то же самое, что и в стаде баранов при появлении волка, и в этой суматохе Кошкин никак не мог найти тех людей, возле которых занимал очередь. Он шарахался из одного конца в другой и все время натыкался на совершенно незнакомых людей, которые Кошкина «в глаза не видели» и обзывали бессовестным нахалом. Новую очередь занимать было бесполезно, и поэтому Кошкин решил уйти домой.

Когда инженер Кошкин шел домой, его всю дорогу мучила мысль о неудаче с колбасой, а потом, уже возле дома, он глубоко проанализировал ситуацию и сравнил доцента с собой.

Значит, в очередях, как и на работе, имеются вездесущие стукачи. Ведь доцент говорил совсем тихо и не нарушал общественного порядка, а милиционеры подошли непосредственно к нему и забрали его одного, без всяких свидетелей. Может быть, они контролируют толпу через телеустановки? Да-а, оказывается, я не зря разговариваю сам с собой. Лучше разговаривать с самим собой, чем с этими баранами и получить семь лет тюрьмы строгого режима за сущую, неопровержимую правду... Вот это агитация, да еще антисоветская! Фактически доцент говорил о том, о чем мы тоже знаем, но растолковать не можем, он просто несколько приоткрыл ширму. Собственно говоря, он доказывал правоту ленинской политики! В таком случае правители сами антисоветчики! Теперь-то я понял, почему наши глушат радио. И не оттого, что проникает к нам с Запада клевета и ложь, а оттого, что проникает оттуда правда... Да, оказывается, я думал правильно насчет электронного фильтра. Действительно, судя по жестокости нынешних идеологов, человек коммунистического общества должен быть глухонемым, а говорить и слушать он должен только через идеологически запрограммированный электронный фильтр. Поскольку в настоящее время советская наука еще слаба и без помощи капиталистов не в состоянии сконструировать сложный технический аппарат, то роль подобного фильтра выполняют аппараты КГБ, МВД, КПСС. А негласные агенты и осведомители, состоящие из рядовых граждан и уголовных элементов, являются маленькими винтиками этой монолитной идеологической машины... Как раз мошенник Двойрис и был таким винтиком, который нельзя было выбросить, иначе монолитная машина дала бы сбой. А наивный читатель газеты в недоумении задает себе вопрос: каким же образом один маленький человек сумел одурачить высокопоставленных чиновников?

Хотя инженер Кошкин шел домой с пустыми руками, он чувствовал себя вполне бодро и даже, приближаясь к дому, от радости насвистывал старую революционную песню «Смело, товарищи, в ногу!». Озираясь по сторонам, он приближался к своему подъезду и все ярче видел молодого советского доцента-антисоветчика 80-х годов XX столетия. В этот момент инженер Кошкин был очень похож на только что освободившегося и неуверенно отходящего от высоких тюремных ворот счастливого человека.

Когда он в 6 часов утра вошел в квартиру, по радио как раз били кремлевские куранты. Москва, как обычно, начала передавать Гимн Советского Союза, которому инженер Кошкин, встав по стойке смирно, подпевал с начала до конца.

Одновременно он был вынужден слушать жену, обрушившуюся на него, как только он перешагнул порог:

— Совести у тебя нет, разиня несчастный! Не выдержал даже до открытия магазина! Шести еще нет, а ты уже дома. Знала бы такое, сама бы пошла... Вчера я за мукой простояла полдня, чуть ребра не поломали! Пускай мне не досталось, но я из принципа выстояла до последней секунды... Завтра приезжают гости, а у нас ни грамма мяса, ни грамма масла, муки даже нет. Чем я их кормить-то буду? Срамота! А ведь ты когда-то петушился: мол, институт с отличием окончил, предлагают научную работу! Упрямый, пошел все-таки на завод, не послушался добрых людей. Вот и просидел до седины рядовым инженером, на детской зарплате. Люди хоть воруют, а ты, растяпа, даже за деньги не можешь достать ничего... Докатился теперь, сам с собой разговариваешь, бормочешь всякую ерунду. Совсем зашился, ни радио его не интересует, ни телевизор... Вон вчера как толково объяснил по телевизору комментатор: мол, советские люди нынче стали зажиточными, много получают и оттого много жрут... Знай теперь, почему у нас нынче пропало мясо и масло. Так оно и есть, жрут много...

— Неужели ты веришь этой чепухе? Ведь таким образом нас одурачивают, тупых. Это же полнейший парадокс. Пошевели своими бараньими мозгами! Можно ли называть человека зажиточным, если нет у него дома ни грамма мяса, масла и муки? Например, стала ли ты жрать больше, чем в прошлом году? Если ты выпивала в прошлом году три стакана чая в день, то в этом году, значит, выпиваешь пять стаканов? Надо жить своим умом, а не чужим. Ты пойми истину: в человеческом организме имеются очень строгие и точные регуляторы, которые не дают ему жрать лишнего... Вы попробуйте вместе с этим умным радиохолуем съесть на двоих хотя бы четыре кг колбасы! Подохнете, не спасет вас ни один хирург!..

— Тоже мне грамотей, сравнивает чай с колбасой! Наоборот, по сравнению с другими годами я выпиваю чая намного меньше, а вот колбасу-то я слопала бы и полпуда. Особенно свежую да обезжиренную! Целый месяц уже мяса не видим. В столовой теперь всегда «рыбный день», а ведь в Советском Союзе установлен единый «рыбный день» — среда, один раз в неделю... Жрут много, скоро рыбы-то не останется...

Срывая зло, она ворчала все агрессивнее и вспомнила всю подноготную его личной интимной жизни, будто единственным виновником отсутствия продуктов был ее муж, рядовой инженер Кошкин.

Он ее почти не слушал и сидел на диване обхватив голову обеими руками, как бы закрывая уши от глупых наставлений жены. Когда он, вспоминая утреннюю трагедию с доцентом, буркнул нечаянно пришедший в голову собственный афоризм: «Пуля — мораль всякой власти», она резко выдернула из-под него покрывало, явно вызывая его на драку. После этой сцены он без малейших эмоций молча пересел на стул и продолжал сидеть в такой позе. Если бы в эту минуту она выдернула из-под него стул, он бы все равно оставался равнодушен, ибо по сравнению с сегодняшним арестом доцента эта семейная драка ему представлялась ерундой вроде царапины.

В организме инженера Кошкина произошли невидимые патологические сдвиги, и он, несмотря на унижительные оскорбления жены перед собственными взрослыми детьми, не ощущал на теле никаких следов аллергии.

В данный момент незаметно для самого Кошкина сработало в нем защитное свойство души, предохраняющее тело от дальнейших стрессов и волнений.

Наступило необратимое тихое помешательство.

КОНИНА

(рассказ)

Шел второй год Великой Отечественной войны. Совинформбюро тогда редко передавало радостные сообщения, и конца войне пока еще не было видно.

Мы жили тогда в глубоком тылу, в деревне. Два моих брата и отец ушли на войну еще в сорок первом. Уходили они не сразу, а по одному: сначала мы всей семьей проводили отца, через два месяца ушел старший брат, и позже всех проводили младшего брата.

До районного центра, где находился военкомат, было десять километров, и призывники, как правило, шли туда пешком.

Провожали призывников обычно километра полтора за деревню, в основном до Сафаровского моста, который получил свое название еще до революции от имени убитого здесь бандита.

Сафар долгие годы убивал и грабил людей на дорогах, но однажды он со своим напарником ограбил знакомого земляка, возвращающегося с осенней ярмарки, и тут, почему-то нарушив главную заповедь бандита, он не зарезал его. В тот же день при дележке награбленных денег напарник ударил Сафара ножом и скрылся, захватив с собой всю добычу.

Раненый Сафар, очевидно, желая умереть дома, все-таки пришел в свою деревню и, истекая кровью, дополз до моста, где его же земляки, опознав бандита, добились умирающего Сафара, закидав острыми камнями.

Маленький деревянный мостик до сих пор называется именем Сафара, а его могила, находящаяся на обочине дороги у моста, все еще засыпана теми же дореволюционными камнями, которыми когда-то закидали Сафара справедливо возмущенные односельчане.

Провожали на войну кого с гармошкой, кого просто так.

Когда шли с гармошкой, запевали озорные частушки, на остановках даже плясали, и со стороны это зрелище больше было похоже на свадебное гулянье, чем на проводы, хотя многие, не зная того сами, простились здесь с родными и близкими навсегда и никогда больше не увидели просторы своей родной деревни.

Если проводжали без гармошки, то шли молча и без остановок, оставляя за собой клубы густого белого дыма от злого турецкого самсада.

В том и другом случае никто, кроме матерей, не плакал, то ли надеясь когда-нибудь еще встретиться, то ли сознавая всю серьезность грозившей тогда опасности.

Жить приходилось почти на одной картошке. Чая, сахара и соли давно уже не было, а хлеб тоже был картофельный, перемешанный с лебедой. Если попадался случайно настоящий хлеб, то мать сушила из него сухари для уходящих на войну.

Котомки с сухарями были уложены на печке, и никто из нас не смел их трогать, хотя братишка, сестренка и я спали ночью между ними, наслаждаясь запахом сушеного ржаного хлеба. Приятнее этого запаха для нас ничего не было, и мы с нетерпением ждали приближения ночи.

После ухода на фронт отца и старшего брата на печке оставалась последняя котомка. Мы все трое ложились вокруг нее и спали крепким детским сном на неровно сложенных, покрытых желто-красной пылью кирпичиках. Третья котомка была меньше двух других, потому что во время болезни сестренки мать подкармливала ее сухарями. Кипяток с сухарями был тогда лучшим лекарством, а чай с сахаром спасал от всех болезней. Был случай, когда в соседней деревне от глотка чая с сахаром оживила почти умершая женщина. На проводах младшего брата последнюю котомку, сшитую из красного самотканого полотна, пришлось нести мне, как самому старшему из мужчин, оставшемуся хозяином дома. Тогда брат, прощаясь с нами, подарил каждому из нас по кусочку сухарика, которые мы грызли на обратном пути почти до самого дома. А мать, будто предчувствуя, что это последний подарок сына, не стала есть свой кусок и положила его в карман.

Летом с питанием было несколько легче — щавель, крапива, а позже поспевала молодая картошка. Соленую крапиву даже продавали в магазинах. Во время войны много говорили о пользе крапивы, будто она содержит много необходимых организму витаминов.

Желая поправиться, мы часто питались крапивой, но витамины нам почему-то не помогали, и организм наш истощался с каждым днем все больше и больше.

Лучше всего было осенью. После уборки хлебов мы, ребяташки, украдкой, как воры, ходили на колхозное поле собирать оставшиеся колосья. Как это ни странно, тогда за такое дело можно было получить срок. Соберешь на троих килограмма три-четыре ржи, а то и пшеницы, посушишь на печке и тоже украдкой, в условиях настоящего подполья, смелешь в ручной самодельной мельнице.

Хотя крутить ее было тяжело, зато нанюхаешься досыта свежей муки. Если немного муки положить под язык, то сила прибавлялась сразу же, хотя мука не доходила еще до желудка. О картофельном супе с мукой уж и говорить нечего, после тарелки такого супа появлялся у нас мужской голос, руки становились большими, сильными, а ноги лошадиными, и мы легче тащили тележку, груженную хворостом, даже в гору, будто все горы для нас превращались в равнины.

В те годы была немыслима жизнь без тележки и саней, все хозяйство держалось на них. Если тележка с большими деревянными колесами, то она, как говорится, шла сама. А если же с маленькими плужными, то застревала в каждой ямке.

Сани тоже ценились своими качествами прохождения по снегу: узкими полозьями они врезались даже в твердый снег, и потому тащить их приходилось с тройной энергией. Обычно мы впрягались вдвоем с братишкой.

Лес от нас находился в пяти-шести километрах, и на этой дороге нам были известны каждая яма, каждый бугорок. По тяжести тележки мы могли определить место, где находились, с точностью до одного метра и с закрытыми глазами.

Летом ходили босиком, и поэтому никогда на ногах не переводились свежие раны; не успеет зажить одна, как заработаешь другую: или на улице наступишь на стекло, или в лесу — на острый сучок, скрытый в опавших листьях. У некоторых ребят эти раны запускались до того, что в болячках заводились черви, и тогда рекомендовали греть их в полдень под обжигающими солнечными лучами. Никто не знал, в чем тут секрет: то ли черви подышали от действия ультрафиолетовых лучей, то ли от температуры. Других лекарств в то время не существовало.

По дороге от леса до нашего дома было всего четыре подъема и четыре спуска. Разговаривали только на спусках, а в гору тянули молча, чтобы не тратить энергию на разговор. Говорили обычно о самоходной тележке или о хлебе.

Мотор для самоходки мы начали конструировать еще до войны: отец отковал коленвал из целого куска какой-то стали, а поршень и картер отливали из алюминиевого сплава прямо в домашней печке. Но осуществить задуманную мечту нам помешала война. «Я сижу за рулем, ты — рядом со мной, и мы с ветерком помчимся в любую гору», — подбадривал я братишку во время отдыха. И он с удовольствием мечтал об этом тоже.

Через дом от нас жил продавец сельского магазина дядя Миша. Хорошее знание своего торгового дела выручало его всегда, и он на протяжении многих лет не имел растрат, тогда как до него на этом месте ни один продавец не мог удержаться более двух-трех лет. Обычно продавцы «горели» при первой же ревизии и не всегда могли отделаться только возмещением растроченных государственных денег, многие лишались свободы на многие годы с конфискацией имущества.

Из-за своей обходительности дядя Миша пользовался уважением не только деревенского начальства, но и повыше: частенько около его дома можно было видеть легковушку из райцентра или красиво отделанную кошевку из какой-нибудь соседней деревни. Дядю Мишу почему-то на войну не брали. То ли он был очень нужен для тыла, то ли была у него какая-то болезнь, хотя внешне он выглядел вполне здоровым.

Его жена носила модную дорогую шубу, которая, по всей вероятности, предназначалась для стройных городских дам и не шла ей вовсе.

Сыновья продавца даже в теплую и сухую погоду ходили в сапогах или ботинках и, играя на улице с другими мальчишками, они кидались дорогими шоколадными конфетами. Поэтому многие бегающие в лаптях или босиком мальчики завидовали им и очень хотели с ними подружиться. Но не всем это удавалось, и на асфальтированной площадке возле сельмага играли только избранные.

Их высокий кирпичный дом с железной крышей и большим каменным подвалом резко выделялся среди низких деревянных домов и, пожалуй, был единственным архитектурным украшением всей деревни. В этом старинном доме жил до революции священник, и все жизненные блага продавца люди связывали с его именем.

Дядя Миша ходил круглый год в хромовых сапогах и носил в нагрудном кармане большие серебряные часы на красивой цепочке — такой роскоши в деревне больше ни у кого не было. При беседе с людьми он неоднократно вынимал их из кармана и, открыв крышку, смотрел на циферблат, наслаждаясь тихой мелодией.

На счетах продавец работал с таким вниманием, будто каждая сдвинутая костяшка приносила ему прибыль. А его карандаш скользил по накладной так плавно, что вряд ли кто-нибудь в деревне смог бы писать, как он, уделяя столь большое внимание этому, казалось бы, маленькому документу.

Дверь магазина закрывалась на три замка, и какой-нибудь из них он менял через каждую неделю. До дяди Миши здесь бывали случаи ограбления магазина, и в большинстве случаев обвиняли самих же продавцов, которые потом по несколько лет отработывали бесплатно, возмещая украденную сумму. При нем не было ни одного случая: то ли воры боялись висящих на двери огромных самодельных замков, то ли строгих законов военного времени, а может быть, того и другого.

Продавцу и его детям не только жилось хорошо, но и везло: их дом остался невредимым даже тогда, когда при пожаре сгорело полдеревни, в том числе все дома вокруг них. Они и в войну жили лучше других. У них всегда был хлеб и все остальное. Прохожие, приближаясь к дому продавца, замедляли шаги, ибо каждому хотелось подольше наслаждаться ароматом жареного мяса или пшеничных блинов.

Однажды во время войны я зашел к ним за лопатой. Как раз у них был обед. За столом сидели жена, сам хозяин и двое пухленьких с румяными щечками сынишек. В центре стола стояла большая эмалированная миска с супом-лапшой, рядом в тарелке лежала с растопыренными ножками здоровенная курица. А на другом, в виде топчана, столике было расставлено много искусно выпеченных теплых караваев, только что вынутых из печи.

Я давно не видал подобного зрелища, и при взгляде на все это глаза мои загорелись, слюна сглатывалась все чаще и чаще. «Эх, нам бы на четверых один каравай», — думал я, стоя у порога и довольствуясь запахом домашней лапши с курицей и свежего ржаного хлеба, который не поддается никакому описанию.

— Садись с нами кушать, — пригласил меня хозяин, снимая кусочки лапши со своих рыжих, беспорядочно торчащих усов.

— Не хочу я, дядя Миша, мы недавно пообедали, — отказался я из скромности, хотя мое бледное худое лицо, глубоко ввалившиеся большие черные глаза и кости, обтянутые кожей, говорили сами за себя, и я был готов моментально проглотить все содержимое стола. Каждая поднесенная ими ко рту ложка раздражала мой аппетит все больше и больше, и я, еле успевая за ними, непрерывно глотал слюну.

— Садись, — повторила жена через несколько минут негромко, называя меня по имени, и начала щедро разламывать курицу.

Она долго крутила крепко связанную жилами куриную ножку, и мне показалось, что через мгновение нога окажется в моих руках. «Если даст, то понесу домой, — запланировал я. — Мясо отдам маме, брату и сестре, а кость буду грызть сам. Мясо проглотить сразу же, и на этом все, а кость можно сосать долго-долго».

Но вышло все по-другому: ножку и кусок белого мяса она положила сидящему напротив мужу, вторую ножку отдала старшему сыну, а остальное, разделив пополам, положила себе и сыну младшему.

Я все не решался, но чуть было уж не шагнул к столу. «Куда я сяду?» — прикинул я. Не было ни свободного стула, ни тарелки.

«Если еще раз напомнят, то обязательно сяду», — приготовился я мысленно и одну ногу выставил вперед, чтобы сократить расстояние до стола.

Они разламывали кости и, смачно чавкая разбухшими от горячего бульона красными губами, разделялись с курицей, а кости, не до конца обглоданные, бросали кошке, которая доглядывала их, удобно расположившись под столом.

«Неплохо бы оказаться мне сейчас на месте кошки», — помечтал я, терпеливо ожидая третьего приглашения. Но, к сожалению, в третий раз никто не заикнулся, хотя полмиски супа так и осталось на столе.

Покончив с курицей, их старший сын молча повел меня в сарай, в углу которого стояли разные лопаты, и я, взяв одну из них, в подавленном настроении ушел домой, поделом наказанный за свою чрезмерную скромность. После того как я нанюхался у соседей аромата вареной курицы и прочей еды, азарт добычи пищи усилился во мне вдвое.

Недалеко от нас, на окраине деревни, находился скотомогильник. Называли его тогда просто лошадиным кладбищем.

Это была небольшая площадка, окруженная неглубокой канавой, куда бросали дохлых лошадей, коров, иногда коз и разных мелких животных. Их не сжигали и не закапывали, а просто бросали в яму. Они там долго не залеживались — ими питались собаки, волки и разные птицы.

Тогда в здешних местах волк стал чувствовать себя как никогда хозяином положения, он был сильнее всех зверей. Волки обнаглели до того, что начали нападать на одиноких людей, а овец, коз и домашних птиц таскали прямо из сараев, легко влезая через соломенную крышу.

Стоял жгучий февраль сорок второго. Мороз доходил до пятидесяти градусов, и чаще всего с ветром. Старая засаленная телогрейка не грела совсем. Штаны с бесчисленным количеством заплаток защищали только от попадания снега. В доме тоже было холодно, хотя печку подтапливали два раза в день: утром соломой, а вечером хворостом.

Несколько дней назад у соседей умерла с голоду дочка. Настоящих мужчин в деревне почти не было, остались только дряхлые старики, которые кое-как передвигались с помощью палок, и мальчишки вроде меня, ничего не понимающие в похоронных делах. К тому же в ту зиму снег доходил до полутора метров. Хоронить было некому, и ее, бедняжку, продержали целую неделю на белом свете уже после смерти.

Мы прикинули запасы картошки — на каждого из нас приходилось не более трех картошек в день. У братишки начали пухнуть ноги, и я в лес ходил один. Куда легче тянуть сани вдвоем! И только тогда я прочувствовал помощь маленького худенького и истощенного братишки. У мамы тоже начали отказывать ноги. Она день ходила, два лежала.

«Спасти нас может только лошадиное кладбище», — решил я твердо. До войны там лежали даже хорошие туши, а в войну кладбище опустело, потому что и подохший скот зачастую пускали под нож.

Наточив топор ржавым драчовым напильником и засунув старый мешок за пояс, я пошел на кладбище. На улице не было ни шума, ни людей и вообще никакого движения, будто замерла вся деревня, лишь дым, вьющийся над каждой крышей, напоминал о существовании жизни. Ветер дул сбоку, и мне пришлось идти повернув голову в сторону, закрывая лицо большой брезентовой рукавицей.

По другой дороге, тоже ведущей на кладбище с другого конца деревни, бежала мохнатая черная дворяжка. «Не зря она бежит туда, значит, на кладбище не пусто», — подумал я и ускорил шаги.

Хорошей протоптанной дороги туда не было, а узкую тропку уже занесло плотным снегом. Шагать стало трудно, холодный ветер обжигал лицо, мерзли руки.

Собака, будто чуя мои намерения, пересекла тропку, обогнала меня и побежала напрямик. Я ей завидовал: она не мерзла и легко бежала по снегу даже в гору.

Подъем заканчивался равниной, на которой с давних времен размещался скотомогильник. Вот уже показался столб, установленный в центре площадки, и силуэт кверху торчащих лошадиных ног.

«Есть мясо», — обрадовался я и тоже пошел за черной дворяжкой.

Теперь я хорошо видел лежащую на снегу целую тушу, не доходя до которой собака остановилась и присела на задние лапы. Было ясно, что она кого-то боялась, и, видимо, кто-то — то ли собака, то ли волк, опередив меня и ее, обосновался законным хозяином кладбища.

Хотя я и был вооружен острым топором, мне стало страшновато. «Вдруг там волк? А может, не один?» — мысленно задавал я вопрос самому себе и метров за сто от них тоже остановился. На всякий случай нужно было принять какое-то решение, да и следовало отдышаться в случае нападения волка.

Но стоять долго не пришлось. Из-за конской туши, как я и ожидал, выскочила похожая на волка собака и кинулась на сидящую черную дворняжку.

Они моментально схватились, рыча, кувыркались на снегу, и вокруг них образовался настоящий снежный буран, в котором летали клочья собачьей шерсти.

В ходе драки я заметил, что хозяином кладбища оказалась рыжая, пожалуй, не слабее волка злая собака. Мне уже захотелось удрать, но в то же время я понял, что при моем движении вперед или назад они могли бы напасть на меня вдвоем, как это случалось частенько, и тут меня не спас бы ни один топор. «Пусть лучше грызутся между собой», — решил я, продолжая стоять без движения и на всякий случай держа топор наготове. Чем сильнее они кусались, тем лучше было для меня: силы их истощались.

Драка длилась несколько минут, и наконец все стихло. На белом окровавленном снегу черная собака лежала уже без движения, а рыжая с гордостью победителя стояла около нее и посматривала то на меня, то на тушу, словно желая передать мне: вот, мол, какая у меня сила — подходи, и с тобой будет то же самое.

Она стряхнула с себя снег, постояла немного и, окончательно утвердив себя хозяином, снова принялась за еду.

Побежденная дворняжка с трудом поднялась на передние лапы, обиженно посмотрела на меня и на тушу, будто неохотно, медленно поползла вниз, в сторону деревни, не отведав ни одного кусочка конины. Задние лапы ее и хвост тащились по снегу, оставляя за собой ровную красную дорожку. Кто знает, о чем она думала в эти тяжелые для нее минуты. Вероятно, ей не хотелось умирать около своего ненавистного врага. Тут я еще яснее осознал цену дохлого коня и собачьей жизни.

Постояв несколько минут, я решил проверить настроение рыжего победителя. Сначала я негромко кашлянул, а потом, набрав полную грудь холодного воздуха, крикнул своим слабым детским голосом: «Пошел!»

Поняв мою слабость по голосу, она на мой крик даже не повернула голову и продолжала рвать мясо кусок за куском, крепко опираясь на свои передние лапы. Нужно было чем-нибудь отвлечь ее от трапезы, ибо каждый съеденный кусок мяса прибавлял ей силы. Мне казалось, что она с каждой минутой становится все сильнее, и я невольно подумал о нашей предстоящей схватке, хотя мои усталые, обессиленные ноги уже подкашивались, страшно хотелось есть и кружилась голова. Но я твердо решил ни в коем случае не возвращаться домой без мяса, которое было единственным средством спасения от голодной смерти. Я с опаской сделал несколько шагов вперед. На этот раз она подняла морду и оскалила зубы, желая убедить меня, что без боя не собирается уступить своего места. Теперь рыжая чаще посматривала в мою сторону, будто опасаясь моего неожиданного нападения.

После сделанных мною еще нескольких робких мелких шагов она выскочила из-за туши и села перед ней, показывая, что только через ее труп можно добраться до конины.

Я тогда попытался отпугнуть ее комком снега, но она вовсе не боялась. У меня не было никакого желания вступать с ней в драку, и поэтому я только старался отогнать ее подальше. С этой целью я размахнулся топором и заорал снова, но она от этого только злилась: рычала, оскаливала зубы, но не собиралась оставлять туши.

«Что будет, то и будет, все равно конец», — расхрабрился я и решительно пошел вперед. Не успел я сделать и нескольких шагов, как она рванулась ко мне навстречу и вцепилась в мои штаны. Я сразу же, не задумываясь, ударил по ней топором, но, к сожалению, неудачно. Тогда, отпустив мою ногу, она моментально вцепилась в мою левую руку — было невыносимо больно от впившихся острых собачьих зубов. Ноги меня еле держали. Упасть — это значит конец всему.

«Я же мужик, и у меня топор!» — промелькнуло у меня в голове, и, разозлившись, со всей силой правой руки ударил я собаку лезвием топора. И на этот раз, неожиданно для себя, как раз угодил по черепу. Собака отпустила мою руку и грохнулась на снег. Она действительно была огромная, а лежа на белом снегу, казалась еще больше, и мне почудилось, будто дрался я с собакой во сне и только сейчас проснулся. Она еще дергала своими задними лапами и смотрела на меня жалкими глазами. Но я ее не жалел нисколько и еще раз стукнул ее по голове для гарантии. Только после этого она успокоилась навсегда.

С моей руки капала кровь, сквозь рваную штанину виднелась уже побелевшая от мороза моя костлявая нога. Выбирая хороший кусок мяса, я обошел тушу и, легко отрубив два больших куска мерзлой темно-красной конины, направился домой по следу той побежденной черной дворняжки. Она все еще ползла, но, судя по количеству оставшейся на снегу собачьей крови, можно было догадаться, что ползти ей осталось недолго.

Я легко обогнал ее. Она, не то ожидая от меня помощи, не то завидуя моей удаче, медленно проводила меня своим безразличным взглядом. Смертельно раненная дворняжка останавливалась почти через каждый метр, ее задние лапы уже замерзли и тащились, как деревяшки.

Шагал я быстро, не чувствуя ни холода, ни усталости, ни боли в окровавленной руке. На душе было радостно, будто я нес домой мешок золота.

РАЦИОНАЛИЗАТОР

(рассказ)

«За что, за что! — молча терзал свою душу дипломированный инженер Хрипунов, сидя на скамье подсудимых между двумя конвоирами, стоящими по бокам, и время от времени, как бы ненавидя себя, прикрывал лицо ладонью, когда на его искаженное от негодования лицо в упор смотрела казенная бесстыжая фотокамера. — Ведь я сбывал эти щетки даже дешевле, чем их продавали в магазине когда-то. А теперь их вообще нет в продаже. Вот делай добро людям после этого! Не зря писатель Сервантес особо выделил в своем знаменитом «Дон-Кихоте», как простые люди злом отвечали на добро. Многие считают «Дон-Кихота» сказкой, но все-таки в нем красной нитью проходит довольно интересная мысль.

Герой Сервантеса, благородный рыцарь Дон-Кихот, вместе со своим спутником Санчо освободил целую группу измученных и обреченных на гибель каторжников, а они его, добрягу, на этом же месте, где он их расковал, избili тяжелыми цепями и камнями до полусмерти. Рыцарь так и не поправился после этого как следует. Вот так платит народ за добро и в наше время!

Меня ведь заложил как раз тот, кому я продавал щетки по дешевке. Прошли столетия, а люди остались такими же, как во времена Сервантеса, если не хуже. Вот где загадка-то! Почему, когда ты делаешь человеку добро, он тебе подкладывает свинью? На мой взгляд, эту загадку не разгадал еще ни один философ. Сервантес лишь подтвердил, но не объяснил причину этого явления, оставив вопрос открытым для всего человечества и на многие века».

— Подсудимый Хрипунов, расскажите суду, как же вы, имея высшее образование, не могли найти себе другого хобби, кроме как спекулировать этими самыми щетками для электробритв. Разве в институте учили вас этому? — начал судья задавать вопросы, успокоив публику в зале.

— Все началось с того, что у меня однажды отказала электробритва. Я мигом разобрал ее и вижу, что износились всего лишь щетки. Дело нехитрое, и я тут же побежал в универмаг, где их раньше было навалом, — десять копеек пара. Но не тут-то было. Теперь, оказывается, их вообще нет в продаже! В этом я окончательно убедился уже после того, как три дня подряд, высунув язык, бегал по всем магазинам и даже ходил в областное Управление торговли. Вот куда меня эти щетки затащили! Думаете, это было мне легко? Меня там чуть не отправили в дурдом за то, что я беспокоил высокое начальство из-за пустяка. Как черт оброс я за эти три дня, потому что не мог бриться другой бритвой, у меня от лезвия получается раздражение кожи. Потом я плюнул на торговлю и подался в ремонтную мастерскую. А та-а-м — ужаснейшая картина! Сидят без дела человек десять, а клиентов нет. Стоило мне попросить пару щеток, они набросились словно бешеные собаки. Надо же! Щетки у них есть, но не продают, а велят тащить бритву в мастерскую и хотят получить за минутную услугу рупь сорок... Деваться некуда, пришлось согласиться. Притащил я им бритву из дома, они заменили щетки буквально за три минуты и выписали в нескольких экземплярах большую и сложную квитанцию на рупь сорок. Заметил я тут сходство этого крохотного заведения с ремонтно-строительным трестом. Оказывается, мастерские по ремонту электробритв переняли опыт работы РСУ. Ведь РСУ испокон веков сами ничего не ремонтируют, а лишь продают стройматериалы и сдирают с заказчика деньги за ремонт. В итоге получают, помимо зарплаты, премиальные, участвуют в соцсоревнованиях и, как победители, ухитряются еще хватать награды, даже ордена и медали! Вот кого надо судить-то, товарищ судья, а не меня!..

— Я вам, подсудимый Хрипунов, во-первых, не товарищ. Во-вторых, говорите по существу. При обыске у вас конфисковали более тысячи пар щеток для электробритв, тогда как люди ищут их по всему городу. Вы создали искусственный дефицит товара ширпотреба, что уже выходит за рамки спекуляции, и мы вынуждены рассматривать ваше дело на основании других, более строгих, статей Уголовного кодекса. Признайтесь честно, чистосердечное признание может смягчить приговор.

— Я инженер по образованию и рационализатор по призванию. Зря вы меня упрекаете насчет хобби. На моем счету более пятидесяти рацпредложений, из которых десять патентованных. В любом деле я могу найти оптимальное решение, даже в вашем, судебном, ибо оно у нас в корне неверное. Доказательства налицо! Вы меня судите сейчас за спекуляцию, а я вовсе не спекулянт. Это и дураку ясно...

— Прекратите, подсудимый Хрипунов! Иначе мы вас приведем к порядку. Хотите заработать еще пару годиков за оскорбление правосудия? Наш суд — самый гуманный в мире и не нуждается в вашей помощи. Об этом знает каждый школьник. Не умничайте! Возомнили себя Наполеоном. Встречаются у нас иногда подобные отщепенцы. У вас мания величия!

— До Наполеона мне далеко, и нет у меня никакой мании. Просто сама наша система вынудила меня заняться кустарщиной. Жил бы я в Америке, этого бы не было... Когда я бегал по нашему миллионному городу, стремясь достать где-нибудь эти пятикопеечные щетки, трепля нервы себе и людям, у меня возникла идея изготовить их самому. У нас на заводской свалке, и на городской тоже, валяется целая куча выброшенных щеток от старых электроагрегатов. По сравнению с щетками от электробритв они великаны, и из каждой такой щетки можно сделать уйму маленьких щеток. Они угольные, легко режутся ножовкой или лобзиком. Сначала я изготовил только для себя, а потом обеспечил друзей и знакомых. Так появились у меня клиенты. А дальше один мой приятель предложил продавать их населению. Я изготовлял, а он сбывал. Кстати, приятель мой недавно умер при операции аппендицита. Тоже нелепая история, но это уже к данному делу не относится.

— О том, что ваш сообщник умер, мы уже знаем. Иначе бы он тоже сидел сейчас рядом с вами. Вы нам, подсудимый Хрипунов, не рассказывайте сказки насчет самодельных щеток. Лучше вы нам расскажите, на какой торговой базе вы их брали. Вот перед нами лежат магазинные щетки и ваши. К сожалению, они ничем не отличаются. Если их перемешать, то трудно будет, а то и невозможно разобраться, где ваши и где магазинные. Кустарщина, она всегда отличается от заводского изделия. Все, кому ни показывай, уверяют, что они не самодельные, а заводские. Безусловно, вы их не брали на базе, следовательно, у вас есть поставщик. Кто он, назовите его фамилию?

— Я ведь вам уже назвал фамилию поставщика. Это известная всему городу наша заводская свалка. Сразу же за забором, целая гора... А насчет того, чье изделие лучше, вы ошибаетесь. Вот же десять лет я езжу на самодельном автомобиле. Его показывали даже по телевизору, и за него я получил приз. Меня самого там же показывали. Это было десять лет назад. В честь десятилетнего юбилея обещали еще раз показать по телевидению мою машину, однако по неизвестной мне причине показ был отменен, хотя у меня был приглашенный билет на эту выставку. Как раз на этой выставке намеревались подчеркнуть, что наша автопромышленность до сих пор не научилась проектировать такие модели, как моя. Значит, я могу делать лучше, чем завод, товарищ судья...

— Еще раз предупреждаю вас, подсудимый Хрипунов, я вам не товарищ! Вы же человек образованный, и пора бы уже знать порядки. Я не пропускаю ни одной передачи по телевизору, но почему-то я не встречал там ни вас, ни вашу «Антилопу-гну». Мои коллеги говорят об этом же... Ладно, мы выясним с помощью научных экспертов, сможет ли человек в домашних условиях сделать автомобиль лучше, чем на заводе. Что-то мне не верится в это... Почему заводские изделия должны быть хуже, чем самодельные? Не может быть этого! Ставя себя выше, чем наше социалистическое производство, вы, подсудимый Хрипунов, наводите клевету на наш соцстрой. Теперь суду понятно, откуда у вас эти буржуазные частнособственнические замашки. Вы, может быть, осмелитесь сказать, что и реактивный самолет сделаете лучше, чем авиационный завод? Хе-хе-хе! Как, может он сделать самолет, а, товарищи? Вот куда вас, подсудимый Хрипунов, завела мания величия! Если мы сейчас поверим вашему бреду, то скоро вы начнете нас убеждать, что и космический корабль можете сделать дома. Смешно все это! Вот к вашему делу подшито несколько заявлений от разных граждан о том, что вы катаетесь на собственном лимузине иностранной марки. Они-то, наверное, уж разбираются в машинах! Значит, вы живете не за счет трудовых доходов. Нам известна ваша зарплата — она составляет сто двадцать рублей в месяц. Надо полагать, вы спекулируете не только щетками, но, вероятно, еще более ценными товарами... Вот так штука, автомобиль иностранной марки выдает за самодельный.

— Нет у меня никакого иностранного лимузина, это нетрудно проверить. Как раз это и есть клевета, а за клевету можно привлечь этих граждан к ответственности... Насчет космического корабля вы правы, тов... ай, черт, гражданин судья. Я смогу сделать и космический корабль. Если бы он не был совсекретным, то я бы наверняка усовершенствовал его. Как раз вот с таким рационализаторским уклоном нужно подбирать инженеров для работы в КБ космических аппаратов, и тогда, пожалуй, наши советские космонавты, а не американские оставили бы следы на Луне. А то все горланили когда-то песню: «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы». Срам на весь мир. Двенадцать

американцев ходили по Луне, и еще шесть астронавтов находились на орбите Луны на расстоянии всего сорок километров... А наши уже двадцать лет топчутся около Земли и не могут удалиться от нее более чем на двести километров, расходуя на это миллиарды рублей народных средств. Беря пример с вас, я тоже сошлюсь на школьников. Теперь каждый школьник знает, что себестоимость каждого килограмма веса космического корабля стоит как килограмм золота. А вес этих кораблей исчисляется тоннами. Вот куда летят деньги! Нашли тоже мне, преступника, уже два месяца следователь пытается сделать из меня уголовника из-за копейки. Напротив, я балансировал экономику страны, обеспечивая население миллионного города необходимым товаром, которым само государство не смогло обеспечить.

— Кончайте демагогию, подсудимый Хрипунов! Вы не трогайте государство! Оно у нас могучее и занимается более важными делами, чем электробритвы.

— Насчет могущества вы, конечно, правы. Могучее-то оно могучее, но только в военном отношении. А экономика страны дошла уже до крайности. Стыдно, в мирное время ввели карточную систему.

— Хватит, подсудимый Хрипунов! Вы клеветеете на наш социалистический строй! Вместо двух лет, уже заработанных вами за спекуляцию, вы можете схлопотать еще семь лет за клевету на наш общественный и государственный строй... Плюс к тому же вы «послали», то есть оскорбили на барахолке начальника ОБХСС, майора милиции, находящегося при исполнении своих служебных обязанностей. Не забываетесь!

— Кто знал, что он майор? Он же был в штатском. Если он майор, то пусть ходит в форме, тем более на службе. А то одеваются как шпионы и рыскают на базаре! Когда они окружили меня на барахолке, эти переодетые майоры да капитаны, каждый из которых, ничего не делая, получает в месяц три моих оклада, я просто ужаснулся... Они там бродят стаями. А мы, дураки непросвещенные, болтаемся среди этих шпионов. Обычно шпионы следят за иностранцами, а тут — за своими. Я-то ведь «послал» его до того, как узнал, что он майор, да еще на службе. Как он мне показал «корочку», я сразу извинился. Так что за это вы мне никак не можете пришить статью. Если идти по такому пути, то пришить статью можно каждому. Вот вас, например, разве заставишь показывать свой паспорт каждому встречному? Тоже пошлете его куда надо, похлеще меня, пожалуй...

— Довольно, подсудимый Хрипунов! Вы уже вот здесь, в зале суда, публично оскорбили всех работников ОБХСС, назвав их бездельниками да шпионами. А они у нас, к вашему сведению, героически защищают социалистическую законность, даже отдают жизнь в борьбе за это. Вот только на днях молодой лейтенант милиции получил орден посмертно, об этом героическом поступке писала даже центральная газета...

— Чи-та-л-л я эту галиматью! Какой тут героизм! За такую нелепость я бы посадил этого героя. Фактически это не героизм, а настоящее преступление. Надо вещи называть своими именами. Он же, глупец, погнался за спекулянтом и, не справившись с управлением машины на повороте, задавил трех женщин и сам погиб. А спекулянт-то был мелкий, торговал всего-навсего карандашами, которыми женщины красят брови. Лучше бы он убежал, этот спекулянт, со своим копеечным товаром. Теперь нет в живых ни спекулянта, ни милиционера, ни трех женщин, у которых остались сиротки. Выходит, лейтенант погнался за посмертным орденом! Туда ему и дорога. А вот спекулянта жалко, он был тружеником. Без отдыха и сна возил карандаши из Одессы в Сибирь. Таким образом он дарил женщинам красоту, которую не смогло дать государство. Красота женская — это счастье не только для самих женщин, но и в основном для нас, мужчин. Женская красота — это движущая сила любого общества...

Не сумев заставить Хрипунова замолчать, судья отложил заседание и велел милиционерам, стоящим возле подсудимого, увести его.

Сержанты, давно уже ждавшие команды судьи, поволокли все еще продолжавшего говорить Хрипунова к милицейской машине, стоящей у подъезда здания народного суда.

Инженер Хрипунов замолчал только после того, как в надежно закрытом железном кузове спецмашины, получив неожиданный сильный удар от одного из конвоиров, грохнулся на пол.

За применение неписаного, но в то же время реально существующего закона конвоир получил бы, конечно, заслуженную благодарность от судьи и прокурора, у которых после разговора с Хрипуновым началась желчная болезнь, но, к сожалению, они не видели лежащего на полу кузова высокого плечистого инженера.

Конвоир, уложивший Хрипунова одним неуловимым движением правой руки, лишь недавно завербовался в органы, а до этого был молодым, подающим надежды мастером спорта по боксу областного спортивного клуба.

Став сержантом милиции, он частенько нокаутировал беззащитных арестованных и задержанных, и делал это с удовольствием, особенно если где-то рядом находился влиятельный старший начальник.

Конвоиры, сидя в кузове и внимательно наблюдая за лежащим на полу Хрипуновым, закурили и ехали молча, как бы отдыхая после длительного изнурительного труда.

«Вот какой чистый нокаут, — размышлял про себя мастер спорта, слегка одурманенный от непривычного ему табачного дыма. — Уже три минуты лежит без движения и не думает даже приподняться. Наверное, боится второго удара, знает нашего брата, значит, опытный. Увидел бы такую чистую работу наш начальник! А то все время он катит бочку на меня за то, что я никак не могу попасть в мишень на стрельбище. Спрашивается, зачем мне таскать эту пушку, если я кулаком могу уложить любого рецидивиста? Потом отчитывайся за каждый патрон. А сколько шума, если застрелишь хотя бы и преступника! Пиши рапорт, объясняйся... Вот недавно какого бугая успокоил я в вытрезвителе! Замолчал навсегда, шито-крыто. Даже судмедэкспертиза не сумела разобраться, отчего он отбросил коньки: то ли от водки, то ли от моего кулака. Туда ему и дорога, а то на всю ночь заладил — лягавый да лягавый. Я не лягавый тебе, а мастер спорта СССР... Если меня в ближайшее время не сделают офицером, то я не буду служить в милиции ни одного дня, займусь лучше боксом как следует».

Начальник милиции был уже осведомлен вкратце о переносе суда на неопределенное время и получил распоряжение о дополнительном расследовании по делу инженера Хрипунова с использованием магнитофонной ленты, записанной в процессе незавершенного суда. Он был озадачен и ломал голову над тем, как все это организовать и кому поручить следствие, хотя не был еще знаком с содержанием магнитофонной записи. «Значит, это не простое базарное дело, — сделал полковник умозаключение, стоя у окна своего кабинета и пристально наблюдая за дорогой, откуда должна была вот-вот появиться крытая спецмашина с магнитной лентой и подсудимым Хрипуновым. Но машины все еще не было, хотя после телефонного разговора с прокурором прошло уже столько времени, что можно было бы трижды объехать город.

Когда крытая милицейская машина шла под уклон, конвоиры, находившиеся в кузове, заметили просочившуюся кровь из-под лежащего на полу Хрипунова и, немедленно включив сирену, погнали машину в ближайший травмпункт.

Узнав в травмпункте о кончине подсудимого Хрипунова, они были не меньше озадачены, чем с нетерпением ожидавший их начальник милиции.

Наивные пешеходы и водители, оказавшиеся в это время на улице, пропускали без малейшего упрека мчавшуюся с включенной сиреной милицейскую машину и были твердо уверены в том, что в «черном вороне» находится особо опасный для населения рецидивист.

Наконец обеспокоенный начальник милиции, полковник, встретил машину лично сам и еле устоял на ногах, увидев в ней двух конвоиров без подсудимого Хрипунова.

После доклада старшего конвоира полковник немного успокоился, ибо подсудимый Хрипунов уже находился в надежном специальном морге и не гулял на свободе, убежав от вооруженных конвоиров, как ему, полковнику, показалось первоначально.

Пока конвоиры сочиняли сомнительный рапорт о том, что подсудимый Хрипунов пытался выскочить из машины и при этом ударился головой о торчащий в полу болт, полковник занялся прослушиванием загадочной для него записи, где были порочащие советский строй слова подсудимого Хрипунова.

Ему запись понравилась, и он даже, отложив другие срочные дела, с удовольствием прослушал ее вторично, как бы вызывая на «бис» любимого артиста. «Совсем другой коленкор, — вздохнул он с облегчением, осторожно укладывая магнитную ленту в надежную коробку. — Сейчас же эту драгоценность отвезу в КГБ, они должны заниматься подобными делами, за что и деньги получают».

Внимательно прослушав магнитную ленту вместе с работником госбезопасности, начальник милиции окончательно убедился в правильности своего решения, которое было принято им без всякой консультации с вышестоящими инстанциями.

— Инженер Хрипунов, к вашему сведению, полковник, стоял у нас на учете, и мы уже целый год наблюдали за ним, — сказал майор разведки на прощанье. — Получилось как надо, мы уже хотели принимать меры против его необузданного длинного языка. Теперь на одного диссидента будет меньше... А вашего мастера спорта я забираю к себе, он у нас больше принесет Родине пользы, чем здесь. Спасибо, в нашем полку прибыло, — добавил майор и поблагодарил полковника еще раз, пожимая ему руку.

Начатый с утра невезучий рабочий день полковника милиции неожиданно закончился для него очень даже благополучно.

ВСТРЕЧА

(рассказ)

Наступил долгожданный праздник. Всеобщая пьянка, начавшаяся еще до праздника, охватила весь город. На улицах и площа-дях, создавая пробки, образовывались стихийные танцы, а в парках и садах были организованы массовые гулянья. Любители пива безнадежно мотались по всему городу и в конце концов волей-неволей скапливались в одном продовольственном магазине, для которого не существовало ни праздников, ни выходных дней, ни перерывов на обед. Здесь был центр всего праздника, и можно было встретить кого угодно.

Я стоял в конце длинной очереди, когда увидел входившего в магазин моего закадычного друга. Поздоровавшись и поздравив с праздником, он сразу же угостил меня калеными семечками, с которыми никогда не расставался. Мы, перебивая друг друга, говорили о том о сем, словом, были искренне рады случайной встрече.

Очередь наша двигалась медленно, и мы за это время успели поболтать и помолчать. Очевидно, он, как и я, тоже коротал время и не особенно торопился домой. Мы могли еще о многом поговорить, но, к сожалению, наша очередь уже подошла. Я купил бутылку сухого вина, а он — пачку сигарет.

Еле протолкнувшись через встречный поток людей, мы вышли из магазина, у входа в который краснощекий деревенский парень в помятых грязных брюках, заправленных в резиновые сапоги, играл на гармошке, а два обросших щетиной пьяных мужика, изображая пляску, подпрыгивали и кривлялись в окружении толпы зевак. Мы тоже, слившись с толпой, любовались плясунами несколько минут и слушали частушки.

Прощаясь у магазина, я не пригласил моего друга в гости, хотя мне было с ним намного веселее, чем с другими. И, на мой взгляд, ему со мной тоже.

Я сам никогда не пил сухого вина, и друг мой знал об этом. Он был человеком большой скромности и, очевидно, потому не задавал мне насчет сухого вина никаких вопросов.

Мы пошли в разные стороны.

Стремясь не смотреть на улыбающихся пьяных, я молча шагал по тротуару, потом пошел к реке Хопер, где, накренившись, лежал старый заброшенный катер. «Его теперь никто не угонит, хотя нет уже на нем никаких цепей и замков, а ведь недавно хозяин за ним ухаживал и держал его в чистоте», — подумал я.

Сидя на этом поросшем травами катере, я глянул в воду и увидел в ней множество хаотично плавающих мелких рыб, на фоне которых отражалось мое искривленное лицо: один глаз выше другого и нос какой-то изогнутый. Неприятно видеть себя таким, и поэтому я повернулся в другую сторону, где не было видно моей физиономии, а лишь плавали одни рыбешки. «Хорошо им, у них нет ни ревности, ни любви, а есть только забота о существовании», — позавидовал я, наблюдая за ними.

Время, отпущенное мне женой, подходило уже к концу, и, покинув старый катер, я направился домой. Было тихо и безлюдно, в такие минуты приходят в голову разные мысли, за одну минуту можно перебрать все свое прошлое.

Я прошел вдоль пологого травянистого берега Хопра, поднялся на бетонный мост, где было народу намного больше, чем на улицах. Одни стояли просто так, а другие бросали с моста всякие предметы, наблюдая за ними до их полного исчезновения.

Среди многих людей я легко узнал своего друга. Увидев меня, он успел спрятать в карман пачку сигарет и по привычке поправил преждевременно поседевшие густые волосы.

— Ну как? — спросил он, несколько опережая меня.

— Ничего, дружище, проводим праздник, — ответил я, повернувшись так, чтобы он не заметил торчащую из моего кармана бутылку.

Мы вместе прошли по мосту, наслаждаясь крупными калеными семечками. Шли тихо, временами молчали, рассказывали анекдоты, даже иногда смеялись. Что уж говорить, мы ведь понимали друг друга с полуслова.

Я торопился домой и поэтому, оставив его у моста, снова попрощался с ним. А он свернул налево, спустился вниз к речке и не спеша зашагал по той же тропинке, по которой я шел к мосту.

Через несколько минут, перед тем как повернуть за угол, я случайно оглянулся назад и увидел сидящего на старом катере мужчину. Хотя и было далеко, но я узнал его: это был мой друг.

Он привстал и полез зачем-то в носовой отсек лодки, видна была лишь спина и длинные ноги. Было ясно, он что-то искал в отсеке. «Наверное, надумал поудить рыбу», — подумал я и зашагал дальше.

Пройдя несколько шагов, я был вынужден снова оглянуться назад, услышав неожиданно прогремевший выстрел из охотничьего ружья.

Люди, прогуливавшиеся по набережной, смотрели в сторону моста. Там было тихо. Два милиционера и несколько молодых людей с красными повязками на рукавах бежали по берегу в сторону заброшенного катера. Я тоже смотрел им вслед.

На катере уже не было никого, лишь клубы белого дыма медленно плыли по ветру над гладкой поверхностью реки. Вспугнутая выстрелом птичья стая, словно прощаясь с кем-то навсегда, сделала большой круг над катером и приземлилась на свое прежнее место.

Любопытная толпа двинулась со всех сторон к старому катеру. Идти туда мне не хотелось, да и отведенное мне женой время уже вышло. Но любопытство взяло верх, и я побежал туда, куда бежали люди.

К моему приходу вокруг катера уже собралось много народу. Запах свежей травы смешался с вонью порохового дыма и сгоревшей бумаги. Кое-как я прорвался в центр круга.

Друг мой лежал в воде возле катера лицом вниз, на его затылке кровоточила рваная сквозная рана. Вокруг трупа на поверхности стоячей воды было много крови и кусков мозгового вещества, среди которых плавала недавно купленная им пачка сигарет; она, будто не зная, куда деться, прилипла то к нему, то к борту катера.

Милиционер после тщательного осмотра умело изготовленного обреза положил его подальше от людей на сиденье катера. Празднично одетые пьяные, стараясь показаться умнее других, рассуждали и давали дельные советы, а некоторые из них удивленно цокали и качали головой.

Большинство женщин стояло молча, будто многим из них хотелось видеть на его месте кого-то другого, оттого, видимо, они не выражали свои чувства вслух, а как-то по-своему обмозговывали событие. Некоторые плакали тайком и, отворачиваясь, вытирали слезы, делая вид, будто они ищут кого-то в толпе.

Советчиков среди пьяных было много.

— Вот дуррак, надо же застрелиться в такой светлый праздник, — умничал еле стоящий на ногах щупленький мужчина, басистый голос которого перекрывал другие голоса.

— Что дугглак, то и дугглак, — согласился с ним рядом стоящий картавый, пережевывая папиросу.

— Видать, по пьянке, — вмешался третий, как бы смягчая посмертную судьбу моего друга.

— Да-а, всякое бывает в жизни, — заступился я за друга, хотя и не намеревался вступать в разговор с пьяными.

Но не все присутствующие осуждали его, а напротив, были люди, которые молча сочувствовали ему, видя в нем человека большой силы воли.

Пока работники милиции проводили осмотр местности и предметов, фотографировали труп с разных сторон, к месту происшествия примчались работники «скорой медицинской помощи».

Тело моего друга вытащили на берег и положили на мягкую, покрытую зеленой травой землю. При проверке карманов нашли записку, начерканную на клочке бумаги. Стоящий ко мне спиной милиционер долго и тщательно, стараясь найти в этом клочке криминал, просматривал записку, которую я за это время успел прочесть дважды. «Прощай, друг мой! Ты уж не жалея меня и, главное, не считай дураком» — гласила короткая записка, подписанная Володей. Хотя ее удалось прочесть многим, вряд ли кто из них догадался, к кому она была обращена.

Я был глубоко тронут предсмертной запиской своего друга и с сожалением подумал о том, что его записка и обрез находились в носовом отсеке заброшенного катера, когда я сидел в нем, наблюдая за рыбешками и презируя свою искаженную физиономию.

Чтобы разрядить душу и утолить жажду, я подошел к винному киоску, где группа пьяных распивала бутылку, не обращая никакого внимания на случай самоубийства: у них был свой разговор, свои интересы и радости.

С большим трудом осилив половину только что купленной бутылки вермута, я несколько минут постоял возле винного киоска. Хотя в голове у меня зашумело немного, мне все еще было грустно, и пришлось отпить еще несколько глотков прямо из горлышка.

Через некоторое время мне уже стало намного лучше и даже пропало желание идти домой. Надо было в первую очередь разыскать жену друга и сообщить ей о случившемся. С этой целью я спешил на остановку автобуса.

Автобуса пришлось ждать долго. Наконец подошел туго набитый людьми и окутанный густой белой пылью автобус.

В автобусе было жарко и шумно. Водитель хриплым голосом предупреждал пассажиров о штрафе за безбилетный проезд, автоматическая касса, установленная у передней двери, срабатывала лишь после нескольких ударов кулаком, из-за чего возле кассы постоянно ругались пассажиры, доходя до истерики. Но мне было не до них, и я в это время думал о том, как бы помягче сообщить жене о смерти

мужа, ибо с этим делом столкнулся я впервые. «Володя тяжело ранен», — думал я сказать ей сначала, чтобы жена моего друга не упала в обморок.

На остановке автобуса, где нужно было сходить, скопилось много людей, которые под гармошку пели песни и плясали. Несколько магнитофонов, работая на всю мощь, заглушали друг друга.

Я, поздоровавшись со встречными знакомыми, прошел по улице, где жил мой друг. Он жил на первом этаже четырехэтажного дома; кроме жены и дочери, у него еще была большая черная овчарка.

Подойдя к дому, я остановился: раньше я заходил к ним спокойно, а в этот раз стало мне как-то страшновато.

Около дома на двух специально намертво закрепленных казенных столиках мужчины играли в домино, у подъездов дети скакали через веревочку, из окон доносилась музыка. Восьмилетняя дочь Володи, пока еще ничего не зная о смерти отца, увлеченно играла со своими ровесниками.

Пряча глаза и отвернувшись от нее, я вошел в подъезд. У самого входа в квартиру моего друга как обычно лежала большая черная овчарка. Хотя она сразу же узнала меня и, виновато отойдя в угол, уступила мне дорогу, я, сам не зная почему, не стал звонить в дверь и через минуту вышел на улицу. А овчарка, мирно меня обнюхивая, как бы желая узнать о хозяине, проводила меня до подъезда и вернулась на свое прежнее место.

Проходя мимо его окон, я невзначай заглянул в комнату: жена моего друга полураздетая лежала на диване, возле нее сидел длинноволосый намного моложе ее парень. Они целовались и курили, на столе было много бутылок и закуски.

Я узнал страшную правду и понял своего друга.

Глядя на папиросный дым, стоящий в комнате, как густой утренний туман, я вспомнил пачку сигарет, за которой еще недавно проторчал мой друг в длинной очереди, хотя сам он никогда не курил.

Глубоко потрясенный, я пошел домой и вдруг, уже почти у самого дома ощутив тяжесть давно булькавшей в моем кармане бутылки сухого вина, немедленно, без всякой жалости, выбросил ее под забор.

ЖАЛОБА

(рассказ)

На детской спортивной площадке, окруженной многоэтажными современными домами, с раннего утра до позднего вечера подростки гоняли мяч, и каждый из них считал себя будущим чемпионом мира или хотя бы участником Олимпийских игр. Здесь соревновались только дворовые команды, но по шумовому эффекту эта спортплощадка мало чем отличалась от приличного стадиона. Плюс к тому же частенько мяч влетал в окно вместо ворот.

Особенно страдали от спортивного дворового шума люди, работающие в ночную смену, и один из таких жильцов вот уже несколько лет подряд постоянно писал об этом в местные и центральные газеты.

На устные и письменные разъяснения официальных лиц о важности спорта для растущего поколения он, жалобщик, реагировал «болезненно», и поэтому было решено воздействовать на него коллективно или, как выражался управдом, придавить его массой.

Объявления о разборе персонального дела гражданина Карпова были расклеены на дверях каждого дома еще за неделю, и поэтому подъездные старухи и любопытная молодежь с нетерпением ждали интересного зрелища. Да и само объявление заканчивалось строгими словами: «Явка всех жильцов обязательна».

Собрание жильцов намечалось на семь часов вечера на футбольном поле жилого квартала. У северных ворот уже с полудня стоял спаренный стол, покрытый красным бархатом, и несколько стульев для президиума. Справа от стола возвышалась радиофицированная трибуна с огромным самодельным государственным гербом. Стол был снабжен графином с холодной водой и стаканом. Вдоль футбольного поля были расставлены новенькие деревянные скамейки, спешно сооруженные силами домоуправления для инвалидов и стариков.

Народ собрался вовремя, и его было намного больше, чем предполагали организаторы собрания, поэтому управдом не без основания смело разговаривал с представителем исполкома. Для открытия общего собрания жильцов почти все было готово, и представитель исполкома все чаще и чаще поглядывал на часы, время на которых уже перевалило за семь.

Назначенные еще неделю назад ораторы спешно начали зубрить свои речи, только что полученные ими от самого управдома, как особо важный совсекретный документ. И состав президиума, с утра еще намеченный, давно ждал оглашения, и инспектор роно трепал газету с фельетоном, дожидаясь своей очереди, и не меньше других беспокоился заведующий райздравом.

Все были на местах, но отсутствовал главный виновник — Карпов, в это время он старательно вытачивал деталь на своем допотопном токарном станке, выполняя план очередной ударной пятилетки. Никогда он не думал, что из-за дворового собрания могут остановить станок, срывая выполнение заводского плана. Но Карпов ошибся. За ним послали исполкомовскую машину с тремя дружинниками.

Чтобы народ не расходился, кто-то, проявляя инициативу, вытащил из дома свой личный проигрыватель и организовал танцы для молодежи. А пенсионеры и инвалиды как прикованные сидели на новых, еще пахнущих лесом скамейках, опасаясь остаться без места, пока дружинники везли на собрание упрямого гражданина Карпова.

Но любопытный народ не расходился, а, напротив, прибывал: увидев в окно небывалую толпу взрослых на детской спортплощадке и дружинников с красными повязками на рукавах, вылезли из своих квартир закоренелые домоседы, бросая телевизоры и начатые домашние дела.

Опытному в этих делах управдому отсутствие Карпова было только на руку, и он знал, как играть в таких случаях на натянутых струнах доверчивых граждан. Теперь он чувствовал себя как рыба в воде и выступал перед публикой без всякого конспекта, подобно большому оратору.

Сидящие за столом представители исполкома были поражены находчивостью и ораторскими способностями управляющего, и каждый из них, считая свой доклад намного более слабым, чем у него, занялся срочным корректированием своей шпаргалки.

— Товарищи! — продолжал управдом после некоторой передышки, ухватившись обеими руками за трибуну. — Мы сегодня собрались с вами по очень важному делу, которому по значимости нет равных. Речь идет о здоровье ваших детей, которым суждено по той или иной причине жить в этом большом многолюдном жилом квартале. Что значит здоровье ребенка? Я, товарищи, не собираюсь открывать вам Америку, это вы знаете не хуже меня. Мы сегодня должны осудить поведение вашего соседа, гражданина Карпова, который в течение ряда лет жалуется на вас и на ваших дорогих мальчиков. Он пишет кляузы во все инстанции о том, что ваши мальчики, играя в футбол или хоккей на спортивной площадке, построенной на ваши трудовые копейки, мешают ему спать. Он пишет, цитирую: «Мальчики играют во дворе с утра до темной ночи, громко смеются и матерятся безбожно, мешая отдохнуть уставшему на работе человеку». Товарищи! Дети — это наше счастье. Любой родитель становится вдвойне счастливым, когда играет его ребенок, и бесконечно счастливым, когда ребенок смеется. Кстати, мы пригласили сюда заведующего райздравом, и он прочтет вам статью «О влиянии эмоций ребенка на образование холестерина в кровеносных сосудах родителей». Вот до чего докатился гражданин Карпов! Он выступает и против науки, и против улыбки, и против спорта! Спорт — это здоровье, а здоровье — это счастье. Ради этой цели мы ничего не жалеем. Круглосуточно ведем по радио гимнастику: то утреннюю, то производственную. Знаете, сколько стоит минута радиовещания? Довольно много! Но ради здоровья будущего поколения ничего нам не жалко. Спорт — это не только здоровье, но и наше могущество. Занимаясь спортом, наша молодежь приобретает смелость, храбрость. У нас миллионы стариков ежегодно сдают нормы ГТО! Нет человека, который бы не знал песню о наших замечательных и прославленных во всем мире хоккеистах, и не зря в этой песне повторяется дважды: «Трус не играет в хоккей». Кому-кому, а вам, родителям юных спортсменов нашего жилого квартала, слова эти понятны лучше, чем кому-либо. Дотошный человек может их понимать в превратном смысле, то есть все люди трусы, кроме хоккеистов. Нет, нет! Поэт подметил здесь очень тонко, и он имел в виду не только полевых игроков, но и многомиллионных болельщиков хоккея.

Прокомментировав смысл спортивной песни, управляющий дважды повернулся в сторону дворовой футбольной команды, стоящей возле трибуны, и, жестикулируя, доказывал, что заядлый болельщик не уступает по духу полевому игроку. Публика зашумела, а некоторые квартироросъемщики крикнули с мест: «Мы все болельщики! Мы все болеем!»

При этом почти все мальчики, пробираясь из задних рядов, примкнули к дворовой футбольной команде, а многие девочки смотрели на ребят, гордо стоящих в строю, влюбленными глазами.

— Вы не трусы, товарищи! И мне, как управляющему, приятно быть рядом с вами. Трусость приводит к предательству, а с этим, товарищи, не шутят. В здоровом теле — здоровый дух! Пусть будет сказано не в обиду, но я все-таки скажу. Вы взгляните на товарища Карпова! Ведь ему еще нет и сорока, а он уже распустил живот и, как признается в своих жалобах, мучается бессонницей. Вот стоят перед вами наши подтянутые футболисты — вряд ли кто из них жалуется на бессонницу. Мало того, что он сам не занимается, он даже не любит тех, кто занимается спортом. У него два сына, и оба хилые и бледные! Виноват в этом, безусловно, отец. Вполне очевидно, что он не разрешает им заниматься спортом. Это, я бы сказал, товарищи, преступное и безответственное отношение к судьбе будущего поколения!

Когда управдом наливал в стакан воду из графина, Карпов встал с места и начал говорить, обращаясь к президиуму:

— Они у меня больные и потому бледные. Куда им мячи гонять-то! Они в школе устают. Не спорт делает человека здоровым, а, наоборот, здоровье делает человека спортсменом... Вот возьмите, к примеру, чемпиона мира — штангиста Жаботинского! Он 260 кг выжимает. Сколько бы вас ни тренировали, все равно никто из вас не станет Жаботинским. Не спорт дал ему такую силу — он силач от природы. Достаточно я устаю на работе, и поэтому для спорта не остается ничего. Нет у меня избытка энергии! Спорт помогает человеку лишь казаться здоровым. Именно казаться, а не быть...

Управдом не рад был, что взялся за стакан, но и в то же время чутье ему подсказывало, что вот-вот Карпова перебьет кто-то из публики. И чутье ему не изменило.

— Конечно устанешь с таким животом! — крикнул еле стоящий на ногах горластый пьяный, выплевывая потухшую папиросу. — Жрать надо меньше! А то нажрется и спит весь день...

Это был слесарь домоуправления, вернувшийся только полгода назад из заключения. Карпов его знал, и не раз он тащил пьяного слесаря домой от продмага.

Чувствуя поддержку публики, управдом медленно, как бы неохотно, поставил на трибуну свой недопитый стакан и продолжал уверенно:

— Как видите, товарищи, гражданин Карпов и здесь ведет себя недостойно. Мало ему, что он умышленно пытался сорвать общее собрание. Мы с вами больше часа ждали его, так и не пришел он добровольно, как это делают все честные люди. Его привезли ребята из ДНД. Это неуважение к обществу, к своим соседям. Он заставил стоять сегодня безногих инвалидов, еле двигающихся стариков и старух. Вы стараетесь помочь ему встать на правильный путь, не жалея своего дорогостоящего личного времени, а он плюет на всю публику. Заканчивая, товарищи, я предлагаю считать фельетон «Спортивный обозреватель» правильным и прошу администрацию завода воздействовать на токаря товарища Карпова, чтобы он в дальнейшем изменил свое поведение и не отрывал людей от работы бесконечными жалобами. Фельетон, наверное, все уже читали, но если кто не успел, то расскажет вам о нем представитель роно.

Вторым выступил инспектор роно и прокомментировал отдельные места фельетона, как бы подливая масла в огонь.

Третьим оратором был заведующий райздравом, который прочитал статью о холестерине, помещенную на трех журнальных страницах. Хотя мало кто из присутствующих понимал что-то в холестерине, но аплодировали заведующему так же бурно, как и управдому.

Потом выступали двое с лестничной клетки, где жил Карпов. Один из них доложил, будто видел на днях Карпова пьяным около винного магазина, а другой делал упор на то, что Карпов очень ленивый и плохо работает на воскресниках, а однажды даже не вышел на «красный субботник» в день рождения Ленина.

Выступило с осуждением жалобщика человек десять, и на этом председатель собрания огласил решение, где общественность жилого квартала просила директора завода о строгом наказании товарища Карпова П.И., как недостойного члена общества.

Через неделю персональное дело токаря Карпова разбиралось на цеховом собрании, по решению которого на второй же день портрет его сняли с Доски почета.

Карпов, считая это незаконным, написал в областную газету.

Жалоба его вернулась для разбора на завод, и с этого рокового дня Карпов стал личным врагом директора.

Изучив жалобу, директор сломал свою любимую позолоченную настольную ручку, с силой вычеркивая фамилию Карпова в ведомости на тринадцатую зарплату, как бы стирая с лица земли неутомимого кляузника.

В поисках справедливости Карпов неоднократно обращался в центр, но все его письма в целости, но с резолюцией «разобраться» или «принять меры», возвращались на завод снова и снова.

Время шло, администрация завода искала повод избавиться от кляузника и поэтому неоднократно предлагала ему уйти по собственному желанию.

Карпов никак не соглашался.

Но однажды случилось то, что могло директору только присниться: Карпова поймали. Он опоздал на работу!

Начальник цеха сразу же доложил об отсутствии Карпова главному инженеру, а тот без промедления — директору завода. Уж для директора такая неожиданность была настоящей находкой, и он взялся за дело лично, отменив утром свою регулярную двухчасовую «пятиминутку».

На персональной машине директора помчался прямо к Карпову домой председатель завкома, взяв с собой на всякий случай заводского врача с необходимыми приборами для медицинской экспертизы на алкоголь.

Член цехкома, рабочий того же цеха, где работал Карпов, ждал его в проходной завода с секундомером в руке, чтобы зафиксировать точное время и доложить директору лично о появлении опоздавшего.

Прошло уже пять, восемь, десять минут, а Карпова нет и нет. Практически он уже лежал на лопатках, но директор, прохаживаясь по своему просторному кабинету, обставленному новенькими мягкими креслами, беспокоился все-таки. «Может быть, он попал под трамвай? Хорошо бы, если с концами. А вдруг только отрезало ногу? Тогда ему нужно выплачивать пенсию. Платить пенсию кляузнику, да еще из заводского фонда! Это мне совсем ни к чему. Нет, если насмерть — тоже плохо. Не трамвай должен убить его, а я... Именно я, и собственными руками! Анонимку насчет секретарши Тома наверняка писал тоже он. Правда, почерк не его, но он мог попросить кого-нибудь. Нет, нет! Он не должен попасть под трамвай. Это ничего мне не даст... Вот как ловко справился Цедрик со своим анонимщиком! Жить не живет он теперь и умирать не умирает. Молодец он, Цедрик, голова у него на месте. Только так и нужно поступать с жалобщиками, чтобы неповадно было другим! А то умрет Карпов безнаказанно — найдутся другие. Оказывается, не зря в старину полководцы и короли хранили, как драгоценность, черепа злейших своих врагов на самом видном месте. Даже, говорят, некоторые короли на торжествах пили вино из черепов своих врагов. Здесь большая логика! Из мертвецких черепов, которые наводили ужас на живых, они, короли, каждодневно черпали духовную силу... Сгною тебя я, Карпов, сгною! Ты мне мешаешь жить и работать, превращу я тебя в чучело. И после твоей смерти я оставлю твой череп. Только я не буду ставить его у себя дома, как делали это короли в старину. Нет, я человек современный! Найду место, найду для твоего черепа!»

Пока директор философствовал в кабинете, Карпов, обливаясь потом, подбегал уже к проходной завода, но с опозданием на целых двадцать минут.

— В чем дело, почему опоздали? — строго спросил ожидавший его у проходной член цехкома, показывая на часы.

— Авария на трамвайном пути, — ответил Карпов, вытирая рукавом вспотевшее лицо. — Не только я, вон идут еще трое! — показал он рукой на приближавшихся.

— Чего ты пальцем показываешь на людей? Тебя поймали — отвечай за себя. Не зря тебя, идиот, называют кляузником! — отругали его хором, подкрепляя свой гнев сочным матом, идущие за ним мужчины.

Член цехкома молча повел его к начальнику и заметно радовался тому, что Карпов буквально за одну минуту нажил возле проходной сразу трех врагов, причем все трое оказались из токарного цеха.

В тот же день после работы состоялось расширенное заседание завкома под личным наблюдением самого директора. Разбор персонального дела члена профсоюза товарища Карпова проходил в кабинете директора, и очень активно. Вот уже целый час огрызался Карпов, отвечая на дикие вопросы выступающих. Директор сидел молча за «Т»-образным столом, будто занимаясь неотложными заводскими делами, и лишь выражением лица периодически давал понять председателю, что доволен ходом заседания.

Никто домой не торопился. Обсуждали Карпова не только за опоздание на работу — вспомнили здесь о разных мелких его грехах, не имеющих никакого отношения к сегодняшнему делу.

Он был готов бесплатно отработать за эти двадцать минут день, неделю, хоть месяц, лишь бы не трепали его, как мальчишку. Обидно было Карпову, что из восьми человек, которые опоздали в этот проклятый день на работу, обсуждался только он один, и он огрызался в основном поэтому. Даже самые совестливые, по мнению Карпова, приглашенные на это расширенное заседание завкома работники не защищали его, а сидели молча, опустив глаза вниз, будто что-то искали там, на полу.

— Почему вы разбираете только меня одного? А где остальные опоздавшие? Они тоже должны быть рядом со мной! Я буду жаловаться в ЦК на эту вашу экзекуцию... Лично самому председателю ЦК профсоюза! Поняли? Он на вас найдет управу! Напрасно я раньше писал только в газету — там, возможно, сидят бюрократы. Уверен, профсоюз не даст в обиду рабочего. Неправильно вы поступаете! За что вы меня сняли с Доски почета? За что лишили тринадцатой зарплаты? Вы наказали меня за то, что я жаловался на невыносимый шум во дворе. Не кляузник я, а писал правду. И сейчас там орут во все горло, можете сходить и проверить... А сегодня вы мне устроили экзекуцию из-за двадцатиминутного опоздания! Я вышел из дома вовремя, но на трамвайном пути произошла авария, и мы, восемь человек с нашего завода, пошли пешком. Причем я пришел первым и опоздал всего на двадцать минут — они на

целых полчаса. А где те, которые пришли после меня, где? Что, я должен отдуваться за всех? Нет, нет! Я не оставлю это так, будьте уверены.

Один из опоздавших то ли по ошибке, то ли специально был приглашен на это заседание для участия в разборе персонального дела, и он, не выдержав критики, встал с места и перебил выступавшего Карпова:

— Ты что, с цепи сорвался? Чего бросаешься на своих же товарищей, на рабочих? Все опоздавшие давно уже осознали свою вину, и никто из них не остался без внимания. Я тоже получил предупреждение от начальника цеха. Но здесь, на заседании заявляю еще раз, что никогда в дальнейшем не допущу опоздания на работу... С тобой, Карпов, бьются вот уже полтора часа, а ты заладил одно, как попугай: что виноват в твоём опоздании трамвай. Точно слушать тебя! Сорокалетний мужик, а ведешь себя, как младенец. Ты не уважаешь своих заводских коллег, которые тратят свое время, стремясь поставить тебя на правильный путь, нянчатся, понимаешь, с тобой! Не будь тебя, мы бы все давно уже дома были. У всех же семьи, всех домашние дела ждут. Несознательный ты человек, Карпов! Это я тебе говорю по-дружески и критикую, как рабочий рабочего.

Карпов пытался что-то сказать, но его пресек председатель завкома и огласил проект решения, с утра еще согласованный с директором.

На следующий же день Карпов написал жалобу в ЦК профсоюза: «Уважаемый тов. председатель! Обращаюсь к вам потому, что наш заводской комитет поступил со мной несправедливо, понизив меня с токаря седьмого разряда до токаря третьего разряда. Все это из-за двадцатиминутного опоздания на работу. Но опоздал я не по своей вине, а по вине трамвая, так как в этот день на нашем маршруте была дорожная авария и почти до обеда не ходили трамваи. Причем я опоздал не один, а нас было всего восемь человек. Из восьми человек я пришел первым, и с опозданием только на двадцать минут. После меня с опозданием на двадцать пять минут подошли Колпаков, Петренко, Вовк. А Скворцов, Лихачев, Чазов и Селенчук пришли последними и опоздали на целых полчаса. Но почему-то на завкоме разбирали только меня одного! Что я, рыжий, что ли? Или козел отпущения? Полтора часа терзали меня на этой экзекуции. А полгода назад лишили меня тринадцатой зарплаты за то, что я писал в газету насчет дворового футбольного поля. До сих пор орут возле дома малолетние лоботрясы, так называемые дети, не давая отдохнуть после ночной смены. Бьют окна на первых этажах, забивая голы. А я часто работаю в ночную смену. Помогите, пожалуйста, восстановить мой разряд. У меня большая семья, а с понижением разряда удержана почти половина моей зарплаты. В этом году опять мне не видать тринадцатой зарплаты...»

Дней через двадцать письмо Карпова вернулось на завод, проделав большой путь и останавливаясь во многих инстанциях. На обратном пути оно превратилось в толстую пачку, и даже рукопись его была перепечатана на машинке. Все инстанции упрекали администрацию завода в низкой трудовой дисциплине и требовали наказания всех семерых опоздавших.

По этому случаю решили на заводе немедленно провести общее профсоюзное собрание с повесткой дня: «Состояние трудовой и производственной дисциплины».

С докладом на собрании выступил директор. Первым делом он полностью зачитал письмо Карпова, обратив особое внимание на список опоздавших в тот день работников. Дважды медленно, как бы пережевывая, он перечислил фамилии всех семерых опоздавших на работу.

— Справедливо, товарищи, пишут нам сверху, что мы поступили либерально с этими опоздавшими. Хотя и поздно, но я предлагаю, как член профсоюза, строго наказать их на этом собрании... И если надо, лишить всех тринадцатой зарплаты! — закончил директор свой доклад.

Зал бурно аплодировал ему, и в этом базарном гуле отчетливо слышались возгласы: «Убить мало его! Позор кляузнику! Давно пора ему в дурдом! Нечего чикаться, устроить ему «темную», и делу конец!»

Карпов сидел в среднем ряду с края, ухватившись руками за свой стул, словно находя в этом облегчение, и, не поднимая головы, часто вытирал вспотевший широкий лоб. Появилась тошнота, кружилась голова, все плыло перед глазами, но была в этом и приятная сторона: резкие злобные выкрики слышались глухо, как через вату, человеческие фигуры сливались в сплошную темную массу и будто отступали от него... Хитроумная тактика директора была понятна только одному Карпову.

— Как же так! — рассуждал он, уже не обращая внимания на ход собрания. — Неужели эта масса ничего не понимает?

Ведь я жаловался только на одного директора, а не на этих клеймящих меня людей. Это настоящий баранизм! Неужели никто не понимает эту хитрость? Сам я тоже дурак, до сорока лет не понимал смысла высказывания «Один за всех — все за одного». Дурак же я! Никогда не думал, что из ЦК профсоюза вернется мое письмо и попадет в руки директора. Нет, нет! Это какой-то классический метод рассмотрения жалоб. Именно классический, и, пожалуй, в этом его сила!

Продолжались прения, а Карпов разговаривал сам с собой вслух, не обращая никакого внимания на выступавших с трибуны.

Сидящие на соседних стульях члены профсоюза, опасаясь, как бы их не посчитали солидарными с кляузником, уже покинули свои места, и Карпов, окруженный пустыми стульями, все громче и громче осуждал «классический метод рассмотрения жалоб», время от времени, как вождь на митинге, выбрасывая руку вперед.

Зал снова зашумел, но на этот раз не от громких фраз ораторов, а от странного поведения одинокого Карпова.

Пока председатель собрания успокаивал публику, Карпов свалился со стула и захрипел. «Убрать пьяного!» — скомандовал председатель завкома и сразу же, как бы проявляя заботу, позвонил по номеру «02». Через несколько минут на спецмашине увезли Карпова в медвытрезвитель. Собрание прошло активно.

Хотя вытрезвитель назывался медицинским, в нем не было ничего медицинского. Даже штатный медработник вытрезвителя мало что понимал в медицине и не мог толком отличить больного от пьяного. Поэтому утром следующего дня, когда из сорока человек, ночевавших в вытрезвителе, остался единственный подозрительный пьяный — Карпов, дежурному по медвытрезвителю пришлось изрядно попотеть. Главное, у Карпова не прощупывался пульс, и не пахло от него водкой. Во избежание неприятностей дежурный по медвытрезвителю мигом вызвал «скорую» и отправил подозрительного пьяного в горбольницу, где Карпова кое-как смогли оживить в реанимационной палате только после трехдневного кропотливого труда опытных медработников.

После перенесенного инфаркта Карпов через месяц выписался из больницы, немного поправив свое здоровье с помощью уколов и таблеток. Лицо его пожелтело, глаза потускнели, и внешне он мало чем отличался от покойника, особенно когда лежал в постели. Инфаркт повлиял и на его походку. Теперь он ходил мелкими шагами, подобно человеку, идущему по очень скользкому льду. Даже по сухому шершавому асфальту он шагал осторожно, давая повод оглядываться на него всяким прохожим, которые, сами того не желая, больно ранили и так уж измученную его душу. Ему казалось, будто они, прохожие, знают о нем и сторонятся его как кляузника.

Когда на него глазел только кто-нибудь один, он еще терпел, но иногда целая группа наблюдала за ним, останавливаясь. В этих случаях его тошнило, и он срочно искал ближайшую уличную скамейку, ибо в сидячем положении ему было намного легче.

Хотя Карпов никогда раньше не курил, после больницы он начал носить в кармане папиросы и спички, чтобы быть похожим на других. Частенько, присев на скамейку, он закуривал, это придавало ему уверенность: папироса, зажата в его обессиленных пальцах, возвращала ему былую гордость, на время снимая тошноту и душевную боль. «Как это я раньше не догадывался! — сожалел Карпов, с трудом глотая табачный дым. — Одно дело сидеть на скамейке просто так, и совсем другое, когда ты сидишь с папиросой. Курево — это большое дело! В первом случае прохожие невольно подозревают тебя: то ли ты больной, то ли старик, то ли помышляешь о каком-нибудь недобром деле. А вот когда ты куришь, на тебя никто не обращает внимания, ибо ты занят делом и вообще ты человек полноценный. Или другой пример: скажем, человек разнервничался по какой-либо причине. Тут уж курящий имеет явное преимущество: покурил спокойно — отлегло на душе! У некурящего дело намного хуже, и он, скапливая неприятности внутри, мучается день, два, а то и месяц. В конце концов все это завяжется узлом, образуя камень, терзающий его душу до конца жизни. Конечно, один грамм никотина убивает лошадь, но в определенных случаях этот же яд залечивает душевную рану. Да что там говорить, об этом даже писала газета, что знаменитый азербайджанский чабан Меджид Агаев, которому было 140 лет, всю жизнь курил крепчайший табак. Мало того, в восьмидесятилетнем возрасте он женился на пятнадцатилетней девочке, которая в процессе многолетней совместной жизни народила ему кучу детей. А я, дурак, и не пьющий, и не курящий, но уже в сорок лет заработал инфаркт... В чем же дело? Наверное, дело в несоответствии мнимой и реальной жизни. Я — жертва классической формы разбора жалоб. Парадоксальных явлений в жизни много, но человек их не различает до тех пор, пока не испытает на своей шкуре».

При встрече со знакомыми Карпов старался улыбнуться, но эта искусственная, глупая улыбка превращала его в циркового клоуна, не хватало ему лишь широких клетчатых штанов.

Понижение квалификации, лишение тринадцатой зарплаты и болезнь ударили по семейному бюджету Карповых, и жена тоже частенько пилила его, проявляя недовольство:

— Мрачный ты человек! Наверное, уже забыл, когда улыбался последний раз. Надо быть веселым и жизнерадостным! Бери пример с Гришки, нашего соседа: живет на одном самогоне да картошке, сам всегда веселый, и дети здоровые. Ты угрюмый и поэтому болеешь... и дети чахлые! Надо слушать радио

— не зря там говорят, что минутный смех заменяет кучу витаминов и ценнейших лекарств. А ты только и знаешь порошки глотать... Улыбаться надо почаще!

— Дура ты после этого! Как я могу улыбаться, когда все горит внутри?! Разве можно улыбаться, когда тебя бьют, можно сказать, режут тупым ножом? Неужели ты могла бы? Тогда ты — герой, и мне на тебя равняться нечего! Хочешь сказать, что нужно ржать как лошадь — и получишь лошадиное здоровье? Нет уж, милая, сколько бы ты ни ржала, никогда у тебя не будет лошадиного здоровья! Многие явления нужно изучать с обратной стороны. Пойми! Не улыбка дает человеку здоровье, а здоровье дает ему улыбку. Только дурак может улыбаться, когда плюют в лицо. Вон их сколько на улице, в рваных штанах, а рот-то — до ушей. Я еще не дошел до этого, у меня пока только вторая стадия. Помни, прежде чем сойти с ума, человек проходит три стадии. Первая — это стадия злости. Встретившийся с жизненными несправедливостями человек злится, но бесполезно! Во второй стадии он, безуспешно сражаясь с несправедливостью, упирается в непробиваемую стену и становится мрачным. Вот примерно как я теперь! В третьей стадии он уже дурак: в трудной борьбе с несправедливостью его нервная система перестроится так, что ему кажется, будто справедливость восторжествовала навсегда. И поэтому он такой жизнерадостный и всем на свете довольный, даже если он нищий, без штанов и издеваются другие над ним как хотят. Может, и дождешься! И я скоро стану жизнерадостным.

После второго инфаркта токарь третьего разряда Карпов был переведен на основании статьи КЗОТ на более легкую работу. Руками он мог бы еще выполнять какую-нибудь работу, но из-за суставного ревматизма и отека ног был не в состоянии стоять у станка в течение восьми часов. Хотя начальник цеха предложил оставить его в ОТК как специалиста, знающего нормы и допуска выпускаемых изделий, но директор завода дал конкретное указание отделу кадров о переводе Карпова на должность вахтера. Приказ о назначении был развешен по всему заводу, и, разумеется, многие работники поняли этот коварный ход директора как истинно правильный шаг гуманного руководителя.

На самом деле этим приказом директор убил сразу двух зайцев: во-первых, ущемил Карпова с материальной стороны; во-вторых, использовал его как живую наглядную агитацию, ибо, проходя через КПП завода, рабочие и служащие дважды за смену встречались с погибающим на глазах жалобщиком.

Постоянно находясь в стеклянной будке, как в аквариуме, Карпов для всех стал живым примером. Каждый рабочий знал судьбу теперешнего вахтера, и главное, никто из них не хотел оказаться человеком такой судьбы. Вот уже целый год с тех пор, как Карпов был назначен вахтером, жалобщики молчали, тогда как раньше не было отбоя от жалоб и анонимных писем.

Подъезжая к проходной родного завода, директор вылезал из своей персональной «Волги» и не спеша, как в музее, проходил через будку, получая ежедневную порцию истинного морального удовлетворения. Расплывшись в довольной улыбке, он принародно здоровался с Карповым за руку и похлопывал его по плечу, как бы заботливо справляясь о здоровье.

Как ни старался Карпов держаться спокойно при этом «спектакле», все равно он сильно волновался, а после встречи с директором всегда клал под язык таблетку нитроглицерина и выходил из будки, чтобы люди ненароком не увидели набежавших на глаза слез.

...Шли дни, и бывший токарь седьмого разряда постепенно усваивал новую профессию вахтера. Уже через полтора года он сумел поймать «несуна». Правда, после этого случая Карпов заработал третий инфаркт и надолго угодил в больницу.

В этот же день директор немедленно объявил Карпову благодарность за проявленную бдительность при выполнении служебного долга.

Жизнь Карпова, от которой во многом теперь зависела спокойная работа самого директора, висела на волоске. «Лишь бы не потерять золотого человека! Шутка ли, третий инфаркт. Как бы не умер!» — беспокоился он, прохаживаясь по ковровой дорожке своего кабинета.

Недолго думая, директор срочно организовал путевку в санаторий для больного Карпова и этим самым невольно «прогремел» не только у себя на заводе, но и во всем городе. Вскоре вышла большая статья в областной газете под названием «Чуткость». Под статьей была помещена крупная групповая фотография, где в больничной палате в окружении врачей и медицинских сестер директор завода в белоснежном халате вручал вахтеру Карпову путевку в санаторий. Статья заканчивалась так: «Как родной отец, заботится директор о рабочих своего завода. Полтора года назад токарь П.И.Карпов был переведен по состоянию здоровья на более легкую работу. А сегодняшнюю заботу директора вы видите на снимке».

Санаторное лечение помогло Карпову, и через два месяца он вернулся в свою будку. Сидя в «аквариуме», как называли люди проходную завода, Карпов собственными глазами видел разного рода беспорядки. Да и времени было у него предостаточно, чтобы писать о них куда следует. Но Карпов никогда больше не писал, ибо он понял свою ошибку и стал как бы другим, переделанным, человеком.

Несмотря на свое болезненное состояние, он научился улыбаться, изображая жизнерадостного человека. «Новый» Карпов не мог терпеть ни бумагу, ни авторучку, а проходя мимо почтового ящика, недовольно морщился, будто этот стандартный железный ящик был наполнен не письмами, а какой-то вонючей дрянью.

Растирая свои отекавшие ноги, сидел вахтер Карпов возле теплой батареи у окна и тоскливо смотрел на журчащий ручеек, который круглосуточно отравлял заводскими ядовитыми отходами Волгу.

Скрепя сердце открывал он заводские ворота, когда вывозили как металлолом морально устаревшие в консервации и ни разу не использованные станки и оборудование. Закрывая ворота, он каждый раз невольно смотрел на лозунг, навечно смонтированный на крыше главного корпуса завода и призывающий метровыми буквами к экономии и бережливости. «Вот где экономия-то! — грустно качал он головой, постигая мало-помалу всю эту хитроумную заводскую науку. — Каждому предприятию спускают сверху план сдачи металлолома. Больше лома — больше размер премии, вот и вся арифметика! Appetit-то будь здоров, так и норовят себе кусок побольше хапнуть, вот и гонят в металлолом все подряд. Все металлическое, даже новое, оборудование со склада! Разве об этом не знают планирующие органы? Разве там, наверху, не знают о том, чтодохнут в реке ценнейшие породы рыб, потому что травят их заводскими отходами? Все они и без нас знают, везде круговая порука, и какой толк об этом писать? Вся беда в том, что жалобщик по своей глупости считает себя открывателем Америки, сообщая в центр о каких-либо непорядках, имеющихся на местах. Короче, жалобщик плюет против ветра, не зная его направления... Именно не зная направления! Иногда человек плюет против ветра, зная его направление, — это уже другая категория. Но жалобщик — человек честный, он ищет справедливости и узнает направление ветра только после третьего инфаркта. Правда, не все жалобщики узнают, не все...»

На сорок первом году жизни Карпов умер. Умер он на посту и совсем неожиданно. Он мог бы еще несколько лет сидеть в проходной, если бы не секретарша директора. «Только она виновата в моей смерти, никто другой... И только она!» — повторял бы Карпов, если бы покойник мог говорить. Тогда директор без всякой жалости уволил бы с работы свою любовницу, несмотря на все ее прелести. Такого добра, как его секретарша Тамара, дай только объявление — набегит целая сотня. А вот кто заменит сломленного жалобщика Карпова — этот вопрос был для директора головной болью.

«Все зависит от точности попадания! — рассуждал он, узнав о смерти Карпова. — Если жалоба попадет в точку, то она будет разбираться там, где служат мои потенциальные враги». Директор знал эту прописную истину давно и поэтому опасался всевозможных анонимщиков, которые чисто случайно могли бы попасть в точку, адресуя жалобу его врагам, сидящим в министерстве. А они, враги, только и ждут этого.

Карпов скончался от инфаркта миокарда в девять часов утра при выполнении своего служебного долга. Это зафиксировано в его посмертных документах, и поэтому обвинить кого-либо в скоростижной смерти вахтера никто не имел права.

Но директор знал одного косвенного виновника — кадровика. Поэтому он, пригласив его в свой кабинет, разрядил душу так, что после этого разговора начальник отдела кадров три дня не выходил на работу. Дело в том, что буквально несколько дней назад директор, встретив на дороге задыхающегося от одышки Карпова, подвез его на машине и немедленно издал приказ о предоставлении ему дополнительного отпуска и санаторного лечения. А кадровик тянул резину и не сумел вовремя отправить его на отдых. Правда, директор отругал кадровика, не зная истинную причину смерти, но все-таки тот получил взбучку заслуженно. Действительно, если бы Карпов уехал отдыхать, то он, безусловно, не столкнулся бы с секретаршей и может быть, протянул бы еще года три, а то и все десять!

Хотя эту девушку никто не обвинял в прямом убийстве, она, как единственная свидетельница, видевшая смерть Карпова, многократно рассказывала об этом трагическом случае.

В это солнечное летнее утро Карпов сидел, развалившись, на скамейке у проходной и был в приподнято-игривом настроении. Карпов давно уже не обращал внимания на женщин, но очень трудно, практически невозможно было не заметить ослепительную Тамару, которая одним лишь покачиванием своих бедер сводила с ума все мужское население завода и окрестностей.

Она шла мимо вахтера, прижимая к потрясающей груди заводскую корреспонденцию, в такой беспредельно короткой мини-юбке, что он так и впился в нее жадным взглядом. Неизвестно, то ли солнышко его пригрело, то ли было благоприятное атмосферное давление, но роскошная секретарша подействовала на Карпова, как красная тряпка на быка. Смутившаяся Тамара споткнулась — и бумаги веером разлетелись в разные стороны.

Тучный вахтер резво, как мальчишка, бросился помогать ей ловить письма и газеты, спасая корреспонденцию от обманчивого порывистого ветра, и наконец героически рухнул всей грудью на кипу

конвертов, прижав их к асфальту. Эти конверты ему были знакомы: тот же авторитетный штамп, тот же крупный уверенный почерк, тот же цвет и, главное, тот же запах, моментально пробудивший его память. Он уже не смотрел на Тамару, которая, усердно пытаясь поймать ускользнувшие от нее бумаги, нагибалась до самых нежных и, увы, не доступных Карпову участков своего тела.

«Вот она, судьба человеческая! Вот он, инфаркт!» — приговаривал Карпов вслух, держа в руке толстый конверт со знакомой печатью газеты «Правда».

Тут его затосило, как при морской болезни. Но вскоре прошла «морская болезнь», и он как бы заснул. Ему мерещилась дворовая футбольная площадка, где выступал управдом, махая руками, потом откуда-то выскочил председатель завкома и ухватил Карпова за горло, перекрывая ему доступ воздуха. Они душили его, не давая ему кричать и шевелиться. И Карпов все еще продолжал жаловаться, но уже не вслух, а шепотом, как бы только кому-то на ухо: «Они задушили меня, они! И не грубой шершавой веревкой, а белоснежной, шелковой и мягкой! Пускай для задушенного материал и качество веревки не имеют никакого значения, но в жизни задушившего они имеют огромный смысл, ибо он, задушив человека шелковой веревкой, становится в глазах окружающих сам как бы шелковым...» Карпов говорил и говорил, а его все душили и душили...

Бросив собранную кучу бумаг на землю, Тамара незамедлительно, как учили ее не так давно в школе, приступила к оказанию первой помощи. Она с трудом положила Карпова на спину, подложив под затылок газеты и журналы, и, сидя на Карпове своим почти голым задом, начала двигать его руки вперед и назад. Но Тамара старалась зря, ибо он в это время был уже мертв.

Хоронили Карпова намного роскошнее, чем кого-либо из работников, умерших за последние годы. Венков было целое море. Мог ли он мечтать, что ему будут устроены такие пышные и торжественные проводы! Солидная сумма, собранная по 50 копеек с каждого рабочего, была дополнена из сбережений профсоюзного комитета и твердого директорского фонда. Провожал Карпова в последний путь заводской духовой оркестр в полном составе из девяти музыкантов.

На кладбище первым выступил директор завода:

— Мы сегодня прощаемся с дорогим каждому из нас Петром Ивановичем, который начал свою трудовую деятельность на нашем заводе еще четверть века назад. За это время он прошел нелегкий путь и вырос в нашем заводском коллективе от обычного ученика до известного токаря высокого, можно сказать, ювелирного класса. Изготовленные его руками точные детали применяются в сложных машинах не только у нас, но и за рубежом. Рационализаторские предложения нашего заводского умельца Петра Карпова, реализованные на заводе, уже много лет используются в наших цехах, принося государству сотни тысяч рублей экономии, — говорил он слегка дрожащим голосом, стоя у открытого гроба. — Будучи вахтером, он также выполнял свои обязанности честно и добросовестно. И до последнего дыхания Петр Иванович стоял на посту, как солдат, — продолжал директор и время от времени растерянно шарил в карманах, будто искал носовой платок. — Прощаясь с нашим другом, я уверен, что образ его навсегда останется в наших сердцах... Вечная ему память! — закончил он свою надгробную речь и отошел в сторону, уступая место очередному выступающему.

Приказом по заводу фото Карпова поместили навечно на Доску почета, установленную в скверике у заводской проходной. Портрет его находился на самом верху в центре и поэтому выделялся среди других портретов, расположенных симметрично по бокам.

Проходя мимо Доски почета, рабочие каждый раз вспоминали судьбу Петра Карпова и брезгливо отводили глаза, как от дохлой, смердящей собаки, лежащей под забором, и, невольно втягивая голову в плечи, трусливо ускоряли шаги, куда бы ни шли — на работу ли, домой ли.

Они вовсе не боялись мертвого и давно сгнившего вахтера, а боялись его духа, который постоянно жил в их сердцах.

Директор ощущал этот дух на деле, ибо вот уже в течение нескольких лет и после смерти Карпова никто из заводских работников не жаловался на администрацию завода. Именно поэтому директор частенько прохаживался у Доски почета, как бы проверяя эстетику оформления. «Ты умер, но мы тебя помним!» — приговаривал он, придавливая ногой недокуренную сигарету. Слова эти были поистине добрые, и поэтому директор завода выражал их вслух.

СОДЕРЖАНИЕ

Летняя книжка (повесть)
Картошка (рассказ)
Поклеп (рассказ)

Однополчанин (рассказ)
Любовь (рассказ)
Однокашник (рассказ)
Абитуриенты (повесть)
Обида (рассказ)
Мустафа (повесть)
Сочинение (повесть)
Собака (рассказ)
Аллергия (рассказ)
Коница (рассказ)
Рационализатор (рассказ)
Встреча (рассказ)
Жалоба (рассказ)

Литературно-художественное издание

Закиров Лукман Фатыхович

ВЕРШИНА АЙСБЕРГА

Редактор *А.Д.Алишева*

Художник *Р.Г.Хасаншин*

Художественный редактор *Р.Г.Хасаншин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С.Н.Нуриевой*

Корректоры *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

Оригинал-макет подписан в печать 10.04.2008. Формат 84×108^{1/32}.

Печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,38. Уч.-изд.л. 17,84.

Тираж 1000 экз. Заказ Т-356.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул.Декабристов, 2.